Учредитель:

Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)

Главный редактор:

А. Г. Дружинин, д.г.н., профессор, Председатель Координационного совета АРГО

Редакционный совет:

Бакланов П. Я. (председатель), Герасименко Т. И., Гладкий Ю. Н., Зубаревич Н. В., Зырянов А. И., Каледин Н. В, Колосов В. А. (заместитель председателя), Мажар Л. Ю., Нефедова Т. Г., Разумовский В. М., Сысоева Н. М., Фёдоров Г. М. (заместитель председателя), Шарыгин М. Д., Щитова Н. А.

Редакционная коллегия:

Бабурин В. Л., Дружинин А. Г. (председатель), Катровский А. П., Пилясов А. Н., Трейвиш А. И., Чистобаев А. И. (заместитель председателя), Шувалов В. Е. (заместитель председателя), Шупер В. А.

Выпуск данного номера подготовлен при научно-организационной и финансовой поддержке Ростовского регионального отделения АРГО и Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Подписано в печать 15.05.2017. Выход в свет 25.05.2017.
Формат 60x84 1/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 32,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 15/02

Адрес редакционной коллегии: 344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
vestnikargo@yandex.ru

Отпечатано: ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201

© Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:
ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ
РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ**

Научный журнал

Основан в апреле 2012 г.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Сайт журнала www.vestnik-argo.sfedu.ru
Сайт Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)
www.argorussia.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, ТЕОРИИ

Бакланов П. Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам..... 4

Анимица Е. Г., Балина Т. А., Шарыгин М. Д. Эволюция факторов территориальной организации и трансформации региональной экономики в социоэкономику..... 12

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

Дружинин А. Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве..... 24

Сдасюк Г. В. Россия и Индия: общие проблемы развития – разные пути и результаты решения..... 38

Потоцкая Т. И. Трансформация территориальной организации трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием геополитического фактора..... 50

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ АРГО

Надыров Ш. М. Теория и практика нового экономического пояса Шёлкового пути..... 64

Гнято Р., Гнято О., Станоевич М., Гнято С. Географическое разнообразие в рамках концепции устойчивого развития и практики пространственного планирования..... 74

Трифунович М. Туризм, «пространственное закрепление» и «производство» пространства: полемика и перспективы..... 82

Крыстев В. К. Туризм как инструмент «мягкой силы»: геополитическая интерпретация на примере Болгарии..... 92

Федорко В. Н. Место устьевых оазисов в территориальной структуре природопользования Узбекистана и сопредельных стран Центральной Азии..... 102

ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ И МНЕНИЯ

Гладкий Ю. Н. «Дальневосточный гектар»: благая идея при завышенных ожиданиях..... 115

Бочарников В. Н. Будущее дикой природы Сибири: поглощение или сохранение?..... 124

Панков С. В. Сельские поселения в структуре рубежей контрастности... 137

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Калуцков В. Н. Русский Север и Сибирь: историко- и культурно-географические аспекты взаимодействия..... 148

Столбов В. А., Шарыгин М. Д. Стратегия региональной капитализации – основа благосостояния новой России..... 156

Чугунова Н. В., Лихневская Н. В. Занятость сельского населения в условиях доминирования агрохолдингов в Белгородской области..... 167

Шагжиев К. Ш., Жигмитова С. Б. Природопользование локальных сообществ в контексте реализации императива устойчивого развития Человечества..... 180

Яковенко Н. В. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований депрессивного региона (на примере Ивановской области)..... 189

РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

Зырянов А. И., Мышлявцева С. Э., Щепеткова И. О. Туристско-рекреационные связи города и пригородного района (на примере Пермской агломерации)..... 199

Адашова Т. А., Крейденко Т. Ф. Индустрия туризма в России: геополитический аспект..... 211

ДИСКУССИИ

Любичанковский А. В. Эпистемологические основания географии ментальности..... 218

Гонтарь Н. В. Административно-бюрократический фактор трансформации системы «городской центр - сельская периферия»..... 232

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЁНЫМ

Васильев А. А. К вопросу о модели идеального узлового географического района..... 247

Егошин В. Н. Гражданская война в Ливии и Сирии как объект геополитического информационного противостояния российских и американских СМИ..... 252

НОВЫЕ КНИГИ

Мартынов В. Л., Мошков А. В., Снытко В. А. Тренды эволюции евразийского пространства (рецензия на книгу А. Г. Дружинина «Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 228 с.»)..... 262

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

Дружинин А. Г. XVI Конгресс географов Латинской Америки (26–28 апреля 2017 г., Ла-Пас, Боливия)..... 267

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ..... 274

ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, ТЕОРИИ

УДК 911.3

П. Я Бакланов[1]
P. Ya. Baklanov

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ И ОЦЕНКАМ

SPATIAL DEVELOPMENT OF A REGION: BASIC PRINCIPLES AND APPROACHE TO ANALYSIS AND ESTIMATION

Пространственное развитие страны, региона рассматривается как количественные и качественные приращения в отдельных социальных и экономических (хозяйственных) компонентах и их сочетаниях, которые вызывают изменения и их пространственных характеристик. Пространственное развитие предлагается оценивать в изменениях географических социально-экономических структур: пространственных (обобщенных до районного уровня) и территориальных (с минимальным обобщением пространственных характеристик). В качестве территориальных социально-экономических структур (и систем) рассматриваются сочетания поселений, взаимосвязанных между собой транспортными путями с их сопряжениями с территорией и структурами природопользования.

The spatial development of the country and region is considered as quantitative and qualitative increments in specific social and economic components and their combinations that cause changes of their spatial characteristics. The spatial development is proposed to estimate by the changes in the geographical socio-economic structures like the spatial one, generalized to the district level, and the territorial one, with minimal generalization of the spatial characteristics. As the territorial socio-economic structures (and systems), are considered the combinations of settlements, interconnected by transport routes and conjugated with the territory and natural resource users.

Ключевые слова: пространственное развитие, географическое пространство, пространственные структуры, территориальные структуры, район, социальные компоненты, экономические компоненты.

Keywords: spatial development, geographic space, spatial structures, territorial structures, region, social components, economic components.

Введение. Проблемам пространства, пространственного развития страны, крупных регионов посвящено много экономических и экономико-географических работ [1, 2, 3, 4, 5, 6].

[1] **Бакланов Петр Яковлевич**, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктор географических наук, профессор, академик РАН, Владивосток, Россия.

В последнее время усилился интерес к разработке отраслевых и комплексных стратегий и программ регионального пространственного или территориального развития различных социально-экономических образований. Завершается подготовка к разработке программы пространственного развития России [7, 8, 9, 10, 11, 12].

Однако, как нам представляется, пока еще отсутствуют общепринятые, строгие подходы к определению сущности пространственного развития, к принципам и методам его измерений и анализа.

Постановка проблемы. Пространство относится к одному из самых фундаментальных свойств любого материального образования как естественного, так и антропогенного происхождения. В этой связи различные географические образования и структуры – как сочетания природных и антропогенных компонентов (образований) с их взаимосвязями и сопряжениями, также имеют свое географическое пространство. Определенное географическое пространство имеют и группы населения, рассматриваемые вместе с материальными условиями и средой жизнедеятельности от отдельного человека, семьи – до их самых различных сочетаний, в том числе – в границах поселений. При этом, географическое пространство – как явление многослойное, возникает при пересечениях и сопряжениях множества собственных пространств в сочетаниях отдельных разнородных компонентов в приповерхностных слоях Земли [13].

В содержание пространства страны или ее региона входит, прежде всего, собственное пространство страны, региона, обобщенное до некоторой условной поверхности в определенных границах страны и региона. В более конкретном виде пространства страны, региона образуют собственные пространства большого множества разнородных компонентов: природных, природно-ресурсных, социально-экономических, включая и группы населения, а также специфические зоны и узлы пересечений этих пространств, непосредственные и опосредованные сопряжения компонентов и их пространств.

Поэтому пространство страны, региона, в целом, это географическое пространство. В реальной действительности оно не имеет каких-то уровней и иерархического строения. Выделяя для научных, аналитических или практических целей те или иные сочетания компонентов, географические структуры, мы сознательно отвлекаемся от охвата других, связанных или сопряженных с ними сочетаний, географических структур и их пространств, различающихся по определенным свойствам и признакам. В то же время возможно выделение географических структур с обобщением, генерализацией их тех или иных характеристик, в том числе – пространственных.

Выделение различных географических структур и их пространств по степени их генерализации, обобщения создает представление об их иерархических уровнях. В то же время, это может позволить охватить все

наиболее значимые пространственные характеристики географических структур большого региона или страны в целом.

Следовательно, основная задача может сводиться к выделению таких географических структур и различных уровней их обобщения, которые содержат и отражают основные пространственные характеристики и измерения. Одновременно необходимо, чтобы географические структуры включали пространственные свойства, которые отражают их пространственное развитие.

Основные результаты. Во-первых, следует уточнить само представление о пространственном социально-экономическом развитии страны, региона, территории.

Под пространственным социально-экономическим развитием страны, региона следует понимать количественные и качественные приращения в отдельных социальных и экономических (хозяйственных) компонентах и их сочетаниях, которые вызывают изменения и их пространственных характеристик (т.е. происходят изменения и их пространственных измерений). Следовательно, важно определить – какие образования выделяются в виде компонентов и их сочетаний, каковы их пространственные измерения и в какой системе пространственного членения страны (районирования) они рассматриваются. Другими словами, при рассмотрении пространственного развития необходимо оценивать различные изменения в пространственно-временных континуумах различных компонентов и их сочетаний. В общем, – это пространственные (или – территориальные) социально-экономические системы, их структуры и компоненты.

Пространственные изменения можно отразить полнее и строже, выделяя и рассматривая пространственные социально-экономические системы на разных уровнях обобщения, т.е. как многоуровневые образования. При этом, их пространственные структуры должны отразить все основные пространственные измерения компонентов.

Понятия «пространственные структуры» и «территориальные структуры» часто понимаются как синонимы. Однако при более строгом подходе (по нашему мнению) их следует различать. Пространственные – это структуры (сочетания, множества компонентов и их связей, природные или техногенные образования и т.п.) с хорошо выраженным собственным пространством. Собственное пространство многих пространственных структур – дискретное. Такое пространство в обобщенном виде вмещается (совмещается) в другие непрерывные пространства, например – отдельных районов, а в конечном итоге – в обобщенное пространство страны.

Территория – это приповерхностный слой земной суши, понимаемый, в широком смысле, со всем его наполнением: природными телами, в том числе – природными ресурсами, антропогенными сооружениями, населением и поселениями. При этом, если пространство отдельных компонентов

территории имеет дискретное распределение, то пространство всего сочетания компонентов, включая и природные тела, непрерывно.

Территориальные структуры – это распределение по некоторой территории определенных компонентов или их различных сочетаний с их непосредственными сопряжениями и привязкой ко всей этой территории. Пространство здесь задано, прежде всего, – размерами и границами территории, а пространство компонентов может рассматриваться либо как их собственное первичное пространство, сопряженное с пространством территории и наложенное на него, либо может быть обобщено до уровня пространства территории.

В этой связи территориальные структуры можно рассматривать и как пространственные, но, во-первых, на нижних уровнях обобщения, а во-вторых – с учетом сопряжений всех компонентов с территорией. В качестве компонентов могут рассматриваться различные природно-ресурсные и социально-экономические образования: природно-ресурсные тела, ареалы, зоны, группы населения, производственные, хозяйственные виды деятельности в формах от отдельных предприятий и их сочетаний (в форме узлов, центров) до отраслей, а также различные сочетания всех таких компонентов вместе с их связями и взаимодействиями.

Компонентами (элементами) низшего уровня, которые имеют наиболее конкретные пространственно-временные измерения, а также функциональное содержание и измерения, являются отдельные территориально компактные сооружения, объекты, предприятия, компании, фирмы. Если последние являются составными частями более крупных компаний, объединений, холдингов и т.п., то и в этом случае они – как территориально компактные, образования, размещенные на одной промплощадке, должны рассматриваться как первичные элементы в пространственных и территориальных структурах.

Компонентами пространственных систем на следующем уровне необходимо выделять сочетания однофункциональных (или функционально однородных, схожих) предприятий в пределах одного поселения. Это могут быть как сочетания однородных по продукции или услуг предприятий, так и сочетания основных специализированных предприятий, обслуживающих, сервисных и т.п.

Компонентами пространственных систем следующего уровня, на котором еще сохраняются основные пространственно-временные особенности и измерения, являются сочетания всех социальных компонентов (групп населения) и экономических, в том числе – объектов хозяйства и инфраструктуры в отдельных поселениях. Таким образом, отдельное поселение в целом – это наиболее полный социально-экономический компонент пространственных систем.

Все эти компоненты функционируют и могут изменяться, в том числе развиваться, лишь являясь частью пространственных систем. Так, любое

отдельное территориально компактное предприятие функционирует и развивается (получает качественно-количественные приращения) в пространственной линейно-узловой системе, включающей поставки необходимых ресурсов и потребление готовой продукции и услуг в соответствующих рыночных структурах и сферах [14].

Отдельное поселение также функционирует и развивается не обособленно, изолированно. Оно имеет разнообразные связи с другими поселениями – как близлежащими, так и удаленными – через производственно-экономические, социальные связи и инфраструктуру, через природно-ресурсную среду. Сочетания связанных через транспортные сети и коммуникации поселений в пределах определенной территории сохраняют в достаточно полном виде свои пространственные черты, свое собственное пространство. А сочетание поселений, связанных между собой и с природно-ресурсной средой территории и сопряженных с ней – можно рассматривать как территориальные социально-экономическое системы [15].

Следующий уровень пространственных систем – районный, в виде субъекта РФ или его части – как дробного экономического района. Здесь социально-экономическое содержание отражается и измеряется в виде макроэкономических показателей, привязанных к территории района в целом. Пространственное содержание производства, хозяйства, социально-экономических систем обобщается и привязывается к пространству района в целом.

Таким образом, пространственное развитие России, на наш взгляд, целесообразно рассматривать и оценивать одновременно на нескольких пространственных уровнях.

1. Макрорегиональный: на уровне 3-ех крупных макрорегионов страны – Европейская часть (включая Урал), Сибирь и Тихоокеанская Россия (включая 200-мильную морскую экономическую зону). На этом уровне анализируются и прогнозируются основные макроэкономические показатели, пропорции и изменения, сдвиги во времени (на тот или иной прогнозный период). Пространство здесь предельно обобщено, а пространственные измерения сводятся, в основном, к межрегиональным соотношениям основных социально-экономических характеристик.

2. Уровень крупных экономических районов: (в основном – в границах федеральных округов). На этом уровне определяются и оцениваются: основная обобщенная специализация районов, ее ресурсное обеспечение, а также основные рынки для этих видов деятельности, магистральный транспорт, обобщенная структура населения и тенденции динамики населения.

3. Мезоструктурный районный уровень – в виде субъектов РФ. На этом уровне определяются и оцениваются: природно-ресурсный потенциал территорий, акваторий и тенденции его динамики, транспортная сеть и взаимодействия разных видов транспорта, сочетания разных групп поселений;

структура населения и его динамика; проводится оценка внутренних рынков (в т.ч. спроса и предложения), на этой основе – оценка специализации производства и хозяйства (как сложившаяся существующая, так и ее изменения, в том числе – прогнозные варианты); выделяются и оцениваются внешние рынки для этих специализированных видов деятельности. Оценивается сбалансированность развития основных производств, обслуживающих и дополнительных, а также инфраструктуры. На этом уровне выделяются и оцениваются основные звенья региональных систем природопользования.

Основная цель анализа на мезоструктурном районном уровне – оценка существующего потенциала (природно-ресурсного, социального, инфраструктурного, производственного, научно-образовательного), определение приоритетных видов деятельности в целом, а также – оценка устойчивости и эффективности существующих основных видов деятельности (специализации). При этом на межрайонном уровне должны оцениваться основные пространственные сдвиги в основных видах деятельности на основе соотношений размещения и устойчивости основных видов деятельности и приоритетных в отдельных районах.

Представляется, что на этом районном пространственном уровне возможен и целесообразен переход к выделению и анализу территориальных структур. Другими словами – необходим переход на уровень территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) разных рангов и типов. Для этого необходимо выделение таких систем. Основной метод выделения ТСЭС, предлагаемый нами [15, 16, и др.] – выделение центрального звена, как «точки отсчета» структуры. Точками отсчета структуры теоретически могут быть все поселения территории. Практически возможен и целесообразен следующий алгоритм:

1) В качестве центрального звена выделяется поселение – административный центр субъекта.

2) Выделяются все непосредственно связанные с ним транспортными путями поселения с их населением и хозяйством и соответствующие транспортные участки. Это будут структурные звенья I-го порядка, образующие достаточно целостную ТСЭС.

3) Выделяются все непосредственно связанные с поселениями и транспортными путями (как структурными звеньями I-го порядка) ареалы, зоны, территориальные участки существующего природопользования – от использования территории под поселение и промышленные площадки, транспортные сооружения до ареалов сельского хозяйства, лесопользования, отводов земель под месторождения природных ресурсов, санитарные зоны, охраняемые природные территории и т.п. Это, также, структурные звенья ТСЭС.

4) При важности в эту систему (ТСЭС) включаются структурные звенья II-го порядка – как поселения, непосредственно связанные с поселениями, включенными в структурные звенья I-го порядка.

В целом это будет, как правило, основная ТСЭС для субъекта, содержащая значительный социально-экономический и природно-ресурсный потенциал. Затем по такому же алгоритму выделяются ТСЭС для других, наиболее крупных, поселений субъекта. Основной принцип состоит в том, чтобы все поселения субъекта были включены в структуры выделенных ТСЭС. При этом возможны ситуации, когда одно поселение войдет в структуры 2-х и более ТСЭС. При этом такие поселения будут рассмотрены более подробно.

Представляется, что именно на уровне ТСЭС необходимо более детально рассматривать и оценивать пространственное развитие в виде вариантов динамики, развития ТСЭС. При этом, задаются те или иные структурные изменения в центральном поселении системы (в т.ч. в виде имеющихся инвестиционных проектов) и оценивается – как эти изменения могут повлиять на структуру (функциональную и пространственную) самого центрального поселения, а также на структуры (составы) поселений, включенных в звенья I-го и других порядков, звеньев природопользования. С этой целью все поселения, включаемые в ТСЭС, также необходимо структурировать. В центральном и других поселениях выделяются и оцениваются блоки основных видов деятельности (специализации), обслуживающие и дополнительные, производственная инфраструктура. Выделяются и оцениваются половозрастная и социальная структура населения и обобщенно-социальная инфраструктура и сфера услуг. В других поселениях – звеньях II-го и других порядков выделяются обобщенно: блоки основных производств и структура населения. В транспортных звеньях – схемы перевозок грузов и пассажиров, существующие объемы и резервные потенциалы грузоперевозок, пассажироперевозок, взаимозаменяемость транспортных звеньев и другие показатели.

В территориальных структурах природопользования – величины основного и сопутствующих ресурсопотреблений, оценивается динамика природно-ресурсного потенциала в соответствующих ареалах территории.

В случае необходимости углубления пространственного анализа для крупных производственных предприятий или для основных блоков функциональной структуры поселений могут выделяться соответствующие звенья территориальной структуры хозяйства или отдельные линейно-узловые системы [14]. Затем для этих структур могут анализироваться расчетные прогнозные варианты их изменений, развития за определенные периоды времени.

Следует подчеркнуть, что именно на уровне ТСЭС в их структурах реализуется территориальная организация общества, как наиболее полная система пространственных сопряжений всех социально-экономических компонентов между собой и с территорией, включая и территориальные

звенья природопользования. Поэтому в рамках анализа пространственного развития страны, региона необходимо выходить и на анализ территориальной организации хозяйства и общества в целом.

Литература

1. Артоболевский С. С., Бакланов П. Я., Трейвиш А. И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестн. РАН. 2009. № 2. С. 101–112.

2. Проблемы регионального развития России. Вопросы географии, № 141 / отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Издательский дом «Кодекс», 2016. 640 с.

3. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / отв. ред. А. Г. Дружинин, В. А. Колосов, В. Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

4. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

5. География мирового развития. Выпуск 3: Сборник научных трудов / под. ред. Л.М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 486 с.

6. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.

7. Лексин В. Н., Шевцов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: КД «Либроком», 2012. 368 с.

8. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 436 с.

9. Климанов В. В., Будаева К. В. Эволюция разработки и содержания документов регионального стратегического планирования в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 40. С. 52–63.

10. Стратегическое планирование в регионах и городах России: обновление стратегий, обновление смыслов / под. ред. Б. С. Жихаревича. СПб.: Леонтьевский центр, 2015. 104 с.

11. Государственные программы развития макрорегионов России: Подходы к анализу / под. ред. В. В. Климанова. М.: Ленанд, 2016. 194 с.

12. Климанов В. В., Будаева К. В., Чернышева Н. А. Направления регионального стратегирования и программирования в России // Региональные исследования. № 4 (54). 2016. С. 17–30.

13. Бакланов П. Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 5. С. 7–18.

14. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М.: Наука, 2007. 239 с.

15. Бакланов П. Я. Структуризация территориальных социально-экономических систем // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 2013. № 6. С. 3–8.

16. Бакланов П. Я. Представления о территориальных социально-экономических структурах // Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX–XXI веков. Т. 3. Территориальные социально-экономические структуры. Владивосток: Дальнаука, 2012. С. 11–35.

УДК 332

Е. Г. Анимица, Т. А. Балина, М. Д. Шарыгин[1]
E. G. Animitsa, T. A. Balina, M. D. Sharygin

ЭВОЛЮЦИЯ ФАКТОРОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В СОЦИОЭКОНОМИКУ

EVOLUTION FACTORS TERRITORIAL ORGANIZATION AND TRANSFORMATION OF REGIONAL ECONOMY IN SOCIOECONOMICS

Трансформация региональной экономики в социоэкономику представляет интерес с точки зрения географической науки, поскольку имеет яркие территориальные различия, отличается неравномерностью, динамичностью и сложностью протекания всех социально-экономических процессов. Необходимость реструктуризации и усиления социальной ориентации производства, нацеленной на повышение уровня и качества жизни людей, приводит к обновлению региональной парадигмы и всей системы взглядов на процессы размещения производительных сил. Трансформация региональной экономики в социоэкономику сопровождается усилением антропоцентризма и ориентацией на экологический, инновационный и морально-нравственный принципы функционирования. В современных условиях важным фактором развития социоэкономики являются интересы региональных общностей людей (территориальные интересы), совокупность которых привлекает инвестиции и стимулирует развитие социоэкономики. Предложенная система предпосылок, условий и факторов формирования и развития региональной социоэкономики позволяет более аргументированно и квалифицированно принимать управленческие решения.

The transformation of the regional economy in the socioeconomics is interesting from the point of view of geography, because it has a bright territorial differences, the dynamism and complexity of the flow of all socio-economic processes. The need to restructure and strengthen the social orientation of production, aimed at improving the level and quality of people's lives, leading to renewal of the regional paradigm and the whole system of views on the process of distribution of productive forces. The transformation of the regional economy in Socioeconomics is accompanied by increased anthropocentrism and a focus on environmental, innovative, and moral-ethical principles of operation. In modern conditions an important factor in the development of socioeconomics are the interests of regional communities of people (territorial interests), the totality of which attracts investment

[1] **Анимица Евгений Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой региональной и муниципальной экономики Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург; **Балина Татьяна Анатольевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь; **Шарыгин Михаил Дмитриевич**, доктор географических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь.

and stimulates the development of socioeconomics. The proposed preconditions system, conditions and factors of formation and development of regional socioeconomics allows more convincingly and competently to make management decisions.

Ключевые слова: социоэкономика, региональная экономика, трансформация, факторы, условия, территориальная организация.

Key words: socioeconomics, regional economy, transformation factors, conditions, territorial organization.

Исследования факторов и условий развития и размещения хозяйственной деятельности традиционно находятся в поле зрения ученых и практиков [1, 2, 3, 4, 5]. Со времен английских классиков А. Смита и Д. Риккардо решаются проблемы размещения производительных сил с привлечением экономистов, математиков, географов, социологов, статистиков и других специалистов из разных областей науки. В ходе развития экономики и общества происходит эволюция факторов размещения и территориальной организации производства, изменилась оценка традиционных факторов (сырьевого, транспортного, потребительского и др.), появились новые факторы (интересы территории, инвестиционный климат, инновационный капитал, межбюджетные отношения, синергетический и агломерационный эффект и др.). В связи с трансформацией региональной экономики в социоэкономику обострилась потребность систематизации факторов и условий, определяющих этот процесс.

Современный этап развития человеческого общества характеризуется трансформацией региональной экономики в социоэкономику, что представляет интерес с точки зрения географической науки, поскольку имеет яркие территориальные различия, отличается неравномерностью, динамичностью и сложностью протекания всех социально-экономических процессов и общественного развития в целом. Трансформация социоэкономики происходит путем ее реструктуризации и усиления социальной ориентации производства, нацеленной на повышение уровня и качества жизни людей. Формируясь под воздействием двух взаимообогащающих процессов – экономизация географии и регионализация экономики – социоэкономика отличается антропоцентризмом, что приводит к обновлению региональной парадигмы и всей системы взглядов на процессы размещения производительных сил.

Трансформация региональной экономики в социоэкономику сопровождается усилением антропоцентризма и ориентацией на экологический, инновационный и морально-нравственный принципы функционирования. Она становится материально-технической основой социально-экономических регионов, источником наполнения региональных бюджетов, «базой» материального и финансового обеспечения жизнедеятельности людей. Региональная социоэкономика выполняет функции «платформы» развития

территориальных общественных систем и возрождения нравственно-этических устоев современного социума (территориальных общностей людей).

Формирование региональной социоэкономики происходит в процессе трансформации традиционной экономики путем расширения пятого и шестого технологических укладов, реструктуризации и диверсификации производства, внедрения инновационных технологий в традиционные (ресурсные) и новые отрасли. Трансформация региональной экономики ведет к изменению технологических и функциональных характеристик соответствующих территориальных структур, что способствует прогрессивному развитию территориальных общественных систем [6].

Развитие региональной социоэкономики происходит под влиянием внешних условий и внутренних факторов. Внешние условия включают в свой состав природно-климатические, геополитические, геоэкономические, идеологические, социально-культурные, социально-бытовые, инновационные и другие условия. Все они в разной степени стимулируют или ограничивают ее развитие. Важными условиями являются также экономико-географическое положение, технический прогресс, культурно-историческое наследие, социально-демографическая ситуация, традиции и т.д. Эти аргументы иногда называют обобщенным термином «предпосылка», которые при благоприятном стечении обстоятельств становятся факторами развития.

Функционирование социоэкономики во многом зависит от совокупности факторов.

При разработке теории конкурентоспособности стран, регионов и фирм интересную группировку предложил М. Портер, выделив пять групп факторов:

– людские ресурсы, т.е. количество, квалификация и стоимость рабочей силы;

– физические ресурсы, т.е. количество, качество, доступность и стоимость земельных участков, воды, полезных ископаемых, лесных и других природных ресурсов;

– ресурс знаний, т.е. сумма научной, технической и рыночной информации, влияющей на товары и услуги;

– денежные ресурсы, т.е. количество и стоимость капитала, который может быть вложен в финансирование отраслей экономики;

– инфраструктура, т.е. тип, качество имеющейся инфраструктуры и плата за пользование ею, влияющие на характер конкуренции [7].

Большой научный и практический интерес представляет систематизация факторов развития региональной социоэкономики, учитывающая российскую специфику и территориальные особенности регионов и муниципалитетов. В основе систематизации лежит подразделение всех аргументов регионального развития на предпосылки, условия и факторы (рис.).

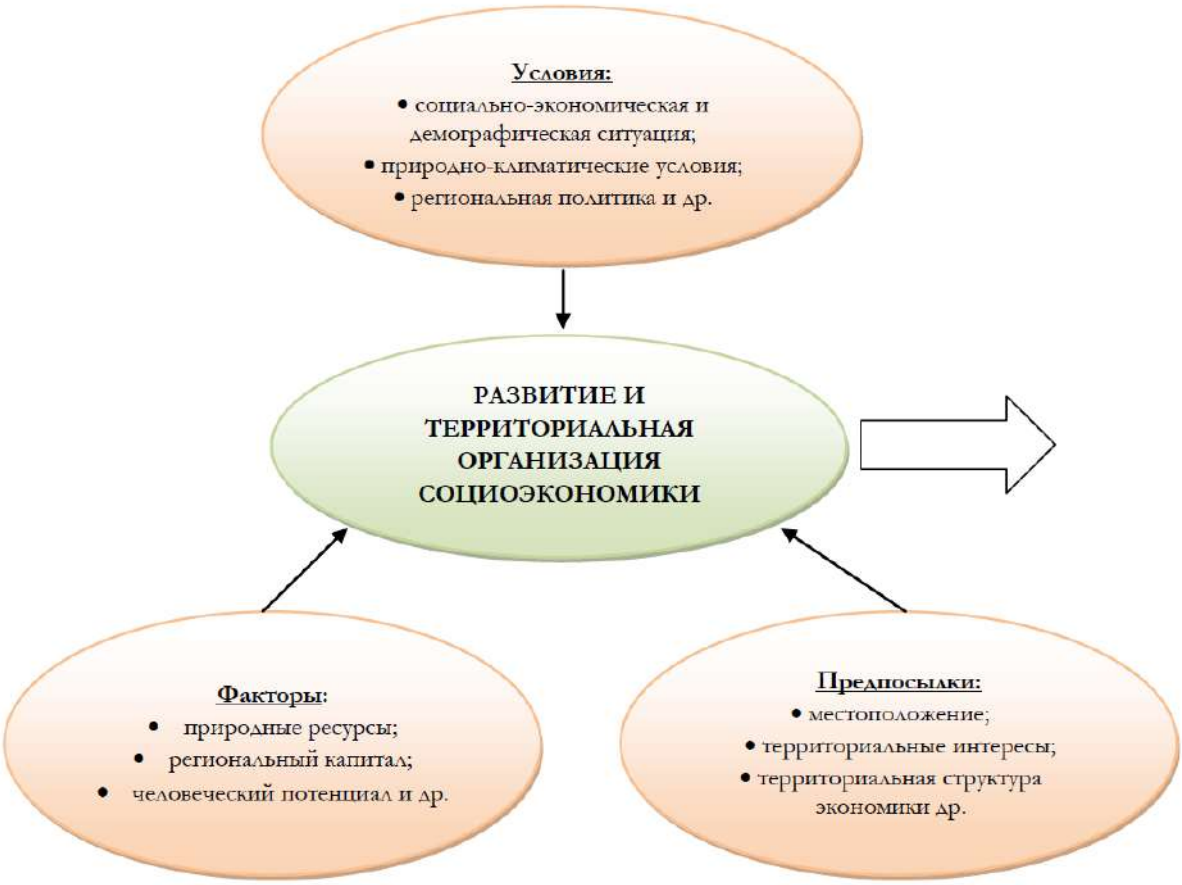


Рис. Условия, предпосылки и факторы развития и территориальной организации региональной социоэкономики

К **предпосылкам** формирования и развития региональной социоэкономики можно отнести:

1. Экономико-географическое положение.
2. Научно-технический прогресс.
3. Предсказуемость появления и изменения правил.
4. Стабильность региональных формальных институтов.
5. Степень вовлеченности гражданского общества в систему регионального управления и местного самоуправления.
6. Защищенность прав собственности.
7. Качество судебной системы.
8. Прогресс в создании институциональной инфраструктуры.
9. Неформальные нормы, фактические принятые при выполнении формальных законов (уплата налогов, взятки и т.д.) и др.

Экономико-географическое положение повлияло на развитие восточных и пограничных регионов. В изменившейся ситуации восточные регионы стали более активно использовать свое положение в системе Азиатско-тихоокеанских

стран. Ориентация внешнеэкономических связей на эти страны существенно изменила производственную структуру и территориальную организацию социоэкономики регионов Дальнего Востока и Сибири.Изменилась структура социоэкономики в приграничных регионах, контактирующих со странами постсоветского пространства. Смена контактных функций границы на барьерную заметно отразилась на территориальной организации всех сфер жизнедеятельности населения, в первую очередь, социально-экономической.

Условия формирования и развития региональной социоэкономики:

1. Интеграция региональной социоэкономики в национальное и мировое социально-экономическое пространство, что подразумевает усиление процессов глобализации и регионализации, повышение уровня открытости социоэкономики региона, усложнение экспортно-импортной структуры и рыночных отношений со странами ближнего и дальнего зарубежья.

2. Природно-климатические условия, в том числе средние температуры зимнего и летнего сезонов, осадки, атмосферные явления, климатические риски.

3. Политика федеральных властей по отношению к регионам и муниципалитетам, включающая межбюджетные отношения, экспортно-импортные тарифы, тарифы естественных монополий, перенос центров принятия решений о развитии предприятий за пределы региона.

4. Территориальное разделение труда, под влиянием которого за каждым регионом «закрепляются» определенные отрасли специализации, формируется рыночный спрос на товары и услуги; в последние годы происходят заметные изменения в территориальной организации производства. Специализация регионов на экспорте сырья стимулировала освоение северных и восточных территорий, богатых полезными ископаемыми. Так, например, сдвиг экспортоориентированных добывающих отраслей на север и восток оживил развитие Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Ненецкого автономных округов, Республики Коми, Сахалинской области и др.

5. Одним из важных условий развития социоэкономики является экологическая ситуация в регионе и конкретных узлах и центрах. Степень обострения ситуации служит барьером размещения новых производств, чрезмерной концентрации производительных сил.

6. Среди общественных условий наибольшую роль играют социальная и демографическая обстановка, формирующие человеческий капитал. В каждом регионе формируется социальная сфера, включающая объекты и процессы, обслуживающие жизнедеятельность людей. Она включает образование, здравоохранение, культуру, быт, социальное обеспечение, социальную защиту, социальное страхование, торговлю, общественное питание и т.д. Уровень ее развития во многом зависит от эффективности функционирования региональной социоэкономики и одновременно влияет на ее структуру и функции.

Важнейшим условием территориальной организации социоэкономики является демографическая ситуация. Естественное и механическое движение населения влияет на потребительский рынок, рынок труда и капитала. Продолжительность жизни, возрастно-половая, профессиональная структура населения во многом определяют отраслевую структуру региональной социоэкономики, размещение производства по экономическим узлам и центрам. Концентрация населения в крупных городах притягивает хозяйственные объекты, а вместе с ними и периферийное население. В регионах возрастает асимметрия территориальной организации социоэкономики за счет роста региональных столиц и опустынивания сельской местности, деградации малых городов и поселений городского типа.

К **факторам** развития региональной социоэкономики мы относим:

1. Природные ресурсы – потенциальные и наличные полезные ископаемые, водные, лесные, земельные и иные ресурсы.

2. Накопленный физический капитал – распределение капитала по отраслям и его соответствие структуре спроса; качество физических активов (например, предприятия с импортным оборудованием); степень износа основного капитала.

3. Накопленный человеческий капитал – это соответствие человеческого капитала структуре спроса; цена человеческого капитала; качество человеческого капитала; предпринимательский ресурс.

4. Накопленный инновационный потенциал: «общий» инновационный потенциал (количество ученых и научных центров); «прикладной» инновационный потенциал (коммерчески применимые разработки); соответствие «прикладного» инновационного потенциала структуре спроса.

Природные ресурсы являются важными конкурентными преимуществами территории. В российской экономике в целом и в структуре многих региональных экономик обострились признаки «голландской болезни» и, более того, начали деградировать «верхние этажи» промышленности и сельскохозяйственного производства. Значительное число российских товаров, не выдержавших конкуренцию, могут исчезнуть не только с международного, но и российского рынка. В первую очередь, это коснется машиностроительной, химической и легкой промышленности. Существенно изменится производственная и территориальная структура региональных социоэкономик, обострится проблема развития моногородов.

Для выявления и соизмерения ресурсных возможностей регионов необходимо определить общую величину запасов территориальных ресурсов – природно-ресурсный потенциал, представляющий собой не простую арифметическую сумму всех имеющихся на территории ресурсов, а особый интегральный синтезатор, отражающий всю совокупность «полезностей», которую можно получить при использовании ресурсов.

Непременным условием использования потенциала является его обоснованная оценка как покомпонентная, так и комплексная. Покомпонентные – это оценки почв, климата, рельефа, минерально-сырьевых ресурсов, растительности и т.д. Результаты выражаются обычно в рублях (доллары, евро) или баллах (абсолютная оценка). Главный недостаток покомпонентной оценки заключается в несопоставимости отдельных компонентов природы в пространстве и времени, оцениваемых с разной целью.

В теории и практике получили распространение разные виды оценок, в частности, балльно-индексная, оценочно-картографическая, стоимостная комплексная и др. Один из вариантов комплексной оценки может быть осуществлен по следующей формуле:

$$ПРП = К_1П_1Э_1 + К_2П_2Э_2 + К_3П_3Э_3 + К_4П_4Э_4 + К_5П_5Э_5 + К_6П_6Э_6 + К_7П_7Э_7 + К_8П_8Э_8 + К_9П_9Э_9$$

где ПРП – природно-ресурсный потенциал; К – удельный вес отдельного компонента в общем итоге потенциала; П – потенциал природного компонента; Э – качественное состояние компонента.

Компоненты: 1 – рельеф; 2 – полезные ископаемые; 3 – вода; 4 – почва; 5 – лесные ресурсы; 6 – рекреационные ресурсы; 7 – земельные ресурсы; 8 – животный мир; 9 – климатические ресурсы [8].

По степени влияния природно-ресурсного потенциала на развитие конкурентных преимуществ выделяются следующие группы:

– регионы, обладающие высоким природно-ресурсным потенциалом при высоком уровне индустриального развития (Уральский ФО);

– регионы, обладающие средним природно-ресурсным потенциалом при среднем уровне индустриального развития (Северо-Западный, Приволжский, Южный ФО);

– регионы с низким природно-ресурсным потенциалом при высоком уровне индустриального развития (Центральный ФО);

– регионы с низким природно-ресурсным потенциалом при низком уровне индустриального развития (Северо-Кавказский ФО);

– регионы с высоким природно-ресурсным потенциалом и низким уровнем индустриального развития (Сибирский и Дальневосточный ФО).

Реализация природно-ресурсного потенциала осуществляется в процессе природопользования, добычи природных ресурсов и превращении их в готовую продукцию. Все множество процессов природопользования сгруппировано в так называемые «ресурсные циклы», под которыми понимается совокупность превращения и пространственных перемещений природных веществ, происходящих на всех этапах использования их человеком [9].

Цикл включает выявление ресурсов – подготовку их к эксплуатации – извлечение из природной среды – переработку – потребление – возвращение в природу. Все многообразие процессов природопользования И. В. Комар объединил в шесть основных циклов. В современных условиях сформировался и играет определяющую роль седьмой цикл – углеводородного сырья с нефте- и газохимическим подциклами, особенно в экономике Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Ненецкого автономных округов, Оренбургской и Астраханской областей, Республик Татарстан, Башкортостан, Коми и Пермского края.

Доминантным фактором развития социоэкономики является трудоресурсный потенциал, концентрирующий возможности обеспечения производства трудовыми ресурсами. Роль трудовых ресурсов на размещение производства исторически менялась, оставаясь в поле зрения исследователей. Были периоды индустриализации СССР, когда трудовые ресурсы «следовали» за новым производством без учета затрат и утрат при переселении.

На современном этапе появляется более глубокое представление о роли человеческого фактора в территориальной организации социоэкономики, о человеческом потенциале как капитале врожденных способностей людей и приобретенных знаний, умений, навыков и мотиваций. Приходит осознание, что человек является «мерой всех вещей» и человеческий фактор становится определяющим в структурной организации региональной социоэкономики.

Современный человек – это творческая личность, которая реализуется как производитель и потребитель материальных и духовных ценностей. Исходя из этого, под человеческим фактором понимается совокупность биологических, социальных, экономических, нравственных, идейных, психологических и других свойств личности, которые оказывают влияние на хозяйственное функционирование и развитие общества. Человеческий фактор рассматривается как диалектическое единство деятельности и сознательности людей во всем многообразии их жизненных проявлений, в органической взаимосвязи с производственными, национальными, правовыми, политическими и другими сферами общества [10].

Человеческий потенциал включает в себя генетический потенциал людей и приобретенные знания, умения и навыки. При этом он постоянно возрастает за счет стремления людей к совершенству, расширению мировоззрения, приобретению новых профессий, повышению уровня и качества жизни. Накопление человеческого потенциала происходит в процессе самосовершенствования личности, её социализации и гуманизации, что требует существенных инвестиций в систему образования, культуры, здравоохранения. Человеческий потенциал формируется под влиянием демографических процессов и их социализации.

Для оценки уровня развития человеческого потенциала различных стран и регионов широко применяется индекс развития человеческого потенциала

(ИРЧП). Он является интегральным индикатором здоровья, качества жизни, интеллектуальности, образования, работоспособности и других компонентов человеческого капитала.

ИРЧП становится индикатором фактора территориальной организации социоэкономики. Российские регионы заметно различаются по уровню жизни населения. Наиболее высокий уровень жизни наблюдается в столичных, экспортоориентированных и индустриально развитых регионах. Здесь же наиболее высокий образовательный уровень населения. Наиболее низкий уровень жизни характерен для аграрных регионов и регионов Северо-Кавказского федерального округа. В то же время в округе наблюдается самая высокая продолжительность предстоящей жизни.

Одним из важных индикаторов использования человеческого потенциала является уровень занятости. Наиболее полно потенциал реализуется в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, наименее активно – в Северо-Кавказском и Сибирском округах. Довольно тревожная ситуация складывается в регионах Северо-Кавказского федерального округа, в котором около 12% экономически активного населения не используется в развитии социоэкономики региона.

Индекс развития человеческого потенциала можно использовать для сравнительной оценки уровня человеческого капитала и его влияния на развитие региональной социоэкономики.

В современных условиях важным фактором развития социоэкономики являются интересы региональных общностей людей, получившие название территориальные интересы или интересы территории.

В составе **общественных интересов** явно выделяются личные (индивидуальные), групповые (коллективные, клановые) и территориальные (страновые, региональные, муниципальные). **Территориальные интересы** представляют собой совокупности интересов людей, проживающих на определенной территории (страны, региона, города, села). Каждый человек имеет личные интересы, часть из которых совпадает с интересами большинства социума, территориальных общностей людей. В результате формируются территориальные интересы – интересы территории. Они выражаются в представлениях территориальных общностей людей об общих потребностях, целях и направлениях их социально-экономического и культурного развития, о сохранении среды обитания.

Перспективное развитие социоэкономики возможно по разным сценариям: ресурсно-сырьевому, инновационному и инновационно-ресурсному. Наиболее предпочтительным является инновационно-ресурсный вариант, так как он предполагает дальнейшее развитие ресурсной (финансово обеспечивающей) экономики, хозяйственное освоение новых территорий и внедрение новых технологий в добывающие отрасли экономики. Одновременно расширяются

инновационные процессы и наукоемкие производства в индустриально развитых регионах с появлением новых технополисов и технопарков.

Переход на инновационный путь развития сопровождается созданием не только информационно-коммуникационных и нанотехнологий, но и новых технологий в ресурсной экономике. Это позволит снизить ресурсоемкость социоэкономики, уменьшить объемы добычи полезных ископаемых, не снижая роли природных богатств в размещении производительных сил и развитии социоэкономики. С каждым годом повышается роль земли, воды, чистого воздуха, биологических ресурсов и т.д. Быстро возрастает потребность в рекреационных ресурсах.

Развитие России происходит в русле эволюции мировой цивилизации с учетом особенностей национальной и региональных экономик. Вместе с догоняющими странами она переходит на инновационный путь функционирования, который приобретает черты инновационно-сырьевого содержания. Такой сценарий развития России и ее регионов обусловлен современным состоянием сырьевой экономики, которая ориентирована преимущественно на добычу и экспорт природных ресурсов.

Особенно важным моментом в развитии региональной социоэкономики является процесс воздействия инноваций на развитие и размещение хозяйственных и инфраструктурных объектов. Воздействие инноваций на развитие региональной и муниципальной социоэкономики происходит по разным направлениям, научно обоснованным в теории диффузий нововведений Т. Хегерстранда [11].

Инновационный путь развития национальной и региональной социоэкономики будет сопровождаться расширением доли обрабатывающей промышленности и появлением производств высоких и наукоемких технологий. Мощным генератором новаций могут стать специальные центры инновационной специализации, получившие название наукоградов. В России функционирует свыше 70 городов с научно-производственными функциями и инновационной деятельностью. Центры инноваций формируются во многих регионах, среди них выделяются Московская, Архангельская, Мурманская, Нижегородская, Саратовская, Свердловская, Челябинская, Амурская и другие области, Красноярский и Пермский края, Республики Башкортостан, Удмуртия и др. Большинство инновационных центров образовались на основе научно-прикладных исследований в области военно-промышленного комплекса: авиастроения, ракетно-космического машиностроения, атомной энергетики, ядерного вооружения.

Важным фактором развития и территориальной организации социоэкономики является инвестиционное обеспечение. Инвестициями (инвестиционными ресурсами) выступают денежные средства, целевые банковские вклады, паи, акции и другие ценные бумаги, технологии, машины, оборудование, ли-

цензии, кредиты, интеллектуальные ценности, вкладываемые в социально-экономическое развитие страны и регионов.

Для активизации инвестиционных процессов необходимо существенно улучшить инвестиционный климат в регионах России, повысить инвестиционную привлекательность, снизить инвестиционные риски.

Объемы отечественных и иностранных инвестиций во многом зависят от имиджа и инвестиционного климата того или иного региона. Инвестиционный климат региона состоит из трех составляющих:

– инвестиционный потенциал, зависящий от производственного, финансового, инфраструктурного, трудового, потребительского и пр.;

– инвестиционный риск, который может складываться из законодательного, политического, социального, криминального, экологического и др.

– инвестиционное законодательство, представляющее собой совокупность законодательно-нормативных актов, способствующих (или затрудняющих) привлечение и удержание инвесторов.

Среди российских регионов с высоким потенциалом и умеренным риском выделяются Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Ленинградская области, Республики Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, Ханты-Мансийский автономный округ. В группу регионов с низким потенциалом и высоким риском входят Курганская, Магаданская, Тамбовская области, Республики Марий Эл, Тыва, Еврейская автономная область.

Основная группа российских регионов имеет пониженный потенциал и умеренный риск. Для оживления инвестиционных процессов в этих регионах необходимо повышение активности и действенности региональной инвестиционной политики. Главной целью региональной инвестиционной политики является привлечение и удержание капитала, способствующего социально-экономическому развитию территории, повышению уровня и качества жизни населения. В то же время значительная часть регионов остается «белым пятном» не только для иностранных, но и отечественных инвесторов.

Совокупность этих и других территориальных интересов становится притягательной силой привлечения инвестиций и стимулирования развития социоэкономики. Данная систематизация факторов, условий и предпосылок формирования и развития региональной и муниципальной социоэкономики позволяет более аргументированно и квалифицированно принимать планируемые управленческие решения. Реализация внешних и внутренних возможностей развития и территориальной организации социоэкономики должна учитывать российскую специфику и ситуационную обстановку в конкретных регионах, а также следующие явления и процессы:

– усиление гуманитарной направленности региональной социоэкономики, появление нравственных принципов в конкурентной борьбе за рынки сбыта товаров и услуг;

– трансформация традиционной экономики в социоэкономику с доминированием третичного и более высоких секторов и наукоемких технологий;

– инновационные поиски и снижение инвестиционных рисков и др.

– социально-экономическое саморазвитие территории и создание благоприятной природной, экономической и социальной среды жизни населения;

– сохранение единого социально-экономического и политического пространства страны.

Литература

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983. 350 с.

2. Бакланов П. Я. Географические факторы в региональном развитии // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 4–14.

3. Анимица Е. Г., Глумов А. А. Срединный регион: теория, методология, анализ. Екатеринбург, 2007. 296 с.

4. Шарыгин М. Д., Гагарский М. Д. Теоретические основы размещения производительных сил и экономика районов. Пермь, 2005. 227 с.

5. Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Территориальная организация общества. Учебн. Пособие. Пермь, 2011. 288 с.

6. Мажар Л. Ю. Теоретические основы изучения динамических процессов в территориальных социально-экономических системах // Социально-экономическая география: Вестник Ассоциации россиских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 250–260.

7. Портер М. Международная конкуренция. М., 2016. 547 с.

8. Эколого-экономические районы (теоретико-методологические аспекты развития) / под. ред. М. Д. Шарыгина. Пермь, 1995. 192 с.

9. Комар И. В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М., 1975. 212 с.

10. Столбов В. А., Шарыгин М. Д. Региональный капитал. Пермь, 2016. 528 с.

11. Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Process. Chicago: Univ. of Chicago Press., 1969.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ И ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

УДК 332

А. Г. Дружинин[1]
A. Druzhinin

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ В СОВРЕМЕННОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ[2]

GEO-ECONOMIC INTERDEPENDENCE AND GEOPOLITICAL ALLIANCES IN MODERN EURASIAN SPACE

На основе детализированного структурирования евразийского пространства (учитывающего как историко-культурный контекст, так и сложившиеся актуальные геополитические альянсы и геоэкономические взаимозависимости) идентифицированы четыре его «пласта»: «Сердцевинная Евразия», «Собственно Евразия», а также –зарождающиеся «Расширенная Евразия» и «Большая Евразия». Проанализирована динамика ВВП (по официальному обменному курсу) государств материка Евразия и их группировок за 1992-2015 гг.; показана зависимость доминантных интеграционно-дезинтеграционных процессов от меняющихся геоэкономических пропорций. Оценена степень внешнеторговой сопряжённости глобальных и евразийских «центров силы».

Basing on the detailed structuring of the Eurasian space (taking into account the historical and cultural context, as well as the current geopolitical alliances and geo-economic interdependence), the author identifies four "layers": "the Core of Eurasia", "Eurasia" and the nascent "Wider Eurasia" and "Big Eurasia". The dynamics of GDP (at the official exchange rate) of the States of Eurasia and their groupings is analyzed for the period of 1992-2015; there is shown the dependence of the dominant integration-disintegration processeson the changing geo-economic proportions. The degree of foreign trade conjugacy between the global and Eurasian "power centers" is evaluated.

Ключевые слова: Евразия, евразийская интеграция, «Большая Евразия», геополитика, геоэкономика, общественная география.

[1] **Дружинин Александр Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону; профессор-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

[2] **Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-07-00016 «Российско-турецкое взаимодействие в евразийском геополитическом и геоэкономическом контексте и его проекция на социально-экономическое развитие регионов Юга России»).**

Key words. Eurasia, Eurasian integration, "Greater Eurasia", geopolitics, geo-economics, Human geography.

Введение. «Если Россия будет спасена, то только через евразийство», – полагал выдающийся историк, этнолог, географ Лев Николаевич Гумилёв, озвучив эту мысль (выпестованную многими десятилетиями яркого, высокопрофессионального творчества) моему учителю С. Б. Лаврову в тяжелейшем для России 1992 году [1]. Именно тогда, оставив за своими новообразованными границами 24 % территории былой сверхдержавы, треть её экономического и почти половину демографического потенциала (в т.ч. 25 млн. русских [2]), наша страна (ввергнутая в водоворот кризиса и трансформаций и пытающаяся по-новому осмыслить себя и своё позиционирование) начала воспринимать, обсуждать и вновь культивировать геоконцепт «Евразии». В последующий период, оказавшись значимой частью научного (в том числе и общественно-географического [3–11]) дискурса и широко укоренившись в российском обществе, «евразийская идея», тем не менее, так и не стала его интеллектуальной доминантой. Положение начало отчасти меняться лишь к концу «нулевых» годов в связи с возросшей геополитической активностью России, с реализацией конкретных шагов по евразийской реинтеграции, а также с проявившимся (фактически, уже с 2008 года) противостоянием между нашей страной и Западом, чётче оттеняющим (и делимитирующим) «евразийское пространство», рельефнее высвечивающим его специфику, катализирующим и акцентирующим долговременные устойчивые тренды (всё более воспринимаемые как геополитический и геоэкономический «поворот» России [12], индикатор грядущих её позиционных «тектонических сдвигов» [13]). Впрочем, масштабные геополитические и геоэкономические трансформации характерны и для всей современной Евразии, что, в частности, инициирует не только интернационализацию, но и существенную коррекцию «евразийской идеи», включая и сложившиеся в её рамках представления о границах «Евразии», её пространственной динамике, структуре.

Категория **«Евразия»** вмещает в себя двоякий смысл. В понимании расширительном, *общегеографическом* (тиражируемом начиная с работ А. фон Гумбольта [14]) – это крупнейший и наиболее заселённый материк (36 % территории суши и 70 % населения планеты), то есть некое естественным образом оконтуренное операционное пространство экономических, политических и иных процессов. В *общественно-географической, геокультурной* своей проекции, также начавшей зарождаться с середины XIX века (в первую очередь благодаря резко проявившейся в европейской общественной мысли антитезе «Запад – Восток»), «Евразия» предстаёт как обособляемая по позиционным, этническим, природно-хозяйственным и иным признакам часть евразийского материка; с 1920-х гг. (благодаря трудам Н. Н. Алексеева, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина, П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого и др.)

она воспринимается как некая целостность, нетождественная ни Европе, ни Азии. Отмечу, что при подобном понимании «Евразии» сам её географический контур неизбежно оказывается пластичным, «размытым»; в его идентификации много оценочного, конъюнктурного, субъективного, тем более, что сама евразийская реальность не только устойчиво воспроизводится, но и спонтанно (под воздействием геоэкономической, геополитической, геокультурной динамики) видоизменяет свои пропорции, форматы, смыслы, а в этой связи, – вновь и вновь «открывается», конструируется.

В своей изначальной (стартовой) версии образ «Евразии» («срединного континента», границы которого совпадали с границами Российской Империи [15]) «россиецентрирован», т.е. был предельно ориентирован на нашу страну, её геополитические и геокультурные рубежи. Распад СССР и последующие интеграционно-дезинтеграционные процессы изменили многое, и на смену жёсткому постулату «Россия – Heartland, …Россия есть Евразия» [16] симптоматично приходят более «расширительные» трактовки евразийского пространства: возникает понимание множественности «евразийских региональных держав» [17], формулируются концепты «междумирья» [18], «территорий-проливов» [19], «многополюсной Евразии» [7], «Мега-Евразии» [8] и, наконец, «большого Евразийского партнёрства» или «большой Евразии» (эта идея, акцентированная В. В. Путиным в его выступлении на Петербургском международном экономическом форуме 17 июля 2016 года, в настоящее время активно осмысливается российским экспертным сообществом [8, 20, 21]).

Учитывая историко-культурные «фундаменты» формирования евразийского пространства и, в первую очередь, геокультурную, геоэкономическую инерцию недавней общеевразийской доминанты «Россия – СССР», автор предложил [8] обособить не только **«Собственно Евразию»**[1], но и имплантированную в неё в качестве субструктуры **«Сердцевинную Евразию»**[2]. Фундаментальные этнодемографические и этноконфессиональные «подвижки» в Российской Федерации, рост её «присутствия» на Ближнем Востоке, начало формирования неустойчивого, асимметричного, полного внутренних противоречий, но, тем не менее, уже свершившегося, «работающего» альянса нашей страны с Турцией (всё чётче прочерчивающей неоосманистские векторы своей внешней политики [22]) и Ираном (чей геостратегический потенциал в последнее время существенно возрос [23]), упрочение контактов с Египтом и обретение совместных геоэкономических интересов с монархиями Персидского залива – дают основание и для более широкого (созвучного реалиям и, в ещё большей мере, ориентированного на перспективу) видения

[1] Помимо государств «Сердцевинной Евразии», включает Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Грецию, Кипр, Македонию, Румынию, Сербию, Черногорию.

[2] Включающую Абхазию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, Украину (без её западных регионов) и Южную Осетию.

евразийского мега-контура в формате трансцивилизационной (русско-тюркско-арабо-персидской, православно-исламской) **«Расширенной Евразии»**[1] (рис. 1).

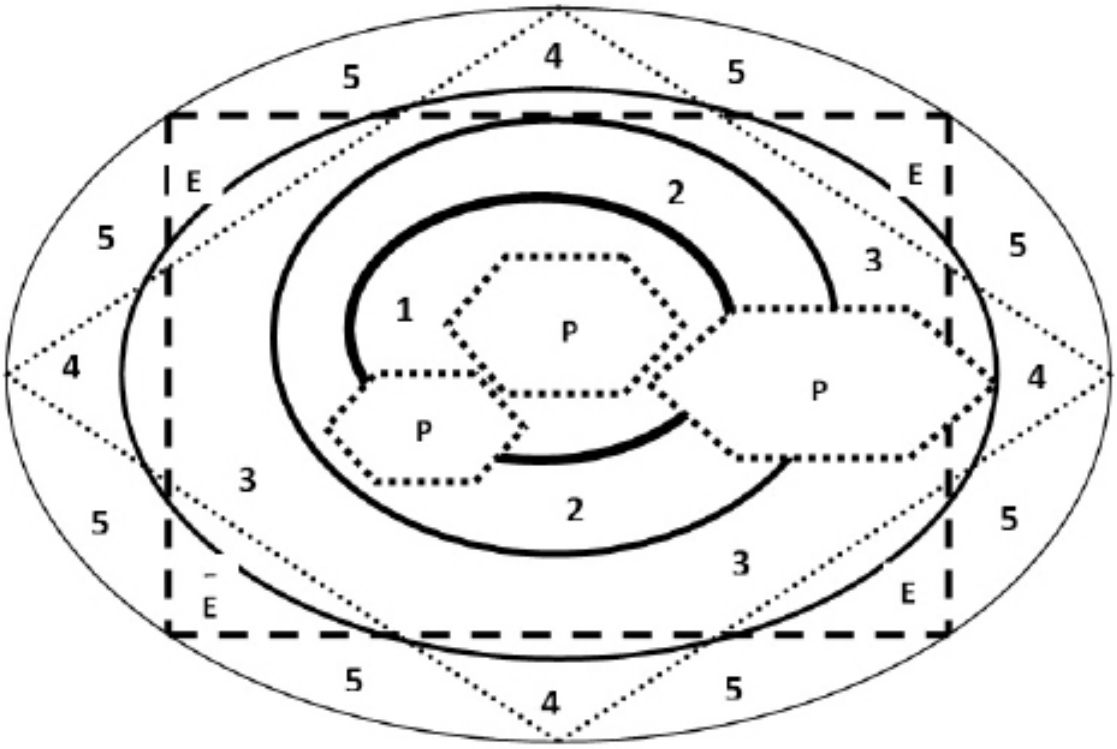


Рис. 1. Модель структурирования современной Евразии

1 – «Сердцевинная Евразия», 2 – «Собственно Евразия», 3 – «Расширенная Евразия», 4 – «Большая Евразия», 5 – «Евразия-материк»; Р – евразийские геополитические альянсы; Е – геоэкономический формат Евразии.

Характерно, что по мере пространственного развёртывания формата «Евразии» (от «Сердцевинной» к «Расширенной» и «Большой») – множится число объединяемых им юрисдикций и их (зачастую конкурирующих, альтернативных) группировок, нарастает степень культурно-географического и природно-хозяйственного многообразия, а интегрирующее влияние совместной геоистории и созвучных ей геополитических альянсов (в совокупности являющих **Евразию геополитическую**) всё более подкрепляется (и замещается) конъюнктурными хозяйственными и лишь немногим более долговечными транспортно-логистическими, инфраструктурными «скрепами», образующими остов геоэкономической Евразии (корректирующей и выстраивающей транснациональные рынки и потоки энергоносителей, продовольствия, рабочей силы, финансовых ресурсов и т.п.). При этом, имен-

[1] Включает, помимо государств «Собственно Евразии», Афганистан, Бахрейн, Египет, Йемен, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Латвию, Ливан, Литву, Монголию, ОАЭ, Оман, Пакистан, Турцию, Саудовскую Аравию, Сирию, Эстонию.

но геоэкономический формат и мотив в интеграции стран и метарегионов выступает ныне доминантным, решающим; именно он максимально полно соответствует продекларированному концепту «Большой Евразии» и, существенно расширяя евразийское пространство, благоприятствует частичной конвергенции «общегеографического» и «сфокусированного» (геокультурного) понимания «Евразии». Конструирование евразийской мега-целостности корреспондирует с существенными геоэкономическими подвижками как в общепланетарном, так и во «внутриматериковом» масштабе.

Трансформация геоэкономических пропорций и интеграционно-дезинтеграционные процессы в постсоветской Евразии.

Сложившаяся после Второй Мировой войны глобальная экономическая архитектура характеризовалась парадоксальным сочетанием общего доминирования США, а затем и в целом Запада (по данным Всемирного банка, удельный вес Соединённых Штатов в суммарном ВВП планеты в 1960 г. достигал 40,2 %; в 1970 г. аналогичный показатель для США, Японии, Германии, Великобритании и Франции вместе взятых составлял 60,6 %), с наличием многочисленной группы государств, реализующих альтернативную рыночному капитализму модель. Эта в общем-то альтернативная Западу группировка, занимавшая почти 64 % территории евразийского материка, и в хозяйственном, и в военно-политическом отношении была разнородной, неравновесной и многополюсной. Её доминантой вплоть до своего распада оставался Советский Союз (соотношение ВВП СССР и КНР в 1970 г. равнялось 4,7; в 1980 – 4,9; в 1990 – 2,2), в свою очередь всё больше уступавший по своему экономическому «весу» как лидеру Pax Americana, так и его ближайшим союзникам (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение ведущих экономик мира в 1970, 1980 и 1990 гг. (исходя из ВВП по официальному обменному курсу; СССР – 100)*

	1970 г.	1980 г.	1990 г.
СССР	100,0	100,0	100,0
США	248,3	296,9	768,5
Япония	48,3	115,5	398,8
Германия	49,7	102,6	226,7
Франция	34,2	74,8	163,9
Великобритания	30,0	60,0	140,5
КНР	21,4	20,3	46,4
Индия	14,7	20,2	42,0

* Составлено автором по данным Всемирного банка.

С 1991 года всё постсоветское пространство охватил затяжной кризис (табл. 2), что разительно контрастировало с позитивной хозяйственной динамикой как в мире в целом (там продолжало укрепляться доминирование

США), так и на остальных территориях Евразии, где ещё чётче выделились два лидирующих «ядра»: Япония (в 1992 г. на неё приходилось 21,5 % совокупного ВВП всех государств материка; в 2000 г. – 22,8%) и страны Западной и, отчасти, Центральной Европы, которые в своей совокупности можно объединить условным понятием «Старый европейский Запад»[1] (генерирующий почти 50 % от суммарного по евразийскому материку ВВП в 1992 г. и 44,3 % в 2000 г.).

Таблица 2. Динамика ВВП (по официальному обменному курсу) государств материка Евразия и их группировок в постсоветский период*

	1992 млрд. долл. США	2000 млрд. долл. США	2000 / 1992	2013 млрд. долл. США	2013 / 2000	2015 млрд. долл. США	2015 / 2013	2015 / 1992
Весь мир	25343	33390	1,31	76528	2,29	73891	0,97	2,92
США	6539	10284	1,57	16691	1,62	18036	1,09	2,76
Все государства материка Евразия	17884	20723	1,16	49393	2,38	47017	0,95	2,63
Все постсоветские государства	655	376	0,57	3042	8,09	1950	0,64	2,98
Структуры «Евразии»								
«Сердцевинная Евразия»	605	351	0,58	2945	8,39	1860	0,63	3,07
«Собственно Евразия»	939	827	0,88	4373	5,29	3101	0,71	3,30
«Расширенная Евразия»	1557	1747	1,12	7778	4,45	6239	0,80	4,0
Геополитические и геоэкономические структуры, «центрированные» на Россию								
ОДКБ	507	294	0,58	2567	8,73	1594	0,62	3,14
Евразийский экономический союз	505	293	0,58	2559	8,73	1586	0,62	3,14
в т.ч. Россия	460	259	0,56	2231	8,61	1331	0,60	2,83
Геополитические и геоэкономические структуры «Запада»								
«Старый европейский Запад»	8872	9198	1,04	18933	2,06	17097	0,90	1,93
в т.ч. Германия	2133	1949	0,91	3752	1,93	3363	0,90	1,58
«Новый европейский Запад»[2]	297	427	1,44	1425	3,34	1290	0,91	4,34

[1] Европейские государства – члены НАТО и ЕС до 1991 г., а также Австрия, Андорра, Кипр, Мальта, Монако, Лихтенштейн, Финляндия, Швейцария, Швеция.

[2] Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Хорватия, Эстония.

(продолжение Таблицы 2)

«Евразийские» государства «Старого европейского Запада»[1]	281	406	1,44	1086	2,67	931	0,86	3,31
«Евразийские» государства «Нового европейского Запада»[2]	36	52	1,44	257	4,94	238	0,93	6,61
Интегрируемые «Западом» государства «Собственно Евразии»[3]	10	11	1,10	33	3,0	30	0,91	3,0
Страны «Балтии»	50	25	0,50	98	3,92	91	0,93	1,82
Иные геополитические и геоэкономические структуры в Евразии								
Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	1305	2054	1,57	14242	6,93	14969	1,05	11,5
в т.ч. КНР	462	1211	2,62	9607	7,93	11007	1,15	23,82
Партнёрские ШОС государства	315	525	1,67	1820	3,47	1671	0,92	5,30
Монархии Персидского залива	235	376	1,60	1616	4,30	1395	0,86	5,94
в т.ч. Саудовская Аравия	136	188	1,38	744	3,96	646	0,87	4,75
Тюркский совет	190	291	1,53	1140	3,92	961	0,84	5,06
в т.ч. Турция	158	266	1,68	823	3,09	717	0,87	4,54

* Составлено автором по данным Всемирного банка.

Геоэкономические реалии стимулировали не только ускоренную «интернационализацию» хозяйственных систем России и сопредельных евразийских государств (по компрадорской, сырьевой, периферийно-зависимой модели), но и устойчивое, масштабное «продвижение» ЕС и НАТО на восток. Активнейшая **«вестернизация» Евразии** (в том числе и непосредственное вхождение в контур «Запада» Латвии, Литвы и Эстонии) придала новый импульс геополитическому размежеванию, формированию (параллельно аморфной структуре СНГ) новых мини-объединений (наподобие Союзного государства России и Белоруссии), оформившихся к концу 1990-х годов. Примерно в этот же период (с 2001 г.) пространственные рамки евразийского межстранового диалога существенно раздвигаются («смещаясь» на восток) созданием ШОС;

[1] Греция, Кипр, Турция.

[2] Албания, Болгария, Румыния.

[3] Босния и Герцеговина, Македония, Черногория.

практически одновременно «стартует» (по инициативе России) и ещё один интеграционный проект – «Евразийское экономическое сообщество».

В результате, возникшее с распадом СССР преимущественное доминирование на евразийском пространстве единой центро-периферийной системы оказалось зыбким, недолговечным, замещаемым вновь проявившимся фактическим многообразием зачастую альтернативных интеграционных форматов. Их пульсирующая активность и возрастающая конкуренция инициировали дезинтеграционные процессы, сепаратизм, трансформацию идентичностей, национализм. При этом уже в «нулевые» годы государства «Сердцевинной Евразии» продемонстрировали весьма высокие (сопоставимые с динамикой КНР) темпы восстановительного роста. Существенно (в 3,6 раза) нарастив меру своего «присутствия» в совокупном ВРП евразийского материка и став значимым фокусом генерирования, аккумулирования и перераспределения природно-ресурсной ренты, к реальному выстраиванию собственной геоэкономической конструкции приступила Российская Федерации. На этом фоне начало усиливаться (частично восстанавливаться) российское экономическое и культурное присутствие в некоторых государствах Средней Азии, Закавказья. С 2010 года (с момента начала действия Таможенного союза) стала понемногу возрастать степень сопряжённости российской, казахстанской и белорусской экономик. Интеграционные процессы в хозяйственной сфере подкрепил «стартовавший» в 2015 г. «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС), превращая «Сердцевинную Евразию» не только в ареал острейшего (с весны 2014 г.) противостояния России и Запада (вновь сместившись на восток, геополитический фронтир теперь прошёл по Украине), но и, по некоторым экспертным оценкам [24], в едва ли не самый быстроразвивающийся полюс интеграционных процессов в современном мире. Тем не менее, не Россия, Индия, монархии Персидского залива, Иран, Турция (все они одномоментно демонстрировали опережающий экономический рост), а именно КНР оказался ведущим драйвером коренной трансформации геоэкономического ландшафта материка, в результате которой уже к 2013 г. потенциалы ШОС (вместе с тяготеющими к этому объединению государствами) и совокупной группировки стран «европейского Запада» стали равномасштабными даже по такому изначально «западоцентрированному» показателю как «ВВП по официальному обменному курсу»[1] (табл. 3).

Кардинальные подвижки на мировых рынках энергоносителей (с августа по декабрь 2014 г. мировая цена на нефть снизилась практически в 2,5 раза и, в дальнейшем, стабилизировалась примерно на 50% от «привычного» ранее уровня) нанесли ощутимый удар по экономике государств «Расширенной Евразии». За 2013-2015 гг. совокупный ВВП двенадцати локализованных в Евразии стран – ведущих поставщиков нефти и природного газа – сократился

[1] При исчислении ВВП по паритету покупательной способности (ППС) доля «европейского Запада» в 2015 г. не превышала 26,8 %, в то время как ШОС с государствами-партнёрами достигла 48,8 %.

с 4,9 до 3,6 трлн. долл. США, т.е. на треть. В этой связи даже на фоне намечаемого выхода Великобритании из ЕС сохраняют резон предположения, что «процесс интеграции Европы далек от завершения» [25], а сам Евросоюз продолжает восприниматься (и, вероятно, оставаться фактически) «наиболее развитым и успешным интеграционным объединением» [24]. Время, тем не менее, работает не на объединённую Европу, и не на США, которым всё сложнее контролировать обретающий многополюсность и уже фактически превалирующий в планетарном масштабе не только демографически, но и экономически (в 2015 г. совокупный ВВП по ППС государств Евразии составил 82,4 трлн. долл. США, что эквивалентно 69 % от общемирового показателя, а по официальному обменному курсу – чуть более 47 млрд., или 63,4 %) евразийский материк. Ведущим же актором (инициатором и спонсором) современных евразийских транснациональных интеграционных процессов выступает Китай с его проявившейся с 2013–2014 гг. «креативной экспансией» [26] и практически безальтернативной «континентализацией» сферы влияния.

Таблица 3. Удельный вес отдельных метарегионов, интеграционных объединений и государств в совокупном ВВП (по официальному обменному курсу) на материке Евразия, %

	1992 г.	2000 г.	2013 г.	2015 г.
«Сердцевинная Евразия»	3,66	1,69	5,96	3,96
«Собственно Евразия»	5,25	3,99	8,85	6,60
«Расширенная Евразия»	8,71	8,43	15,75	13,38
Государства Евразийского экономического союза	2,82	1,41	5,18	3,37
«Старый европейский Запад»	49,61	44,39	38,33	36,36
«Новый европейский Запад»	1,66	2,06	2,89	2,74
Государства, входящие в ШОС	7,30	9,91	28,83	31,84
ШОС с государствами-партнёрами	9,06	12,45	32,52	35,39
Монархии Персидского залива	1,31	1,81	3,27	2,97
Тюркский совет	1,06	1,40	2,31	2,04
КНР	2,58	5,84	19,45	23,41
Япония	21,54	22,83	9,94	8,77
Индия	1,64	2,30	3,77	4,46
Германия	11,93	9,41	7,60	7,15
Турция	0,88	1,28	1,67	1,52
Саудовская Аравия	0,76	0,91	1,51	1,37
Иран	0,48	0,53	1,03	0,93
Республика Корея	1,99	2,71	2,64	2,94
Россия	2,57	1,25	4,52	2,83

* Составлено автором по данным Всемирного банка.

Реализуя свой фактически глобальный геоэкономический проект, «Срединное государство» уже доминирует на рынках Пакистана, Таджикистана, Киргизии, Ирана, Монголии и имеет устойчивые интересы в России, Индии, странах Персидского залива; растёт поддерживаемый экономическим ростом в Китае трансконтинентальный транзит; реализуются крупные инфраструктурные проекты. Сформулированная Председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года концепция «Один пояс и один путь», является, в этой связи, знаковой и, по сути, общеевразийской, знаменующей собой перспективу новой реконфигурации геоэкономического (а, соответственно, и геополитического) ландшафта Евразии.

Асимметричная взаимозависимость «центров силы» в геоэкономическом ландшафте современной Евразии: общая архитектура и позиционирование в ней России.

Современное евразийское пространство многополюсно; организующие его узловые компоненты (государства – «центры силы») и геополитически, и геоэкономически – неравновесны, характеризуются выраженной асимметрией взаимных хозяйственных связей, разномасштабными (и, при этом, в массе случаев взаимопересекающимися, нечёткими) сферами влияния.

Для анализа хозяйственной сопряжённости ведущих евразийских держав (крупнейших экономик, а также стран-лидеров региональных интеграционных объединений) использованы данные Международного центра торговли (International Trade Centre) за 2015 год (табл. 4). Как свидетельствует текущая внешнеторговая статистика, наиболее масштабны и значимы для современной Евразии товарообмены КНР (10,2 % мирового импорта и 14 % экспорта товаров); стержневой из них, системоформирующий – взаимодействие с Германией и другими ведущими членами Евросоюза (в 2015 г. суммарный экспорт из Китая в Германию, Францию, Италию, Великобританию и Нидерланды равнялся 244 млрд. долл. США; импорт– 156 млрд.). Этот «скреп» практически равнозначен объёму взаимной торговли КНР и США, хотя и не столь существенен в сопоставлении с первостепенным в мировом масштабе товаропотоком между странами ЕС и Соединёнными Штатами, государством, продолжающим оставаться экзогенной доминантой евразийской геоэкономики (рис. 2).

Пока ещё уступая США лидерство по объёму торговли с Евросоюзом, а самому ЕС – с Россией, Китайская народная республика, тем не менее, уже обрела статус приоритетного внешнеэкономического партнёра для Японии, Индии, Саудовской Аравии, Ирана. На этом фоне позиции Российской Федерации – во многом второстепенны и не соответствуют ни «многососедству» страны, ни её ресурсной обеспеченности, ни пространственному масштабу. При этом Россия даже в пределах «Сердцевинной Евразии» зачастую уступает в геоэкономической конкуренции иным (в том числе и сопредельным) «центрам силы», что наглядно иллюстрирует статистика (табл. 5).

Таблица 4. Оборот взаимной торговли глобальных и евразийских геоэкономических «центров силы», 2015, млрд. долл. США

	Китай	США	Индия	Япония	Германия	Россия	Саудовская Аравия	Турция	Иран
КНР	X	561,3	71,6	279,0	155,9	63,5	51,8	21,5	33,8
США	150,5/410	X	68,1	197,2	176,1	19,8	43,1	17,9	0,2
Индия	13,4/ 58,2	46,6/21,5	X	14,1	19,4	6,8	28,3	5,4	9,3
Япония	143,1/135,9	134,8/62,4	9,6/4,5	X	42,2	20,8	9,5	2,8	3,6
Германия	79,4/ 103,5	126,6/68,4	10,9/8,5	18,9/23,3	X	58,4	12,0	40,9	2,6
Россия	28,3/35,2	8,4/11,5	4,5 / 2,3	15,7 / 5,1	33,7 / 24,7	X	1,0	15,8	1,4
Саудовская Аравия	30,1/21,7	23,4/19,7	21,4/6,9	2,7 /6,8	11,1 / 0,9	0,2/0,8	X	4,7	0,3
Турция	2,9/18,6	8,3/9,6	1,0 / 4,4	0,6 / 2,2	16,1 / 24,8	4,1 / 11,7	3 / 1,7	X	9,7
Иран	16,0 / 17,8	0,1 /0,1	6,2 / 3,1	3,3 / 0,3	0,3 / 2,3	0,3 / 1,1	0,2 / 0,1	3,6 / 6,1	X

- оборот взаимной торговли двух стран.

- структура оборота взаимной торговли двух стран: экспорт / импорт.

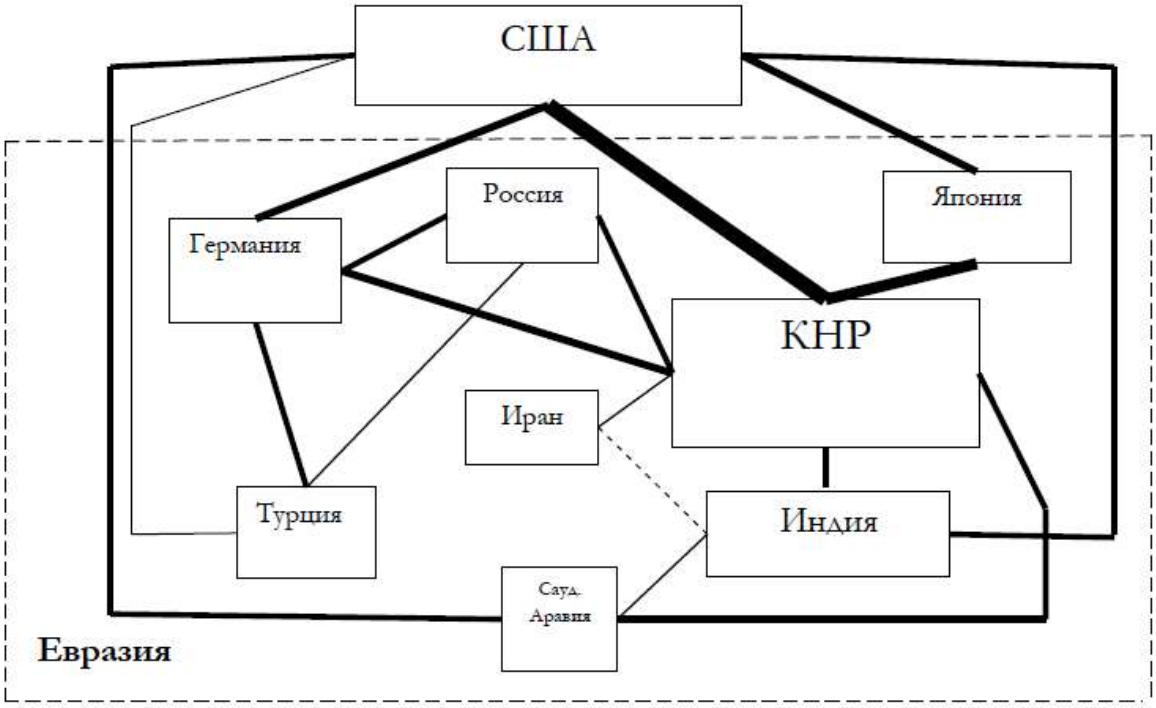


Рис. 2. Модель внешнеторговой сопряжённости доминантных глобальных и евразийских геоэкономических «центров силы».

Таблица 5. Удельный вес сопредельных «центров силы» во внешней торговле ряда евразийских государств, 2015 г., %*

	Доля в совокупном импорте страны, приходящаяся на				Доля в совокупном экспорте, приходящаяся на			
	Россию	Турцию	Китай	Иран	Россию	Турцию	Китай	Иран
Афганистан	2,0	1,1	13,5	23,4	3,2	3,1	1,7	5,1
Армения	30,4	4,2	9,7	6,1	15,2	0,1	11,1	5,2
Азербайджан	15,6	12,7	5,6	0,1	3,6	3,7	0,3	1,2
Грузия	7,3	14,2	6,0	0,1	10,7	9,2	9,1	1,7
Казахстан	34,4	2,4	16,6	0,2	5,4	1,5	6,4	0,6
Киргизия	32,1	4,1	26,1	0,1	9,5	5,1	2,1	0,1
Монголия	26,9	0,0	35,8	0,0	1,6	0,0	83,5	0,0
Таджикистан	21,1	4,5	49,9	0,0	4,9	22,2	5,5	0,0
Туркменистан	14,8	32,7	14,4	0,0	0,7	5,6	78,8	0,0
Узбекистан	21,7	4,8	21,9	0,0	9,4	11,6	20,7	0,0

* Составлено автором по http://www.trademap.org/tradestat/Index.aspx.

Ещё слабее, кстати, внешнеторговое «присутствие» РФ на юго-западной периферии евразийского пространства, в частности на Балканах; на Россию приходится лишь 9,6 % импорта Сербии, 4,4 – Боснии и Герцеговины, 2,4 % Македонии. При этом Российская Федерация, своей хозяйственной структурой, устоявшимися корпоративными и личностными взаимосвязями и сохраняющей инерцию ментальностью, продолжает оставаться (даже в режиме санкций и низких цен на энергоносители) в существенной мере «европоцентрированной»

страной: за январь-ноябрь 2016 г. доля ЕС во внешнеторговом обороте РФ составила 43 % (КНР – 14,1); на страны «Старого европейского Запада» в 2015 г. (по данным Центрального банка РФ) пришлось 41,1 % всего объёма трансграничных финансовых перечислений физических лиц (на страны СНГ – 31,6); в этот же макрорегион в январе-ноябре 2016 г. (по данным Ростуризма) осуществлено около 40 % от общего числа поездок российских граждан за границу. Подобная ситуация, впрочем, как видится, недолговечна; вослед дальнейшим геоэкономическим и геодемографическим подвижкам, она неизбежно будет меняться в пользу реального многовекторного взаимодействия нашей страны (нацеленного, очень надеюсь, на приоритетную реализацию наших собственных, в том числе и интеграционных, приоритетов).

Заключение. Евразийское пространство (или «Евразия» в своём общественно-географическом, геокультурном смысле) под воздействием кардинальных экономических «подвижек» обретает всё большую турбулентность, пластичность, являет многообразие своих компонент и форматов. По мере созвучного современным геополитическим и геоэкономическим процессам «расширения» евразийского контура (последовательно приближающегося к географическим рубежам «Евразии-материка»), всё четче проявляется поликомпонентность «Евразии», наличие в её структуре четырёх сопряжённых, последовательно интегрируемых друг в друга по принципу «матрёшки» пространств: «Сердцевинной Евразии» (для России, её целостности, идентичности – важнейшего), «Собственно Евразии» (крайне значимого в плане коллективной безопасности, воспроизводства общего геоисторического наследия, наращивания хозяйственной взаимозависимости и этнокультурной комплементарности), «Расширенной Евразии» (пространства, продуцирующего потенциал продуктивных геоэкономических взаимодействий и баланса геополитических, геокультурных интересов) и, наконец, «Большой Евразии». Последний формат, подчеркну, порождает новые хозяйственные возможности, но, при этом, требует от России встраивания, адаптации, балансирования между «центрами силы», учёта сопутствующих рисков, чёткого осмысления интересов, равно как и протекционизма в отношении собственных, россиецентрированных геополитических и геоэкономических евразийских проектов. Отмечу также, что краеугольный в доктрине евразийства позиционный принцип «ни Европа, ни Азия» – в этой ситуации вновь сполна актуализирован на обширнейшей (и очень разнородной в природном, социально-экономическом и этнокультурном отношении) территории от Баня-Луки до Алма-Аты, от Мурманска до Эр-Рияда и Карачи (обретая, при этом, практическую значимость и востребованность сфокусированного на Евразию ремейка идеологии и политики «Неприсоединения»). Новая «евразийская комплементарность» (как антитеза навязывания пространствам Евразии сценариев конфронтации, одностороннего доминирования, аннексии) должна базироваться на сочетании эффективной взаимодополняемости экономик с их

аспектной рациональной автаркией, причём, на различных пространственных уровнях (от межрегиональных производственных комплексов до сложившихся интеграционных объединений государств).

Литература

1. Лавров С. Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
2. Кабузан В. Русские в мире. СПб., 1996.
3. Безруков Л. А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015. № 4. С. 12–24.
4. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
5. Дмитревский Ю. Д. Единое евразийское социально-экономическое пространство (постановка проблемы, современный этап её решения) // География в школе. 1995. № 4. С. 32–36.
6. Дружинин А. Г. Пространственное социально-экономическое развитие современной России сквозь призму научных идей Л. Н. Гумилёва // Вестник Санкт-Петербургского госуниверситета. Специальный выпуск. К 100-летию Л. Н. Гумилёва. 2012. С. 51–57.
7. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
8. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа: монография / А. Г. Дружинин ; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
9. Замятин Д. Н. Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И. И. Митин; Сост. Д. Н. Замятин, И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339–377.
10. Каганский В. Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
11. Мироненко Н. С. Геополитическая концепция евразийства // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 53–65.
12. Караганов С., Макаров И. Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] http://svop.ru/main/14175/ (Дата доступа – 06.02.2015).
13. Шупер В. А. Территориальная организация населения и хозяйства России накануне тектонических сдвигов // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России / Отв. ред.: В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий. О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С. 529–539.
14. Humboldt A. von. Kosmos. Entwurf einer physischen Welbeschreibung. Stuttgart; Tübingen: G. Gottaschen. Bd 1. 1845.
15. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
16. Дугин А. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996. 200 с.
17. Дугин А. Г. Евразийский реванш России. М. Алгоритм. 2014. 256 с.
18. Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье в двойной системе «Европа-Евразия» // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 81–87.
19. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2007. М., 2007.

20. Ефременко Д. Рождение большой Евразии [Электронное издание] http://svop.ru/main/22210/ (Дата доступа – 13.12.2016).

21. Караганов С. С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета - Федеральный выпуск № 7109 (241).

22. Ульченко Н. Турция в свете двойных парламентских выборов 2015 года // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 5. С. 84–94.

23. Малышева Д. Крупные региональные государства в зонах нестабильности Ближнего Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 9. С. 28–36.

24. Головнин М., Захаров А., Ушкалова Д. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства. Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 4. С. 61–69.

25. Шейнис В. Европейская интеграция вчера и сегодня. Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 53–66.

26. Федоровский А. Россия и вызовы Восточной Азии. Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3. С. 58–71.

УДК 332

Г. В. Сдасюк[1]
G. V. Sdasyuk

РОССИЯ И ИНДИЯ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ – РАЗНЫЕ ПУТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕШЕНИЯ

RUSSIA AND INDIA: COMMONPROBLEMSOF DEVELOPMENT – DIFFERENT WAYS AND RESULTS OF SOLUTION

В 1991 г. Россия и Индия, одновременно, начали проводить реформы, направленные на расширение свободы рыночных сил и предпринимательства, ускорение развития переходной экономики. Индия добилась выдающихся экономических успехов в ходе эволюции системы управления развитием. В России тотальное разрушение централизованной институциональной системы управления и деиндустриализация привели к социально-экономической деградации, ослаблению интеграционного потенциала страны. При разработке проектов«Будущего России» на 2017-2025 и 2017-2035 гг. целесообразно использование индийского опыта модернизации, ускорения развития, усиления связности экономического пространства страны при расширении автономии субъектов федерации.

In 1991 Russia and India began reforming to broaden free market forces and support private enterprises aimed to accelerate transitional economy development. India has achieved outstanding economic results on the way of management system evolution. Russia is faced with social-economic degradation and risks of regional desintegration trends as a result of the centralized management system destruction and de-industrialisation. During projects elaboration of "Future Russia" 2017-

[1] **Сдасюк Галина Васильевна**, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Москва.

2025 and 2017-2035it is profitable to use Indian experience to modernise and accelerate development accompanied with increasing spatial connectivity along withstrengtheningof federation subjects autonomy.

Ключевые слова: экономические реформы, рыночные силы, управление, страны переходной экономики, интеграция, проекты «Будущее России», региональная политика, автономия субъектов Федерации.

Key words: economic reforms, market forces, management, transitional economy, integration, projects "Future Russia", regional policy, federal subjects autonomy.

При всех громадных историко-географических, демографических, социально-экономических различиях, Россия и Индия сталкиваются с решением *общих проблем развития переходной экономики*. В России и Индии, одновременно, с 1991 г. начали проводиться экономические реформы, направленные на расширение свободы рыночных сил и частного предпринимательства, уменьшение государственного регулирования, увеличение внешней экономической открытости. Но Россия и Индия избрали разные пути для достижения общих целей – их результаты резко различны.

В России в ходе реформирования 1990-х гг. централизованная институциональная система управления и многоотраслевой народнохозяйственный комплекс страны подверглись тотальному разрушению. В сильнейшей степени пострадали отрасли обрабатывающей промышленности – связующие звенья хозяйства страны и ее регионов. Развитие олигархического капитализма в России сопровождается массовым обеднением населения, социально-экономической деградацией, перманентными кризисами, углублением региональных диспропорций развития. Страна пребывает в состоянии стагфляции [1].

Индийские реформы экономической либерализации проводятся путем последовательной эволюции при поддержке всех форм предпринимательства и опоре на государственный капиталистический сектор. Это сочетается с многосторонним использованием процессов глобализации в национальных интересах. В результате, по темпам роста ВВП Индия вышла на первое место в мире, обогнав Китай. С 2014г. индийский объем ВВП превышает 2 трлн. долларов – страна вошла в десятку крупнейших экономик мира.

Россия в этот период выпала из первого десятка крупнейших экономик мира. Заняв 12 место по ВВП в 2016 г., РФ перешла в категорию «региональных экономик». Доля номинального российского ВВП в мировом ВВП– 1,6%, доля в мировой торговле – 2,1%. В то же время *Россия стала лидером мира по неравенству*: 1% ее семейных кланов владеет 74,5% национального богатства страны [2]. Индия занимает второе место по неравенству: на 1% ее семей приходится 58,4% богатства страны. По прогнозам ООН, при сохранении современных тенденций развития Россия останется вне первого десятка экономик мира и в 2030 г.

Депрессивное социально-экономическое состояние России асимметрично ее выдающейся (наряду с США и Китаем) геополитической роли и стратегическому положению в многополюсной Евразии [3]. Разрабатываемые проекты «Будущего России» на 2017-2025 и 2017-2035 гг. должны быть направлены на восстановление социально-экономической и геополитической «симметрии» внутри страны и на мировой арене. Эти проекты требуют междисциплинарные научные обоснования и проведение широких общественных обсуждений. Активное участие географов в такой работе незаменимо. При этом существенное значение имеет *сравнительное страноведение*. Изучение опыта Индии периода реформ, одновременно и однонаправленно проводимых с Россией, весьма поучительно [4].

Индия в период реформирования добилась выдающихся экономических успехов. В 2016 г. по объему ВВП (2,25 трлн. долл.) Индия занимает седьмое место в мире, по объему покупательной способности ВВП (8,7 трлн. долларов) – третье место. Индия избежала экономических кризисов конца 1990-х и 2008-09 гг., а также нынешней мировой рецессии. Индия заняла первое место в мире по росту ВВП 7,5% (2015 г.). Экономика Индии – это, по определению главы МВФ, «светлое пятно на мировом фоне»[1].

В относительно короткое историческое время, после достижения независимости в 1947 г., Индия превратилась из отсталой сельскохозяйственной колонии в индустриально-аграрную державу, в экономике которой преобладает сектор услуг (57% ВВП), быстро развивается промышленность многоотраслевой структуры (26% ВВП); сельское хозяйство (17% ВВП) обеспечивает продовольственную безопасность страны. Индия добилась таких успехов в сложнейших условиях тяжелой аграрной перенаселенности, дефицита топливно-энергетических, водно-земельных и других природно-экологических ресурсов.

«Экономического чуда» Индии связано с *эффективным государственным управлением в условиях демократии и совершенствования федеративного устройства* при активном использовании ведущего фактора прогресса – экономики знаний.

Советник президента РФ, академик С. Ю. Глазьев пишет: «На наших глазах страна с миллиардным населением стала последовательно подниматься из глубин нищеты к космическим высотам глобального научно-технического прогресса … у индийцев есть чему поучиться в плане управления экономическим развитием… Этот опыт интересен со всех точек зрения. Он интересен политически, так как реализован в условиях самой большой в мире демократической политической системы. Он интересен с управленческой точки зрения, так как имеет дело с проблемами преодоления структурных диспропорций, схожих с нашими. Он интересен как объект научного

[1] Динамизм изменений в крупнейших странах Азии не всегда находит своевременное отражение в географических публикациях. Определению Индии как «мировой полупериферии» [5] вряд ли соответствует ее современному положению и тенденциям развития.

исследования, так как опровергает ложные аксиомы либерального мэйнстрима» [6, с. 7–8].

В независимой Индии происходит *эволюция социально-экономической модели развития*. В первые годы независимости колониальная *модель развития* была заменена *моделью форсированной импортзамещающей структурной модернизации* с опорой на государственный капитализм. В 1950–1980-х гг. в стране были созданы основы тяжелой индустрии: построены мощные предприятия черной металлургии, машиностроения, разнообразных химических производств и др. В результате возникли условия для перехода к *экспорториентированной модели развития*, получившей официальный статус с провозглашением в Индии в июне 1991 г. экономических реформ либерализации.[1]

В стране активно развиваются научные исследования. Количество индийских научных публикаций в последние годы *вдвое превышает российские*. Индийская экономическая наука известна большими достижениями в изучении *социально-экономического развития* – процесса более широкого, чем представление об *экономическом росте*. При этом исследуется комплекс факторов, влияющих на структурные изменения в ходе преодоления отсталости, нищеты и перехода к более высокой стадии общественного развития. Результаты исследований оказывают большое воздействие на формирование индийской государственной политики.

Опыт реформирования рыночного хозяйства Индии изучают и отечественные ученые. В рамках Программы российско-индийского сотрудничества в области общественных наук, между РАН и Индийским советом по социальным научным исследованиям в 1992–2009 гг. действовал российско-индийский семинар «План и рынок (государственное регулирование и рыночные силы в переходной экономике)». Четыре сессии семинара проходили в Москве (1992, 1994, 1996, 2004 гг.), три – в Индии: в Калькутте (1998 г.), Мумбаи (2006 г.), Хайдарабаде (2009 г.). Результаты последнего семинара опубликованы в Индии в книге «Индия и Россия. Проблемы обеспечения энергетической безопасности» [7]. К сожалению, организация ответного семинара с российской стороны поныне не состоялась.

В Индии, парламентской республике, все члены правительства и представители других властных структур отличаются высоким профессионализмом. В течение 1990–2014 гг. страну возглавлял известный экономист, профессор Манмохан Сингх, «отец» индийских реформ. В результате выборов в мае 2014 г. к власти пришла партия Бхаратия джаната

[1] См. двухтомную монографию О. В. Малярова «Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики», ИВ РАН, 2010 г. Недостаточное знание этой работы приводит к ошибкам. Например, ставится вопрос: «Индия, как и РФ, нацелена на импортзамещение… эта программа в Индии имеет большие перспективы, чем в РФ?» Ответ: «импортзамещение в Индии перспективно…» (Эксперт-Урал, 17–19 ноября 2016 г.) Таким образом, реализованная в Индии модель импортзамещения трактуется как «проект будущего».

парти (БДП), сменившая партию Национальный конгресс, правившую многие годы. Одной из главных причин ее поражения на выборах стало снижение темпов экономического роста в 2011–2013 гг. до 5–6%. БДП победила с лозунгами ускорения роста и модернизации экономики, с обещаниями увеличить занятость населения и уменьшить бедность. Глава БДП, ставший премьер-министром Индии, Нарендра Моди успешно возглавлял с 2001 до 2014 гг. Гуджарат, штат быстрого промышленного развития и экономического подъема.

Сложные задачи экономического развития Н. Моди определяет яркими формулами, понятными для всех и популярными: «Делай в Индии!» (MakeinIndia), «Квалифицированная Индия» (SkillIndia), «Электронная Индия» (DigitalIndia). Это названия развернутых программ развития. Празднование Дня Республики Индии 6 января 2017 г. проходило с девизом «Трансформация Индии на основе квалифицированного развития».

Президент Индии Пранаб Мукерджи, открывая заседание двух палат Парламента 31.01.2017 г., подчеркнул взаимосвязанность и долгосрочность принятых программ развития. Их цель – создать «всеобъемлющую инфраструктуру нового поколения: от автодорожных до информационных магистралей, от железнодорожных до водных путей, от морских до авиационных портов, от водных продуктопроводов до газопроводов, от наук о Земле до наук о космосе, от сельской инфраструктуры до умных городов». Уместно отметить, при этом, популярность в Индии лозунга: «Индустриализации без вестернизации».

Достижения индийского технологического прогресса заслуживают международное признание. Индия стала символом успешного развития информационно-коммуникационных технологий. Индия – мировой лидер по дистанционному обслуживанию (IT-аутсорсингу). Свыше 80% программного обеспечения, создаваемого в стране, отправляется на экспорт.

В списке 30-и самых динамичных городов мира, осваивающих технологические инновации, первое место занял южноиндийский город Бенгалуру (Силиконовая долина оказалась на третьем месте). Кроме Бенгалуру, в этот список включены еще 5 индийских городов: Хайдарабад (5 место), Пуна (13), Чиннаи (17), Дели (23), Мумбаи (25). Эти индийские города составили 1/5 общего списка мировых центров технологических инноваций. Ни один российский город в этот список не попал [2].

Индия активно использует в национальных интересах выгоды глобализации, колебания мировых цен. При падении цен на нефть страна, удовлетворяющая свои потребности в нефти в основном за счет импорта, быстро увеличила ее импорт и активизировала развитие нефтехимических производств. В то же время, обладая богатыми запасами железных руд (¼ мировых ресурсов), Индия, когда на руду цены упали почти вдвое, сократила ее добычу (2014–16 гг.) и сменила роль традиционного железорудного экспортера

на положение нетто-импортера. Растущий внутренний спрос стимулирует подъем отечественной черной металлургии. Прямые иностранные инвестиции в этот сектор достигли 8,7 млрд. долл. При продолжении экономического роста, превышающего 7% в год, потребности в стали будут ежегодно возрастать примерно на 5 млн., что создает благоприятные условия для дальнейшего развития индийской черной металлургии [8].

Страны переходной экономики – прежде всего Китай и Индия – осуществляют политику ускоренного экономического развития и модернизации в **рамках стратегического государственного планирования**. Индийская Плановая комиссия (ПК) начала действовать в 1950 г. и приняла в 2012/13 г. 12-й пятилетний план. Однако новое правительство БДП распустило ПК 1 января 2015 г. Одной из причин этого решения была названа чрезмерная централизация власти, функционирование ПК как «параллельного правительства». Вместо нее был создан Национальный институт трансформации Индии (National Institution for Transforming India – NITI). На хинди – «НИТИАйог» (NITIAayog) «NITI» означает «политика», Aayog – «комиссия». Индия последовала примеру Китая, где в начале 2000-х гг. ПК была преобразована в Комиссию Национального развития и реформ (National Development and Reform Commission). *Эти преобразования отнюдь не означают отказа от системы планирования.*

НИТИ – «мозговой центр» (thinktank) правительства, совещательный орган, занимающийся научным обоснованием экономической политики Индии и ее районов. В 2016 г. Институт представил на рассмотрение правительства 15-летний проект «Видения Индии» (2015–2030 гг.). Обращает внимание соотношение «Видения Индии» и Программы ООН устойчивого развития 2015–2030 гг. [9]. Планируется, что к 2030 г. индийский объем ВВП достигнет 30 трлн. долларов и Индия станет третьей экономикой мира. Одновременно разрабатывается 7-летняя стратегия развития на 2017/18 – 2023/24 гг., конкретизирующая долговременную Программу. Трехлетний план на 2017/18 – 2019/20 гг. связан с работой 14-й Финансовой комиссии Индии, определяющей финансирование развития секторов и штатов.

В Индии с чрезвычайно сложным этно-лингвистическим составом населения и федеративным устройством, с резкими региональными различиями – *проблемы регионального развития, взаимоотношения Центра и штатов занимают первостепенное место*. Одна из главных функций НИТИ – активное вовлечение всех 29 штатов и 7 союзных территорий в согласование экономической политики страны и субъектов федерации. Доля штатов в общем бюджете страны повышена с 32% до 42%. Провозглашена задача развития «кооперативного федерализма» при одновременном усилении конкуренции между штатами.

Расширение автономии штатов сочетается с усилением связности экономического пространства Индии. В стране осуществляются мега-проекты, ускоряющие социально-экономическое развитие и усиливающие межрегиональную интеграцию: общегосударственные «коридоры развития», формирование

единой энергетической системы страны, осуществление проекта Сагар Мала – взаимосвязанного развития морских портов и внутренних водных путей. Большие усилия прилагаются для создания единой водной системы страны – чрезвычайно сложного проекта, необходимого для решения обостряющейся проблемы водного дефицита. «Единства в многообразии» – ведущий принцип политики развития Индии.

Принципы либеральной социально-экономической политики России были определены в 1990-х гг. сторонниками рыночного фундаментализма – Е. Т. Гайдаром, А. Б. Чубайсом, П. О. Авеном, В. А. Мау, А. А. Нечаевым и др. Отличаясь чрезвычайной амбициозностью, эта группа претендовала на роль собрания лучших в стране экспертов. В действительности она выполняла указания МВФ и американских советников крайнего крыла «рыночников» (не говоря о влиянии иностранных спецслужб).

Ключевая проблема в переходной экономике – определение роли государства и государственного сектора в развитии. Группа Гайдара стояла на позиции устранения государства «как субъекта экономических отношений в стране», предельного ограничения его роли в экономике. В *Институте экономических проблем переходной экономики*, который основал Е. Т. Гайдар[1], игнорировался, противореча логике, опыт развития крупнейших стран переходной экономики – Китая и Индии. Е. Т. Гайдар объяснял это «географическим положением»: опыт этих стран для России не подходит, поскольку они находятся в Азии, принадлежат к странам «Востока». Эпиграфом своей книги «Государство и эволюция» Гайдар выбрал слова Р. Киплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда» [10, с. 9].

По определению Е. Т. Гайдара, «важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционная: Восток – Запад». Он пояснял: «Если до конца 1991 года обмен власти на собственность шел в основном по нужному номенклатуре «азиатскому» пути, то с началом настоящих реформ (1992 г.) этот обмен повернул на другой, рыночный путь» [10, с. 154]. На практике это было реализовано в виде хаотичного демонтажа институциональной системы управления экономикой страны.

«Радикальное дерегулирование и стремительное открытие советской централизованной экономики привели к значительной примитивизации ее структуры и существенной зависимости хозяйственной динамики от экспорта топливно-сырьевых отраслей и избыточного импорта готовых изделий и продовольствия… самый шокирующий экономический провал государства за последние четверть века – деиндустриализация страны» [11].

Российское реформирование повлекло падение экономики страны, невиданное в мирное время – на 14,5%. в 1992 г. Рост ВВП России происходил лишь в 1999–2008 «тучные» годы высоких цен на нефть. Однако высокие «сырьевые» доходы не использовались для реиндустриализации. Лица, принимающие решения, говорили о превращении страны в

[1] С 2010 г. – это Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара.

«великую энергетическую державу». В последние годы много говорится о «диверсификации», но ориентированное на экспорт нефте- и газо- проводное строительство по-прежнему доминирует, негативно воздействуя на отраслевое и региональном развитии страны [12].

Россию «лихорадит» неустойчивость экономики с ее топливно-сырьевой односторонностью и зависимостью от мирового рынка. Кризис 2008–2009 гг. (-7,8%) сменился трехлетним ростом на 3–4% в год, за которым последовало снижение до 1,3% в 2013 г., до 0,6% в 2014 г. С 2010 г. *темпы российского роста ВВП – ниже среднемировых*.

Одно из главных препятствий предпринимательских инвестиций – *неопределенность экономической ситуации в России*. Призывы «Россия завет!» слабо воспринимаются. Положение усугубляют сомнения в достоверности официальной статистики. Росстат, не объясняя причин, пересматривает показатели, «улучшая» экономическую ситуацию. По данным Росстата, в 2015 г. экономика упала не на 3,7%, как было известно, а на 2,8%. Министерство экономического развития оценивает спад ВВП в 2016 г. на 0,6%, а Росстат публикует сокращение ВВП только на 0,2%, анонсируя, таким образом, практически прекращение спада. В 2017 г. ожидается переход на положительную динамику и рост ВВП на 1–2% в течение двух-трех лет. Но экономика «малого роста» означает продолжение отставания России от крупных экономик, включая Индию.

6 декабря 2016 г. опубликовано поручение В. В. Путина правительству «подготовить и утвердить комплексный план действий правительства РФ на 2017–2025 гг., в котором предусмотреть меры, обеспечивающие достижение не позднее 2019–2020 гг. темпов роста экономики Российской Федерации, превышающих темпы роста мировой экономики». Для достижения поставленной цели названо принятие мер «по улучшению делового климата, по повышению результативности крупных инвестиционных проектов, по наращиванию объема несырьевого экспорта, по развитию малого и среднего предпринимательства, по повышению эффективности государственной поддержки отраслей экономики».

Известны неоднократные правительственные заявления о **необходимости стратегического планирования**, но они не реализуются. Так, Указ Президента РФ «Об основах стратегического планирования в РФ» от 12 мая 2009 г. не возымел действия. Текст законопроекта появился на сайте Министерства экономического развития в начале 2010 г., но это не изменило положения. Вступив в должность Президента РФ 7 мая 2012 г., В. В. Путин издал Указ № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». Правительство РФ получило задание внести до 1 октября 2012 г. в Государственную Думу проект закона о государственном стратегическом планировании. 21 ноября 2012 г. Проект Закона был принят Госдумой в первом чтении, однако продолжения не последовало.

Неоднократно декларирование намерений приступить к перспективному планированию, выполнять «майские указания» президента, Программу 2020 и др., не подкрепленное планами действий и институциональными механизмами, остается далеким от реализации. На Гайдаровских чтениях, посвященных 25-летию Института Гайдара в 2015 г., первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов говорил «Мы ковыряемся в каких-то ежедневных вопросах и не видим, какими мы должны быть через 20 лет».

В 2017 г. разработкой программ развития до 2025 г. занимаются правительство, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), группа бизнес-омбудсмена Б. Ю. Титова и С. Ю. Глазьева (доклады Столыпинского клуба). Главе Центра стратегических разработок (ЦСР), заместителю председателя Экономического совета при президенте РФ А. Л. Кудрину поручена подготовка Проекта «Будущее России: 2017-2035». А.Л.Кудрин, бывший министр финансов (2000–2011 гг.), известен приверженностью либеральным реформам и консервативной бюджетной политике. Идеи проекта «Будущее России» были изложены им на VIII Гайдаровском форуме на общей сессии «Устойчивый экономический рост: модель для России» (13.01.2017 г.) В докладе Кудрина [13] констатировалось, что нынешние темпы российского экономического роста ниже, чем даже в период застоя в СССР – «российская экономика оказалась на последнем рубеже». Чтобы отодвинуть ее от края, необходимы глубокие структурные реформы. Ключевая идея – *институциональные преобразования и повышение качества государственного управления.* Кудрин справедливо подчеркивал, что Россия столкнулась с проблемой технологического отставания, угрожающей суверенитету и безопасности страны. По словам автора, это «самый серьезный вызов, который перед нами стоит в ближайшие 10–15 лет». Общий вывод: *«старая модель экономики, очевидно, не работает, но она пока не запустилась и в рамках новой модели».*

Объективные оценки тяжелого экономического состояния России странным образом сочетаются с *повторением «рецептов»*, приведших страну к такому состоянию. Во главу угла по-прежнему ставится восстановление нормальных темпов экономического роста *за счет денежной и бюджетной политики.* А. Л. Кудрин выступает за сокращение дефицита бюджета, снижение таргета по инфляции с 4% до 2%. Повторяется идея ускорения экономического роста путем *сокращения финансирования социального сектора*, включая отказ от повышения зарплаты сотрудникам бюджетной сферы. В то же время сохраняется плоская (уникальная в мире) шкала налогообложения доходов, усугубляющая чрезвычайное социально-экономическое неравенство. Это неравенство «проецируется» на районы и территории.

На Гайдаровской сессии по устойчивому экономическому росту России *не упоминалась Повестка ООН устойчивого развития (УР) к 2030 г.*[1] Проект будущего

[1] В предыдущем выпуске «Вестника АГРО» обращалось внимание на слабость ознакомления российской общественности с Повесткой ООН 2030, замалчивание ее содержания СМИ.

России не соответствует международному уровню понимания целей и методов достижения УР. Социально-природно-экономические цели «Повестки 2030» имеют «комплексный, взаимосвязанный и неделимый» характер; каждая цель может и должна достигаться во взаимосвязи со всеми другими. *Первое место занимают социальные цели развития, лежащие в основе всех других* [9]. На Гайдаровском форуме не упоминалось также, что 2017 – «Год экологии» в России и что «бедность и охрана окружающей среды несовместимы». Эти постулаты остаются вне поля зрения авторов проекта «Будущего России».

Одно из самых слабых звеньев развития России – **отсутствие региональной политики**. «В российской географии как науке последних лет стало почти традиционным указывать, что такая гигантская по территории страна, как наша, странным образом не имеет региональной политики», – писал в одной из своих последних статей Л. В. Смирнягин [14, с. 110].

В многочисленных отраслевых и региональных работах географы подчеркивают *опасные тенденции деформации экономического пространства России*, подрывающие социально-экономическое развитие страны и ее регионов. На основе анализа изменения структуры авиапассажирских перевозок С. А. Тархов делает выводы о пороках пространственного состояния страны: «…гиперцентрализация, ослабление авиасвязей между европейской и азиатской частями, медленное разъединение запада и востока страны…, фрагментирование социально-экономического пространства на периферии и полупериферии как в Азиатской, так и в Европейской частях России» [5, с. 154].

Ненормальность взаимоотношений между Центром и регионами достигла в Российской Федерации крайних пределов. Федерация, включающая 85 субъектов, имеет лишь 10–12 субъектов-доноров (2016 г.), их число сократилось с 20 в 2000 г.; все остальные – «субъекты реципиенты». Долг субъектов федерации достиг 2,35 трлн. рублей (декабрь 2016 г.)

На декабрьской сессии 2016 г. Госсовета Татарстана Президент республики Р. Н. Минниханов выразил негодование по поводу действий «наших федеральных руководителей», обвинил их в изъятии денег у регионов-доноров и нарушении Конституции РФ. Он возмущался: «В одностороннем порядке принимаются решения на федеральном уровне. Никаких согласований! Плюс есть еще попытка изменить соотношение по софинансированию. Те, кто хорошо работает, вообще не должны получать федеральных субсидий. Это вообще глупости! Куда страна идет? Мы же федеративное государство. Как мы не можем участвовать в федеральных программах? Это вообще непродуманное решение. Так же нельзя! Мы понимаем, что надо поддерживать регионы-реципиенты, но не за счет того, чтобы изымать, ухудшать ситуацию, которая сегодня есть» [15].

Сессия, посвященная **«новой региональной политике»** на Гайдаровском форуме, отразила сложность отношений между Центром и субъектами федерации. Эту сессию назвали *«бунтом губернаторов»*. Критика

Р. Н. Минниханова была поддержана А. Д. Артамоновым, успешным губернатором Калужской области, губернатором Красноярского края В. А. Толоконским и др. Главный недостаток – Центр ограничивает возможности субъектов федерации, лишает их стимулов развития.

«Бунт губернаторов» – лишь айсберг недовольства населения регионов, возмущающегося углублением неравенства между столицей с ее гипертрофией капитала и ограниченными возможностями социально-экономического развития субъектов федерации.

Появляются новые признаки ослабления региональных основ управления развитием. Руководитель Центра политико-географических исследований Н. В. Петров считает (19.02.2017), что смена в феврале 2017 г. пяти губернаторов – «это в лучшем случае подготовка к очередной попытке авторитарной модернизации, а скорее – попытка укрепления авторитарного контроля. И в том, и в другом случае ставка делается на укрепление унитарной централизованной модели управления…В принципе, мнение о том, что Российская Федерация на самом деле Российская Корпорация, давно стало общим местом» [16].

Демократизация и развитие федеративных отношений – процессы, тесно взаимосвязанные. Обширный индийский опыт – самой большой демократии в мире – имеет большое значение для распространения в суперпрезидентской Российской Федерации.

* * *

Результаты российских реформ за четверть века характеризуют сотрудники Института экономики РАН Р. Гринберг и А. Рубинштейн: «Мы… построили рыночную экономику, но она асоциальная, плутократическая и примитивная. К тому же такая экономика характеризуется скандальным расслоением в обществе…«Реформирование» в России – это время системных провалов государственной политики, которые подрывают устойчивость последующего экономического развития на долгие годы вперед» [11].[1]

Очевидно, стремление изменить ситуацию «на долгие годы вперед» лежит в основе поручения президента РФ В.В.Путина разработать проекты «Будущего России» на 2017–2025 и 2017–2035 гг. Поставлена задача достичь ежегодного роста ВВП на 4%. Кажется общепризнанной необходимость выхода из «технологического захолустья» и изменения институциональных механизмов развития. Однако эти идеи звучат, как «мантры» в устах представителей «Гайдаровской школы», продолжающих придерживаться монетаристского пути развития.

Успех реформирования в Индии свидетельствует, что его основа – *эффективное государственное управление*: конкретное определение целей, приоритетов и методов развития, реализация научно обоснованных программ

[1] Сущность и причины «системных провалов» российского государства характеризуются отечественными экономистами Р. Гринбергом и А. Рубинштейном, которые получили за цикл работ по экономической теории современного государства премию Итальянского института политических, экономических и социальных исследований (EURISPES).

и планов развития, которые разрабатываются экспертами и утверждаются в форме документов после *широких общественных обсуждений* и парламентских слушаний. Программы развития на 2015–2030 гг. должны соответствовать целям ООН устойчивого развития.

В России, стране регионов, необходимо проведение научно обоснованной региональной политики и нормализация взаимоотношений между центром и субъектами Федерации. Опыт Индии в этой области также заслуживает внимания. В Индии, Союзе штатов, расширение автономии штатов сочетается с осуществлением общегосударственных программ развития инфраструктуры, мега-проектами укрепления экономической связности пространства страны.

Один из тяжелых недугов России – атрофия связей между научными кругами и властными структурами. Проект «Будущее России» требует междисциплинарного научного обоснования и широких общественных обсуждений. Географы могут многое предложить для оздоровления состояния страны и ее регионов [17]. Так, серия коллективных монографий Института географии РАН «Устойчивое развитие: проблемы и перспективы» (2002–2012 гг.) завершается пятым томом «Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию». Книга, написанная известными географами, представителями макрорегионов страны, содержит конструктивные предложения и рекомендации.

Ассоциация российских географов-обществоведов может играть важную роль в проекте «Будущее России» – в программе перехода от антиустойчивого к устойчивому развитию на региональном, локальном и общегосударственном уровнях.

Литература

1. Гладкий Ю. Н. Российские регионы в «эпоху стагфляции»: поиски импульсов развития // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. № 5. С. 50–59.

2. The 2016 Global Wealth Report. Credit Suisse Research Institute.

3. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону. 2016. 226 с.

4. Маляров О. В. Россия и Индия. Общие проблемы экономического развития и подходы к их решению. М.: ИВ РАН, 2008. 101 с.

5. Тархов С. А. Изменение связности пространства России на примере авиапассажирского сообщения. ИГ РАН. Москва-Смоленск, 2015. 154 с.

6. Глазьев С. Ю. Экономика Индии как система управления развитием // Судьба ученого в эпоху перемен. Научно-мемориальный сборник. Научный совет РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. М. КАНОН+, 2014. С. 3–8.

7. India and Russia. Problems in Ensuring Energy Security// Academic Foundation. New Delhi. 2011. 242 p.

8. Сдасюк Г. В. Индия – новый драйвер мировой экономики? // Металлы Евразии. 2016. № 3. С. 62–64.

9. Сдасюк Г. В. ООН: цели устойчивого развития на 2015–2030 годы – знать, воспитывать, действовать // География и экология в школе XXI века. 2016. № 8. С. 3–16.

10. Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.

11. Гринберг Р., Рубинштейн А. Интервью. Три главных провала российского государства. http://www.sib-science.info/ru/ras/ (дата обращения: 02.12.2016).

12. Сдасюк Г. В. Энергетика России – двигатель и тормоз регионального развития // Россия и ее регионы: интеграционный потенциал, риски, пути перехода к устойчивому развитию. КМК. М., 2012. С. 189–204.

13. Кудрин А. Официальный сайт. Устойчивый экономический рост: модель для России – выступление на Гайдаровском форуме 13.01.2017.

14. Смирнягин Л. В. Региональная политика России как географическая задача // Вопросы географии. Сб. 141. 2016. С. 110–133.

15. Минниханов Р. «Это вообще глупости! Куда страна идет?» 26 декабря 2016http://sntat.ru/politika/48756-rustam-minnikhanov-eto-voobshche-gluposti-kuda-strana-idet

16. Петров Н. Новая номенклатура: пакетный метод // Ведомости. 20.02.2017.

17. Трейвиш А. И. Центр, периферия и фасад как дополняющие понятия геострановедения // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2016. № 5. С. 4–16.

УДК 914 / 919

Т. И. Потоцкая[1]
T. I. Pototskaya

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУБОПРОВОДНОГО ТРАНСПОРТА РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

GEOPOLITICAL IMPACT ON TRANSFORMATION OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF RUSSIAN PIPELINE TRANSPORT IN THE POST-SOVIET TIME

В статье изложены результаты исследования трансформации территориальной организации трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием характера ее взаимоотношений с соседними странами. Выделены основные географические направления трансформации. Выявлена сопряженность развития трубопроводного транспорта в постсоветский период с развитием инфраструктуры морского транспорта страны. Акцентируется внимание на изменении геополитической значимости сопредельных России государств под влиянием изменения географии трубопроводного транспорта страны.

The article presents the research on transformation of territorial organization of Russian pipeline transport in the post-Soviet time, considering its relations with neighboring countries. The research identifies general ways of such transformation. Revealed correlations in the development of pipeline transport in the post-Soviet period with the development of infrastructure of the country's

[1] **Потоцкая Татьяна Ивановна**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет.

sea transport. The attention is focused on changing geopolitical importance of neighboring to Russia states under the influence of transformation of the country pipeline transport.

Ключевые слова: геополитика; геополитическое положение России; трубопроводный транспорт России; постсоветское пространство.

Keywords: geopolitics; Russia's geopolitical position; Russian pipeline transport; post-Soviet space.

Введение и постановка проблемы. История изучения любой национальной экономики показывает, что она развивается под влиянием внутренних и внешних сил. Чаще всего они работают вместе, рождая синергетический эффект, хотя может доминировать воздействие одной из этих групп. Степень их влияния во многом определяется свойствами территории, которой обладает конкретная национальная экономика. Экономики стран с малой площадью, в отличие от экономик стран с большой площадью, больше открыты к действию внешних сил. Другими словами, территория может выступать как сдерживающим, так и стимулирующим фактором.

Национальная экономика России во все исторические периоды времени по объективным причинам испытывала на себе влияние фактора территории, которая в значительной мере формировала внутренние импульсы развития. Однако современная история государства, начавшаяся с распада СССР и последовавшего за ним коллапса национальной экономики, выявила ее очевидную зависимость от внешних факторов, в первую очередь – от характера отношений с сопредельными постсоветскими государствами. Их неурегулированность негативно отразилась на функционировании транспортной системы стран постсоветского пространства (включая Россию) и, как следствие, их национальных экономик в целом. Как, используя свойства территории, преодолеть эти негативные явления, насколько это возможно и каковы могут быть последствия такого преодоления? Вот неполный перечень вопросов, поиску ответа на которые посвящена данная статья.

Выбор трубопроводного транспорта в качестве объекта исследования определяется активной политикой правительства России в вопросе выработки стратегии его развития.

Обзор ранее выполненных исследований. Территориальная организация транспорта, как вида экономической деятельности, всегда входила в предмет изучения экономический географии. В разные годы к нему обращались такие известные российские ученые как С. В. Бернштейн–Коган [1], Л. И. Василевский [2], И. В. Никольский [3], С. Б. Шлихтер, С. А. Тархов [4], В. Н. Бугроменко [5] и др.

Однако интерес к изучению транспорта как одного из основных политических факторов, влияющего на характер отношений между Россией с сопредельными государствами, появился только после распада СССР, когда стали очевидны «транспортные разрывы», возникшие в ранее единой

транспортной системе и породившие комплекс политических и экономических проблем. Попытка осознать это явление, понять, как можно избежать его негативные последствия и, более того, использовать на благо государства – привело к появлению целого ряда геополитических работ, исследующих данную проблематику, описываемую часто термином «транспортная геополитика»: В. И. Якунин [6], С. А. Тархов [7], В. А. Колосов [8], В. Л. Бабурин [9], В. А. Шупер [10], Т. И. Потоцкая [11] и др.

Очевидный междисциплинарный характер предмета исследования привлекает к нему внимание не только географов, но и представителей других наук, среди которых основная часть исследований выполнена экономистами – А. Г. Коржубаев, В. И. Суслов [12], И. В. Филимонова, Л. В. Эдер [13] и др., политологами – В. И. Якунин [6], К. С. Гаджиев [14], А. А. Горбунов [15] и др., в значительной степени историками – Г. П. Власов [16], социологами – О. А. Лиходей [17] и др.

При этом, вне зависимости от научной принадлежности, большинство работ ориентировано на изучение нескольких, во многом географических аспектов данной темы.

Во-первых, это «транзитность» географического положения России между Европой и Азией и возможности его выгодного использования. Работы данной группы в значительной мере исследуют возможности железнодорожного транспорта (В. И. Якунин, Г. П. Власов, И. Зуенко, С. Зубань [18] и др.). В хронологическом порядке эта область изучения в современной «геополитике транспортных магистралей» России была первой.

Во-вторых, это изучение современного состояния трубопроводного транспорта России, преимущественно экспортной направленности. В данной группе все работы распределяются по территориям прохождения трубопроводов и направлению их экспортной деятельности: Кавказ (К. С. Гаджиев, И. Заславский [19] и др.), Центральная Азия (М. Белова [20], Н. Жолвкер [21], И. Заславский и др.), Сибирь и Дальний Восток России и Азиатско-Тихоокеанский регион (А. Г. Коржубаев, В. И. Суслов, И. В. Филимонова, Л. В. Эдер, Н. В. Медведева, С. В. Ткачев [22] и др.). Все они содержат обзор существующей трубопроводной инфраструктуры в исследуемом регионе с характеристикой используемой ресурсной базы энергоносителей; анализ реализуемых, а также перспективных проектов по строительству магистральных трубопроводов; предлагают возможные схемы сети магистральных трубопроводов, соединяющих страны данных регионов с сопредельными территориями России в среднесрочной перспективе. В силу актуальности выбранного Россией восточного геополитического вектора, исследований, посвященных трубопроводной тематике Сибири и Дальнего Востока России и АТР, существенно больше, нежели исследований, посвященных другим перечисленным регионам.

Особо стоит отметить командную исследовательскую работу Аналитического центра при Правительстве РФ под руководством Л. Григорьева [23, 24, 25], направленную на оперативное информационно-аналитическое сопровождение и экспертную поддержку правительственных решений по основным вопросам социально-экономического развития страны в разных сферах, в том числе энергетики и, как следствие, трубопроводного и морского транспорта, транспортирующих энергоресурсы. В этом контексте большой интерес представляет актуальная статистика и, сделанная на этой основе, аналитика с выделением тенденций и прогнозов, содержащихся в «Энергетическом бюллетени», выходящем с 2013 г.

Поскольку анализируемое в статье явление, наряду с экономической и географической составляющими, содержит и значимые политические аспекты, важная роль в его изучении принадлежит политологическим работам. С этой точки зрения очень содержательна серия коллективных аналитических докладов «К Великому океану…» Международного дискуссионного клуба «Валдай» [26], выполненных под руководством С. А. Караганова и О. Н. Барабанова. В них основной акцент делается на обосновании выбора Россией наряду с европейским геополитическим вектором развития и азиатского на основе создания новых внутренних (организационных и правовых) условий для ускоренного развития Сибири и Дальнего Востока, усиления российского присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Поскольку решение этих задач невозможно без развития транспортного комплекса, изучению особенностей его функционирования в данных материалах уделено много внимания.

Методика исследования. Автором был собран и проанализирован материал, находящийся в открытом доступе, по всем построенным, строящимся и перспективным магистральным трубопроводам России в постсоветский период, а также модификации магистральных трубопроводов, построенных в предыдущие периоды времени. Вся собранная информация актуализировалась с учетом данных, предоставляемых ведущими операторами основных магистральных трубопроводов России, такими как ПАО «Газпром» [27] и ПАО «Транснефть» [28]. Анализ происходил на основе территориального, исторического, комплексного, типологического и проблемного научных подходов с использованием метода геополитического анализа (выявление особенностей влияния свойств территории на внешнюю политику государства, расположенного на данной территории) и сравнительно-географического метода.

Полученные результаты исследования. Проведенное исследование позволило выделить несколько аспектов в формировании территориальной организации трубопроводного транспорта современной России, которые имеют геополитическую значимость, то есть влияют на характер отношений России с другими государствами (рис. 1, 2).

Первый аспект – это стремление России уйти от диктата стран-транзитеров, через которые осуществляется (или осуществлялся) экспорт энергоносителей.

Поскольку основным экспортным нефтепроводом России после распада СССР был нефтепровод «Дружба», экспортирующий нефть в страны Европы и проходящий транзитом через Латвию, Литву (морской транзит) и Беларусь, Украину (континентальный транзит), характер отношений с перечисленными странами стал влиять на этот экспортный поток. Решением данной проблемы стало строительство «Балтийской трубопроводной системы-1» (БТС–1), которое предполагало создание собственного портового хозяйства на Балтийском море, соответствующего по пропускной способности экономическому потенциалу России (порты Приморск, Усть-Луга, Высоцк, расширение мощностей Санкт-Петербургского порта), и строительство системы нефтепроводов, обеспечивающих доставку российской нефти в эти порты (Харьяга – Уса – Ухта – Ярославль – Кириши – Приморск). Данный проект снизил и во многом устранил зависимость экспорта российской нефти от взаимоотношений с Латвией и Литвой. В дальнейшем, строительство БТС – 2 (Унеча – Усть-Луга) снизило риски транспортировки нефти через Беларусь, поскольку нефть, транспортирующаяся по нефтепроводу «Дружба» с нефтеперекачивающей станции Унеча, расположенной на границе России и Беларуси, была перенаправлена с белорусского направления в новый нефтепровод, полностью проходящей по территории России до портов Балтийского моря [29]. В свою очередь, строительство нефтепровода «Суходольная – Родионовская», идущего по территории Ростовской области, обеспечило экспорт нефти через порт Новороссийска в обход континентального транзита, связанного с Украиной.

Экспорт газа также столкнулся с проблемой зависимости от стран-транзитеров, в первую очередь от Украины. Стремление устранить эту зависимость привело к более существенному использованию территории основного союзника России на постсоветском пространстве – Беларуси. Именно она была использована при создании транснационального газопровода «Ямал – Европа». Сегодня он проходит по территории четырех стран: России, Беларуси, Польши и Германии. Однако впоследствии, Беларусь, как и Украина, стала в какой-то использовать транзитность своего положения для давления на Россию при принятии разного рода экономических решений. В результате, Россия реализовала проект строительства газопровода, идущего в обход всех стран-транзитёров в Европу – «Северный поток». Он был проложен от Выборга (Россия) по дну Балтийского моря до Грайфсвальда (Германия). На его пути нет транзитных государств, что позволяет снизить стоимость транспортировки российского газа и исключить возможные политические риски. Эта же идея морского транзита была использована и при строительстве «Голубого потока» (КС Береговая – Самсун – Анкара), а затем и «Южного / Турецкого потока» (КС Русская – Турция), проходящих по дну Черного моря. Они предназначены для поставок российского газа в Турцию, минуя третьи страны, и дополняют газотранспортный коридор из России в Турцию, который проходит через территорию Украины, Молдавии, Румынии и Болгарии [27].

нефтепроводы России, решающие геополитические задачи, связанные со странами-транзитерами

нефтепроводы, конкурирующие за маршруты транспортировки нефти Каспийского моря

нефтепроводы, конкурирующие за маршруты транспортировки нефти в АТР

морские порты, функционирующие в геополитической связке с магистральными нефтепроводами

1 - Усть-Луга
2 - Суходольная
3 - Родионовская
4 - Новороссийск
5 - Южная Озереевка
6 - Супса
7 - Тбилиси
8 - Махачкала
9 - Астрахань
10 - Комсомольская
11 - Тихорецк
12 - Туапсе

Названия нефтепроводов

А - Балтийская трубопроводная система 1 (БТС - 1)

Б - Балтийская трубопроводная система 2 (БТС - 2)

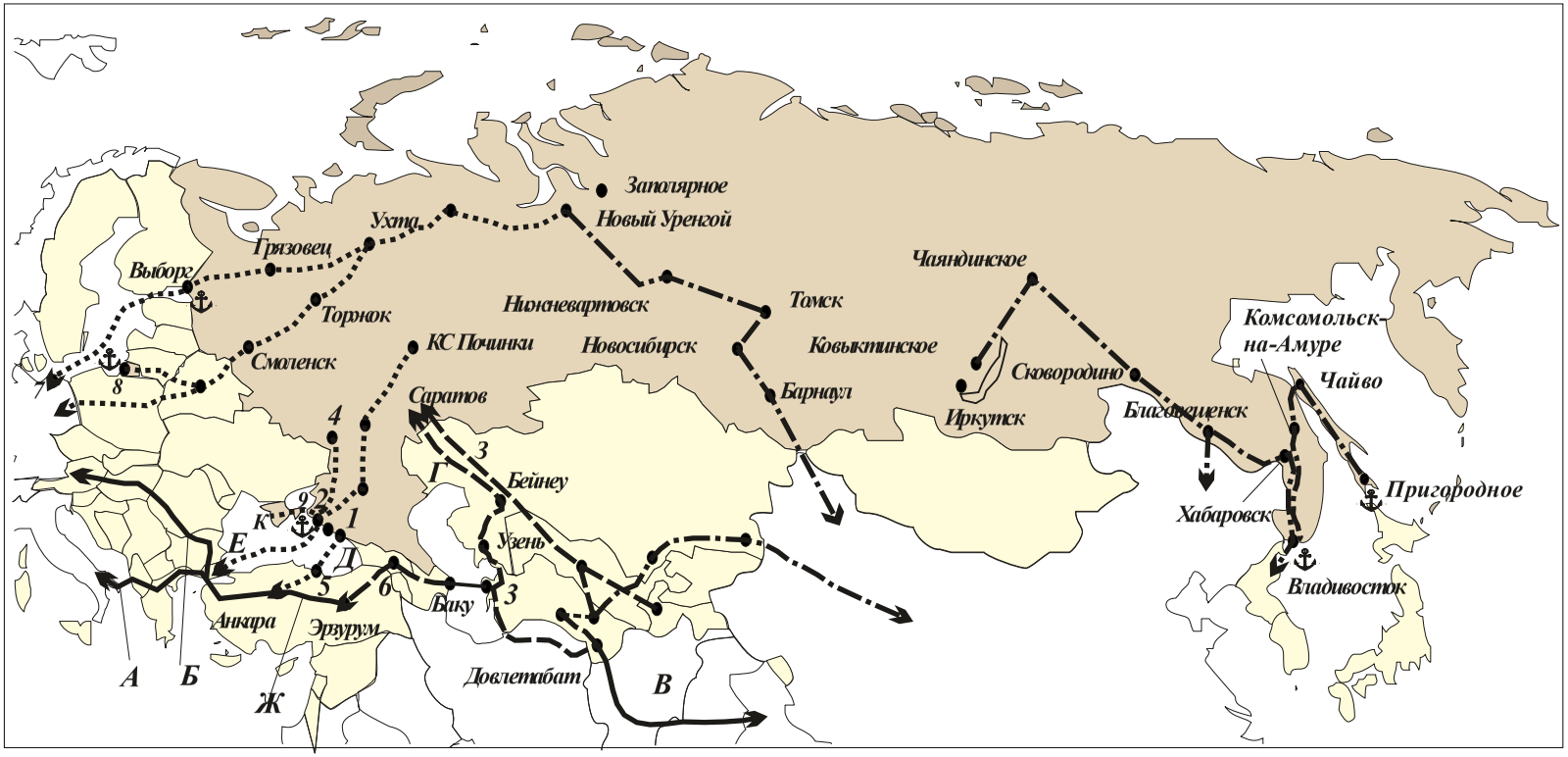
В - Баку - Тбилиси - Джейхан (БТД)

Рис. 1. Магистральные нефтепроводы России, имеющие геополитическую значимость

Второй аспект – борьба России за транспортировку газа и нефти, добываемых в бассейне Каспийского моря в пределах Азербайджана, Казахстана и Туркмении, которая стала особенно актуальной после строительства нефтепровода БТД (Баку – Тбилиси – Джейхан) и «Южнокавказского газопровода» [14, 19], проложенных параллельно друг другу по территории Азербайджана, Грузии и Турции. Это стимулировало Россию предлагать свои проекты для транспортировки нефти и газа с каспийских месторождений.

В результате началось строительство «Прикаспийского газопровода» (Туркменбаши – Узень – Бейнеу – Саратов), перекачивающего газ из Туркмении через Россию в Европу. Его использование позволило бы России включить практически весь газ, добываемый Туркменией и Казахстаном в транспортировку по единой системе магистральных экспортных газопроводов. Но ухудшившаяся конъюнктура мирового рынка в целом, а также попытки России преодолеть возникшие в связи с этим проблемы путём давления на Туркмению, привели к разрыву газовых контрактов между двумя странами [21]. Это вызвало не только замораживание данного проекта, но и планов реконструкции с целью увеличения пропускной способности действующего со времен СССР магистрального газопровода «Средняя Азия – Центр» (Галкынаш и Газли – Ургенч – Бейнеу – Саратов) и снижению объёма газа, перекачивающегося по нему. Таким образом, Россия подтолкнула Туркмению к поиску альтернативных маршрутов транспортировки своего газа на мировой рынок. Первыми маршрутами стали газопроводы, выходящие непосредственно на потребителя без посредников, в частности в Иран. Потребителями газа являются северные провинции Ирана, удалённые от месторождений Персидского залива. Это газопроводы Корпедже – Курт – Куи и Довлетебат – Серахс – Хангеран [30]. Вторым проектом, подтолкнувшим Россию к более активным действиям в Азии, стал газопровод «Средняя Азия – Китай» (Туркменабат – Бухара – Алматы – Хоргос), объединивший все страны региона: Туркмению, Узбекистан, Казахстан и Китай; он имеет ответвления на Киргизию и Таджикистан. Очевидно, что данный газопровод значительно снизил экспортную зависимость Туркмении от России. Ещё одним активно обсуждаемым проектом, берущим своё начало в Туркмении, является проект прокладки газопровода ТАПИ (Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия) и, даже, присоединение к нему России [21]. Однако политические риски, с которыми могут столкнуться руководители данного проекта, настолько высоки, что трудно предположить, что он всё же будет построен.

Одним из первых проектов, давших возможность России бороться за транспортировку каспийской нефти, стал построенный Каспийским трубопроводным консорциумом (КТК) нефтепровод Тенгиз – Новороссийск, соединивший нефтегазоносные месторождения Казахстана с российскими портами Чёрного моря. Это способствовало созданию новых морских терминалов на побережье Черного моря в Южной Озереевке. В конечном итоге данный аспект усилил значимость Чёрного моря в развитии национальной экономики России в целом, и Турции, как страны контролирующей грузопоток (в том числе) нефти через проливы Босфор и Дарданеллы, в частности.



газопроводы России, решающие геополитические задачи, связанные со странами-транзитерами

газопроводы, конкурирующие за маршруты транспортировки газа Каспийского моря

газопроводы, конкурирующие за маршруты транспортировки газа в АТР

нереализованные маршруты газопроводов

морские порты, функционирующие в геополитической связке с магистральными газопроводами

Названия газопроводов

А - Трансадриатический (TAP)
Б - Трансанатолийский (TANAP)
В - ТАПИ
Г - Прикаспийский
Д - Голубой поток
Е - Турецкий поток
Ж - Набукко
З - Средняя Азия - Центр (САЦ)
К - Кубань - Крым

1 - КС Береговая
2 - КС Русская
3 - Туркменбаши
4 - КС Писаревка
5 - Самсун
6 - Тбилиси
7 - Грайфсвальд
8 - Калининград
9 - Керчь

Рис. 2. Магистральные газопроводы России и сопредельных государств, имеющие геополитическую значимость

Третий аспект – борьба за транспортировку нефти и газа в Азиатско-Тихоокеанский регион. Изначально она была связана как со стремлением Казахстана инвестировать значительные средства в добычу нефти в Каспийском море, так и с его стремлением экспортировать нефть непосредственно потребителю, обходя страны-транзитеры (Россию). В результате стали создаваться новые системы трубопроводов, самым крупным из которых стал «Трансказахстанский нефтепровод» (Атырау – Атасу – Алашанькоу), соединивший Казахстан и Китай [20]. В силу того, что нефтяные месторождения Казахстана еще не выведены на полную мощность, загрузка нефтепровода во многом пока осуществляется за счет нефти, добываемой в России.

Российским ответом на конкуренцию в транспортировке энергоносителей в Китай, а впоследствии и на осложнившиеся проблемы взаимоотношений с ЕС в целом, стало строительство системы новых магистральных трубопроводов, выводящих её на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Это, в свою очередь, способствует формированию инфраструктуры добывающей и обрабатывающей промышленности Сибири и Дальнего Востока, стимулируя развитие экономики в этом сложном для освоения регионе. К ним можно отнести:

– нефтепроводную систему «Восточная Сибирь – Тихий океан» (Тайшет – Усть-Кут – Ленск – Олекминск – Алдан – Сковородино – Благовещенск – Биробиджан – Хабаровск – СМНП «Козьмино») [14];

– Транссахалинскую трубопроводную систему и газопровод Сахалин – Хабаровск – Владивосток, ориентированные на транспортировку нефти и газа с месторождений Сахалин – 1, Сахалин – 2, Сахалин – 3;

– газопроводы «Сила Сибири» (Ковыткинское – Чаяндинское – Хабаровск – Владивосток) и «Алтай / Сила Сибири – 2» (Пурпейская – Александровское – Парабель – Бийск – КС Чуйская – Синьцзян-Уйгурский АР Китая).

Кроме того отметим, что трансформация территориальной организации трубопроводного транспорта в России под влиянием геополитического фактора в постсоветский период была связана не только с проблемой экспорта энергоносителей (хотя, конечно, данный аспект являлся определяющим). Наряду с ним действуют и другие геополитические факторы. Например, энергетическое снабжение стратегически важных для России территорий. Для обеспечения их энергоресурсами были построены газопроводы: «Дзуарикау – Цхинвал» (Россия – Южная Осетия) и «Торжок – (Россия) – Минск (Беларусь) – Каунас Литва) – Калининград (Россия)».

Вместе с тем, анализ трансформации трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием характера отношений с сопредельными государствами показал, что политика по расширению старых и созданию новых экспортных трубопроводов приводит и к трансформации инфраструктуры морского транспорта страны. Возникает геополитическая

связка между определёнными трубопроводами и морскими портами, через которые энергоносители экспортируются / импортируются далее. Для государства, которое около 60% нефти экспортирует морским путем, 40% с помощью нефтепроводов и частично железнодорожного транспорта [25] и, при этом, постоянно увеличивает объем нефтегазового экспорта, активное расширение и формирование трубопроводной системы означает расширение и формирование инфраструктуры морского транспорта, что усиливает позиции России как морской державы, которые во многом были утрачены после распада СССР.

В свою очередь, развитое портовое хозяйство стимулирует освоение новых технологий транспортировки энергоносителей, в частности газа (в сжиженном виде), необходимость строительства заводов по его производству (СПГ) и, как следствие, потребность в связке порт – трубопровод.

Геополитические связки морского порта с подходящим к нему трубопроводом можно выделить в рамках каждого изученного аспекта изменения территориальной организации трубопроводного транспорта современной России, имеющего геополитическую значимость (таблица).

Так, стремление России уйти от диктата стран-транзитеров, через которые осуществляется/осуществлялся экспорт энергоносителей, привело к формированию таких связок в портах Балтийского и Черного морей, как:

- порт Приморск – НП БТС-1;
- порт Усть-Луга – НП БТС-2, Усть-Луга – ГП Волхов – Усть-Луга, ГП Северный поток-2 с перспективой строительства и создания к 2020 г. завода по производству СПГ «Балтийский СПГ»;
- порт Калининград – НП Минск – Вильнюс – Каунас – Калининград, строительство к 2020г. регазификационного терминала СПГ на базе газа «Балтийского СПГ»;
- порт Выборг – ГП Северный поток, строительство ГП Грязовец – Выборг (2017г.), перспектива создания ГП Мурманск – Выборг (с Штокмановского месторождения газа);
- порт Новороссийск – НП Самара – Новороссийск (Суходольная – Родионовская – Тихорецк – Новороссийск);
- порт Туапсе – НП Тихорецк – Туапсе 2.

Борьба России за транспортировку газа и нефти, добываемых в бассейне Каспийского моря, стимулировало развитие портов Махачкала и Новороссийск, т.к. к Махачкале подходит НП Баку – Махачкала и выходит НП Махачкала – Новороссийск, заполняемый, в том числе, нефтью, перевозимой из Туркменистана и Казахстана танкерами. Кроме того, нефть Каспийского моря поступает и в терминал Южная Озереевка (порт Новороссийск) по нефтепроводу, построенному Каспийским трубопроводным консорциумом.

Таблица. Основные морские порты России, функционирующие в геополитической связке с магистральными трубопроводами

Название порта	Трубопроводы	Грузооборот / Пропускная способность, млн. т	Кол-во причалов
Чёрное море			
Керчь	ГП** Керчь - Симферополь - Севастополь (2017 г.)	7,8 /	12
Новороссийск	НП Самара - Новороссийск, НП КТК, НП Баку - Новороссийск, НП Махачкала - Новороссийск	139,7 / 169,3	89
Туапсе	НП Тихорецк - Туапсе, НП Тихорецк - Туапсе 2 (проект)	25,1 / 37,6	36
Балтийское море			
Выборг	ГП Северный поток, ГП Грязовец - Выборг (2017 г.), перспектива ГП Мурманск - Выборг (с Штокмановского м. газа)	1,7 / 2	7
Калининград	Регазификационный терминал СПГ на базе газа из «Балтийского СПГ» (2020 г.) и НП Минск - Вильнюс - Каунас - Калининград	12,7 / 44,3	119
Приморск	НП БТС - 1	53,7 / 89,5	12
Усть-Луга	НП БТС - 2, ГП Северный поток - 2, «Балтийский СПГ» (2020 г.) с ГП Волхов - Усть-Луга	87,9 / 120,88	38
Каспийское море			
Махачкала	НП Баку - Махачкала, НП Махачкала - Новороссийск, нефть из Туркменистана и Казахстана (танкерами)	3,8 / 7,3	20
Охотское море			
Пригородное	Транссахалинская трубопроводная система (НП и ГП) и СПГ (с Сахалин - 2)	16,1 / 19,6	4
Японское море			
Де-Кастри	НП Чайво – Де-Кастри (месторождения нефти Чайво, Одопту, Аркутун-Даги)	10,4 / 12,3	4
Владивосток	газ с Сахалин - 3 (ГП Сахалин - Комсомольск-на-Амуре - Хабаровск - Владивосток), ГП «Сила Сибири» (2017 г.) и «Владивосток СПГ» (2019 г.)	14,5 / 21,7	65
Находка и Восточный (Козьмино)	НП ВСТО - 2	20,7 / 25,9 и 57,8 / 64,3	125 и 25

* Составлено автором по [31, 32, 33].

** НП – нефтепровод, ГП – газопровод, ... – информация отсутствует.

Борьба за транспортировку нефти и газа в Азиатско-Тихоокеанский регион способствует формированию таких связок в портах Охотского и Японского морей, как:

– порт Пригородное – Транссахалинская трубопроводная система и завод СПГ (перерабатывающий газ с месторождений Сахалин-2);

– порт Де-Кастри – НП Чайво – Де-Кастри (с месторождений нефти Сахалин-1);

– порт Владивосток – ГП Сахалин – Комсомольск-на-Амуре – Хабаровск – Владивосток (газ с месторождений Сахалин-3), ГП «Сила Сибири» (2017 г.) и строительство «Владивосток СПГ» (2019 г.);

– порты Находка и Восточный (спецморнефтепорт Козьмино) – НП ВСТО-2.

Проведенное исследование позволило автору сделать следующие **выводы**.

Во-первых, формирование территориальной организации трубопроводного транспорта в России в разные периоды времени происходило под влиянием группы факторов: значительных объемов запасов и добычи нефти и газа, увеличивающегося внутреннего спроса на них, благоприятной конъюнктуры мирового рынка и характера взаимоотношений России с соседними странами (геополитического фактора). Для современного этапа развития государства последний фактор является определяющим.

Во-вторых, наиболее важными аспектами формирования территориальной организации трубопроводного транспорта современной России, которые имеют геополитическую значимость, можно считать: стремление России уйти от диктата стран-транзитеров, через которые осуществляется (или осуществлялся) экспорт энергоносителей; борьба России за транспортировку газа и нефти, добываемых в бассейне Каспийского моря; борьба за транспортировку нефти и газа в Азиатско-Тихоокеанский регион; энергетическое снабжение стратегически важных для России территорий.

В-третьих, трансформация трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием характера отношений с сопредельными государствами сопровождалась трансформацией инфраструктуры морского транспорта страны (связки морской порт – трубопровод), что в конечном итоге усилило позиции России как морской державы, которые во многом были утрачены после распада СССР.

В-четвертых, изменение территориальной организации трубопроводного транспорта России в постсоветский период привело к снижению экспортной зависимости России от стран-транзитёров.

В-пятых, произошло усиление конкуренции между Россией и другими странами в вопросах создания новых транспортных проектов. Наиболее значительных успехов на этом пути добился Азербайджан (транзит через Грузию и Турцию), Туркмения (транзит через Азербайджан, выход на непосредственного потребителя – Китай, Иран) и Казахстан (транзит через Азербайджан; выход на непосредственного потребителя – Китай).

Преодоление Россией «транспортной зависимости» от стран постсоветского пространства привело, при этом, не только к очевидному улучшению ее геополитического положения, но и создало потенциальные проблемы.

Литература

1. Бернштейн–Коган С. В. Очерки географии транспорта. М.–Л.: ГИЗ. 1930. 348 с.
2. Василевсикй Л. И. Транспортная система мира. М.: Транспорт. 1971. 586 с.
3. Никольский И. В. География транспорта СССР. М.: МГУ. 1978. 284 с.
4. Тархов С. А., Шлихтер С. Б. География транспортных систем. Курс лекций. М.: РОУ, ИГ РАН. 1995. 148 с.
5. Бугроменко В. Н. Современная география транспорта и транспортная доступность // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2010. № 4. С. 7–16.
6. Якунин В. И. Развитие транспортной системы и геоэкономические интересы России // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. № 1. С. 48–55.
7. Тархов С. А. Транспортная интеграция и дезинтеграция постсоветского пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 1997. № 3. С. 17.
8. Геополитическое положение России: представления и реальность / под ред. В. А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
9. Бабурин В. Л. Геополитический контекст строительства газопровода Россия – Китай // Вестник алтайской науки. 2011. № 1. С. 103–109.
10. Шупер В. А. Геополитическое положение России: возможные направления изменений // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2009. № 4. С. 113–122.
11. Потоцкая Т. И. Геополитика. Смоленск: СмолГУ. 2014. 380 с.
12. Коржубаев А. Г., Суслов В. И. Стратегия развития инфраструктуры транспорта нефти, нефтепродуктов и газа в России // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2008. № 4. С. 5.
13. Филимонова И. В., Эдер Л. В., Немов В. Ю., Ламерт Д. А. Трубопроводный транспорт Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Трубопроводный транспорт: теория и практика. 2013. № 4 (38). С. 45–49.
14. Гаджиев К. С. Трубопроводная дипломатия на Южном Кавказе в геополитическом измерении // Горизонты экономики. 2014. № 4 (16). С. 13–21.
15. Горбунов А. А. Железнодорожный транспорт в геоэкономической и геополитической стратегии России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 2. С. 115–121.
16. Власов Г. П. Актуальные проблемы развития транспортной инфраструктуры евразийского пространства России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. № 3 (13). С. 59–70.
17. Лиходей О. А. Транспортная геополитика России // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова. 2009. № 4. С. 187–192.
18. Зуенко И., Зубань С. Трансконтинентальный транзит Азия – Европа // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 70–76.
19. Заславский И. Дело труба. Баку-Тбилиси-Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М.: Издательство «Европа», 2005.
20. Белова М. Атасу – Алашанькоу: история реэкспорта российской нефти // РосБизнесКонсалтинг [Электронный ресурс] URL: http://rbc.ru/ (дата обращения 22.05.2015).
21. Жолквер Н. Как туркменскому газу попасть в Европу? // Deutsche Welle [Электронный ресурс] URL: http://www.dw.de/ (дата обращения 05.05.2014).
22. Медведева Н. В., Ткачев С. В. Геополитическое значение нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий Океан // Морской флот. 2007. № 2. С. 10–13.

23. Энергетический бюллетень №2 май 2013. Новые правила игры для российского газового экспорта // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс] URL: http://ac.gov.ru/publications/ (дата обращения 07.05.2016).

24. Энергетический бюллетень №16 август 2014: Каспийский регион на энергетической карте мира // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс] URL: http://ac.gov.ru/publications/ (дата обращения 05.03.2016).

25. Энергетический бюллетень №36 май 2016: Развитие транспортировки нефти // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс] URL: http://ac.gov.ru/publications/ (дата обращения 05.07.2016).

26. Караганов С. А. и др. К Великому океану – 4. Поворот на восток: предварительные итоги и новые задачи / под ред. Б. В. Бородачева // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – Москва, май 2016 [Электронный ресурс] URL: http://ru.valdaiclub.com/ (дата обращения 25.07.2016).

27. Газпром [Электронный ресурс] URL: http://www.gazprom.ru/ (дата обращения 05.05.2015).

28. Транснефть [Электронный ресурс] URL: http://www.transneft.ru/ (дата обращения 19.05.2015).

29. Балтийская трубопроводная система – 2. [Электронный ресурс] URL: http://bts2.ru/ (дата обращения 05.02.2016).

30. Crude Accountability [Электронный ресурс] URL: http://crudeaccountability.org/ (дата обращения 05.05.2014).

31. Единая государственная система информации об обстановке в мировом океане [Электронный ресурс] URL: http://www.russianports.ru/ (дата обращения 15.07.2016).

32. ПортНьюс – Информационно-аналитическое агентство [Электронный ресурс] URL: http://portnews.ru/ (дата обращения 17.05.2016).

33. Федеральное агентство морского и речного транспорта [Электронный ресурс] URL: http://www.morflot.ru/ (дата обращения 02.03.2016).

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПАРТНЕРОВ АРГО

УДК 911:3

Ш. М. Надыров[1]
Sh. M. Nadyrov

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА НОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ

THEORY AND PRACTICE OF A NEW ECONOMIC BELT SILK ROAD

В статье раскрывается значение нового экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и его роль в переформатировании ключевых составляющих мировой экономики. В этой связи рассматриваются теоретические основы и концепции выдающихся ученых прошлого и делаются аналогии в их подходах в сравнении с современными китайскими исследователями. В статье также оцениваются возможности стран участников – ЭПШП достичь консенсуса по основным экономическим проблемам на основе научно-технологического сближения и сотрудничества в рамках единых региональных и субрегиональных задач.

The article reveals the significance of the new economic belt of the Silk Road (EBSR) and its role in reformatting the key components of the world economy. In that vein, the theoretical basis and concepts of distinguished scientists of the past are considered and analogies are made in their approaches in comparison with modern Chinese researchers. The article also assesses the capabilities of the participating countries – EBSR, to reach a consensus on the main economic problems on the basis of scientific and technological convergence and cooperation within the framework of common regional and subregional tasks.

Ключевые слова: Новый экономический пояс Шелкового пути, Евразийский Экономический Союз, пространство, интеграция, регион, методология, теория, реформы.

Key words: New economic belt of the Silk Road, Eurasian Economic Union, space, integration, region, methodology, theory, reforms.

Введение. Исключительное значение Великого Шелкового пути заключается не только в развитии мировой цивилизации в прошлом, но и его роли в настоящее время в переформатировании ключевых составляющих мировой экономики. Таковыми составляющими, на наш взгляд, выступают геоэкономика и геокультура в субрегиональном и региональном проявлении

[1] **Надыров Шарипжан Марупович**, доктор географический наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алма-Ата, Казахстан.

вдоль трассы Шелкового пути. Китайские ученые придерживаются мнения, что новый экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) для Китая имеет большее значение по сравнению с Великим Шелковым путем в прошлые эпохи. С этим трудно не согласиться. Закономерно возникает вопрос: ЭПШП – это пространство или инструмент пространственного развития и управления?

Китайский проект Экономического пояса Шелкового пути является важнейшей инициативой КНР. Она затрагивает различные области развития многих государств и целых регионов мира: безопасность, социокультурные, политико-дипломатические и цивилизационные аспекты их существования. При этом в Китае на официальном уровне предпочитают не акцентировать внимание на ее геополитических целях [1,2]. По мнению Сыроежкина К.Л., любой крупный транспортный коридор – это, прежде всего, геополитика. Экономика здесь играет подчиненную роль. Хотя, если удается достичь одновременно двух целей, то проект можно считать успешным. Особенно это касается регионов, за которые идет конкурентная борьба между центрами силы [3].

ЭПШП – это набор проектов, которые даже формально не образуют отдельный международный институт. Однако их оформление в рамках единой концепции, которая к тому же имеет глубокие исторические корни, придает новое звучание китайским инициативам. Китай выступает не только как экономический, но и как «идейный» лидер для стран региона. Он уже не стремится держаться в тени, а напротив, проводит активную политику, предлагая собственные решения в ответ на региональные вызовы [1,2]. Безусловно, это вызывает множество вопросов, среди которых, на наш взгляд, ключевое значение имеют такие: как, насколько Китай уполномочен решать проблемы других, в первую очередь сопредельных государств, насколько экономически обоснованы и подкреплены политическими и геополитическими доводами сценарии развития ЭПШП, которые Китай предлагает? Возможна ли вообще реализация на практике идей, которые предлагает китайская сторона?

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся проанализировать эволюцию экономической реформы в Китае. От момента введения политики реформ и открытости и вплоть до 1994 или 1995 года, то есть примерно до того момента, когда была введена раздельная система налогообложения, Китай следовал экономической модели Дэна Сяопина, являвшейся, по сути, моделью Адама Смита, в которой он предложил свой взгляд на роль государства в экономике, который в дальнейшем назвали классической теорией. В соответствии с ним, государство должно обеспечивать безопасность жизни человека и его собственности, разрешать споры, гарантировать соблюдение правил [4]. Действительно, уход от плановой экономики и переход к системе, когда распределение ресурсов происходит в соответствии с нуждами рынка, позволили КНР в первые годы реформ сделать экономическую систему значительно более эффективной. И это в чистом виде модель Адама Смита,

труды которого по экономике стоят у истоков экономической науки, и уже в них он защищал идеи об эффективности свободного рынка [4]. Это положение блестяще было использовано в первые десять лет экономической реформы в Китае. С 1994–1995 годов КНР перешла на другую, восточно-азиатскую модель экономики. Ее также можно назвать кейнсианской: ее суть в увеличении роли государства в регулировании экономического процесса [5]. Некоторые исследователи утверждают, что «Китайская модель» экономики – это миф, с чем можно соглашаться или не соглашаться. Тем не менее, надо отдать должное руководству Китая за высокий уровень научного обоснования проводимых реформ. Можно еще привести примеры, но, по нашему мнению, опора на труды классиков экономической науки свидетельствуют о серьезной научной базе реформ, проводимых в Китае с 1978 года. Касательно ЭПШП, можно утверждать, что, во-первых, оно видится как продолжение китайской экономической реформы с акцентуацией внимания на географические факторы, которые рассматриваются как индикаторы развития, и, во вторых, – на научное наследие, каковыми являются теория Х. Д. Маккиндера и план Маршалла, а также теория (географического) международного разделения труда.

Теория Маккиндера и новый экономический пояс Шелкового пути. Идея о том, что географические условия и предпосылки определяют внешнюю и военную политику государства, возникла едва ли не с образованием первых государств древней цивилизации. Однако на рубеже XIX–XX вв., когда борьба за переустройство мира вступила в новую фазу – фазу насильственного передела, она вновь актуализировалась. Проект ЭПШП также нацелен на переустройство мира, но не насильственными действиями, а воздействием экономических, политических и геополитических факторов.

В 1904 г. Маккиндер выступил на заседании Географического общества с докладом «Географическая ось истории» [6], в котором изложил свои геополитические взгляды. Он сформулировал четыре основных принципа своих геополитических воззрений:

– географические факторы оказывают непосредственное воздействие на ход исторического процесса;

– географическое положение во многом определяет потенциальную силу или, наоборот, слабость государств;

– технический прогресс изменяет географическую «среду обитания» государств и отражается – позитивно или негативно – на их потенциальном могуществе.

Эти принципы во многом совпадают с ключевыми положениями проекта ЭПШП.

Евразия, подчеркивал Маккиндер, оказывает стратегическое влияние на глобальные политические процессы [6]. Он строил свою концепцию, исходя из того, что в центре мира лежит Евразийский континент, имеющий собственный центр – осевой ареал, для названия которого он в 1919 г.

использовал придуманный английским географом Дж. Фэргривом (1916 г.) термин «хартленд», в русском переводе звучащий как «сердцевинная земля», «земля сердцевины», «срединная земля» [6]. Так стал называться особый евразийский регион, который был признан Маккиндером, а затем и многими геополитиками мира, в качестве «географической оси истории» [7, 8]. Для них хартленд формировался из трёх компонентов: самой обширной равнины земного шара, самых длинных судоходных рек, устья которых теряются во льдах Северного океана или во внутренних морях континента, и огромной степной зоны, обеспечивающей абсолютную мобильность кочевым народам. Концепция материковой сердцевины, выдвинутая и обоснованная Маккиндером, стала краеугольным камнем множества геополитических теорий. Причины этого были «схвачены» британским геополитиком в следующих суждениях:

– «материковая сердцевина – это район, к которому при современных условиях морская держава не может иметь доступа»;

– «недоступность хартленда – это факт географии, и в этом заключается наибольшее стратегическое преимущество континентальной державы над морской»;

– «материковый хартленд – это реальный географический факт, это цитадель мирового острова… Шторм начинается с материковой сердцевины» [6].

Маккиндер в результате анализа предшествующих периодов истории пришёл к выводу, что она (история) географически вращается вокруг континентальной оси. По его мнению, «трансконтинентальные железные дороги резко изменили представления о могуществе государств на суше» [6]. В начале XX в. резко возросло значение суши и произошло изменение равновесия в мире в пользу континентальных государств. Перед ними открывалась перспектива создания мировой империи, в первую очередь в результате создания союза России и Германии. Разумеется, он не мог предположить, что роль одной из мировых империй в 21 веке уготовлена Китаю. ЭПШП оказался в определенной мере логическим продолжением идеи Маккиндера, соединивший внутренние и внешние дуги в одно целое, но с другим составом участников, то есть «сердцевинную землю» или «землю сердцевины» со «срединным государством» (Чжунго- 中国 -Китай). Оценивая геополитические перспективы Германии, Х. Маккиндер считал, что она может стать доминирующей силой в мире лишь в том случае, если в ее распоряжении окажутся российские ресурсы. Это позволило бы ей соединить достоинства континентальной и морской державы. В настоящее время, согласно инициативы «Один пояс и один путь», место Германии занял Китай. Главную задачу британской геополитики Х. Маккиндер видел в том, чтобы не допустить образования стратегического континентального союза вокруг «географической оси истории». По его мнению, государства «внешнего полумесяца» должны стремиться оторвать от Хартлэнда максимум береговых пространств и поставить их под свой контроль. Проект ЭПШП, напротив,

геополитику Китая видит в формировании стратегического континентального союза под эгидой КНР. Вместе с тем необходимо учитывать, что еще при жизни Маккиндер критически переосмысливал отдельные положения своей концепции в соответствии с происходящими в глобальном и региональном аспектах изменениями. Так, новый экономический пояс Шелкового пути после реализации проекта должен превратиться в глобальную логистическую цепь и стать частью мировой экономики, способной противостоять, с одной стороны, негативным проявлениям существующей мировой финансово-экономической системы, с другой – сформировать новую систему финансово-экономических отношений. Ключевая роль в проекте будет принадлежать Китаю в альянсе с Россией, которыми по существу создана основа двуполярного мира, и без их участия проект теряет всяческий смысл. Следуя законам геополитической логики, Китай и Россия не могут не рассматривать данный проект как одну из несущих конструкций будущей Евразийской экономической модели, аналогично «Евроатому» или «Европейскому объединению угля и стали» на заре формирования Европейского Союза.

Сам Маккиндер считал, что концепция хартленда «не может быть обозначена более или менее чётко на географической карте», тем не менее, под хартлендом он понимал «Север и Центр Евразии, куда включены пространства от Арктики до пустынь Средней Азии, а западная граница проходит по перешейку между Балтийским и Северным морями» [2]. Подчёркивая стратегический приоритет «географической оси истории» во всей мировой политике, он сформулировал главный геополитический закон, состоящий из трёх постулатов:

а) тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над хартлендом;

б) тот, кто доминирует над хартлендом, тот господствует над Мировым островом;

в) тот, кто доминирует над Мировым островом, тот господствует в мире» [6].

Итак, согласно концепции Маккиндера, определяющим фактором истории народов является географическое положение стран, причем по мере экономического, социального и культурного развития влияние географического фактора на прогресс человечества постоянно возрастает. Этот фактор выражается в соотношении суши и моря и взаимоотношениях сухопутных и морских народов, освоением ими земных и водных пространств. Теория Маккиндера, предложенная им в 1904 г., – теория континентального пространства, не подверженного влиянию вооруженных сил и морских держав. «Хартлэнд», объяснял он, защищена от истории, которая сотрясает остальной мир. История отныне пронизана постоянными диалектическими столкновениями между сушей и морем. Основная идея – противостояние между гигантской континентальной массой, образованной Европой, Африкой и Азией, и океанской массой, где господствуют морские англо-саксонские державы.

Континентальная масса имеет «середину», образованную Европейской частью России, Уралом, Западной Сибирью, Казахстаном, Синьцзяном и Монголией.

Мы далеки от мысли считать концепцию Макиндера теоретической основой, а в будущем – практическим воплощением проекта ЭПШП, тем более, что она не состоялась, но отдельные ее положения отражают объективные географические и геополитические процессы, причем недостаточно изученные как в пространственном, так и во временном аспектах, заслуживающие научно-обоснованного и конструктивного подхода при их дальнейшем исследовании. Ясно одно, что наши китайские коллеги при подготовке данного варианта проекта, безусловно, изучили труды Маккиндера и попытались перейти на более высокий уровень анализа современной геополитической ситуации в мире. Поэтому совершено правы исследователи, которые считают, что для соседних с Китаем государств, прежде всего России и Центральной Азии, важно понять, что рост влияния Китая в обозримом будущем неизбежен. В связи с этим необходимо искать пути не его бесперспективного сдерживания, но использования в интересах собственного развития [1]. Вместе с тем, на наш взгляд, не умаляя роли ЭПШП, следует заметить, что, получившая развитие в последние годы тенденция повышения удельного веса внутреннего потребления в ведущих регионах мира может повлиять на снижение показателей товарооборота в межрегиональных связях.

План Маршалла и новый экономический пояс Шелкового пути. Анализируя теорию, концепции и экономические доктрины западных ученых, некоторые китайские исследователи подвергают резкой критике работы западных авторов, которые рассматривают «Один пояс и один путь» как китайскую версию Плана Маршалла. По мнению китайских экспертов, такой подход является ненаучным, кроме того, искажение фактов в работах западных экспертов негативно влияет на понимание сути инициативы Си Цзиньпина и на эффективность ее реализации. Китайский ученый Чжан Синь утверждает, что, реализуя План Маршалла, США закладывали фундамент для своей глобальной гегемонии: США оказывали помощь западноевропейским государствам, занимаясь экспортом производственных мощностей, причем страны-получатели помощи оказывались в пассивном и зависимом положении и не могли самостоятельно определять экономическую политику. Это коренным образом отличается от китайской инициативы «Одного пояса и одного пути», реализация которой основана на принципах совместного строительства, совместного использования и совместного выигрыша, а целью строительства является «сообщество интересов», «сообщество общей судьбы», «сообщество ответственности», при этом инициатива носит инклюзивный и открытый характер [9]. Действительно, план Маршалла, на наш взгляд, по ряду положений в определенной степени перекликается с инициативой «Одного пояса и одного пути». Так, согласно плана Маршалла, решение проблемы заключалась в том, чтобы разорвать замкнутый круг и восстановить уверенность

европейских народов в экономическом будущем их стран и Европы в целом. Необходимо было создать широкий простор, где промышленники и крестьяне будут иметь возможность и желание обменивать свою продукцию на деньги, стоимость которых в долгосрочной перспективе не подлежит сомнению [10].

В своем выступлении Государственный секретарь США Джордж К. Маршалл в июне 1947года изложил программу, позже названную «Планом Маршалла», в которой отметил: «Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью должно быть возрождение работающей мировой экономики, чтобы обеспечить появление политических и социальных условий, в которых могут существовать независимые общественные институты. Я уверен, такую помощь не следует делать по частям по мере развития различных кризисов. Любая помощь, которую будет предоставлять наше правительство, должна быть решением проблемы. Я уверен, что правительство любой страны, желающей участвовать в восстановлении, найдет полное понимание со стороны правительства Соединенных Штатов. Никакое правительство, что маневрирует с целью заблокировать восстановление других стран, не может ожидать помощи от нас. Более того, правительства, политические партии или группы, которые пытаются увековечить человеческую нищету для того, чтобы получить политические или иные дивиденды, встретят противодействие Соединенных Штатов» [10].

Разумеется, что инициатива «Одного пояса и одного пути» и план Маршалла могут быть разными экспертами интерпретирована по разному, но то, что это проекты глобального масштаба, ни у кого не вызывает сомнения и при всем этом их объединяют слова Уилла Клейтона, бизнесмена и дипломата, которому, как полагают, принадлежала эта идея, ратовал за нее в свете «потребностей и интересов народа Соединенных Штатов - нам нужны рынки, крупные рынки, чтобы покупать и продавать ... а потому дешевле защитить себя экономическими средствами, которых у нас вполне достаточно [11]. Эти же слова может произнести любой бизнесмен, поскольку в этом кроется суть экономики

Ракурсы геоэкономического развития. В своем выступлении на Международном Симпозиуме «Новый Шелковый Путь – пояс устойчивого развития и всеобщего процветания» 17 июня 2015 года, проведенного под эгидой КазНУ им аль-Фараби и Генерального консульства Китайской Народной Республики в г. Алматы, Генеральный консул Китая в г. Алматы **Чжан Вэй** подчеркнул, что данный проект ни в коем случае не означает процесса развития экономической интеграции и экспансии Китаем территории Евразии. Чтобы поддержать или опровергнуть такую постановку вопроса, необходимо проанализировать геополитическую ситуацию в странах, лежащих на новом поясе Шелкового пути между Китаем и Россией, по крайней **мере в трех ракурсах геоэкономического развития**.

Первый ракурс заключается в том, что Концепция Шелкового пути воспринимается в России с интересом и без возражений, но не выдвигается ею в качестве официальной. Россия предпочитает использовать термин «евразийская интеграция» и хотела бы сохранить свое традиционное влияние в Центральной Азии за счет равноправного сотрудничества и добровольного восстановления политических и экономических связей на взаимовыгодной основе, для чего есть все основания. Однако Центральная Азия вместе с южными соседями выступают проблемными регионами не только для России, но и всего современного мира. Вопрос заключается в том, насколько Россия сможет защищать свои интересы от других геополитических игроков, включая Китай, который доминирует в экономике стран Центральной Азии, а именно в городах «экономического пояса» свободной торговли. Использование территории стран Центральной Азии в качестве транзита должно способствовать не только росту, но и развитию их национальных экономик в контексте встраивания в мировые технологические цепи с целью перехода на новые технологические уклады для сокращения социально-экономических разрывов с развитыми странами. К сожалению, пока такого механизма еще нет [12].

Этим обусловлено появление **второго ракурса геоэкономического развития** региона. Анализ размещения зон экстремизма или потенциального экстремизма вдоль ЭПШП свидетельствует, что на географической карте они в основном совпадают либо с зонами концентрации энерго- и других стратегических ресурсов, либо с ключевыми зонами в достижении геостратегических целей. По иронии судьбы – это, в основном, границы Запада и Китая с исламским миром. Они совпадают с границами демократии и авторитарных режимов, с границами перераспределения ресурсного потенциала и сфер влияния главными геополитическими игроками, а также с границами мирового лидерства в XXI веке. Восточная часть этой зоны включает страны Центральной Азии или «Большой Центральной Азии» (БЦА), концепция которой разработана в конце XX века американскими учеными, которые помимо Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении включают Афганистан и Синьцзян, а также прилегающие к этому региону территории России, Монголии, Индии, Пакистана и Ирана [13]. В этом плане, по мнению китайских исследователей, странам - членам ШОС необходимо не допустить реализации американского проекта. Доказательством этому является Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, который был создан в 29 июня 2015 года по инициативе китайского правительства, и специальный фонд Шелкового пути, основанный КНР в начале 2015 г. Эти фонды являются фундаментом «мягкой силы» Китая, которые впоследствии станут главными рычагами в «мягком управлении».

Еще одной крупной проблемой, которую можно рассматривать в качестве **третьего геоэкономического ракурса**, выступает состояние и **уровень развития финансово-экономических систем** в странах ЕАЭС и КНР.

Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) и Китай попытаются совместить Евразийский проект и Новый шелковый путь, что потребует необходимости выработки общих подходов и принципов к такому соглашению.

За исключением КНР, в постсоциалистических странах экономико-географическая и экономическая наука не разработали более или менее стройную теорию переходного периода, теорию развития финансово-экономической системы или социально-экономическую доктрину, которая лежала бы в основе социально-экономических реформ. Но в отличие от других постсоветских государств, Казахстан, руководствуясь Стратегией 2030, затем Стратегией 2050, выдвинутой нашим Президентом Назарбаевым Н.А., в какой-то мере заменившим теорию, методологию экономического прогнозирования, стал региональным лидером в Центральной Азии. Однако стратегии социально-экономического, инновационного развития, разработанные на их основе экономические модели, оказались недостаточно готовыми к переходу Казахстана на новые технологические уклады. Причин здесь много, но основной является, на наш взгляд, то, что мировая финансово-экономическая система стала одним из инструментов регулирования процессов международного территориального разделения труда. Это означает, что производственная или региональная специализация развивающимся странам или странам с переходной экономикой может быть навязана извне ведущими геополитическими игроками.

Заключение. Проект ЭПШП является уникальным, поскольку интегрирует практически большую часть восточного полушария на принципах формирования системы новых финансово-экономических отношений и не имеет прецедента в новейшей мировой экономической истории. Другое дело, насколько страны - участницы ЭПШП, кроме Китая и России, готовы реализовывать данный проект. Речь идет о возможностях отстаивать собственные интересы в конкурентной борьбе за счет преимуществ пространственного, технологического, научно-образовательного развития в складывающейся системе экономических отношений стран ЭПШП. В процессе экономической интеграции страны ЭПШП должны достичь более высоких качественных показателей воспроизводственных структур по сравнению с Россией и Китаем. Вместе с тем, процесс эволюции китайской экономической реформы свидетельствует не только о силе (и, в первую очередь, научно-методологического обеспечения инициативы «Один пояс и один путь»), но и в какой-то мере о слабости географического подхода стран ЕАЭС к проблеме ЭПШП. Нельзя игнорировать позитивные стороны ЭПШП (их достаточно много и каждая из них заслуживает серьезных исследований), равно как и негативные стороны по отношению к отдельным странам или регионам.

В этих условиях для стран-участников ЭПШП, включая Казахстан, необходима принципиально новая парадигма социально-экономического

развития, адекватная решению непростых задач формирования экономического пояса Шелкового пути на основе:

– разработки единых и национальных стратегий социально-экономического развития с соответствующим механизмом перехода к новым технологическим укладам;

– разработки инновационных схем пространственного развития Казахстана с акцентуацией внимания на реконфигурацию территорий городов и регионов как градостроительной основы функционирования национальной экономики;

– формирования системы расселения населения в рамках городских агломераций – инкубаторов инновационных технологий и финансовых центров мирового, субрегионального и регионального уровней, оказывающих экономическое влияние на значительную часть экономического пояса Шелкового пути и Евразийского Экономического Союза [14].

Разумеется, все эти три основных направления стратегии социально-экономического развития Казахстана должны разрабатываться в единстве содержательных и процессуальных частей, что позволит противостоять вызовам и угрозам финансово-экономических кризисов. Проект экономического пояса Шелкового пути должен быть экономически эффективным и отвечать интересам его участников на многие десятилетия. Это позволит повысить конкурентоспособность стран участников ЭПШП на региональных и мировых рынках со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Литература

1. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (Аналитический доклад). Москва, Научный эксперт, 2016.

2. Маккиндер, Х. Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1997. № 7.

3. Сыроежкин К. Л. Транспортные коридоры на евразийском пространстве: экономика или геополитика // В материалах международной конференции г. Астана 2015 года, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Астана, 2015.

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 688 с.

5. Кейнс Дж. М. «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.).

6. Mackinder, H.J. Democratic Ideals and Reality. - L., 1919.

7. Калашникова Л. В. Геополитика в системе факторов цивилизационного становления общества: Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2005.

8. Медведев Н. П. Политическая регионалистика: учебник. М.: Гардарики, 2002.

9. 张鑫带路"根本不同于马歇尔计划.; 程子豪，亲诚惠容，共同发展：带路", 2016, 15. .. 261–262; 金玲, 带路"中国的马歇尔计划, 2015, 1. .. 88–99.

10. Аллен Д. План Маршалла. План восстановления или военный план? Пер. с англ. М., 1949.

11. Энциклопедический словарь, Гл. редактор Б.А. Введенский, 1, 2, 3 том, ГН «БСЭ»,М.: 1953–55.

12. Надыров Ш. М., Ахаев А. А. Проблемы встраивания Республики Казахстан в мировые технологические цепи //Материалы XXXVII Международной научно-практической конференции «Современная экономика и финансы: исследования и разработки. Сб. тезисов, Санкт-Петербург, 2015, с. 13–17.

13. Казахстан в системе новейших геополитических и региональных трансформаций в Центральной Азии, Изд-во «Мир», Алматы,2014, 127 с.

14. Nadyrov Sharipjan. Kazahstan in the new economic zone of the silk road //Geomed 2016. 4-th international Geography Symposium, May 23 – 26. Kemer, Antalya, Turkey.

УДК 911.3

Р. Гнято, О. Гнято, М. Станоевич, С. Гнято[1]
R. Gnjato, O. Gnjato, M. Stanojević, S. Gnjato

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ПРАКТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

GEODIVERSITY WITHIN THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT THEORY AND SPATIAL PLANNING PRACTICE

Географическое разнообразие проявляется в морфологических, физиономических и функциональных геоструктурах и геокомплексах (геосистемах) различной типологии, таксономии и других формах геопространства. Устойчивые связи и отношения между природными и антропогенными системами проявляются в единстве, а их взаимовлияние – в изменениях в географическом пространстве. Ключевые изменения и процессы инициирует человек в целях подчинить формы географического пространства (формы географического разнообразия) собственным интересам. Центральная проблема в связи с данной целью касается устойчивого развития, в котором пространственное планирование играет важную роль.

Geodiversity is manifested through the morphological, physiognomical and functional geostructures and geocomplexes (geosystems) of diverse typology, taxonomy and other forms of geospatiality. Tight connections and relations between natural and anthropogenic systems are visible through their unity, whereas their mutual impact is evident in the changes of geographical space. The key alter-

[1] **Гнято Райко**, Председатель Географического общества Республики Сербской (ГОРС), доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ); **Гнято Обрен**, доктор географических наук, профессор, Высшая школа туризма и гостеприимства (Требинье, Республика Сербская, БиГ); **Марко Станоевич**, магистр географических наук, ассистент, Кафедра региональной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня- Лука, Республика Сербская, БиГ); **Гнято Слободан**, бакалавр Факультета естественых наук, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, БиГ).

ations and processes within geographical space are set in motion by humans in an attempt to capitalize on forms of geographical space (forms of geodiversity) for the purpose of their own interests. In this regard, the central issue refers to sustainable development in which spatial planning plays a pertinent role.

Ключевые слова: географическое разнообразие, устойчивое развитие, пространственное планирование, окружающая среда, природные системы, антропогенные системы, геокомплексы, геоструктуры, геокомпоненты, экономическое развитие, общественное развитие, экологическое развитие, региональные системы, геополитика.

Key words: geodiversity, sustainable development, spatial planning, environment, natural systems, anthropogenic systems, geocomplexes, geostructures, geocomponents, economic development, social development, ecological development, regional systems, geopolitics.

Введение. Географическое разнообразие, в классическом понимании слова, трактуется как природно-географические различия, выявленные в форме природных компонентов, природных систем и подсистем. Каждая из упомянутых структур характеризуется особыми структурными, морфологическими, физиономическими, а также реальными и потенциальными функциональными отличительными признаками. Отождествляя географическое разнообразие с категориями понятий, связанных с природно-географическими системами (комплексами), уместно говорить о позиции и роли географического разнообразия в концепции устойчивого развития и практике пространственного планирования. Эта проблема предполагает комплексный методологический подход как к исследованию географического разнообразия, так и к позиции и роли пространственного планирования и пространственных планов в так называемом устойчивом развитии.

В отличие от мнения, полагающего, что географическое разнообразие можно отождествить с **природно-географическими комплексами** (системами, подсистемами и структурами), один из теоретических и практических подходов подразумевает **антропогенное географическое разнообразие**, в рамках которого мы тоже различаем антропогенные системы, подсистемы и структуры (компоненты).

В реальном географическом пространстве природное и антропогенное географическое разнообразие можно лишь условно дифференцировать, следовательно, механизмы их функционирования являются условно автономными и функционируют отдельно, согласно природным и общественным законам и закономерностям. Тем не менее, в реальном географическом пространстве природные и антропогенные структуры не функционируют отдельно и независимо друг от друга. Наоборот, они являются неразделимыми и взаимозависимыми, проявляясь в единстве (глобального) географического пространства и различных форм геопространственности. В отличие от природных форм географического разнообразия, относительно постоянных и в меньшей степени подвергаемых изменениям, антропогенные

формы являются очень динамичными. Это продукты общих и отдельных общественных условий развития, а также воздействия природных факторов (природной среды). В этой связи реальное географическое пространство, в рамках которого отличаем формы геопространственности (формы географического разнообразия), должно восприниматься как продукт воздействия и взаимозависимости природной среды, с одной стороны, и человека, т. е. общественно-географических факторов (окружающей среды) – с другой. И те и другие воздействия не что иное, как продукт **логики пространства**.

Формы географического разнообразия (геопространственности) можно «рассматривать» на различных уровнях пространственной организации (населенный пункт, местное общество, административный район, нодальный район, исторический район, культурный район, государство, геополитический союз государств, экономический союз государств, военный союз государств..., глобальное географическое пространство). Упомянутые формы характеризуются весьма различными, но, все же, довольно переменчивыми типологическими признаками, так сказать, составляющими географического разнообразия. Итак, мы говорим о культурных, экономических, политических, социальных, научных, образовательных и тому подобных признаках геопространственности. В рамках уже упомянутых, в определенных обстоятельствах особую роль играют этнический, национальный, конфессиональный признаки геопространственности. Воздействие данного фактора иллюстрирует не только история, но и современные геополитические процессы в различных частях мира (Северная Африка, Ближний Восток, Средняя Азия, Западные Балканы, Украина...).

Формы организации географического пространства, кроме антропогенных, характеризуются особыми природными признаками. Прежде всего, речь идет о природных ресурсах как факторе развития и планирования пространства. Именно поэтому природные факторы, с одной стороны, и факторы экономического, политического, научного, технологического и других видов силы и интересов, с другой, представляют собой ключевые инициаторы процессов в географическом пространстве. На основании сказанного можно сделать логичный вывод – географическое разнообразие инициируя процессы развития в географическом пространстве, одновременно является продуктом тех же самых процессов.

В рамках исторического процесса глобальное географическое пространство и формы геопространственности, как рамки человеческого существования и выживания, являются предметом постоянной валоризации. Валоризация географического пространства, практически, во всех своих проявлениях инициирует процессы развития и, параллельно, различные проблемы; в настоящее время ключевая из них – касается так называемого **устойчивого развития**. Эта сложная проблема тесно связана с **пространственным**

планированием, а также с различными концепциями, политиками и стратегиями развития.

Подходы к устойчивому развитию и к практике пространственного планирования. С теоретической точки зрения проблема **устойчивого развития** является не новой. Идея об устойчивом развитии была выдвинута в начале семидесятых годов прошлого века на Первой Конференции ООН по окружающей среде, состоявшейся в Стокгольме в 1972 г., на которой была принята Декларация по проблемам окружающей человека среды.

Идея об устойчивом развитии была полномасштабно озвучена в конце восьмидесятых годов (1987) в докладе Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развитию под названием «Наше общее будущее». В этом докладе понятие **устойчивого развития** определяется как развитие, направленное на удовлетворение потребностей сегодняшнего поколения с тем расчетом, чтобы не лишать будущие поколения возможностей удовлетворять их будущие потребности. Одним из итогов Саммита была рекомендация об устойчивом управлении земельными, водными и лесными ресурсами в XXI веке [1].

В 1992 г. на Всемирном саммите в Рио-де-Жанейро, известном под названием Рио-декларация, понятие «устойчивое развитие» было признано ООН как стратегическая цель. На Саммите также принят программный план действий с целью устойчивого развития в XXI веке, под названием Повестка дня на XXI век; одна из его составляющих посвящена роли местных органов власти в сохранении окружающей среды [2].

Десятилетие спустя после Саммита в Рио Всемирный саммит по устойчивому развитию состоялся в Йоханнесбурге [3]. После этого, концепция устойчивого развития утвердилась как ориентир в экономической политике и политике окружающей среды, в общественных организациях, начиная с интернационального и государственного, вплоть до местного уровней.

Под понятием «устойчивого развития» в настоящее время подразумевается «повышение качества жизни через сохранение условий жизни и емкости экосистем» [4]. Повышение качества жизни подразумевает соответствующее экономическое развитие в данном географическом пространстве, развитие, продолжающееся определенное количество времени, экологически приемлемое и с положительными социоэкономическими эффектами. Модель устойчивого развития в равной мере основывается на экономических, экологических и социальных началах [5].

На практике устойчивое развитие в основном неотделимо от государства и его механизмов деятельности, следовательно, находится в тесной взаимосвязи с **концепциями** общего и регионального развития, а также с практикой пространственного планирования [6]. Устойчивое развитие неразрывно связано и с различными **стратегиями** развития. Все они подразумевают долгосрочную и плановую направленность процессов развития на

основе оценки имеющихся природных, человеческих, урбанистических, инфраструктурных, экономических, технических, технологических и других ресурсов. Таким образом, говоря о стратегиях развития, речь идет и об оценке имеющихся геопространственных ресурсов (географического разнообразия). Благоприятствуют стратегиям финансовые системы, местные и региональные рынки, а в последнее время, все чаще – политические обстоятельства и влиятельные центры силы. В развитых системах (подразумеваются государственные образования) стратегии призваны способствовать идентификации различных интересов, снижению уровня конфликтогенности, защите общественных интересов и т. п. [7].

Предшествующий анализ подводит к выводу, что географическое разнообразие, его учёт, представляет собой ключевое основание соответствующих концепций регионального развития и практики пространственного развития. Роль географического разнообразия особо выделяется в концепции **интегрального географического развития**, особенно в части, относящейся к **интегральному сельскому развитию** [8]. Применительно к европейской модели интегрального сельского развития и сельской устойчивости, речь идет об оценке **потенциалов развития сельского пространства в целом** с целью «сохранения окружающей среды для потребностей сегодняшних и будущих поколений».

Первоначально, европейская модель интегрального сельского развития была связана с реструктуризацией сельского хозяйства на семейных фермах, включающей меры национальных аграрных политик, особенно Общей сельскохозяйственной политики (Common Agricultural Policy). Тем не менее, существуют еще другие (юридические, экономические, экологические) меры интегрального сельского развития и сохранения окружающей среды в рамках Европейского Союза (ЕС). В этом смысле первоначальную роль имел принятый в усечённом виде так называемый План Маншолта, предлагающий ряд мер, обеспечивающих реструктуризацию производства и увеличение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на открытом рынке.

Концепция интегрального сельского развития, осуществляемая через реформы аграрной политики в течение восьмидесятых годов двадцатого века, в наиболее полном виде воплотилась в жизнь в Швейцарии, Японии, США и странах Европейского Союза, особенно во Франции. Поддержка программам сельского развития со стороны структурных фондов ЕС обусловлена активным отношением к жизненной среде [8].

Опыт ЕС показал, что сельское хозяйство является основой сельского развития, а вмешательство бюрократии в рыночные процессы оставляет возможность для злоупотреблений разного вида. В докладе Счетной палаты за 2004 год о злоупотреблении сельскохозяйственных фондов Союза констатируется: «Финансовые нарушения в целом за период с 1971 по 2002 гг. составили 3,1 миллиарда евро» [9].

Сельскохозяйственную политику ЕС в целом можно охарактеризовать в нескольких тезисах. Ключевым предстает роль государства (в смысле финансовой поддержки сельскому хозяйству), а это значит, что прибыль, а также конкурентоспособность обретаются вне рыночных законов. Очевидно, что устойчивое руральное развитие в рамках ЕС основывается на «вмешательстве» государства в экономику, что недавно считалось уже оставшейся в прошлом моделью, характерной для **плановой экономики** бывших социалистических стран Восточного блока [8]. Полагаем, в этой связи, что **устойчивое развитие** во всех сферах невозможно без **интервенционистского** подхода государства. Соответственно, концепция устойчивого развития в своей основе является продуктом маркетинга развитых стран мира, предназначенным менее развитым и неразвитым государствам. Они должны заниматься вопросами окружающей среды и экологии пространства за счет дополнительных издержек для своей экономики, все больше отстающей по отношению к развитым странам. Концепция устойчивого развития, как «спасательное изобретение» Запада, должна консервировать позицию развитых стран в глобальном географическом пространстве по отношению к большинству стран мира.

С теоретической точки зрения, модель (концепция) **интегрального регионального развития** являет основу политики регионального развития и пространственного планирования большинства стран мира. Эта модель тоже основывается на сложной системе валоризации и рациональном использовании геопространственных ресурсов (и природных, и антропогенных), подразумевая устойчивость экономической, социальной и экологической сфер [10]. Концепция интегрального регионального развития и его устойчивость должны обеспечить «равновесие между экологически приемлемым, политически и социально справедливым, и пространственно сбалансированным ростом и развитием» [11].

Теоретический подход к проблеме **пространственного планирования** подразумевает особую роль географического пространства и форм геопространственности в устойчивом развитии. С другой стороны, данный подход связан с признанием значимости **пространственных планов** в функциональной организации географического пространства и установления устойчивого развития. Здесь, в первую очередь, имеются в виду пространственные планы, посвященные национальному (государственному) пространству и его субструктурам.

Любой пространственный план играет роль документа, определяющего ключевые сегменты общественного, экономического и пространственного развития в определенный период времени. Данный признак пространственных планов надо рассматривать как продукт теории, методологии и практики пространственного планирования. Другими словами, пространственные планы определяют **предназначенность** географического пространства. Их разработке и принятию предшествует **согласование интересов** между

пользователями. Конечной целью пространственного планирования и пространственных планов, как инструментов планирования, является устойчивое развитие. Это подразумевает устойчивость функций развития, а также устойчивость социальной и экологической сфер планированного пространства (форм геопространственности).

В шестидесятые годы прошлого столетия появились попытки обосновать пространственное планирование теоретически, а потом и методологически. В этом отношении особо значимы усилия Faludi «систематизировать все темы и вопросы, возникшие в практике пространственного планирования, а также выявить недостаток координации между различными видами подходов и направлений...» [12]. Работа данного автора со стороны теоретиков была воспринята не только как эссе на тему политической философии, но и как возможность осмысления связи между политическими науками и отдельным политическим процессом, который обеспечивает план развития. Планирование, в итоге, стало предметом дискуссий; в результате, помимо работ по **теории планирования** и **теории в планировании** сегодня легко можно обнаружить и публикации по теории о планировании.

В отличие от теории, практика планирования имеет долгую традицию, связанную со становлением государства и механизмами устройства государственного пространства. Именно поэтому, когда мы говорим о планировании, прежде всего имеем в виду национальный (государственный) уровень, а потом уже более низкие таксономические уровни организации государственного пространства.

Практика общественного, экономического, включая также экологическое развитие, в большинстве стран мира явила различные виды подходов и опыта. Они являются продуктом, прежде всего, различных концептуальных, идейных, идеологических, этических, нравственных и тому подобных подходов к государству, труду, частной собственности, рынку, системе ценностей и т. п. Очевидно, что упомянутые категории являются производными от **логики пространства**. Другими словами, формы геопространственности, т. е. модели георазвития, производит логика пространства, воплощаясь в **пространственном мышлении** и механизмах воздействия [13].

На глобальном уровне ключевую роль в функциональной организации пространства играли модели **плановой экономики, либерализма, рыночной экономики, неолиберализма, глобализма**. Тем не менее, в последнее время все большую роль в функциональной организации и устройстве глобального географического пространства играет процесс **деглобализации**, проявляющийся в появлении **новых «регионализмов»** и **укреплении государственных субъектов** [14]. В итоге, на авансцене глобального географического пространства пребывают два диаметрально противоположных процесса: один в форме глобализма, а другой – деглобализации. И тем, и другим управляют сильнейшие мировые государства, в связи с чем можно задать один весьма

логичный вопрос: что в таких обстоятельствах и до какого уровня могут планировать неразвитые и слаборазвитые государства; о каком устойчивом развитии применительно к ним может идти речь?! Думается, что «малым» оставляется лишь возможность приспособиться, то есть – так называемого **приспособленного развития**!

Заключение. Учитывая современные процессы в глобальном географическом пространстве, уместно сформулировать некоторые выводы, определяющие теоретико-философский подход, в первую очередь, практику пространственного планирования, особенно в слаборазвитых и неразвитых государствах. Думается, что пространственное планирование на государственном уровне (и в регионах, муниципалитетах) должно основываться на реально существующих географических ресурсах и логике пространства, включая, насколько это возможно, и другие требования устойчивого развития (социального и экологического). Чтобы достичь этой цели, необходимы определенные пространственно-плановые документы. Тем не менее, они являются не достаточным, а всего лишь необходимым предусловием устойчивого развития.

Литература

1. Љешевић М. [2000.]: Животна средина, Теорија и методологија истраживања, Универзитет у Београду, Географски факултет, Београд, стр, 45-47, 45-46.

2. http://www.bbnet.org.yu/bdnet/development/yug/staje.htm, стр. 1-2.

3. EDUKATION FOR SUSTAINABILITY From Rio to Johannesburg: Lessons learnt from a decade of commitent World Summit on Sustainable Development. Johannesburg 26. August – 4. September 2002.

4. Станковић М. (2004.): Просторно територијално одржив развој и „ЛЕАП".Бања Лука, стр, 20 – 22.

5. Panfield G. (1966.): Beyond Sustainablity. Indicators, local Enviroment Vol. 1. No. 2.[p. 151-153] Journal Oxsford Ltd, Carfas Publishing Company, Abington Oxfordshire.

6. Гњато Р. (1990). О неким проблемима регионалне географије и регионално-географског развоја с посебним осврtом на економско географску проблематику, Г.П., стр 33-34., ГД БиХ, Сарајево, 28-37.

7. Максин_Мићић М. [2002): Остваривање просторног плана Републике Србије,Прилог унапређењу теорије и праксе планирања и имплементације, Институт за архитектуру и урбанизам Србије, стр. 119.

8. Гњато Р. и остали (2011): Одрживи рурални развој и животна средна Републике Српске. Гласник, бр. 15. Географско друшзво Републике Српске, стр. 56

9. Ђукановић М. (1996): Животна средина и одрживи развој, ЕЛИТ, Београд, стр.173, 174.

10. Тошић Д. (2012): Принципи регионализације. Универзитет у Београду, географски факултет, Београд, стр. 177- 178.

11. Дабовић Т., Ђорђевић Д. (2008). Ка реконструкцији теорије планирања. Гласник српског географског друштва, св. LXXXVIII – бр.3. Београд, стр. 37– 49.

12. Гнято Р., Гнято О., Станоевич М. (2016): Географическое пространство – стратегический ресурс и ключевой фактор процессов развития на всех уровнях

геопространственной организации //Вестник Ассоциации российских географов обществоведов, No. 5, pp. 202– 209.

13. Вински И. (1967): Увод у анализу националног дохотка и богатства, Напријед, Загреб, стр. 68-80.

14. Прокопијевић М. (2009): Европска Унија, Увод. Службени гласник, Београд, стр. 226.

УДК 911.3

М. Трифунович[1]
M. Trifunović

ТУРИЗМ, «ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ» И «ПРОИЗВОДСТВО» ПРОСТРАНСТВА: ПОЛЕМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ

TOURISM, „SPATIAL FIX“ AND „PRODUCTION“ OF SPACE: CONTROVERSIES AND PERSPECTIVES

В работе проведен анализ спорных теоретических положений отношения туризма и концепции „пространственного закрепления“ Харви. Некоторые авторы связывают современный туризм с т.н. экологической фазой капитализма как самого важного механизма современного простанственного закрепления. Другие подчеркивают положительные стороны и тенденции в развитии туризма и призывают к возвращению его изначальной преобразующей роли в обществе в целом. В работе показано, что одним из главных препятствий к осуществлению такого процесса является легитимизация неолиберальных концепций массового туризма посредством культивирования определенных представлений пространства. В первую очередь это касается постструктуралистского отрицания идентификации места и протекции категорий связанности, а также пространственных течений и потоков. Освобождение герменевтического богатства и символического потенциала туристического места от медийных опосредованных стереотипных значений является одной из возможностей возвращения к подлинному опыту пространственности и преобразующей силы туризма.

In this paper we analyse key controversial positions about relation between tourism and Harvey's conception of spatial fix. Some authors claim that modern tourism is just another mechanism of spatial fix in ecological phase of capitalism. Another emphasize postive effects of tourism calling for revival of it's transformative powers. One of the key obstacles for that is neoliberal legitimation of mass tourism through academic production of space representations. Poststructuralist negation of place identity and overemphasis on notions of connectivity and spatial flux are concealing other hermeneutical and symbolical potentialities of tourist places. Social transformative power of tourism could be restored by return to authentic experience of spatiality.

[1] **Трифунович Младжен (Trifunović Mlađen),** доцент кафедры общественной географии Естественно-математического факультета Университета в Баня-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

Ключевые слова: туризм, „производство пространства“, „пространственное закрепление“, общественная роль, идентификация места, сила трансформации.

Key words: tourism, production of space, spatial fix, social role, place identity, transformative power .

«Революция» Харви и концепция пространственного закрепления.

Для таких географов как я производство,
воспроизводство и изменение конфигурации пространства
всегда являлись ключевыми для понимания
политической экономики капитализма [1]

Направление профессионального развития Девида Харви является не совсем типичным для географической науки. Точнее сказать, оно не было типичным до того момента, который можно назвать «преобразованием» Харви. Такое преобразование не носило только методологический характер; речь, в первую очередь, шла о пересмотре смысла географических исследований, как это обычно бывает со всеми истинными трансформациями. Как известно по его собственным утверждениям [2], позитивистская парадигма географических исследований, чьим ярым представителем он являлся до того времени, не могла предложить ничего значительного в ответ на деструктивные социальные процессы, которые происходили на его глазах. Исключительно квантитативные анализы и измерения различных пространственных эффектов не могли привести к существенному пониманию причин и направлений решения растущих экологических, урбанистических и социальных проблем, которые беспрестанно всплывали на поверхность в семидесятые годы прошлого века в США.

На первый взгляд движение Харви выглядело немного парадоксально, поскольку стремилось к расформированию общей эпистемологической парадигмы, которая вступила на историческую и научную сцену из-за потребности в объективной и проверяемой истине. Позитивистическая процедура стремилась к тому, чтобы прекратить долгий период скитаний, который все больше отдалял географию от строго научной области, от применимости и объективности. От тех основных принципов, которые каждая научная область стремится с гордостью подчеркнуть в своих исследованиях. Вместо этого, вместо объективизации категории пространственности, а заодно и общественной географии и ее отделения от общественных процессов, вместо отрицания ее трансформативной силы, Харви склоняется к новым эпистемологическим параметрам общественной географии. Пространство, как теперь считает Харви, является продуктом, и любая общественно-историческая формация «производит» определенный вид пространства. Такое объяснение, разумеется, не стремится умалить ценность или даже поставить под вопрос существование пространства как данного, необходимого, условно говоря «физического» компонента человеческой деятельности. Наоборот, физические и географиче-

ские пространственные различия играют и будут играть важную роль в различных способах и формах общественной «продукции» пространства. Проблема состоит скорее в том, что, как верно анализирует Соджа [3 и др.], широкая интерпретация человеческой пространственности как способа организации и функционирования общества, по сути, тормозится физической концепцией пространства как доминанты.

Теория пространственного закрепления Харви являлась и является до сих пор одним из главных теоретических и методологических образцов его анализа соотношения экономики и пространства. По его словам, идея пространственного закрепления развилась благодаря идеям Маркса о влиянии компонентов географической оболочки на пространственную и временную динамику накопления капитала. Как таковая она впервые появляется в эссе, датируемом 1975 годом – «The geography of capitalist accumulation: a reconstruction of the Marxian theory» [4]. Позднее, на протяжении нескольких десятилетий, эта идея развивается в ряде работ [5, 6]. Что является сутью пространственного закрепления и каким образом оно соотносится с туризмом? Для понимания данной теории необходимо вначале рассмотреть основной тезис Харви. Он считает, что основным вопросом является не то, как современные процессы (такие как, например, глобализация) трансформируют пространственную организацию производства, торговли и урбанизма, то есть «географию». Согласно Харви, это лишь одна сторона медали, более блестящая и бросающаяся в глаза. Он считает, что все же ключевой вопрос заключается в том, каким образом «различные географические характеристики пространства создают условия для появления самой глобализации» [1, с. 24]. Таким образом, Харви меняет ситуацию и вместо абстрактных экономических моделей, которые практически математизируют пространство, он исходит из опыта данности пространства, которое по своей природе является гетерогенным, многообразным и составляет непосредственное условие для экономической активности. Именно это является начальным пунктом понимания концепции пространственного закрепления. Сам термин «закрепление» для Харви имеет несколько значений, что позволяет ему объяснить двойственную и немного парадоксальную природу трансформации пространства при капитализме. Одно значение связано с категорией статичности, задержки, фиксации, а другое – с невозможностью задержать достигнутое состояние или позицию. В первом значении пространственная фиксация представляет собой, как подчеркивает Харви [1], обеспечение какого-то пространства, а именно обеспечение беспрепятственного функционирования определенной экономической системы.

Другое значение более сложное, поскольку выражает временную природу каждого пространственного «обеспечения», его недостаточность и неустойчивость. Аналогия, которую использует Харви для объяснения, касается отношения наркомана к средству, которое облегчает его состояние,

вызванное абстиненцией. Здесь одновременно показана фиксация на наркотик, прием которого временно приносит облегчение, но так же и неминуема повторная необходимость в новой дозе наркотика, то есть обновление фиксации. Таким образом, Харви в синтагме пространственного закрепления объединяет статический и динамический момент как части одного процесса – процесса капиталистического способа производства. Для того чтобы любая производственная активность могла осуществляться – необходимо, во-первых, закрепить определенное пространство с точки зрения создания сети инфраструктурных объектов и, таким образом, «произвести» определенное пространство. Такое обеспечение условий эксплуатации пространства одновременно является и преодолением того, что мы называем сопротивлением пространства (spatial friction). Чем пространство является более «обузданным», то есть более фиксированным инфраструктурными объектами (особенно транспортной инфраструктурой), тем, на первый взгляд парадоксально, оно более открыто и подвижно. Пространственное отдаление теряет свое значение как (локационный) фактор производства. Харви „открывает“ внутреннюю диалектику производства или закрепления пространства и движения капитала:

Напоминаем, например, что капитализм должен фиксировать пространство (в виде неподвижной транспортной инфраструктуры и сети коммуникаций, а также других объектов, таких как заводы, дома, гидротехнические объекты и др.) для того, чтобы мог его преодолеть (достичь большей свободы передвижения путем уменьшения расходов транспорта и коммуникаций) [1, с. 25].

Диалектика, которая управляет данным процессом, аналогична диалектике, например, получения того, что мы называем образовательным опытом. Процесс образования является одним из видов получения и обеспечения определенного знания – создание определенного вида «когнитивной инфраструктуры». Достигнутый опыт служит только для того, чтобы его можно было преодолеть [7] при помощи нового познания, которое само служит своего рода ступенью, которая будет преодолена. Без такой временной базы «нога сознания» не может ступать все дальше и дальше в поисках новых закреплений, т.е. опыта.

Вопрос, который напрашивается сам по себе: зачем необходимо постоянно производить новые пространства; что является причиной этой постоянной мобилизации, которая выражается в конфигурации и реконфигурации пейзажа? Ответ на этот вопрос заключается в самом принципе функционирования капиталистической экономики – в накоплении капитала. В определенный момент определенная пространственная инфраструктура приводит к максимизации прибыли, трудоустройства (роста населения) и накоплению капитала до уровня, до которого она способна это обеспечить благодаря своим существующим характеристикам. Невозможность дальнейшего накопления, согласно Харви [6], обязательно приводит к потере ценности произведенного таким образом пространства благодаря девальвации стоимости капитала и труда, что выражается в виде кризиса. Для того, чтобы выйти из кризиса,

необходимо новое пространственное закрепление, то есть новое производство пространства. Существующая инфраструктура больше не может выполнять требования системы, она устаревает и должна быть изменена.

Туризм как пространственное закрепление. Для понимания того, как действует механизм пространственного закрепления в туризме, необходимо, во-первых, понять саму природу т.н. «закрепленного капитала» и диалектику, которая управляет ее отдельными видами. Закрепленный капитал проявляется в двоякой форме – как, например, стоимость, вложенная в машины (которые все-таки являются движимыми) или в пространственную среду – здания, мосты, т.н. «другая природа», т.е. культурный ландшафт. Этот второй вид закрепленного капитала является закрепленным в прямом смысле слова. Согласно Харви [1, с. 28], внутри категории закрепленного капитала существует диалектическое напряжение между его движимыми и недвижимыми частями. Источником такого напряжения является технический прогресс. Харви объясняет это на примере авиации. Транспортная инфраструктура не успевает за прогрессом в авиатехнике. Самолеты становятся все более быстрыми и большими, их содержание, размещение и управление полетами становится все более затратным. Все это приводит к уменьшению стоимости закрепленного капитала инфраструктуры, к устареванию объектов, к их разрушению и строительству новых. Это касается не только непосредственной инфраструктуры аэропортов, но и транспортной инфраструктуры всей урбанистической структуры. Эти процессы приводят к тому, что увеличение объема требует и реконфигурацию самого города с целью его конкурентоспособности и увеличения числа посещений, т.е. туристов. Такая конкурентоспособность достигается при помощи все более грандиозных строений и содержания знаковых пространственных маркеров – одних из видов туристически-пространственного закрепления. Таким образом, туризм становится фактором интеграции экономической деятельности нового культурного пейзажа. Деловые здания, мосты, стадионы превосходят свою основную функцию и становятся туристическим мотивом.

В современной литературе, занимающейся анализом туризма как механизма пространственного закрепления, мы встречаем довольно спорные позиции в отношении роли, которую играет туризм в современных процессах производства пространства. С одной стороны, некоторые авторы [8, 9] считают, что современные формы туризма являются всего лишь новыми формами механизма пространственного закрепления, на основании которых капитализм пытается пережить циклически появляющийся кризис. Флетчер и Невес утверждают, что экологический туризм, как парадигма современной формы туризма, который слывет альтернативой массовому туризму, на самом деле не обладает существенными различиями. „Мы считаем, что развитие экотуризма в наше время стало важным средством, при помощи которого капитализм преодолевает свои собственные противоречия.“ [9, с. 63]. Вослед за Мартином О›Конором они характеризуют его как один из

основных элементов самой новой т.н. экологической фазы капитализма, чья суть заключается в дерегулировании, приватизации и сохранении как особой форме эксплуатации. Существенная характеристика этой неолиберальной экологической фазы заключается в том, что природные ресурсы в процессе их использования не переносятся и не трансформируются, а используются, как это не звучит парадоксально, при помощи консервации [9, с. 64]. Новые ценности не создаются путем непосредственного использования самого ресурса, а путем его кажущейся не-эксплуатации, т.е. эксплуатации инфраструктуры, формирующейся вокруг ресурса, который остается „неизменным" и на своем „месте". При распределении доходов местной общине остается малая часть, что видно из исследования туристических доходов на Балеарских островах [10, с. 94]. При такой реорганизации способа ведения экономической деятельности происходит тот же процесс географической экспансии капитала, создания новой инфраструктуры и реструктуризации экономики. Разница заключается в том, что природные ресурсы, т.е. туристический мотив как гравитационный центр, используются не напрямую; создается видимость того, что они никогда не исчерпываются до конца. Такая защищенность или консервация уменьшает многообразие и богатство туристического места и делает его «медийным» продуктом, т.е. товаром с целью получения прибыли большими туристическими операторами и сетью отелей [9].

Другие авторы [11, 12] подчеркивают положительную роль туризма, а особенно экологического туризма, для развития общества. Для Марты Хони [11, с. 6] суть экотуризма можно свести к двум пунктам – ответственность и сохранение природы, благо для местной общины. Таким образом, этот вид туризма пытается избежать основных негативных последствий классического пространственного закрепления, настаивая на концепции социально справедливого распределения доходов и связи туризма и образования. На институциональном уровне эти направления развития закреплены и в *Квебекской декларации по экотуризму*, которая, по словам Хони [11, с. 36], совершила весьма важный отход от неолиберальной концепции свободного рынка и глобалистских тенденций в туризме. Похожую позицию поддерживает и Хигинс-Деболе, которая, помимо прочего, приписывает туризму функцию мощного общественного движения. Прежде всего, туризм обладает потенциалом для изменения теоретически-ценностной парадигмы (от прибыльности – к общественной ответственности) и, одновременно, трансформации как местной общины, так и самого сознания людей о человеческом пространстве. Нельзя сказать, что и Хони, и Хигинс-Деболе не знакомы с механизмом и эффектом пространственного закрепления вообще, а в туризме в особенности. Поэтому Хигинс-Деболе [12] подчеркивает *забытую* общественную силу туризма. Она призывает академическую общественность «оживить понимание феномена туризма в исходной форме, которая существовала до неолиберальной эры». Это означает, что возможность преодоления пространственного закрепления

следует понимать как процесс, а не событие, и что зародыши этого процесса следует, помимо прочего, искать в теоретических анализах первоначальных отношений человека и пространства.

Производство „теоретического" пространства и пространственное закрепление. Анри Лефевр [13] указывает на ключевые аспекты проблемы теоретического обоснования адекватной концепции пространства, различая при этом типы знания – savoir и connaissance. Первый вид знания касается чисто технического знания (knowhow), которое провозглашает себя как идеологически нейтральное. Connaissance же создано вокруг определенной ценностной меры как критической исходной точки и всегда обладает личностным измерением. То что в своем обращении Хигинс-Деболе призывает академическое общество к переосмыслению ценностей и целей туризма вне неолиберальной парадигмы, как раз и является тем, что *savoir* не может быть отделено от *connaissance*. Процессы разделения и удаления этих двух видов знания никоим образом не следует рассматривать как некий „естественный" процесс, а как продукт общества. Согласно Лефевру [14, с. 31], пространство никогда не является объектом, нейтральным предметом объективного научного изучения. Речь всегда идет о том, что пространство уже наполнено и обусловлено определенным политическим и стратегическим содержанием. Соджа справедливо отмечает разницу между данностью т.н. физического пространства и пространства как продукта. Он говорит, что „пространство может быть первоночально дано само по себе, но его организация и значение являются продукцией общественных переходов, изменений и опыта" [3 с. 80].

Для Лефевра неоспоримо то, что существует идеология пространства и что концепция гомогенности и нейтральности пространства как раз и является одной из идеологий, которые стремятся легитимизировать различные политические модусы его расположения и трансформации.

Пространство, которое производится в рамках науки, также не является нейтральным. Хигинс-Деболе [12] отмечает, что это производство происходит и в исследовательских (академических) кругах, указывая на влияние неолиберальных центров силы на направления и типы исследований в области туризма. Поэтому Лефевр настаивает на том, что наука о пространстве не может оставаться на формальном уровне (savoir), а должна иметь и критический (connaissance) аспект, и что необходимо провести критический анализ способов и стратегии производства научного пространства. Лефевр [13, с. 49] в негативном контексте подчеркивает математизацию пространства и формулировку концепции т.н. *абстрактного* пространства, которая приводит к «удалению и аннулированию этих различий, вытекающих из характера и особенностей исторического развития». Можно справедливо утверждать, что взгляды Лефевра на идеологизацию пространственных репрезентаций действительны и для современных концепций пространства, которые появляются в рамках постструктурального направления в философии и географии [15, 16, 17].

Настаивая на открытости и реляционности пространства, с одной стороны, и отрицая при этом любой принцип субстантивности и идентитета, при негативной контекстуализации понятия «границы» становится очевидным, что постструктурализм отлично подходит неолиберально-глобалистской парадигме пространственного закрепления. Представляя пространство как непрерывный поток, эта концепция „производит“ пространство, аналогичное современному глобальному рынку, при этом стирая и аннулируя значение и ценность локальной идентичности. Прежде всего подчеркивается ценность путешествия, а не самого места, в которое направляется человек.

Аутентичный опыт места. Возникает вопрос, возможно ли в рамках туристической деятельности избежать или, по крайней мере, ослабить зачарованный диалектический круг пространственного закрепления и как это сделать? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова изучить теоретические подходы к феномену пространства и постараться найти адекватные концепции, которые позволят сосуществовать различным историческим „слоям“ культурного пейзажа, а туризм при этом сможет сохранить и свой важный экономический компонент. Необходимо избегать радикальных критических позиций, которые в любой форме экономической туристической деятельности видят только механизм пространственного закрепления и не замечают важные различия между способами туристической организации пространства, не предлагая реальную альтернативу. Ценность консервации, т.е. сохранения природной среды, не следует оценивать односторонне, несмотря на появление злоупотреблений.

Консервация задерживает распад и разрушение, которое приводит к потере необходимой непрерывности. С другой стороны, необходимо пытаться предотвратить *символическую комодификацию места*, являющегося экологическим модусом туристической организации, которую пространственное закрепление несет с собой, что является своего рода постоянной девальвацией пространства. При помощи такой консервации места происходит его значимое сокращение, произведенное при помощи маркетинга. Таким образом, как подчеркивает Релф [18], теряется аутентичное понимание места, которое подразумевает „первоначальный и прямой опыт целого комплекса местной идентичности“. Согласно этому, он не может быть сведен до искусственно созданного стереотипа, на котором основывается массовый туризм. Релф [18, с. 61], приводя в пример различные виды идентичности, т.е. значения места, подчеркивает, что массовая идентичность представляет собой более или менее готовую продукцию, которую предлагают средства массовой информации, чем в значительной степени ограничивается аутентичный опыт и значительно уменьшается символический потенциал места. Таким образом, предпосылка формирования аутентичного туристического опыта основывается на том факте, что структура каждого места состоит из нескольких связанных между собой сегментов. Кресвел [19] ссылается на Джона Агню, который выделяет

три основные характеристики места – его положение, его формальные характеристики и значение. Пытаясь выразить эту комплексность идентичности в ее временных, т.е. исторических изменениях и связях, Иван Митин [20] употребляет словосочетание *палимпсест идентитета*. Эта метафора показывает, что определенное место содержит и хранит различные исторические слои, значения которых обогащают его герменевтический потенциал. Одновременно это увеличивает трансформативное влияние, которое место оказывает на туриста и помогает избежать редуктивных последствий его производства в массовом туризме.

Согласно Релфу [18, с. 82], „классические“ туристические поездки не подразумевают понимания глубокого символического значения места, сводя к „простому отношению, которое является социально приемлемым – некритически принятый стереотип интеллектуальной или эстетической природы, который принимается без реального отношения“.

Некритическое принятие произведенного стереотипа, как Релф определяет товарно-туристическое восприятие места, является продуктом современных методов маркетинга. Технически созданную идентичность туристического места можно связать с идеями Хайдеггера [21] о самой сути техники. Согласно Хайдеггеру, суть техники не выражается как что-то техническое, как какое-то средство, которое мы используем для определенного вида деятельности. Суть технического проявляется как образ мышления, который он называет „постав“ [21, с. 20]. Постав не является какой-то технической аппаратурой, а тем, что критикует Релф – своего рода рекомендованным, уже готовым, поставленным ответом на вызов, который перед нами, как туристами, открывает посещение какого-то места. Техническая рекомендация изменяет и сам онтологический модус места, который в туризме чаще всего уменьшен на эстетический опыт.

Именно этот трансформативный опыт (и аутентичное) и реальное восприятие места, которое (как справедливо подчеркивает Релф) возвращает нас к самому началу анализа отношений производства пространства и туризма. Возвращает нас к преобразующему опыту Харви с улиц Балтимора семидесятых годов прошлого века, с которого началось целое теоретическое движение, повлиявшее на огромное количество географов во всем мире. Этот преобразующий опыт привел к появлению т.н. критической географии и практическим сдвигам в восприятии туризма как глобального феномена.

Заключение. В данной работе мы показали, что концепция Харви о производстве пространства и пространственном закреплении в качестве модели для объяснения неолиберальных течений основывается как на массовом туризме, так и на новых видах туризма, таких как экологический туризм. Туризм играет весьма важную роль в новой, т.н. экологической, фазе капитализма как средство, при помощи которого капитализм находит временное решение собственных внутренних противоречий. Как показывают Флетчер и Невес, это в первую очередь происходит при помощи эксплуатации инфраструктуры,

которая формируется вокруг туристических мотивов, которые сами по себе остаются неизменными, т.е. сохраненными. Тем не менее, в рамках этих новых направлений туристического бизнеса можно найти возможность для того, чтобы туризм способствовал более справедливому социальному развитию, охране природных ресурсов и культурного наследия. Хотя для Хони и Хигинс-Деболе очевидны глубокие противоречия и неолиберальные концепции и механизмы пространственного закрепления в туризме, все же они не пренебрегают и его положительными аспектами. Они указывают на направления возможной реабилитации первоначальных ценностей туризма как возможного средства общественной трансформации. Одной из главных задач становится необходимость теоретической реконцептуализации основных целей туризма, что невозможно сделать без углубления основных понятий и теоретических представлений о пространстве. По словам Лефевра, эта задача осложнена тем, что параллельно с производством культурного пейзажа появляется и производство пространства в рамках академических и иных научно-исследовательских организаций. Кроме математизации природы и концепции абстрактного пространства мы показали, что и постструктуралистская парадигма относится к такого рода представлению пространства. В области туризма такие деформации проявляются в виде ограничения и сокращения символического потенциала места на искусственно произведенную и воплощенную в жизнь при помощи маркетинга массовую идентичность. Теоретические подходы и концептуализация организации индустрии туризма стремятся к усилению пропаганды аутентичного опыта места, в меньшей степени подчеркивая его комодитивный, а в большей степени – преобразующий аспект.

Литература

1. Harvey, D. (2001): Globalization and the “Spatial Fix. Geographische Revue, 2, 23-30.

2. Harvey, D. (1972): Revolutionary and Counter Revolutionary Theory in Geography and the Problem of Ghetto Formation. Antipode 4 (2), 1-13.

3. Soja, E (1998): Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory. London: Verso Press.

4. Harvey, D. (1975): THE GEOGRAPHY OF CAPITALIST ACCUMULATION: A RECONSTRUCTION OF THE MARXIAN THEORY*. Antipode, 7: 9–21. doi:10.1111/j.1467-8330.1975.tb00616.x.

5. Harvey, D. (1982):.The Limits to Capital. Basil Blackwell. Oxford.

6. Harvey, D. (2014): Seventeen Contradictions and the End of Capitalism. Profile Books. London.

7. Gadamer, H. G. (1978): Истина и методы, Сараево: Веселин Маслеша.

8. Fletcher, R.(2011): Sustaining Tourism, Sustaining Capitalism? The Tourism Industry’s Role in Global Capitalist Expansion.” Tourism Geographies 13, no. 3: 443–461.

9. Robert Fletcher and Katja Neves (2012):Contradictions in Tourism The Promise and Pitfalls of Ecotourism as a Manifold Capitalist Fix. Environment and Society: Advances in Research 3 (2012): 60–77 © Berghahn Books doi:10.3167/ares.2012.030105.

10. Blasquez-Salom, M. (2013): Tourism as a green fix to capitalism crisis. In book: Economic Recesion interpretations, performances and reifications in the tourism domain, Publisher: Loffredo Editore University Press, Editors: Francesco Citarella, pp.87-103.

11. Honey, M. (2008): Ecotourism and Sustainable Development, Second Edition: Who Owns Paradise? London. Island Press.

12. Higgins-Desbiolles, F. (2006): More than an "industry": The forgotten power of tourism as a social force.Tourism Management 27. 1192–1208.

13. Lefevbre, H. (1991): The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell.

14. Lefebvre, H. and Enders, M. J. (1976): REFLECTIONS ON THE POLITICS OF SPACE. Antipode, 8: 30–37. doi:10.1111/j.1467-8330.1976.tb00636.Lefebvre, H (1991). Production of Space. Oxford. Basil Blackwell.

15. Jones, M. (2010): Limits to 'thinking space relationally.International Journal of Law in Context 6, 243-255.

16. Malpas, J.(2011): Putting Space in Place: Philosophical Topography and Relational .

17. Трифунович, М (2016): Онтологические и эпистемологические недосказанности постструктуралистской парадигмы в географии. Вестник – Herald, выпуск 20/2016, Географическое общество Республики Сербской, Баня-Лука, (стр. 25– 39).

18. Relph, E. (1976): Place and placelessness. London. Pion.

19. Kresswell, T. (2004): Place.A short Introduction. Blackwell Publishing. Oxford.

20. Mitin, I.(2007): Mythogeography: Region as a palimpsest of identities. In L. Elenius, ed. & C. Karlsson (Eds.), Cross-cultural communication and ethnic identities (pp. 215 - 225).Lulea, Switzerland: Lulea University of Technology.

21. Хайдеггер, М. (1999): Вопросы о технике. Плато. Белград.

УДК 903.1

В. К. Крыстев[1]
V. Krastev

ТУРИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ БОЛГАРИИ

THE TOURISM AS AN INSTRUMENT OF „SOFT POWER" OF THE SPACE: GEOPOLITICAL INTERPRETATION ON THE EXAMPLE OF BULGARIA

На примере Болгарии прослеживается влияние туризма на массовые представления (до и после 1989 года), влияющие на её потенциал «мягкой силы» на международном уровне; проанализирована позиция Болгарии в престижных международных рейтингах, измеряющих привлекательность и репутацию (как выражение «мягкой силы») страны в мире.

Following the example of Bulgaria has traced the impact of tourism on mass perceptions (before and after 1989) reflected on its potential of soft power internationally. To achieve a higher

[1] **Крыстев Вилиян Крыстев**, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и организации туризма Экономического университета г. Варны (Болгария).

degree of objectivity in the geopolitical assessment the position of Bulgaria in prestigious international ratings is analyzed carefully, measured are the attractiveness and reputation (as an expression of soft power) of the countries in the world.

Ключевые слова: геополитика, мягкая сила, образ пространства, Болгария, туризм.
Keywords: geopolitics, soft power, image of place, Bulgaria, tourism.

Введение. Информационные потоки в результате научно-технической революции последних четырех десятилетий придают значительные качественные изменения в средствах геополитического взаимодействия, благодаря которым «битва» за пространственный ресурс все больше теряет свою «материальность». В диапазоне подобного измерения геополитическое взаимодействие в межсубъектном и субъект-объектном порядке проектируется преимущественно в виде геокультуры и геоинформации [1, 2]. Наблюдаемое смещение фокуса в инструментах, оказывающих влияние, трансформирует представления о географическом пространстве. Эти представления кристаллизуются в образах, которые кодифицируют пространство, высвечивая его место и роль в социальных процессах. Концентрируя определенный эмоциональный и психологический заряд, образ становится непременным атрибутом идентичности, который влияет на формирование «территориальности» у людей, и от чьей репутации зависит один из основных нематериальных активов пространства для поддержания конкурентоспособности в своем развитии [3, 4]. Играя ключевую роль в формировании общественного геополитического видения, образы и дискурсы пространства «способны трансформировать реальную политическую карту и, фактически, управлять ею» [5, с. 64].

Образ пространства как геополитический измеритель «мягкой силы». Артикуляция образными коннотациями в геополитизации пространства соответствует закономерностям научной парадигмы современной постмодернистской общественной географии [6, 7, 8] и постмодернистской геополитики [9, 10, 11, 12], что свидетельствует о концептуальном сдвиге в процессе изучения географического пространства. Центральный фокус в анализе постмодерна воплощается в ослаблении роли рационального многомерного пространства в качестве объекта исследования (детерминированного в картезианском смысле объективной рамкой локализации, границ и метрикой) за счет переходного пространства (понимаемого в кантианском смысле его внутренней морфологии). Последнее выделяется с заметно выраженной субъективностью, придавая ему качественное измерение, гибкость и гибридность в идентификации, как следствие семиотического очерчивания посредством символов и стереотипов. Сквозь призму осмысления, переходное пространство – это «пространство фрагментации и перепозиционирования, проявляющееся не столько своей материальностью, сколько дискурсами» [13, с. 16].

Переходное пространство особенно четко выражено в семантике культурного и туристского его понимания, которые определяют измерения его «мягкой силы». Приобретая популярность в современном геополитическом дискурсе, термин «мягкой силы» (*soft power*), введенный в употребление американским политологом Джозефом Наем, представляет отражение деятельности различных видов субъектов (стран, регионов, корпораций, НПО и т.д.) в процессе приобретения влияния и силы в/на пространстве с помощью привлекательности, убеждения и престижа [14, 15]. Накопление «мягкой силы» считается результатом распространения ценностей и норм поведения в виде образов и дискурсов, которые определяют ее значение как «способность влиять на поведение других для достижения желаемых результатов» [15, с. 2]. На основе стереотипной формализации (через различного рода символику) образы и дискурсы создают суждение для ощущения пространства с точки зрения его привлекательности, составляя неотъемлемую часть геополитического потенциала стран и регионов. Их «мягкие» выражения являются контрапунктом инструментов «жесткой силы» (*hard power*) – военные и экономические средства, которыми традиционно оперирует классическая (геостратегия) и постклассическая геополитика (геоэкономика), направленные на открытое территориальное соперничество, различного рода зависимости или противостояния. Хотя это и не отражает новое явление в геополитике, «мягкая сила» помогает более глубокому пониманию средств и конечному эффекту геополитического взаимодействия на международном уровне. Поскольку «мягкая сила» продиктована глобализацией и информатизацией в мире, многими авторами она рассматривается в качестве доминирующей в современных международных отношениях [2, 3, 10, 16].

Обретение «мягкой силы» в значительной степени зависит от сочетания разнообразных в их генезисе факторов, которые «сшивают» пространство, увеличивая его геополитическую субъектность: туризм, культурное наследие, престиж институций, репутации экспортных товаров, обаяние лидеров, спортивные и научные достижения, популярность национальных брендов, медиапродукция, кулинария, экологическая политика и другие. В некоторых случаях накопление «мягкой силы» наблюдается и в трансформированном варианте «твердой силы» или комбинации между ними – *smart power*, или т.н. «умной силы» [15, 17]. В этой связи представление о геополитике затрагивает «внутренний порядок и структуру государства во всех смыслах» [18, с. 92], а «мягкий» эффект от ее проявления – проявляется в растущей симпатии и престиже, которые определяют величину международной конкурентоспособности субъектов в экономике и политике. В большинстве случаев, хотя и не всегда, для аккумулирования и реализации «мягкой силы» необходим запас времени (по мнению Ная – не менее 1–2 десятилетия), но в некоторых случаях сочетание различных факторов, ускоряет или замедляет этот процесс.

Туристский образ Болгарии: от «социалистической Ривьеры» к «дешевой дестинации». Как социальный, экономический и географический феномен, туризм глубоко внедрен в систему международных отношений [19, 20]. Он влияет напрямую на устойчивые представления о пространстве, участвуя в качестве одного из основных показателей его «мягкой силы» [15, 21, 22, 23, 24]. В качестве геополитического инструмента «мягкой силы» туризм формирует образы пространства и, при этом, специфическое видение мира, чья структура геокогнитивной привлекательности градуирует страны и регионы в международном сообществе. Для такой страны как Болгария – отслеживание влияния туризма на ее международные презентации имеет важное значение для понимания ее статуса в международной геополитике. Следует, однако, понимать, что воздействие туризма на образные проекции пространства в значительной степени зависит и от других факторов (доступность и качество инфраструктуры, уровень образования и здравоохранения, безопасность, особенности экономической и финансовой среды и т.д.), которые влияют на масштабы «мягкой силы».

Первоначальное накопление связанной с туризмом «мягкой силы» Болгария обретает в период социализма, утвердившись как наиболее близкий и предсказуемый в своем поведении геополитический спутник Советского Союза в рамках Восточного блока. С позиции ее международного статуса Болгария добивается лидерства по объему туристских поездок из СССР [25, с. 308]. Устойчивое международное поведение Болгарии в этот период оказывает влияние на популярность ее стереотипов, приобретая топофильную окраску, которой, конечно, способствует и углубленное двустороннее сотрудничество с СССР, подкрепляемое традиционно сильным межкультурным диалогом. Ведущая роль летнего купально-пляжного отдыха в болгарском туризме формирует образ ее дискурсивной персонификации как *«социалистической Ривьеры»*, а вербальная идентификация чувства близости ее пространства (в представлениях значительной части населения СССР) находит свое отражение в шуточной фразе: «Курица – не птица, Болгария – не заграница». Независимо от довольно претенциозного (с современной точки зрения) характера, которые содержат эти образные коннотации, восприятие Болгарии в такой семантике свидетельствует о повышении симпатии к ней в международном сообществе.

Влияние туризма на образ Болгарии находит отражение в тогдашней международной активности страны, направленной на получение экономических выгод (особенно в рамках СЭВ), повышения ее привлекательности и престижа. Туризм, объявленный приоритетным направлением государственной политики еще в 1956 г., получает значимое место в культурной дипломатии Болгарии. Он тесно переплетен с участием в конкурсах по принятию крупных культурных и спортивных мероприятий, проведением Болгарией, пользующейся мировым признанием (ООН, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ), Детской Ассамблеи «Знамя Мира», международного фестиваля «Золотой Орфей» и других [26]. С конца

50-х годов начинает складываться и геокультурный бренд Болгарии на основе символики эфиромасличной розы (приобрела известность и как болгарская роза). Образ Болгарии как «страны роз» – получает международное признание, обретая черты национального туристского бренда. Применяемая во многих областях (музыка и литературное творчество, продукты питания и косметика, сувениры), эфиромасличная роза становится широко признанным символом болгарской геокультурной идентичности.

В течении переходного периода социально-политического развития (после 1989 г.) стереотипные представления (под влиянием туризма) о Болгарии на международном уровне претерпевают существенные изменения, связанные с радикальной потерей привлекательности и престижа. Испытывая потрясения геополитического перехода, Болгария вступает в длительный процесс экономической и культурной «периферизации», сопровождаемый сокращением потенциала накопленной «мягкой силы». Прямое влияние на эту трансформацию, конечно, оказывает распад Восточного блока, лишивший страну всех существующих для нее позиций и привилегий, а также постепенное ослабление ее отношений с СССР (позднее Россией) в качестве основного союзника и партнера. Геополитические изменения в Восточной Европе толкают Болгарию в орбиту западного геополитического влияния, однако, там ее былой конкурентный потенциал – оказывается слаб и трудно реализуем. Топофильный образ «социалистической Ривьеры» (даже после обретения страной членства в ЕС с 2007 года) постепенно замещается на «дешевую дестинацию» массового туризма.

Эрозия международного авторитета Болгарии дополнительно катализируется такими процессами, как уход с традиционных туристских рынков (особенно в странах бывшего СССР), постоянно увеличивающаяся в своих масштабах геоэкономическая подчиненность страны, которая усиливает ее неоколониальные черты в туристском развитии; неэффективные действия в отношении приобретения устойчивой конкурентоспособности туризма в новых геополитических реалиях; отсутствие эффективной государственной политики [26].

Постепенная геоэкономическая переориентация Болгарии в сторону западного туристского рынка сопровождается и неуклонным ухудшением её положения в иерархии международного туризма. Это состояние сегодня напрямую обусловлено рыночной ориентацией на наиболее малообеспеченные слои международного туристского контингента (более 2/3 международных визитов в год) и геоэкономическое положение (в центро-периферийной модели) в нижних стратах полупериферии мирового туристского пространства [27]. Обретение подобного статуса сопровождается превращением Болгарии в страну с всё более обезличенной идентичностью. Характерно, но даже в национальной «Стратегии устойчивого развития туризма в Болгарии 2014–2030 г.» говорится, что «Болгария не является узнаваемой дестинацией с

точки зрения понимания бренда», а «ее туристская конкурентоспособность обусловлена, в первую очередь, более низкими ценами предлагаемых услуг» [28, с. 24–25].

На размывание позитивного туристского образа Болгарии оказывает влияние и ряд субъективных факторов регионального характера. Одним из них является т.н. *балканизация* – термин, наполненный отрицательными эмоциями по отношению к процессам, происходящим на Балканах. Приглушенная во времена социализма (по объективным причинам, связанным с относительной социально-политической стабильностью в регионе), после распада Восточного блока «балканизация» снова вмещает геополитические представления о Балканском регионе как территории нестабильности, сепаратизма, этнического национализма, а в культурном плане – с трайбализмом и «азиатчиной» [29]. «Балканизация» множит негатив периферийного географического положения Болгарии в Европе, что закономерно проецируется и на ее туристский образ. Ярким свидетельством распространения таких негативных социокультурных стереотипов о Болгарии стал ее символический образ как общественного туалета в скульптурной модели «Энтропа» (чешского скульптура Д. Черны) в здании Европейского парламента в 2008 г. (во время чешского председательства ЕС), что вызвало ответную реакцию даже самого Министерства иностранных дел. Семантические коннотации, которые распространяет этот оскорбительный символ, отражают пренебрежительное отношение к Болгарии в глазах европейского сообщества. Объяснение для продуцирования и распространения подобного рода представлений о Болгарии следует искать как в географических, так и в культурных измерениях ее идентичности. Если предположить, что образ каждого пространства базируется на основе определенного культурного фундамента, от которого зависит его устойчивость [5], культурно-генетическая принадлежность Болгарии к славяно-православному миру, скорее всего, тормозит ее распознавание как страны цивилизационно комплиментарной Западу (в том числе и католической славянской Европе). В этом отношении членство Болгарии в ЕС (в лучшем случае отождествляемой с «экзотическим периферийным придатком Большой Европы» [30, с. 273]) воспринимается с иронией и пренебрежением (в которой автор неоднократно имел возможность убедиться).

Измерения «мягкой силы» Болгарии в международных рейтингах. Своего рода эталоном в измерении «мягкой силы» стран выступают международные рейтинги [23]. Несмотря на ряд недостатков в методологии измерения и оценки (западный взгляд на мировое пространство, не всегда объективное сравнение на основе экономического, демографического и ресурсного потенциалов разных стран, зависимость от частных или корпоративных интересов и т.д.), международные рейтинги обеспечивают достаточно значимый профиль индикаторов «мягкой силы» для масштабного «взвешивания» репутации и влияния стран мира. Некоторые из них, в относительной

степени, способны проиллюстрировать геополитический вес международного признания Болгарии, принимая во внимание роль туризма в формировании ее национального образа и бренда.

Для оценки туристской привлекательности в совокупном измерении «мягкой силы» Болгарии выбраны 4 авторитетных международных рейтинга: «Индекс конкурентоспособности для путешествий и туризма» (The Travel and Tourism Competitiveness Index) Всемирного туристского форума [31], «Рейтинг брендов стран в туризме» (Country Brand Ranking. Tourism Edition) испанской компании «Bloom Consalting» [32], «Индекс брендов стран» (Country Brand Index) британской компании «Future Brand» [33], «Индекс глобального присутствия» Королевского института Эльканьо (Elcano Global Presence Report) [34]. В первых двух рейтингах туризм является единственным фокусом измерения «мягкой силы» стран, в то время как в других двух – выступает в качестве лишь одного из показателей, формирующих общую оценку. Получить адекватное представление о позиции Болгарии в этих рейтингах позволяет сравнение с другими балканскими странами, обладающими значительным туристским потенциалом, используемым для достижения «мягкой силы» (таблица).

Таблица. Позиция Болгарии в международных рейтингах (включающих туризм в свои оценки) для измерения «мягкой силы» (сравнение со странами-лидерами и странами с большим туристским потенциалом на Балканах; 2015–2016 гг.)*

Международный рейтинг	Методология оценки	Количество стран в рейтинге	Лидер рейтинга	Болгария	Греция	Хорватия	Румыния	Турция
				Позиция				
The Travel & Tourism Competitiveness Index (2015)	Комбинация показателей, имеющих отношение к туризму	141	Испания	49	31	33	66	44
Bloom Consulting Country Brand Ranking. Tourism Edition (2014/2015)	Комбинация показателей, имеющих отношение к туризму	180	США	70	25	28	78	16
Country Brand Index (2014/2015)	Изучение общественного мнения	118	Япония	67	30	44	62	53
Elcano Global Presence Report (2016)	Комбинация социально-экономических показателей	90	США	64	37	65	53	25

*Составлено по: The Travel & Tourism Competitiveness Report. Geneva: WEF, 2015; Bloom Consulting Country Brand Ranking. Tourism Edition 2014/2015; Country Brand Index 2014/2015; Elcano Global Presence Report 2016. Madrid: Real Instituto Elcano, 2016.

В рейтинге «Индекса конкурентоспособности путешествий и туризма» (2015) Болгария занимает самую высокую позицию (49-ю из 141) по сравнению с местом, которое ей отводят другие международные рейтинги. Тем не менее, она уступает большинству своих региональных конкурентов (за исключением Румынии, Черногории, Македонии и Сербии, которые находятся на более низких позициях) в общей конкурентоспособности туризма на международном уровне. Согласно тому же рейтингу, на региональном уровне (в Европе) Болгария занимает 28-ю позицию (из 37), после Польши, опережая Латвию. Ранг отдельных стран в этом индексе определяется 14 показателями, характеризующими туризм: *1. Бизнес-среда; 2. Безопасность и охрана; 3. Здравоохранение и гигиена; 4. Людские ресурсы и рынок труда; 5. Информационные технологии; 6. Приоритетность туристской деятельности; 7. Международная открытость страны; 8. Ценовая конкурентоспособность; 9. Устойчивость природной среды; 10. Инфраструктура авиатранспорта; 11. Инфраструктура сухопутного и водного транспорта; 12. Туристская инфраструктура; 13. Природные ресурсы; 14. Историко-культурные ресурсы и бизнес поездок*. Важно отметить, что Болгария получает относительно высокую оценку (более 6,0 от максимум 7 баллов) по «туристской инфраструктуре и гигиене», но чрезвычайно низкую (менее 3,0 баллов) по «авиатранспортной инфраструктуре», «использованию историко-культурных ресурсов и деловых поездок» [31].

В рейтинге государственного бренда в сфере туризма компании «Bloom Consulting» «мягкое» влияние Болгарии в мире оценивается еще меньше (70-я позиция из 180), в то время как Турция, Греция и Хорватия позиционируются далеко впереди нее, среди первых 30 стран по туристской известности в мире. В региональном плане, Болгария оставляет за собой Румынию (78-я позиция) и некоторые страны Восточной Европы с незначительным «весом» в международном туризме – Словакию, Литву, Латвию, Албанию, Сербию и Черногорию [32].

Согласно Индексу брендов стран (2014/2015) компании «Future Brand», которая рассматривает туризм как один из основных элементов (в сочетании *с ценностной системой, качеством жизни, бизнес-потенциалом, культурным наследием и репутацией экспортных товаров*) в процессе измерения совокупной международной привлекательности стран, Болгария занимает незавидную 67-ю позицию (из 118) [33]. «Индекс глобального присутствия» Института «Эльканьо» является суммарной оценкой 16 параметров, касающихся различных аспектов экономики (включая туризм), культуры, обороны, коммуникаций и образования. Относительное «взвешивание» в измерении глобального присутствия Болгарии в 2015 году составило долю 0,2%, что обеспечивает ей лишь 64-е место в мире (из 90 стран). Эта позиция фактически подтверждает слабый вес Болгарии в «экспорте» международного влияния, который оставляет ее в тени даже стран Балканского субрегиона [34].

Заключение. Стремление геополитических субъектов властвовать над пространством при помощи культурных и информационных механизмов усиливает значение образов и дискурсов в качестве основных инструментов «мягкой силы» в современной геополитике. Обеспечение и культивирование устойчивого топофильного образа пространства всегда будет оказывать положительное влияние на туристские отношения, привлекать инвестиции и интеллектуальный капитал, генерировать престиж внешнего признания. И напротив – топофобный образ будет неизменно отталкивать инвесторов, дистанцировать общественное внимание, ограничивать социально-экономическое развитие пространства.

Наблюдаемый ныне дефицит «мягкой силы» в Болгарии является результатом влияния различных факторов, включая основной – геополитическую маргинализацию страны, связанную с затронувшими туристскую отрасль издержками социально-экономической трансформации, попаданием в геоинформационную и иную зависимость (в рамках ЕС и НАТО), а также с неэффективным государственным регулированием туризма (включая бесплодные попытки туристского районирования) [25; 36]. В геополитике, однако, всегда культивировалось убеждение, что географический фактор, как самый устойчивый во времени (за пределами вульгарного географического детерминизма), оказывает основополагающее воздействие на возможности пространства по присвоению силы и власти. Поведение Болгарии и отношение к ней со стороны других субъектов в сфере туризма (и вне его) в течение последних двух с половиной десятилетий свидетельствует именно о попадании страной в «ловушку» своих собственных географических ограничений. Несмотря на вхождение в состав «клуба богатых», Болгария сегодня продолжает обретать качество периферии Европы; сложился и её образ как страны «более провинциальной, менее самостоятельной и менее амбициозной в общеевропейском плане» [30, с. 272], а также (с учетом ее зависимости от европейской конъюнктуры) – и более несвободной [36].

Литература

1. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the changing World-system. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – 252 p.

2. Jean C. Manuale di geopolitica. Quarta edizione. Roma-Bari: Laterza, 2007 – 348 p.

3. Колосов В.А., Себенцов, А.Б. Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. Политические исследования, №2, 2014. С. 146–163.

4. Визгалов Д.В. Пусть живут города. М.: Сектор, 2015. – 272 с.

5. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. – 352 с.

6. Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989 – 379 p.

7. Minca C. Spazi effimeri: geografia e turismo tra Moderno e Postmoderno. Padua: Cedam, 1996 (a) – 236 p.

8. Lévy J. Le tornant géographique. Paris: Belin, 1999 – 400 p.

9. O.Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography, Vol. 11, 1992, pp. 190–204.

10. Dalby S., O'Tuathail, G. Rethinking Geopolitics. London: Routledge, 1998 – 333 p.

11. Antosich M. „Critical geopolitics". La geopolitica nel discorso postmoderno // Bollettino della Società Geografica Italiana, serie XII, Vol. VI, fasc. 4, 2001, pp. 735–752.

12. Карякин В.В. „Третья волна" – геополитика постмодерна // Региональные исследования, № 4 (38), 2012. С. 24–32.

13. Turco A. Pragmatiche della territorialità: competenza, scienza, filosofia // Bollettino della Società Geografica Italiana, Serie XI, vol. XI, 2000, pp. 11–22.

14. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990. – 330 p.

15. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.

16. Бусыгина И.М., Окунев И.Ю. Пространственное распределение силы и стратегии государств, или что и как объясняет геополитика // Полис. Политические исследования, №2, 2014. С. 106–123.

17. Костырев А.Г. Разумная сила, общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики // Полис. Политические исследования, №2, 2013. С. 143–149.

18. Ян, Э. Что такое геополитика? // Мировая экономика и международные отношения, №4, 2014. С. 90–101.

19. Ariani-Vergani F. Il turismo e le relazioni internazionali. Roma: Agnesotti, 1979 – 175 p.

20. Трофимов Е.Н. Туризм как бизнес и народная дипломатия // Международная жизнь, №2, 2010. С. 97–111.

21. Laurano P. Il turismo come strumento di diplomazia pubblica // Rivista di scienze del turismo, №1, 2011, pp. 45–62.

22. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты, следствия // Вестник МГИМО Университета, 2 (35), 2014. С. 14–21.

23. Харитонова Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения, №6, 2015. С. 48–58.

24. Кръстев В. Геополитика и геостратегия на туризма. Варна: Наука и икономика, 2016. 176 с.

25. Попов А.Д. Народная республика Болгария как объект международного туризма советских граждан // Дриновський збірник, №4, 2011. С. 302–309.

26. Крыстев В.К. Геополитика туризма: концентрация влияния и зависимости в Болгарии // Псковский регионологический журнал, №24, 2015. С. 3–11.

27. Кръстев В. Модели на туристическа регионализация на световното пространство и мястото на България в тях // Проблеми на географията, 1–2, 2013. С. 17–33.

28. Стратегия за устойчиво развитие на туризма в България 2014–2030. София: МИЕ, 2014. 114 с.

29. Петкова Д. Балканизацията – другото лице на глобализацията. София: Кама, 2004. 192 с.

30. Михайлов В. Цивилизационна геополитика. Враца–София: Медиа груп, 2012. 304 с.

31. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2015. Geneva: World Economic Forum, 2015 – 519 p.

32. Bloom Consulting Country Brand Ranking 2014/2015. Tourism Edition. – 40 p. – http://www.bloom-consulting.com/pdf/rankings/Bloom_Consulting_Country_Brand_Ranking_Tourism.pdf (12.03.2017).

33. County Brand Index 2014-15. FutureBrand. – 55 p. – http://www.futurebrand.com/uploads/CBI-14_15-LR.pdf (10.03.2017).

34. Elcano Global Presence Report 2016. Madrid: Real Instituto Elcano, 2016 – 64 p.

35. Кръстев В. География на туризма. Варна: Наука и икономика, 2014. – 356 с.

36. Проданов В. Неолибералната идеологема „25 години свободна България" // Понеделник, №7–8, 2014. С. 7–21.

УДК 910.1 (575.1)

В. Н. Федорко[1]
V. Fedorko

МЕСТО УСТЬЕВЫХ ОАЗИСОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

THE LOCATION OF USED OASIS IN THE TERRITORIAL STRUCTURE OF NATURAL RESOURCES USING UZBEKISTAN AND COUNTRY COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

В статье обосновано особое значение устьевых оазисов, приуроченных к дельтам и конусам выноса рек, в территориальной структуре природопользования в странах Центральной Азии, в частности в Республике Узбекистан. Автор предлагает определение понятия «устьевые оазисы», анализирует их географическую специфику как генетико-морфологического типа территориальных природно-хозяйственных систем региона, рассматривает типологию устьевых оазисов стран Центральной Азии по нескольким критериям.

The article explains the particular importance of wellhead oases, dedicated to the deltas and debris cones of rivers, in the territorial structure of nature management in Central Asian countries, particularly in Uzbekistan. The author proposes a definition of "wellhead oases", analyzes their geographical specificity as the genetic and morphological type of territorial natural-economic systems of the region, considering the typology of the wellhead oases of Central Asia, according to several criteria.

Ключевые слова: устьевые оазисы, дельты, конусы выноса, орошаемое земледелие, агроклиматические ресурсы, территориальные природно-хозяйственные системы.

Keywords: wellhead oases, deltas, debris cones, irrigated agriculture, agroclimatic resources, territorial natural-economic systems.

В становлении и развитии традиционной цивилизации в Средней Азии, основанной на орошаемом земледелии и оазисном расселении, роль устьев рек исключительна. В этой связи востоковед Р. Я. Рассудова [1, с. 150] отмеча-

[1] **Федорко Виктор Николаевич**, магистр географии, преподаватель средней общеобразовательной школы №233 г. Ташкента, самостоятельный соискатель Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека.

ет: «На заре развития ирригации, в эпоху неолита, человеком использовались, прежде всего, самые низинные земли в районах предгорных речек и в наиболее удобных местах рек, чаще – в самых низовьях (Амударьи, ферганских рек Исфайрама, Соха и др.)». Известно, что орошаемое земледелие в Средней Азии зародилось в VI тысячелетии до н.э. в низовьях небольших речек, стекающих со склонов Копетдага, где сформировались очаги так называемой неолитической джейтунской культуры, а первые крупные оазисы в регионе были созданы в V-IV тысячелетиях до н.э. в дельтах Теджена и Мургаба [2].

Устьевым участкам среднеазиатских рек присущи определённые черты общности ландшафтной организации. Устьевые геосистемы развиваются на основе аккумулятивных литолого-геоморфологических систем – дельт, конусов выноса, приустьевых террас. С особенностями литологии и рельефа устьевых образований связаны характерные черты их гидрогеологических условий, в частности значительные запасы грунтовых вод, их относительно близкое к поверхности залегание, специфический химический состав и т.д. Своеобразие гидрогеологической организации способствовало развитию в пределах устьевых участков речных бассейнов гидроморфных и полугидроморфных типов почв, особенно, в равнинной части Центральной Азии. Именно литолого-геоморфологические, гидрогеологические и почвенные условия играют определяющую роль в формировании *интразональных* признаков природного облика устьевых геосистем региона.

В пределах дельт и конусов выноса русла речных потоков становятся неустойчивыми, зачастую образуя систему рукавов. В результате развития орошения гидрографические сети этих территорий трансформировались в *оросительные «веера»* отводов, каналов, коллекторов, арыков. Многие реки в странах Центральной Азии вследствие интенсивного водозабора в современных условиях заканчиваются, рассеиваясь в ирригационных веерах, никуда не впадая. Устья таких рек, как известно, называются «слепыми» [3]. «Слепыми» являются, к примеру, устья Зарафшана, Мургаба, Теджена, Кашкадарьи, Соха, Чу, Таласа, Исфары, Исфайрамсая, Акбуры и многих других рек региона. Устьем этого типа, в сущности, является в настоящее время и дельта Амударьи, не доносящая своих вод до Аральского моря уже многие годы. За пределы «слепых» дельт и конусов выноса региона вытекают только коллекторно-дренажные воды, агроэкономическое значение которых на данном этапе развития ирригационного хозяйства в странах Центральной Азии невелико.

Многовековой опыт хозяйственной деятельности, прежде всего поливного земледелия, в дельтах и на конусах выноса рек вызвал существенные изменения гидрографической сети, литологии поверхностных отложений, рельефа, гидрогеологических условий, почвенного покрова, органического мира этих геокомплексов. Так, например, они отличаются наличием мощных толщ агроирригационных наносов и широким развитием техногенных форм рельефа; в тесной связи с глубокой трансформацией режима поверхностных вод

претерпели коренные изменения уровень залегания, режим и минерализация подземных вод.

Следовательно, рассматриваемые территории представляют собой глубоко преобразованные многовековой хозяйственно-селитебной эксплуатацией природно-антропогенные геосистемы. В этой связи верным и обоснованным представляется выделение А.Н. Ходжиматовым [4] таких классификационных разновидностей оазисных ландшафтов Узбекистана, как оазисы на дельтовых равнинах, оазисы на низких (I, II) террасах рек, оазисы на конусах выноса и оазисы на пролювиальных шлейфах. Эти геоморфологические модификации оазисных ландшафтов объединяются нами в *устьевой макротип* этих природно-антропогенных комплексов.

В пределах устьевых геосистем региона исторически сложились своеобразные по структурно-морфологическим и функциональным свойствам системы производства и расселения, стержневую основу которых составляет орошаемое земледелие. В некоторых дельтах и конусах выноса сформировались крупные формы городского и сельско-городского расселения агломерационного характера. Особенности ландшафтных и хозяйственно-селитебных комплексов устьев рек способствуют развитию специфических геоэкологических процессов. Можно сказать, что природно-антропогенные ландшафты и взаимодействующие с ними социально-экономические структуры в устьях рек образовали самобытные комплексы географической, техногенной и общественной среды, имеющие характерные пространственные контуры, которые просматриваются на общегеографических картах различных масштабов (особенно, средне- и крупномасштабных) и космофотоснимках. Эти районы представляют собой территориальные природно-хозяйственные системы (ТПХС), которые предлагается именовать *устьевыми оазисами* [5]. Определение данного понятия представляется возможным сформулировать следующим образом.

Устьевые оазисы – *это территориальные природно-хозяйственные системы, приуроченные к устьевым аккумулятивным образованиям – дельтам, конусам выноса, устьевым террасам рек аридных и семиаридных регионов, пространственно-временная структура, функционирование и развитие которых обусловлены, главным образом, развитием и размещением орошаемого земледелия с характерными для него селитебными структурами.*

Пространственные контуры этих ТПХС определяются, в первую очередь, физико-географическими (гидрографическими, литолого-геоморфологическими, почвенными) рубежами, очерчивающими дельты, конусы выноса и устьевые террасы рек. В некоторых случаях целесообразно учитывать территориально-хозяйственную целостность устьевых геосистем и прилегающих к ним земель иного ландшафтно-морфологического типа, ведущим фактором которой является единство водохозяйственной инфраструктуры.

Специальных общественно-географических работ по исследованию устьевых оазисов стран Центральной Азии в их природно-хозяйственных, а не административно-территориальных границах, в тесной связи с анализом локальных ландшафтных условий насчитывается весьма немного [6, 7, 8]. Мы рассматриваем устьевые оазисы как *своеобразный генетико-морфологический тип территориальных природно-хозяйственных систем* региона. Это мнение основано на том, что устьевые оазисы заметно отличаются от территориальных природно-хозяйственных систем речных долин, горных хребтов, пустынных равнин, межгорных котловин Центральной Азии не только по физико-географическим признакам, но и своим естественно-ресурсным потенциалом, специализацией и территориальной структурой хозяйства, расселением населения, геоэкологической и медико-географической обстановкой. Типологическая общность устьевых оазисов региона проявляется в следующих аспектах:

- **геопозиционный**: устьевые оазисы, расположенные на различных гипсометрических уровнях региона, занимают характерное концевое географическое положение в пределах речных бассейнов соответствующего порядка. Это накладывает существенный отпечаток как на природные условия, так и на геоэкологическую обстановку, которая складывается не только под влиянием местного природопользования, но и в тесной связи с процессами социоприродного взаимодействия в пределах гидрографических бассейнов в целом;

- **ландшафтно-генетический**: общие черты ландшафтной структуры устьевых геосистем региона связаны с интенсивными процессами аккумуляции флювиального материала в концевых частях бассейнов и формированием здесь специфических геоэкосистемных образований одного генетического ряда – дельт, конусов выноса, устьевых террасовых равнин;

- **культурно-ландшафтный**: равнинные дельты, конусы выноса предгорий и гор стран Центральной Азии отличаются высокой степенью антропогенной преобразованности всех компонентов природы и их пространственных сочетаний, принявших форму культурных (оазисных) ландшафтов, что связано с длительной историей освоения изучаемых районов под орошаемое земледелие и высокой плотностью хозяйственно-селитебного использования;

- **экономико-географический**: исследуемые территориальные природно-хозяйственные системы образуют своеобразные ядра пространственной организации производительных сил высотных природно-экономических зон, в которых они располагаются: дельты – по отношению к пустынным равнинам; предгорные конусы выноса – в подгорных равнинах и межгорных котловинах; горные конусы выноса – в пределах горных и высокогорных долин. В предгорно-горной части региона анализируемые интегральные геосистемы образуют сопряжённые линейно вытянутые ряды и превращаются в каркасные линии (полосы) территориальной структуры экономики и населения. Ведущие направления хозяйственной специализации этих территорий также во многих

случаях близки и связаны с развитием многоотраслевого сельского хозяйства на базе поливного земледелия. Вместе с тем, многие устьевые оазисы как старо-освоенные районы со зрелой, многоотраслевой структурой хозяйства отличаются высоким уровнем урбанизации и значительным потенциалом агроиндустриального развития;

- **геоэкологический**: в связи с тем, что устьевые оазисы выделяются высокой плотностью хозяйственно-селитебного освоения, неустойчивостью природных комплексов, а также специфическим эколого-географическим положением в пределах бассейновых (в т.ч. трансграничных) систем природопользования, эти районы характеризуются весьма сложной, зачастую неблагоприятной, геоэкологической обстановкой, качественные характеристики которой выражены в развитии своеобразного комплекса типичных природно-антропогенных процессов. К числу последних можно отнести вторичное засоление земель, ирригационную эрозию, ксероморфизацию ландшафтов, подъём уровня грунтовых вод, загрязнение водной, воздушной и почвенной среды техногенными веществами;

- **структурно-пространственный**: взаимодействие речного стока и рельефа дельт и конусов выноса, на которое существенный отпечаток накладывают неотектонические движения территории, обусловливает формирование своеобразной пространственной структуры устьевых ландшафтов. Географическая неоднородность этих природно-территориальных комплексов может проявляться в следующих формах: 1) *фациальности* – чередовании областей аккумуляции терригенного материала различного механического состава от вершины к периферии конусов выноса [9] и связанной с ней *склоновой ландшафтной микрозональности* [10]; 2) *сегментности* – сочетании разновозрастных частей дельт и конусов выноса, сопряжённых в веерообразной или древовидной форме [11]; 3) *ярусности* – ступенчатообразной смене гипсометрических «ярусов» дельт и конусов выноса [12,13]. Кроме того, взаимодействие гидрологических, тектонических и геоморфологических факторов приводит к образованию специфического рисунка пластики рельефа устьевых образований [14, 15].

Тесная взаимосвязь хозяйственно-поселенческих комплексов с ландшафтами способствует формированию своеобразного морфологического рисунка географических систем производства и расселения в пределах устьевых оазисов, закономерно сопряжённых с теми или иными элементами природно-антропогенных мелиоративных комплексов. Определённые изменения в морфологию и внутреннюю структуру изучаемых территорий внесло активное антропогенное преобразование их природно-ландшафтной основы, в т.ч. водохозяйственное строительство, мелиорация сельскохозяйственных угодий, освоение приоазисных земель, расширение сети населённых мест, кальмотажпривершинных участков конусов выноса, отвод грунтовых и коллекторно-дренажных вод за пределы устьевых оазисов и другие инженерно-технические мероприятия.

Рассматривая устьевые оазисы региона в качестве особого генетико-морфологического типа интегральных географических систем, мы считаем, что каждый оазис сочетает в себе типологические и индивидуальные черты природно-хозяйственного облика территории. Изучение же этих геокомплексов в их закономерном единстве и многообразии возможно, на наш взгляд, посредством типологии данных геокомплексов и комплексного сравнительно-географического анализа их типологических вариаций.

В связи с этим большое внимание нами уделяется типологии изучаемых районов, которая может быть произведена по нескольким признакам. По *литолого-геоморфологическим и ландшафтным* особенностям устьевые оазисы можно подразделить на 3 физико-географических класса: **равнинные, предгорные и горные**. Равнинные устья рек региона представляют собой обширные дельты, для которых свойственно преобладание мелкозёмистых аллювиальных отложений (суглинков, супесей, песков и т.д.), очень малые уклоны рельефа, неглубокое залегание грунтовых вод и их повышенная минерализация, закономерное сочетание гидроморфных, полугидроморфных и автоморфных геосистем, сопряжённых с разными морфологическими элементами поверхности. Особенности эколого-географического положения этих территорий под воздействием сложных процессов природопользования по всему пространству речных бассейнов выступают предпосылками тенденций автоморфизации и аридизации (опустынивания) ландшафтов.

Предгорные устьевые районы заняты обычно внешними конусами выноса рек пролювиального или смешанного, аллювиально-пролювиального генезиса. В сравнении с дельтами, конусы выноса характеризуются более пёстрым литологическим составом поверхностных отложений (мелкозём господствует лишь на периферийных участках), морфометрическими особенностями рельефа, меньшим распространением почв и ландшафтных комплексов гидроморфного ряда. У некоторых горно-предгорных рек, отличающихся сравнительной многоводностью, устьевые участки заняты не конусами выноса, а аллювиальными равнинами на молодых террасах, которые мы предлагаем называть *устьевыми террасовыми равнинами*. Таковы устьевые районы долин Чирчика, Ахангарана, Сурхандарьи, Вахша, Кафирнигана, Яхсу, Карадарьи и некоторых других водотоков. Эти геокомплексы, отличаясь от конусов выноса в геоморфологическом отношении и некоторым образом литологически, в то же время, схожи с ними в гипсометрических, гидрогеологических, почвенных, геоэкологических и иных условиях, что даёт основание объединить их в единый физико-географический класс устьевых образований.

В горных и высокогорных условиях устьевые участки рек заняты по большей части конусами выноса, которым присущи худшая степень сортировки поверхностных отложений, более крутые уклоны местности и некоторые другие морфометрические особенности рельефа, сравнительно глубокий уровень залегания грунтовых вод, лучшие условия дренированности территории. Всё

это способствует общему своеобразию ландшафтной организации горных устьевых геосистем. Располагаясь на разных гипсометрических уровнях, устьевые оазисы трёх классов образуют **каскадно-ступенчатую систему** ТПХС единого морфогенетического ряда.

Устьевые оазисы различаются пространственно-таксономическим рангом, определяемым, по нашему представлению, их территориально-хозяйственной и расселенческой значимостью, другими словами, местом, занимаемым ими в пространственной структуре природопользования стран Центральной Азии. В связи с этим предлагается выделять следующие 7 категорий устьевых оазисов региона: 1) крупнейшие; 2) крупные; 3) условно крупные; 4) средние; 5) урбанизированные; 6) малые; 7) мелкие. Краткая характеристика этих типов устьевых оазисов дана в таблице 1. Факторами, предопределяющими различия в хозяйственно-расселенческой значимости устьевых оазисов, выступают величина территории и земельно-ресурсный потенциал устьевых геосистем, водохозяйственная база, природно-мелиоративные условия, биоклиматический потенциал, индустриально-экономические ресурсы, численность и плотность населения и населённых мест, экономико-географическое положение района, исторические особенности хозяйственного освоения и окультуривания ландшафтов, развитие современных форм расселения и урбанизации, положение в системе административно-территориального деления, геоэкологическая обстановка, связанная со сбалансированностью природопользования в бассейне реки.

Сельское хозяйство является преимущественным направлением природопользования в устьевых оазисах Центральной Азии. Специализация и территориальная структура сельского хозяйства в устьях различных рек неодинаковы, что связано во многом с неоднородностью природных условий. Особое значение имеют агроклиматические ресурсы, географическая дифференциация которых положена нами в основу природно-сельскохозяйственной типологии устьевых оазисов региона. Агроклиматические различия служат ведущим фактором сельскохозяйственной специализации устьевых оазисов различных широтных и высотных зон региона.

Устьевые оазисы Центральной Азии сгруппированы нами в 7 природно-сельскохозяйственных типов с учётом следующих агроклиматических показателей: 1) сумма положительных температур выше +10°С; 2) процент вегетационных зим; 3) коэффициент использования термических ресурсов очень поздних сортов хлопчатника, отличающихся высокой теплолюбивостью; 4) число благоприятных лет по естественному увлажнению (в % из 100 лет). Значения этих величин в пределах тех или иных устьевых оазисов были установлены посредством специального анализа материалов классических трудов Л. Н. Бабушкина [16, 17, 18, 19]. При этом сумма эффективных температур в 4000°С определяет северную границу потенциальной зоны хлопкосеяния (типично умеренный климат), а величина данного показателя, превышающая

4900°С, обеспечивает 100-процентную возможность возделывания тонковолокнистых сортов хлопчатника (типично субтропический климат). С выращиванием последних связан и коэффициент использования термических ресурсов очень позднеспелых сортов хлопка.

Таблица 1. Типология устьевых оазисов Центральной Азии по территориально-хозяйственной значимости

№	Класс	Территориально-хозяйственная значимость	Примеры рек
1	Крупнейшие	Ядра территориальной организации производства и расселения целых регионов (административно-территориальных единиц первого порядка)	Амударья, Зарафшан, Мургаб
2	Крупные	Образуют географический каркас хозяйства и расселения крупных подрегионов (нескольких сопряжённых административно-территориальных образований второго порядка)	Сырдарья, Чу, Талас, Теджен, Кашкадарья, Шерабад, Чирчик, Ахангаран, Сох, Нарын, Акбура
3	Условно крупные	Занимая достаточно крупную по площади территорию, не отличаются значительной концентрацией производительных сил, но выполняют важную геоэкосистемную функцию в пределах речных бассейнов	Или, Вахш
4	Средние	Устьевые оазисы представляют собой наиболее плотно освоенные и заселённые части одного или двух сельских административных районов	Аксу, Гузардарья, Сурхандарья, Сангардак, Тупаланг, Кафирниган, Санзар, Гавасай, Касансай
5	Урбанизиро-ванные	Устьевые оазисы заняты территорией больших и крупных городов и их ближайшего пригородного окружения	Намангансай, Андижансай, Варзоб, Алаарча.
6	Малые	К устьевому оазису приурочена локальная микросистема расселения, состоящая из малого города или городского посёлка и небольшого числа группирующихся вокруг него сельских поселений	Зааминсу, Чадаксай, Шаргунь, Обизаранг, Гунт, Ширкент, Тентек, Чилик, Чарын.
7	Мелкие	Микрооазисы на конусах выноса или приустьевых речных террасах, включающие несколько сельских населённых пунктов	Реки Копетдага, Каратау, Нураты, Иссык-Кульской впадины.

Удельный вес лет, благоприятных по естественному увлажнению, равный 50 процентам, соответствует значению ГТК Селянинова 0,25, представляя нижнюю границу умеренно сухой зоны увлажнения в Средней Азии [18]. Она образует рубеж развития богарного земледелия в регионе [20, 21]. На большей части Средней Азии это значение ГТК наблюдается на абсолютных отметках местности в 400-600 м, варьируя в зависимости от экспозиции склонов [22]. С. А. Нишанов [23] отмечает, что предгорные конусы выноса Ферганской до-

лины и предгорья Нурата-Туркестанских гор находятся за пределами зоны экстраридного климата (коэффициент увлажнения до 0,1) и по своему ландшафтному облику ближе к полупустыням, чем к типичным пустыням, в отличие, к примеру, от эолово-солончаковых равнин Центральной Ферганы. Важным агроклиматическим показателем некоторые авторы [24, 25] считают возможность возделывания субтропических многолетников в открытой культуре, что также было учтено нами (табл. 2).

Таблица 2. Природно-сельскохозяйственная типология устьевых оазисов Средней Азии на агроклиматической основе

Природно-сельскохозяйственные типы устьевых оазисов	Сумма эффективных температур выше +10°С	Число вегетационных зим (%)	Коэф. использования термич. ресурсов очень поздних сортов хлопка	Число благоприятных лет по естественному увлажнению (%)	Возможность открытой культуры субтропических многолетников	Примеры рек
Пустынный умеренный	< 4000⁰	0	0	0	-	Или, Чу, Сырдарья, Амударья
Пустынный субтропический	> 4900⁰	> 50	> 100	< 40	+ (в дельтах Мургаба и Теджена)	Зарафшан, Мургаб, Теджен, Кашкадарья
Предгорный типично умеренный	< 4000⁰	0	0	> 40	-	Талас, Соколук, Чарын
Предгорный переходный умеренно-субтропический	4000 - 4900⁰	< 50	< 100	> 40	-	Санзар, Сох, Исфара, Нарын, Акбура
Предгорный типично субтропический	> 4900⁰	> 50	> 100	> 40	+	Сурхандарья Шерабад, Кафирниган
Горный	< 4200⁰ (варьирует в зависимости от широты, высоты и экспозиции)	0-30	0-50	10-100 (варьирует в зависи-мости от экспози-ции)	-	Каракол, Чолпоната, Бартанг, Гунт, Шахдара
Высокогорный	<2000⁰	0	0	10-100 (варьирует в зависи-мости от экспо-зиции)	-	Памир, Музкол, Уйсу

Каждая из трёх типологий отражает дифференциацию устьевых оазисов региона в разрезе их существенных природно-хозяйственных характеристик. Они дополняют друг друга, что позволяет синтезировать их в рамках единой комплексной типологии исследуемых объектов (табл. 3). Обзорная карта-схема устьевых оазисов Средней Азии представлена на рисунке.

Таблица 3. Комплексная типология устьевых оазисов стран Центральной Азии

Физико-географические классы	Природно-сельско-хозяйственные (агроклиматические) типы	Типы по территориально-хозяйственной и расселенческой значимости						
		Крупнейшие	Крупные	Условно крупные	Средние	Урбанизированные	Малые	Мелкие
Равнинный	Пустынный умеренный	Амударья	Сырдарья, Чу	Или	-	-	Каратал, Аксу	-
	Пустынный субтропический	Мургаб, Зарафшан	Теджен, Кашкадарья	-	-	-	-	-
Предгорный	Предгорный умеренный	-	Талас	-	Соколук	Ала-Арча	Мерке, Чилик, Иссык, Тентек	Чарын, Бугунь
	Предгорный переходный умеренно-субтропический	-	Сох, Чирчик, Акбура, Нарын	-	Ахангаран, Санзар, Келес, Арысь, Касансай, Майлису, Шахимардан	Андижансай, Намангансай, Исфайрамсай	Зааминсу, Чадаксай, Алмассай, Саганак	Аксай, Сайрамсу, Чаян
	Предгорный типично субтропический	-	Шерабад	Вахш	Сурхандарья, Халкаджар, Кафирниган, Гузардарья	Варзоб	Обизаранг, Шаргунь, Гульдара	Чаача, Меначай Кутитанг
Горный	Горный	-	-	-	-	Каракол	Ала-Бука, Гунт	Тагоб, Тосор, Дараи-Курговад
	Высокогорный	-	-	-	-	-	-	Дараи-Яхдара, Дараут, Ачык-Суу

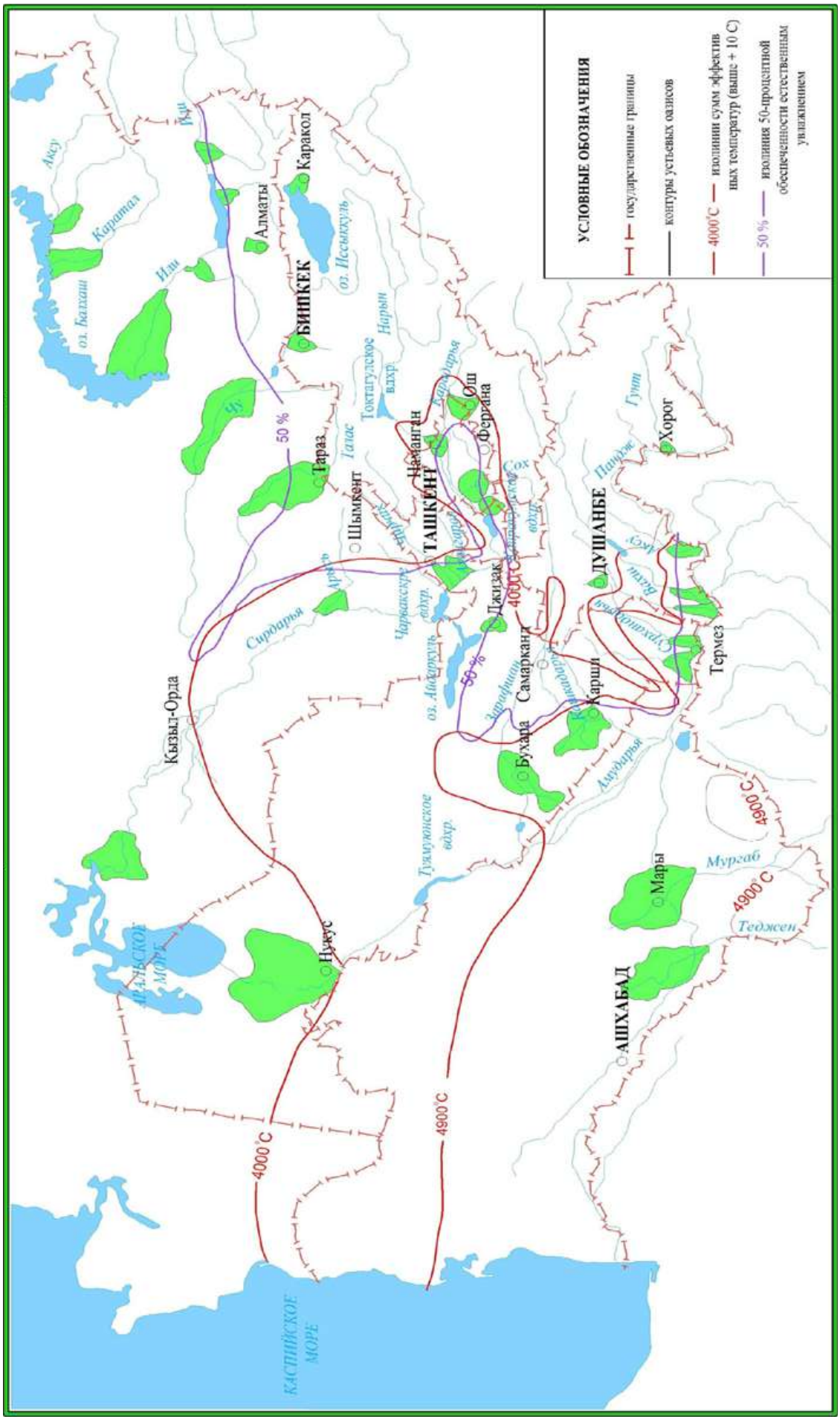


Рис. Размещение устьевых оазисов Центральной Азии

Литература

1. Рассудова Р. Я. Естественные условия и система хозяйственно-социальных отношений в позднефеодальный период в истории народов Средней Азии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л.: Наука, 1984. С. 144–166.

2. История Древнего Востока / под ред. В.И.Кузищина. М.: Высшая школа, 1979. 456 с.

3. Кирста Б. Т. Реки пустынь. Ашхабад: Ылым, 1980. 100 с.

4. Ходжиматов А. Н. Оазисные ландшафты пустынной зоны Узбекистана: состояние, оценка и прогноз возможных изменений (на примере агрогеосистем низовьев Зарафшана Амударьи). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Т., 1996. 23 с.

5. Федорко В. Н. Устьевые оазисы Средней Азии: опыт комплексного сравнительно-типологического исследования. Т., 2013. 134 с.

6. Богданов Д. В. Культурные ландшафты долин Северо-Западного Памира и возможности их преобразования // Вопросы географии. Сборник 24. Физическая география. М., 1951. С. 300–321.

7. Валиханов Ч. Кокандский оазис. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Т., 1963. 22 с.

8. Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения различных районов Советского Союза. М.: Географгиз, 1947. 423 с.

9. Елисеев В. И. Закономерности образования пролювия. М.: Наука, 1978. 232 с.

10. Абдулкасимов А.А. Проблемы изучения межгорно-котловинных ландшафтов Средней Азии. Т.: Фан, 1983. 126 с.

11. Богачёв В. П., Ишанкулов М. Ш. Методы пространственного анализа засолённых почв (на примере ландшафтов конусов выноса и дельт). Алма-Ата: Наука, 1986. 165 с.

12. Алланазаров К. Ж. Оценка природных условий и ресурсов неорошаемой части дельты Амударьи для развития сельского хозяйства. Автореф. дисс. … канд. геогр. наук. Т., 2002. 26 с.

13. Мурзаев Э. М. Природа Синьцзяня и формирование пустынь Центральной Азии. М.: Наука, 1966. 382 с.

14. Уразбаев А. К. Системная организация природно-мелиоративных условий современной дельты Амударьи. Автореф. дисс. … докт. геогр. наук. Т., 2002. 52 с.

15. Хакимов Ф. И. Почвообразование и соленакопление в дельтах аридных областей в связи со структурой их поверхности. Автореф. дисс. … канд. биол. наук. М., 1995. 62 с.

16. Бабушкин Л. Н. Агроклиматическое описание Средней Азии // Вопросы агроклиматического районирования Средней Азии и Казахстана. Научные труды ТашГУ, вып. 236, 1964. с. 5. 185.

17. Бабушкин Л. Н. Агроклиматическое районирование Средней Азии // Вопросы агроклиматического районирования Средней Азии и Казахстана. Научные труды ТашГУ, вып. 236, 1964. с. 186. 272.

18. Бабушкин Л. Н. К оценке термических ресурсов и ресурсов естественного увлажнения Средней Азии для целей сельского хозяйства // Вопросы прикладного физико-географического и экономико-географического районирования Средней Азии. Научные труды ТашГУ, вып. 467. Т., 1974. С. 3–14.

19. Бабушкин Л. Н., Когай Н. А., Закиров Ш. С. Агроклиматические ресурсы сельского хозяйства Узбекистана. Т.: Мехнат, 1985. 160 с.

20. Закиров Ш. Опыт оценки степени благоприятности природных условий бассейна р.Ахангаран для целей сельского хозяйства // Вопросы прикладного физико-

географического и экономико-географического районирования Средней Азии. Научные труды ТашГУ, вып. 467. Т., 1974. С. 24–32.

21. Хасанов А. Биоклиматический потенциал и продуктивность земледелия в богарной зоне Узбекистана // Вопросы прикладного физико-географического и экономико-географического районирования Средней Азии. Научные труды ТашГУ, вып. 467. Т., 1974. С. 43–46.

22. Хасанов А. О бонитировке климата богарной зоны Узбекистана // Географические аспекты природопользования. Т., 1981. С. 31–36.

23. Нишанов С. А. Особенности ландшафтов, природные ресурсы аридных областей и пути их рационального использования. Т.: Фан, 1984. 104 с.

24. Гутиев Г. Т. Субтропические плодовые растения. М.: Сельхозиздат, 1958. 224 с.

25. Кульков О. П. Агроклиматические ресурсы субтропического плодоводства Узбекистана. Т.: Фан, 1976. 52 с.

ЭКСПЕРТНЫЕ РАЗРАБОТКИ И МНЕНИЯ

УДК 323(571.6)

Ю. Н. Гладкий[1]
Yu. Gladkii

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР»: БЛАГАЯ ИДЕЯ ПРИ ЗАВЫШЕННЫХ ОЖИДАНИЯХ

THE FAR EASTERN HECTAR: A GOOD IDEA WITH HIGHER EXPECTATIONS

Привлечено внимание к развернувшейся дискуссии в стране о роли закона о «дальневосточном гектаре» в реализации дальневосточной стратегии правительства. Отмечена неправомерность завышенных ожиданий, поскольку главными драйверами успешной реализации дальневосточной стратегии является индустриальное и транспортное освоение юга Дальневосточного федерального округа. Именно оно придаст дополнительный геополитический и геоэкономический вес российскому Дальнему Востоку и реально обеспечит снижение оттока населения и привлечение новых переселенцев. «Дальневосточный» гектар – лишь один, далеко не главный рычаг в этом процессе.

Attention is drawing to the ensuing discussion in the country about the role of the law on "Far Easthectare" in the implementation of the far Eastern strategy of the government. Notes the illegality of inflated expectations, as the main drivers of successful implementation of far Eastern strategy is industry-or and transport development in the South of the far Eastern Federal district. It will give an additional geopolitical and geo-economic weight of the Russian Far East and actually reduce the outflow of population and attracting new settlers. "Far East" hectare – just one, not the main lever in this process.

Ключевые слова: освоение Сибири, плотность населения, Закон о дальневосточном гектаре, опыт гомстедов, Столыпинская реформа, фермерство, географические факторы.

Key words: development of Siberia, population density, Act on Far East hectare, the experience of homestead, the Stolypin reforms, farming, geographical factors.

Вековечная «притча во языцех» о слабой освоенности Сибири появилась одновременно с началом стремительного расширения российских границ в XVII в. И хотя первые города (Тюмень, Тобольск, Тара, Сургут, Нарым, Верхотурск и др.) в Западной Сибири были основаны еще ранее, реальное движе-

[1] **Гладкий Юрий Никифорович**, доктор географических наук, профессор, член-корр. РАО, заведующий кафедрой экономической географии РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

ние к «ледяным изотермам» Восточной Сибири («крестному пути на Голгофу Зимы», по образному выражению С. Рогачева) – началось позже, когда были основаны Томск (1604 г.), Красноярск (1628), Братский острог (1630), Якутск (1632), Вилюйск (1634), Иркутск (1652), Охотск и Анадырский острог (1649), а также другие русские поселения. В специальной литературе весьма обстоятельно и убедительно изложены все основные этапы истории освоения Сибири, начиная с освоения земель, расположенных в среднем и нижнем течении реки Обь и кончая освоением Камчатки, Курильских островов и Аляски.

Согласно подсчетам известного исследователя сибирского края П. А. Словцова, в середине XVII в. его население не превышало 350 тыс. человек, причем русские составляли менее 30 %, а к исходу того же века русские жители насчитывали уже около 200 тыс. человек [1]. Со временем поток переселенцев стал увеличиваться; до 1880-х годов их число не превышало 2 тыс. чел. ежегодно, а благодаря строительству Сибирской железной дороги лишь за два с половиной года (с 1907 по июль 1909 г.) «в Сибирь прошло 2 миллиона переселенцев» – отмечает известный русский историк П. О. Ключевский [2, с. 19].

В начале XXI века население Сибири исчисляется примерно 24 миллионами человек, из которых в Восточной Сибири проживает все еще менее 9 млн. (при плотности – менее 1 чел. на км^2), абсолютное большинство которых сконцентрировано в южной части необъятного края. К этому добавим: население самого Дальневосточного федерального округа (ДФО) за четверть века сократилось с 8 млн. до 6,2 млн. человек (1,6 млн. потеряно за счёт миграции, остальное – естественная убыль населения). В региональном разрезе Чукотка «убыла» в 3 раза, Магаданская область – в 2,5 раза, Камчатка и Сахалинская область – в 1,5 раза. Тревогу вызывает тот факт, что больше чем на трети территории России проживает лишь 4% ее населения, и эта цифра продолжает сокращаться. Совершенно очевидно, что обрести реальный, а не номинальный статус тихоокеанской державы России при подобной плотности населения будет трудно.

Нынешний этнический состав населения Восточной Сибири – результат многовекового смешения коренного тюркско-монгольского и русского (славянского) населения, «разбавленного» малочисленными народами Сибири, в том числе веками проживающих в таежных районах и на Крайнем Севере.

Закон о дальневосточном гектаре. Используя не только в публицистической, но и научной литературе выражение «освоение Сибири», большинство авторов давно свыклись с его фигуральностью, очевидным метафоричным смыслом. Заметим: речь идет не о том, чтобы эффективно «*использовать природные ресурсы края*» – авторы призывают именно «*освоить*» край! Между тем, освоить – значит «обустроить» необъятную Сибирь, создать новые населенные пункты, использовать в экономических целях ранее не эксплуатировавшиеся площади с параллельным строительством разветвленной дорожной сети т.д.

Но, возможно ли это вообще в обозримом будущем, и, главное, чем диктуется необходимость такого «освоения»? Игнорирование в советском прошлом вопроса о «стоимости холода» (включая многолетнюю мерзлоту), продиктованное стремлением к «*равномерному размещению производительных сил по территории страны*», в условиях рынка представляется нынешним бизнесменам достаточно абсурдной идеей. Они больше не склонны вкладывать идеологическое содержание в понятия «экономическая эффективность», «стоимость», «рентабельность экономики» и вряд ли согласятся с тем, чтобы львиная часть прибыли «сгорала в костре» холодных зим.

Однако, здесь напрашиваются два принципиальных пояснения.

Первое. Социалистическая индустриализация, воспринимающаяся на западе представителями англо-саксонской модели рыночной экономики (создававшейся в «тепличных условиях» геополитической неуязвимости) как своего рода «патология», проводилась в жестких условиях *военного времени* и периоды *«передышек»*, и она оставалась рациональной и успешной экономикой [3, с. 63]. Инстинкт самосохранения и острая нужда заставляли государство подчас мириться с колоссальными издержками, наносимыми «запредельным» расходом энергии на обогрев производственных и коммунально-бытовых помещений, перерасходом применяемых конструкционных материалов, дополнительными затратами на строительство и дорогостоящий ремонт дорог, ежегодно выходящих из строя вследствие разрушительного воздействия замерзающих и оттаивающих грунтовых вод и т.д.

Второе. В то же время «доверяться» сегодня рыночным механизмам при попытках выстроить оптимальные варианты территориальных и региональных пропорций в российской экономике, значит способствовать сращиванию финансового могущества и политической власти в рамках олигархических (часто транснациональных, «экстерриториальных») кланов, мало пекущихся об интересах государственной безопасности страны и реализации ее геостратегических проектов. Интенсивное освоение территории Южной Сибири, примыкающей к Транссибу, является для страны *императивным проектом*, поскольку этот «геополитический коридор» не только скрепляет неравновесные части РФ, но и решает важные геостратегические задачи. Что же касается Приморья, то его ускоренное развитие еще более очевидно, и не только ради усиления его геополитической роли, но и с учетом «безубыточности» самого проекта, а также достаточно высокой комфортности среды обитания. Напомним: при плотности населения в ДФО 1 чел./км^2, в провинциях китайского северо-востока (Хейлунцзян, Цзилинь и Ляонин) в приграничных провинциях КНР плотность населения примерно в 130–140 раз больше.

Отчасти этим было обусловлено принятие федерального закона Российской Федерации «*Закон о дальневосточном гектаре*» (вступил в действие с 01.06. 2016), согласно которому каждый житель РФ получил право безвозмездно получить землю на Дальнем Востоке сроком на 5 лет, по истечению которых при

условии освоения земли гражданин имеет право оформить участок в аренду или получить его в собственность [4]. Право выбрать земельный участок в пилотном муниципальном образовании своего субъекта ДВФО вначале предоставлялось лишь жителям Дальнего Востока, но позже оно было дано всем гражданам страны, независимо от прописки.

Конкретные цели, преследуемые упомянутым законом, хорошо известны. Они неоднократно формулировались и ранее представителями научного и экспертного сообществ, излагавшими свои оценки геополитического, демографического, экономического и социального эффекта от реализации подобных мер. Главная среди них – не только *стабилизация, но ускоренный рост демографического потенциала* Дальнего Востока, реальное содействие государства сбалансированному демографическому развитию и закреплению российского населения на Востоке России.

Авторы подчеркивали также тот факт, что продолжающееся отставание малонаселенного региона грозит усилением экономического и политического давления на РФ с трудно предсказуемыми последствиями. Поэтому параллельно с решением демографической проблемы поставлена цель ускорить экономическое развитие территории с повышением ее пространственной эффективности. Еще до принятия закона правительством страны были предприняты некоторые меры (разработаны соответствующие стратегии и программы, созданы надсубъектные институциональные органы в виде аппаратов зампредседателя Правительства РФ и Минвостокразвития и т.д.), призванные содействовать экономическому развитию края.

Кстати, специалисты Минвостокразвития исходят из того, что переселенцы – те, кто решит обрести на Дальнем Востоке вторую родину, могут заняться агробизнесом и переработкой сельскохозяйственных продуктов, лесным хозяйством, рыбоводством, малоэтажным жилищным строительством, ремеслом и т.д. Что касается конкретных мер государственной поддержки, то субъектам малого и среднего предпринимательства предполагается, в частности, облегчить доступ к получению льготных кредитов (с возможностью компенсации части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам), начинающим фермерам гарантируются гранты до 1,5 млн. рублей, а представителям семейных животноводческих ферм – до 21,6 млн. рублей [5, 6]. Переселенцам, решившим связать свою судьбу с дальневосточным краем и поселившимся в районах Приморья, приравненных к районам Крайнего Севера (Кавалеровский, Дальнегорский, Тернейский и Ольгинский районы; поселок Восток Красноармейского района и отдельные сельсоветы Красноармейского района), государство обещает надбавку к зарплате и увеличенную пенсию.

Опыт гомстедов и столыпинской реформы: на параллелях истории. Концептуально закон о гектаре вполне вписывается в череду широко известных актов, принимавшихся различными странами для регулирования земельных, лесных и других отношений с целью заселения и освоения свободных

земель. Но проведение с этими актами прямых аналогий с «законом о дальневосточном гектаре» – вряд ли содержит в себе конструктивное начало с учетом особенностей нынешней эпохи, российской «демографической ямы», климатических реалий, геополитической специфики региона и т.д. Особенно преждевременно участившееся его сравнение с раздачей по существу бесплатных земельных наделов в США в XIX столетии – сходство можно обнаружить разве что в самом замысле и, частично, в механизмах государственной поддержки.

Напомним: федеральный закон о гомстедах («*Homestead-Act*»), принятый в 1862 г. в ходе Гражданской войны в США, стал торжеством республиканской партии А. Линкольна, результатом многолетней борьбы, увенчавшейся передачей колонистам фермерских участков-усадеб по трудовой норме (гомстедов) из фонда общественных земель, имевшихся на западе страны. Согласно закону, любой гражданин США старше 21 года (не участвовавший в войне против Севера!) получал возможность приобрести земельный надел площадью не более 65 га, обрабатывать его и возводить соответствующие строения. Регистрационный сбор был установлен в размере 10 долларов, после чего по истечению 5 лет участок переходил в полную собственность (хотя он мог быть выкуплен и ранее из расчета 1,25 долл. за акр).

Любителям проводить аналогии следует учитывать следующие факты. *Во-первых*, на «диком» американском Западе пустовали обширные плодородные равнины, в том числе те, которые были способны давать два урожая в год; *во-вторых*, в молодом государстве многие вчерашние переселенцы (и их дети) были весьма заинтересованы в устройстве своей судьбы в регионах, отличавшихся безопасностью, стабильностью и вполне щадящим климатом; *в-третьих*, страна была охвачена гражданской войной и налаживание агробизнеса на новых территориях (производство пшеницы, табака, шерсти и т.д.) сулило колонистам гарантированные доходы; *в-четвертых*, история свидетельствует о том, что запрос фермеров, городской бедноты и представителей бизнеса быстро превысил возможности приобретения земли через установленный порядок; и, наконец, *в-пятых*, Линкольн отдавал себе ясный отчет в том, что рано или поздно на пустовавшие земли найдется хозяин из числа европейских конкурентов (включая Россию).

Ясно, что условия реализации нашего закона о «дальневосточном гектаре» разительно отличаются от изложенных выше. Так, может быть, более востребованным современной России при освоении дальневосточного региона окажется опыт столыпинской аграрной реформы?

Известно, что политика П. А. Столыпина по практической реализация «сибирской колонизации» преследовала несколько целей и носила «комплексный» характер. В контексте проблемы, связанной с правительственной инициативой «дальневосточного гектара», заметим: суть столыпинской аграрной реформы ассоциировалась, прежде всего, с жестким закреплением собственности крестьян на землю и заменой коллективной и ограниченной собственности на

землю крестьянских общин – *частной собственностью* отдельных крестьян-домохозяев. Говоря современным языком, реформатор пытался предуготовить условия для формирования в России прогрессивного «фермерского уклада».

Каждый переселенец имел возможность получить в свое распоряжение до 100 десятин земли (десятина превышает площадь гектара!), но после 1901 года расчет был скорректирован – по 15 десятин на одного мужчину. Элементы государственной поддержки предусматривали также 150 рублей подъемных на семью (стоимость коровы составляла 3 рубля), льготный проезд по железной дороге и льготное кредитование и т.д. [7].

Увы, кипучая деятельность Петра Аркадьевича, по разным причинам, не принесла ожидаемого результата, чему подтверждением служит, в частности, ценная мысль Д. Лекуха: «…с 1905 по 1914 год около 3,5 млн. человек уехали осваивать новые территории. Но при этом, несмотря на то, что им полагалась не только «свободная земля», но и стартовый капитал и даже клалось специальное «жалованье», около 16% населения не прижилось в Сибири и вернулось обратно в европейскую часть России. При этом возвращались они нищими, разорившимися и это изрядно увеличивало и без того немалую напряжённость в тогдашней Российской империи. И это не считая того, что приличная часть «переселенцев» просто не осела на земле, а ушла в города, в золотодобычу, в добычу пушнины, на работы по активно ведшемуся именно в те же годы строительству и обслуживанию сибирских и транссибирских железных дорог» [7].

А ведь условия государственной поддержки крестьянам тогда была более ощутимой, чем при реализации нынешнего проекта «дальневосточный гектар», хотя бы потому, что выдаваемых подъемных (эквивалент стоимости 50 коров!) тогда вполне хватало на постройку дома и обзаведение хозяйством.

О природе завышенных ожиданий от «дальневосточного гектара». С самого начала осуществления грандиозного общефедерального проекта – бесплатного выделения одного гектара земли в ДФО, он подвергся суровой, подчас недостаточно аргументированной критике. Волна острого недовольства законом проявилась, в частности, в Саха Якутии, где была даже предпринята попытка провести референдум для отмены действия закона на территории Республики [5,8]. «Эти разговоры про гектар – просто издевательство», – полагает председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнов, сравнивая земельный надел с бесполезным в хозяйстве колесом от автомобиля Ferrari [8]. Свою лепту в «копилку скепсиса» вносит и один из руководителей Института Дальнего Востока РАН А.Островский: «Если говорить о выдаче земли на Дальнем Востоке, то это не благо. Даже если там бесплатно выдали землю, то на нее надо огромные деньги затратить, чтобы на ней что-то выросло… Без инфраструктуры кому нужна земля?» [5]. «Идея-пустоцвет», «идея-фикс» (фр. *idee fixe* – навязчивая идея**)**, и т.д. – такие метафоры нередко (открыто или латентно) вкладываются авторами в содержание критических оценок закона.

В этой связи, очень взвешенной представляется точка зрения главы российского государства В.В.Путина: «Сама по себе идея правильная и уже в истории России была реализована в Сибири. Современные условия ведения хозяйства, современная экономика немножко другие, поэтому нужно внимательно … продумать все детали. Можно посмотреть, где эти земли, какого они качества, достаточно ли одного гектара на Дальнем Востоке и какие должны быть условия, связанные с необходимостью использования» [9]. Именно учет всех «деталей» и условий претворения в жизнь этого общефедерального проекта способен не только «спасти» его от острой критики, но и помочь достичь реального эффекта, тем более что развитие Сибири и Дальнего Востока еще в 2013 г. обозначено главой государства в качестве национального приоритета на весь XXI век. Позже в пределах ДФО было создано 12 территорий опережающего развития (с объемом привлеченных средств на конец 2016 г. более 15 млрд. долл.); учрежден российско-китайский фонд в сфере аграрного бизнеса; получил статус свободного порта Владивосток, давший стимул для создания различных логистических проектов; планируется предоставить режим «порто-франко» другим ключевым гаваням Приморья и т.д. Но все эти факты не изменили скептического настроения критиков «дальневосточного гектара».

Так, вышеупомянутому Ю. В. Крупнову принадлежит следующая яркая фраза «на Дальнем Востоке нужно давать работу, а не «гектар» [8]. Несмотря на ее безапелляционность, в ней, в сущности, правильно схвачена мысль о том, что заманить людей на Дальний Восток одной лишь землей весьма проблематично – необходимо параллельно создавать социальную и производственную инфраструктуру. Вспомним, что на «диком» Западе в США на новых территориях в свое время одновременно прокладывались шоссейные и железные дороги, возникали города, строились объекты социальной инфраструктуры, создавались новые рабочие места. Крупнов считает, что вопреки позиции главы государства, на Дальнем Востоке пока что мало делается для этого: «Никто не создает достойную занятость на Дальнем Востоке, то есть не реализуют главную функцию и назначение государства. Вот трагедия, которую мы наблюдаем, – трагедия неадекватности управления, трагедия непонимания вообще базовых вопросов жизни человека» [*там же*].

Можно понять критика, ностальгирующего по положительному советскому опыту освоения новых территорий, когда «секретари райкомов отчитывались, что они ввели еще одну школу, еще одну больницу, еще один фельдшерский пункт, еще один завод. А сейчас отчитываются пиаром и тем, что закрыли – «оптимизировали» – еще одну больницу, закрыли еще один фельдшерский пункт. Это управленческий дефолт» [8]. Но, вряд ли можно согласиться с ним об отсутствии «позитивных содержательных действий правительства» в отношении реализации проекта «дальневосточный гектар», параллельно приведя примеры вопиющих экономических и социальных издержек предшествующего освоения новых территорий.

Конечно, не следует упускать из виду и тот факт, что в «столыпинскую» эпоху основу переселенческой волны в Сибирь и на Дальний Восток составляли малоземельные крестьяне из Малороссии, обходившиеся до переезда на новое место жительства, главным образом, коровой, лошадью и плугом, олицетворявшими натуральное хозяйство. Современные переселенцы (в том числе украинцы) – это преимущественно «обитатели многоэтажек», т.е. рабочие, плохо владеющие навыками сельскохозяйственного труда, но стремящиеся немедленно приобрести трактор, автомобиль, семена и т.д. Речь идет о многомиллионных затратах, осуществление которых им обычно не под силу.

Завышенность ожиданий от реализации проекта «дальневосточный гектар» нами связывается не столько с экономическими, социальными или политическими причинами, сколько с сугубо *географическими*. О суровости природы Сибири, как самой обширной на Земле приполярной территории, и порождаемые этим «напасти» – писали многие авторы и, прежде всего, географы, включая автора [10, 11, 12, 13, 14 и др.]. Конечно, Приморье и соседние территории – это не приполярье, однако ярко выраженную континентальность климата и зону «рискованного земледелия» никто не «отменял» (по этой причине часто проводящиеся аналогии с аграрным освоением американского «дикого» Запада страдают не только некорректностью, но и географической неграмотностью).

Положение осложняется еще и тем, что, с одной стороны, практикуемая в странах Запада традиционная форма *фермерства*, в климатических условиях Дальнего Востока вряд ли может получить широкое распространение. Ряд экспертов справедливо полагают, что большей эффективностью здесь могли бы обладать крупные хозяйства кооперативного типа, что некоторым образом противоречит пропагандируемой идее «одна семья – один гектар». Поэтому региональным властям следовало бы более тщательно изучить возможности развития как классического «фермерства», так и вертикально-интегрированных агропромышленных комплексов (с учетом уроков столыпинской колонизации Сибири).

С другой стороны, подобные агрокомплексы, особенно нацеленные на сбыт продукции в странах АТР, неизбежно столкнутся с трудно решаемой проблемой низкой эффективности производства товарных культур – прежде всего соевых бобов и твердых сортов пшеницы. При этом, низкая по мировым меркам эффективность обусловлена не только неприемлемой урожайностью (пшеницы – всего 15–18 ц/га), но и широким культивированием в АТР генномодифицированных сортов пшеницы и сои. В этих условиях, себестоимость культивируемых на Дальнем Востоке пшеницы и сои будет оставаться выше зарубежных культур.

Взвешивая все аргументы «за» и «против» «дальневосточного гектара», можно придти к выводу о том, что это – благая идея (хотя и превращаемая отдельными чиновниками в пиар-акцию). Даже самые «неисправимые» пессими-

сты реализации этой инициативы не могут не признать, что дальневосточный вектор развития нашей страны успешно реализуется на практике. Гигантские изменения связываются с десятками промышленных предприятий, новыми портами, космодромом, «автотранссибом», программой «БАМ-2» и т.д. «Дальневосточный гектар» – лишь один из элементов дальневосточной стратегии, способный принести синергетический эффект.

А в качестве главных драйверов успешной реализации дальневосточной стратегии России, безусловно, выступают индустриальные стройки на юге ДФО, сооружение крупных объектов производственной инфраструктуры, организация скоростного и разветвленного железнодорожного сообщения, распространение режима «порто-франко» на все ключевые гавани, интенсивное жилищное строительство, рекреационное освоения края и т.д. Именно такого рода деятельность придаст дополнительный геополитический и геоэкономический вес российскому Дальнему Востоку и реально обеспечит снижение оттока населения и привлечение новых переселенцев.

Литература

1. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Том I (1585-1742). СПб, 1886. 330 с.

2. Ключевский П. О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. С. 19.

3. Дерлугьян М. Трагедия, происходящая от успеха // Эксперт. 2004. № 10. С. 62–64.

4. Федеральный закон от 1 мая 2016 г. №119-ФЗ // Российская газета, 6 мая 2016.

5. Все самое важное о «дальневосточном гектаре». - Электронный ресурс. Режим доступа: http://vlad.mk.ru/articles/2017/02/01.

6. Киселев Д. Дальневосточные гектары привлекли создателей экопоселений. http://www.vesti.ru/doc.html?id=2851351&cid=6 05.02.2017.

7. Лекух Д. «Дальневосточный гектар» при Столыпине и сегодня // Русский век. Портал для российских соотечественников. - Электронный ресурс. Режим доступа: http://ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=10600 от 10.02.2017.

8. Крупнов Ю. На Дальнем Востоке нужно давать работу, а не гектар. - Электронный ресурс. Режим доступа: http:// www.nakanune.ru/articles/111412 от 18.02.20.

9. Рабочая встреча с вице-премьером, полпредом Президента в ДФО Юрием Трутневым. Электронный ресурс. Официальный сайт Кремля. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/47487.

10. Гладкий Ю. Н. «Антилиберальная природа против либеральной экономики // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 201–207.

11. Гладкий Ю. Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб, изд-во «Юридический Центр Пресс», 2006. 844 с.

12. Кокшаров А. Цена холода // Эксперт. 15–21 марта 2004 г. № 10. 46–48.

13. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia in the Cold)Brookings Institution Press, Washington D.C. 2003. 304 p.

14. Lynch, A. Roots of Russia's Economic Dilemmas: Liberal Economics and Illiberal Geography// Europe-Asia Studies, Vol.54, № 1, 2002. P. 31–49.

УДК 910.27.:912.43.

В. Н. Бочарников[1]
V. N. Bocharnikov

БУДУШЕЕ ДИКОЙ ПРИРОДЫ СИБИРИ: ПОГЛОЩЕНИЕ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ?

THE FUTURE OF WILDERNESS OF SIBERIA: THE ABSORPTION OR PRESERVATION?

В статье приводены оригинальные результаты расчетов степени хозяйственного освоения Азиатской России. На основе технологий ГИС идентифицированы и представлены крупные участки дикой природы, существующие в экономическом пространстве Сибири. Показаны зоны пересечения интересов государства, крупного бизнеса и региональных элит Севера, Сибири и Дальнего Востока России. Результаты работы иллюстрированы картографическим материалом, позволяющим осуществлять полимасштабные сопоставления и сравнения разнородных объектов и их взаимосвязей в едином географическом пространстве.

The article presents the results of original assessments of the degree of economic development on Siberia. On the basis of GIS-technologies have been identified and presented larger areas of wilderness that exists invisible in economic space of Russia. Shows the zones of intersection of the interests of the state, business and the regional elites North, Siberia and Far East of Russia. These results are illustrated the appropriate maps that allows to show the primestone heterogeneous objects within holistic geographic space.

Ключевые слова: география, дикая природа, ГИС, Сибирь, геопространство, природный капитал, территория, антропогенное освоение.

Keywords: geography, wilderness, GIS, Siberia, geospace, natural capital, territory, human development.

В нашей рутинной повседневности мы существуем в бесчисленных паутинах сетей информационного общества, и нам каждодневно внушают: «Экономика России в кризисе!» «Будущее государства туманно, не определено, безрадостно…» и т.п. Мы в своей «обычности» так неуклонно встречаемся с социальными миражами.

Современный период можно назвать постиндустриальной эпохой, а характерными признаками этого времени могут быть названы сетевая экономика, общество потребления и неустойчивое природопользование, неуклонно истощающее природные ресурсы планеты. Каждый день на нас обрушиваются сотни и тысячи таких фраз, мы их «вкушаем» из заголовков печатных и электронных СМИ; с экранов телевидения и в рекламных роликах

[1] **Бочарников Владимир Николаевич**, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии и охраны животных Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.

нас втягивают в «корыстную тесноту» чьих-то интересов, обращений и призывов. В повседневной жизни абстрактный бренд или торговая марка ныне побеждает физическую реальность; знак является важнее, чем вещь; вместо отражения того, что объективно существует, мы предпочитаем строить, конструировать и видеть в своем воображении то, что нам нужно, а не то, что есть на самом деле.

Современные философы отказываются от поиска беспристрастной истины, в науке заняты построением тех конструкций и реконструкций, в которых пытаются воспроизвести элементы и условия нашей субъективной реальности. Человеческая деятельность ныне является важнейшим современным фактором, который предопределяет характер и направление масштабных изменений во всех регионах планеты в современных условиях. Все наше общество ныне живет экстремально, и в условиях такого беспрецедентного давления – люди перестают верить даже реально существующему, настоящему и осязаемому миру, погружаются в фантазии, мечты и миражи будущего. Но в обычной жизни своей мы не замечаем трагизм последствий исполнения разнообразных (и все более дорогостоящих) человеческих потребностей, застывающих навечно в облике ландшафтов окружающей человека природной среды, и, шаг за шагом, системно отображающих историю нашего пребывания на планете Земля.

Мало кто способен ныне опираться на свое истинное, внутреннее, безошибочное, непогрешимое и персональное чутье жизни. Экономист Валерий Крюков в одной из редакторских статей журнала «Эко», критически рассматривая текущие перспективы развития Сибири, задается резонным вопросом: *«можно ли управлять миражами?»* Сам же на него отвечая, уверенно заключает: *«скорее, нет – слишком сложна природа этого явления и слишком многие обстоятельства определяют его конкретные очертания»* [1]. В этом, вероятно, не способна помочь и наука, более того, именно научное сообщество нередко оказывается заложником политиканов, олигархов и авантюристов всех мастей [2].

Искренне поддерживая выше вопрошающего в важности его вопроса, попытаюсь перевести декларативный смысл полемического вопрошания в субъект-объектную постановку научной проблемы, которая позволит и в явлении миража подыскать нужную научную метафору, обозначить нетрадиционные пути решения сложных географических и экономических проблем в крупнейшем регионе России. А как мираж собственно может соотносится с научно-обоснованным решением? Известно, что в природе миражи всегда проявляются в экстремальных условиях; это – нередкий спутник путешествующего странника в дикой безлюдной местности видящего призраки, скажем, в безводной азиатской пустыне или в блеске северного сияния на просторах стылой Арктики.

Вся наука основана на движении от известного к неизвестному, но в современных условиях такая установка «приводит нас к такому пониманию пространства-времени, в котором и пространство яснейшим образом перестает

быть неподвижным пространством геометрии. Оно становится неустойчивым, динамическим, текучим пространством» [3, С. 225.]. Но и в науке теоретическое знание предполагает понимание не просто проблем, входящих в компетенцию науки, оно и предполагает, и обусловливает постановку новых проблем и, как следствие, возникают новые гипотезы, осуществляется разработка моделей как фундаментального способа исследования сложных и непрерывно изменяющихся процессов.

Гипотезы и модели – тот же мираж, только четко спланированный и подчиняющийся определённым законам систематизации, формализации, доказательности и т.п. Очевидно, что наука исследует не единичные вещи, а именно сущности – устойчивые формы движения изменчивых вещей, и в ней философская категория пространства получает множество воплощений, преломляясь через призму объектно-ориентированных подходов различных научных дисциплин. Здесь еще отметим, что всегда наука работает в связи с определённым социальным запросом. Когда-то классическая наука начиналась с отвержения чувственного, затем (с появлением диалектического материализма) произошел кардинальный «раскол» на изучаемое и изучаемых, сформировалась позитивистская парадигма, а позже (как ее модификация) сложилась до сих пор действующая постпозитивистская парадигма науки.

Ведущей установкой в современной географии становится восприятие мира как многомерного пространства со сложной системой связей и зависимостей; всеобщими свойствами географического пространства являются дифференциация и интеграция геобъектов. Поэтому и мираж будет виден каждому по-своему, ведь диалектика Гегеля вызвала к жизни фундаментальную идею системного подхода, обеспечила фундаментальным способом «проявки» объектности существующего посредством субъективизма воспринимающего. Здесь постулируем, что любое экономико-географическое исследование начинается с обращения к территории как «плоской проекции» пространства; именно в таком привычном видении пространство наделяется «полезными» для человека свойствами. В теоретической основе этих представлений лежит убеждение, что в экономике – свойства системности определяются самодостаточностью многих элементов, качественным своеобразием функций, одновременной автономностью и имманентной способностью надсистемного интегрирования в сферы следующей размерности и порядка [4].

Фундаментальной проблемой географии ныне является поиск закономерностей строения, организации географического пространства, а также, – разработка методологии и новых методов географических системно-структурных исследований [5]. Пространство отображаемых образов стало тождественным географическому пространству в восприятии человека., Обычный окружающий нас информационный хаос (поглощающий прежний рационализм объяснения) мы стремимся преодолеть систематизацией и организацией, логичным построением и синергетической организацией

«кирпичиков знания» в научные построения-конструкции. А ныне в обществе, как никогда, сильно стремление выделить наиболее ценное, доступное, выгодное для коммерческого использования; только в этой связи рассматриваются природно-ресурсные составляющие целого мира, а не только отдельной страны, региона и иной локальности. И именно в результате «проецирования» пространства человеком формируются идеальные научные конструкты, формируются и проявляются во взаимосвязях и функционировании территориальные системы, структуры, узлы и сети.

Теоретически для показа этого мы можем взять любой регион мира, но практически – мы способны сделать такой расчет лишь для конкретной территории и попробуем сделать это для одного из уникальных регионов мира – Сибири. В макроэкономике традиционно считается, что основными факторами, влияющими на хозяйственную специализацию территории, являются: природные (физико-географические) условия, наличие природных богатств (ресурсов для человека), особенности географического положения, в котором принципиальную роль играет транспортная составляющая, а также трудовые ресурсы. Термин «дорожная карта» используется ныне повсеместно; и вполне очевидно, с тем чтобы побороть мираж, следует обратиться к надежному спутнику путешественника – географической карте.

Применительно к природе, Карл Маркс первым догадался использовать систему понятий как отражение материального в системном единстве противоречий абстрактного и конкретного, «проложив» понятный логике человека путь там, где причинность предопределяет следствие. В целом принимаем за условие, что экономическое пространство конструируется нами как сложное многогранное понятие, объединяющее явление и процесс, конкретизируемое свойствами обозначенной территории; таким образом, мы утверждаем, что пространственная континуальность и дискретность редуцированно (но адекватно) отображается в двухмерной проекции территории [6, с. 68–69; 7, с. 124; 8, с. 210.].Важно понять здесь то, что совокупность свойств территории как природного, так и антропогенного происхождения определяют ее исключительную ценность для общества, предопределяют исполнение тех или иных функций [9, 10].

Ментальное пространство каждого индивида способно создавать и поддерживать концепты, значимые не только индивидуально, но и как элемент репрезентации национальной культуры, где вполне объективно существует объективная опасность потери последней составляющей в условиях нарастающей глобализации. Вспомним, что география не была наукой в течение тысячелетий, но если же отсчитать 2222 года назад (от середины жизни Эратосфена Киренского), то можно найти древнегреческое подтверждение, что география заменяла человеку все науки. С тех времен, много позже, и до недавних пор, география представляла серьезное «подспорье» нарождающейся философии, математике, механике и, даже, поэзии. Для обозначения

«маркеров» смены кадров восприятия при их интеграции, полагаю, должна быть создана возможность многоуровневого и разнообразного смыслового раскрытия познавательной дихотомии между изученным и неизвестным, что, на наш взгляд, требует выбора специальных геоконцептов, которые я обосновываю как «дикая природа» и «культурный ландшафт» [11].

Академик В. Б. Сочава в XX в. предложил термин «геосистема» для обозначения конкретной территории, в границах которой отдельные компоненты природы находятся в тесной связи как с человеческим обществом, так и с космосом [12]. Понимаемое в таком виде географическое пространство – и есть наиболее общий объект географических исследований, который раскрывается в должной степени лишь на базе соответствующих высокотехнологичных подходов. С помощью системных представлений мы способны «вывести» географию из повседневных миражей; стало возможным определиться с нашей «путевой темой» – мы ориентируемся на материальное и осязаемое, «твердую» материальную основу, которая позволяет отделить наиболее существенное от существующего. При таком подходе декартова система координат представляет собой простой нейтральный «контейнер», в пределах которого происходят все материальные процессы. Следовательно, нашей целью будет некий количественный расчет к примеру того, каковы же сейчас фактические размеры «пространственного присутствия» человека на огромной территории Сибири?

«Чтобы знать, что продать – надо знать, что имеется»! Если взять за товар территорию, следует попытаться «вписать» фактическую освоенность человеком планеты, очертить тщательно современную Ойкумену, сопоставить ее со многими границами-миражами географического, экономического, экологического или иного пространства, или же взять их всех вместе, во всем их многообразии, во множестве взаимосвязей и пересечений. Но следует здесь вспомнить, что любое путешествие обычно начинается, существует и обязательно завершается нашим обязательным обращением к географическим картам. Для исполнения же нашего «социального запроса» мы обращаемся к соответствующему научному инструменту, констатируя, что социально-экономическая, она же – общественная география, гуманитарная (Human Geography), география человека и т.д. – обеспечивает наиболее адекватный вклад в целостное, и одновременно, прагматичное представление своим выделением, объяснением и изучением территориальных социально-экономических систем [13, 14].

Что касается целесообразности, априори утверждаю, что мы (человечество) подошли сейчас как никогда к одной из очень серьезных «цивилизационных развилок», из разряда тех, что не просто требуют принципиальных фундаментальных перемен во взаимоотношениях человека и природы, а обязывают сделать реальный шаг к переменам в обществе.

Далее, условимся, что если для получения прибыли всегда планируются инвестиции и инновации, обдумываются способы увеличения объемов персонального или кооперативного капитала, тогда все это вышеназванное социально-экономически возможно объединить при соблюдении принципиально важного условия – сохранения направленности на получение конкретной материальной выгоды. Стержень тематической интерпретации должен быть выведен на показ границы между «реальным и нереальным, объективным и субъективным, подлинным и мнимым» при той нашей нехватке понимания различения возможного и действительного, но не необходимого. По-другому, можно сформулировать следующим образом: для того, чтобы мы обрели ту необходимую нам целостность восприятия, которой нам остро не хватает для понимания истинных масштабов антропогенного воздействия на планете, нам следует сделать наглядный показ «дикой природы», обеспечить визуализацию ненарушенных (малонарушенных) человеком территорией (ландшафтов).

Географическая наука способна успешно интегрировать многие разносторонние знания о геопространстве путем активного применения и дальнейшего развития технологий ГИС. Сами процессы стандартной интеграции разнообразной информации в ГИС способны как бы взаимоувязывать отдельные компоненты разных слоев, а также – формировать компоненты одного генерализуемого слоя в однородные сочетания, формируя в непрерывные большие ареалы и, образуя тем самым, континуальные зоны. И пространственные и, особенно, территориальные структурные уровни, формируемые многими предприятиями, существенно пересекаются между собой. И именно их такие свойства позволяют доказательно (и, при необходимости, с представлением многих вариантов) выделять территориальные ареалы, рубежи и переходные, зоны, наконец – целостные геосистемы и районы в социально-экономической географии.

Объектная модель в геоинформационных технологиях (ГИС) представляет мир как поверхность, заполненную дискретными, идентифицируемыми сущностями с геометрическим представлением и описательными атрибутами. Пространственный анализ и геомоделирование на основе технологий ГИС позволяет всесторонне изучать вопросы инновационной и «креативной» экономики центральных районов и периферии в фактических условиях текущей поляризации регионального развития России. Эта концептуальная и технологическая платформа необходима для того, чтобы собираемые в течение многих десятилетий данные превратились как в самое современное научное, так и общедоступное географическое знание. Поэтому визуализация результатов этой работы осуществлялась на основе технологий ГИС, поскольку ГИС по сути своей визуальна, большая часть её потенциала направлена на отображение именно визуальной информации. Мы здесь встречаемся с классическим в гуманитарных способах познания хронологическим подходом,

когда решение общей проблемы осуществляется непротиворечивым показом последовательности переходов и этапов изменений.

Следует отметить, что технологии ГИС становятся все более открытыми для всеобщего использования; доступ к геоданным и ГИС-инструментам возможен ныне практически из любой точки мира. Фокус же внимания или гештальт формируется самим исследователем-человеком, а научная «оснастка» описывается законами физики, биологии, химии или общественных наук, лежит в объектно-предметной «плоскости» конкретной научной дисциплины. Визуальное взаимодействие очень эффективно для человеческого восприятия, так как оно позволяет очень быстро просматривать большое количество информации. В ГИС чаще всего приходится сталкиваться с ситуациями, когда факторы частично или полностью не связаны между собой, что с формальных позиций не позволяет использовать понятие «система» для исследований. На базе технологий ГИС осуществляется многократное измерение однородности, разнородности компонентов в отдельных слоях географического пространства, а также расчет наличия, тесноты и устойчивости связей и сопряжений между многими компонентами и их сочетаниями.

В саму же идеологию ГИС включен «технологический ключ» к детализации и к обеспечению глубокого понимания территориальных взаимосвязей, позволяющих в исследовании обращаться к индивидуальным особенностям конкретных территорий как с позиции общечеловеческого ценностного подхода, так и с намерением провести структуризацию, систематизацию и иерархизацию центров инновационных культур и историко-культурных центров (очагов), а также – сохранившихся в относительно малонарушенном состоянии природных территорий, т.е. дикой природы.

Дикая природа, границы Ойкумены и пространственно-экономическая диспропорция Сибири. Сибирь – природно-культурный и цивилизационный пространственный феномен континентального масштаба, принадлежащий в различной степени России в последнее тысячелетие. Сибирь, как особый географический регион, редко бывает визуализирован в своем системном единстве; нечасто и в научных источниках можно найти целостные образы Сибири, те, которые воспринимались бы как огромная природная территория, включающая континентальный, национальный и региональный регистры своего «естественного звучания». Полагаем, что при представлении Сибири в качестве геообраза, наше внимание должно быть привлечено именно к дикой природе Сибири; более того, сама постановка является своеобразной инверсией привычных как бытийных, так и научных представлений.

Сибирь – не имеет близких аналогов как природное образование; она уникальна тем, что является своеобразной осью северного полушария планеты; близкие ей природные естественные аналогии можно найти только в американской системе Аппалачей и Кордильер. Ведь недаром уникальная мировая роль Сибири предстает в аутентичной геостратегической концепции

евразийства. В нашей стране, а тем более за рубежом, к сожалению, преобладает тот откровенно потребительский взгляд на Сибирь, как на безразмерный «мешок богатства», «ресурсную кладовую», «дармовую сокровищницу».

Но обращаясь к таковой в ее материальном присутствии, мы, тем не менее, должны обозначить основные вопросы: что такое и зачем нам нужна дикая природа? И есть сомнение в том, а сможем ли мы перешагнуть в этом вопросе через прагматику вычетов прибыли и расчетов маржи? Сможет ли наше отношение к среде нашего обитания поддерживаться утверждением, что для нашего благополучия мы должны сохранять огромные территории, вовсе существующие без присутствия человека?

Территория (как фундаментальный ресурс) дает важную точку условного отсчета; как раз из такового сконструировано - заинтересованного «Центра» рассматривается регион, страна или район мира в той перспективе, ретроспективе или в свете текущих интересов, что ныне выражает сущностно геополитика. Сибирь – не только российское, скорее напротив, это зарубежное представление; и для выявления реальных рубежей в географическом пространстве, для установления специфических структурных границ в переходных, граничных зонах нужны расчеты. Атрибутами здесь является наличие определенной (хотя, видимо, и не всегда до конца познанной) упорядоченности в сочетаниях компонентов, задаваемой устойчивыми связями и сопряжениями. Мы считаем Сибирью всю обширную территорию «Восточной России» (А. И. Трейвиш), рассматривая ее от Урала до Тихого океана; на этом представлении-образе и были нами сделаны расчеты сохранности ее природных геосистем.

Географическое знание исторически, и поныне, представляет собой наилучшую возможность понять мир вокруг нас, найти самые невероятные взаимосвязи между объектами и явлениями. Из картографии пришло понимание, что обращение к масштабу является самостоятельным и эффективным средством изучения территории. Каждое изменение масштаба времени и, как следствие, масштаба карты, выдвигает перед географической наукой новые проблемы. Мы принимаем, что природными гео(эко)системами или естественными ландшафтами (первой природой) могут быть названы территории, в пределах которых суммарная доля антропогенных изменений не вносит принципиальных изменений в их естественную функциональность; в отличии от тех, которые должны назваться «очеловеченной» («второй») природой или антрогенно-нарушенной территорией. И как очень наглядный пример, отметим, что «дикая природа» представляет собой конструкцию, в которой для конкретной территории высвечивается свидетельство естественного функционирования природных экосистем.

Здесь отметим, что оригинальное англоязычное обозначение “wilderness” предстает как наиболее близкое к естественной ненарушенной природе в выражениях русского языка, хотя в подстрочнике перевода бывают чаще всего выделены значения – «дикая местность» или «девственная природа» [15]. На

базе соответствующих расчетов были показаны зоны наиболее вероятного антропогенного «проникновения» различных форм ведения хозяйственной деятельности посредством стандартного показа полосы или диаметра от линейных и полигональных объектов инфраструктуры – как пространственные модели вероятных очагов антропогенного влияния. Результаты выполненного геоинформационного анализа показали, что на территории Азиатской России имеют место крупные и целостные участки дикой природы в границах крупных физико-географических объектов (рис. 1).

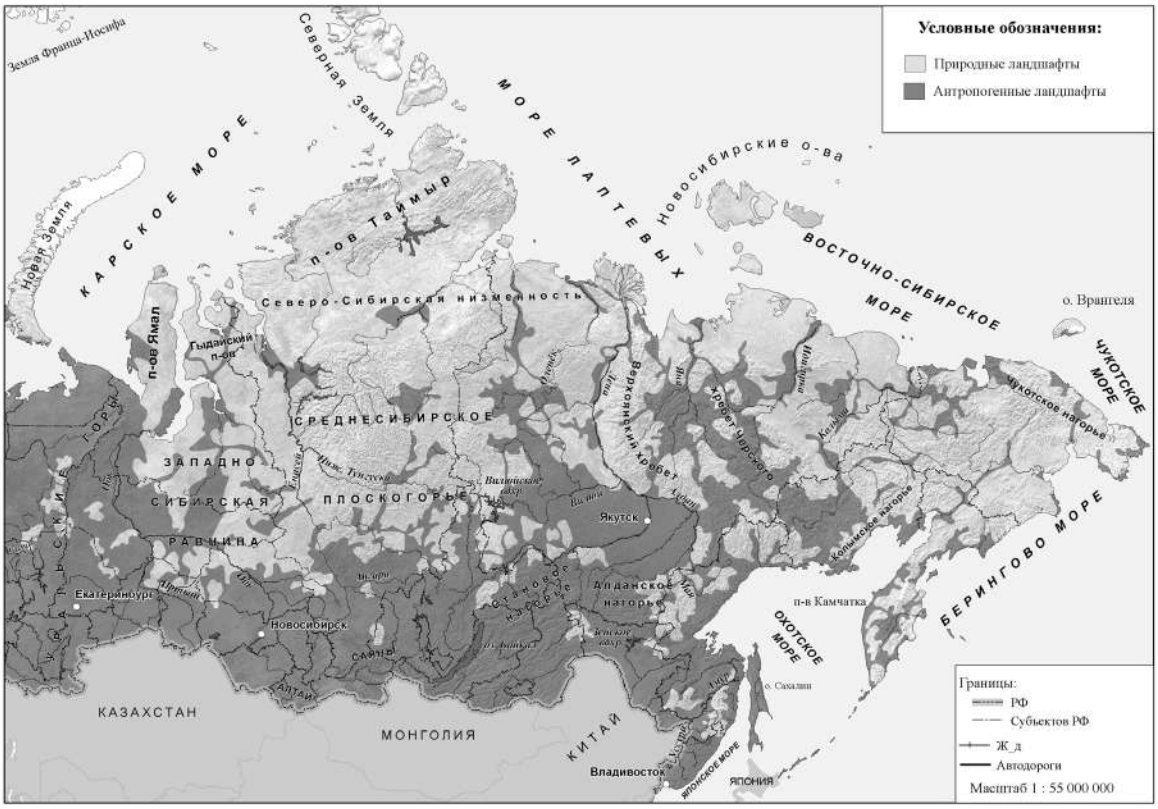


Рис. 1. Дикая природа Сибири

К наиболее сохранившимся участкам дикой природы Сибири относятся: Арктические острова (Новая Земля, Северная Земля, Новосибирские о-ва, о. Врангеля), морское побережье Северного Ледовитого океана и прилежащие к нему участки суши (полуострова Ямал, Гыданский, Таймыр), низменности (Северо-Сибирская, Яно-Индигирская и Колымская), горные территории центральной и окраинной части Азиатской России (Средне-Сибирское плоскогорье) и Северо-Востока (хребет Черского, Колымское, Чукотское и Корякское нагорья), а также акватории арктических и тихоокеанских морей. Кроме этого, в пределах крупных физико-географических образований можно выделить: в Западной Сибири – Кондинская, Туруханская и Средне-обская низменности, Васюганская и Кетско-Тымская равнины; в Восточной

Сибири – Анабарское, Заангарское и Центральнотунгусское плато, Юкатанское плоскогорье, Анюйский хребет, Алданское нагорье, хр. Сунтар-Хаята. Если же мы рассматриваем территорию, используя бассейновый подход, то следует отметить, что большая часть территории среднего и нижнего течения Оби, Енисея, Лены и Колымы освоено незначительно, исключая отдельные места. Именно в таком формате представления становится заметной та разница в представленности экономической освоенности, которую невозможно заметить в обычных статистических и экономических работах.

Итак, что же касается современной ситуации с дикой природой в Сибири, то, во-первых, мы полагаем, что именно этот регион как никакой другой в мире достоин называться самым крупным в современном мире целостным природным регионом умеренного пояса. Во-вторых, для сохранения его в будущем важно понять, доказать и поделиться убедительными аргументами о всемирной ценности Сибири, причём, на всех возможных уровнях рассмотрения, а не только в контексте наличия нефтеуглеродных ресурсов. Актуализируем данный аргумент тем, что арктические территории, тайга и горы Азиатской части России, поддерживаемые в нашей стране в естественном экологическом состоянии, на глобальном уровне, и наряду с пустынными и горными территориями Центральной Азии, обеспечивают «экологический противовес», природное равновесие, противодействуя разрушающему воздействию перенаселенной западной (европейской), южной (индийской) и восточной (китайско-корейско-японским) цивилизациям. В какой-то степени справедливым будет обычное зарубежное утверждение, что такие территории не только должны считаться нашим национальным богатством. Неслучайно именно эта позиция часто оказывается ведущей в политических спекуляциях, но если существует данный предмет зависти, то должны и мировым сообществом компенсироваться наши затраты «на нетронутость» и «природную сохранность» таких обширных и уникальных территорий как Сибирь.

Следовательно, нашей стране в международном рыночном процессе важно будет, наконец, научиться получать дивиденды от фактического сохранения нетронутой природы на огромных территориях. Но не менее важны культурно-этнические ценности, наши архетипы и инсайты бессознательного; и здесь единственно верным оказывается то важное, что существует помимо научной рациональности науки: природа – не природа естествознания, а та природа, какой ее называет рациональность позитивистского познания, функция которого состоит в редуцировании всех феноменов, свидетельствующих о единстве субъекта и мира, и замещении их ясной идеей объекта как вещи-в-себе и субъекта как чистого познания. Дикая природа – древний архетип неизвестного и пугающего человека, и до сих пор живущий в каждом из нас. Эта то неизведанное, что находится за пределами нашего знания, оно существует «за гранью» нашего известного. Это то сущее, для которого не

имеется достоверных слов, объяснений, представлений; о таком мы мыслим нашими фантазиями, образами, мифами, преданиями.

Суть современного контакта с природой состоит в том, что дикая природа (как особый геопространственный концепт) должна исключаться из представлений об экономически освоенной территории; нужен, также, фундаментальный пересмотр составляющих тех экономических теорий, которые пытаются рассматривать природу лишь как факторы, условия, окружающую человека среду. В природе мы вновь возвращаемся к себе как к Ребенку, и также к себе, к тому – первобытному человеку (в нас хранятся соответствующие гены и легко проявляются инстинкты). Мы вновь приобретаем потерянную в социуме чувствительность, наше восприятие меняется, происходит чудо нового узнавания себя при встрече с дикой природой. Только через соприкосновение с естественным, диким, природным – весь этот мир становится наполнен невероятными и грозными духами и силами. Природа – как концепт, идеально подходит для воссоединения материального и духовного, для рассмотрения в качестве идеальных оснований или, напротив, в контексте прагматичного использования.

Научная география появилась как система знаний, позволяющая наглядным образом связать результаты труда человека, природную среду, экономические и социальные интересы общества; она способна на представление «неочевидного» через свое выражение и опредмечивание физического мира, представляя их в своих конструкциях и метафорах, в формировании географической картины мира. Ее научные основания определяют стратегию пространственного поиска, опосредуют включение его результатов в культуру каждой исторической эпохи, но остаются неопределёнными в период развития «общества знаний». Культура, как и природа, дифференцируется эстетической и региональной спецификой географического восприятия, закономерности которых можно лучше понять, обозначая и показывая полярности, понимаемые в самом крайнем случае, как естественное и искусственное. Замена данным модельным представлением все еще действующих принципов научной рациональности постпозитивизма – способно обеспечить переход к конструктивности на иной менее зависящий от субъектности уровень, предполагает конструирование мира «из него самого».

В «западной» науке объединение в рамках общего предмета исследований – более важно, чем принадлежность к четко обозначенной научной дисциплине; эта зарубежная тенденция не новая, она активно зародилась в середине прошлого века. Принципиальная важность придается функции герменевтики, направленной на интеграцию вложенного в научный текст предметного смысла в современную ситуацию. Для обновленной географической науки необходима «динамическая рациональность» – сосредоточенность на «здесь и сейчас» с раскрытием модуса возможного и ориентацией на познание развивающихся «человекоразмерных» объектов [16]. Основное целеполагание состоит в том, что нам жизненно необходимо понять, что и сколько «природного» мы теряем

в общем контексте, поскольку именно появление человека, его восприятие, привело к возникновению концепции о «поляризации биосферы» (Б.Б. Родоман). Соотнесем это знание с современностью и отметим, что происходит сжатие обжитого человеком пространства («ойкумены») при росте следов воздействия на природную среду, что дает нам обращение к территории Сибири (рис. 2).

Рис. 2. «Ойкумена» Азиатской России и дикая природа Сибири

Современная качественная трансформация основ цивилизации и социальной природы общественных отношений, вариативность и ориентированность которых станет следствием осознанного выбора человека, носит характер бифуркации. Предложенный нами подход (по сути своей – восточный вариант «недеяния») выступает в качестве основной составляющей поддержания Сибирью экологического равновесия на глобальном и континентальном уровне. Это и есть те, с экономической точки зрения «пустые территории», которые могут справедливо считаться ресурсами, условиями, факторами, но, по своей сути, ими являются лишь в прогнозах и ожиданиях. В качестве заключения отметим, что «гуманитарная реальность» распознается как отношение к миру человека; понимание этого составляет его деятельностную основу, выражает характер взаимодействий с социумом и с природой, что и составляло объектную основу антропогеографии.

Мы живем все теснее и становимся все более одинокими в нашей все более заполненной информацией жизни. Природа нам становится не нужна, а от «беспрестанности» общества мы устаем и, одновременно, наше общество все в большей степени оказывается вне связи с отдельным человеком. Сибирь же является той территорией, которую мы получили от наших предков, и той же не окончательно «выпотрошенной», сохраненной в природном естестве, которую нам следует передать нашим потомкам.

Литература

1. Крюков В. А. Управление миражами. Колонка редактора. № 04/2016. http://ecotrends.ru/archive/682-edition-04/2433-column201501.

2. Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). М. Книжный мир, 2016. 640 с.

3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.

4. Клейнер Г. Б. Стратегическое планирование: основы системного подхода // Модернизация экономики и общественное развитие. В 3-х книгах. Кн. 2. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2008. http://kleiner.ru/pubs/strategicheskoe-planirovanie-osnovyi-sistemnogo-podhoda/.

5. Бочарников В. Н. Научная функция географии современного общества: важность изменений исследовательской парадигмы // География: развитие науки и образования. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции LXVIII Герценовские чтения, 22–25 апреля 2015 года, посвященные 70-летию создания ЮНЕСКО. СПб: Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2015. С. 24–28.

6. Лямин В. С. География и общество. М. 1978. 309 с.

7. Кобылянский В. А. Философия экологии. Краткий курс. Учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2010. 632 с.

8. Мукитанов Н. К. От Страбона до наших дней. Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. 237 с.

9. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь М.: Экономика, 1983. 104 с.

10. Лаженцев В. Н. Территориальное развитие: методология и опыт регулирования. СПб.: Наука, 1996.109 с.

11. Бочарников В.Н. Культурные ландшафты и дикая природа – рефлексия научного восприятия в культурной географии // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 1. С. 116–126.

12. Сочава В.Б. Введениевучениеогеосистемах. Издательство: Наука, Новосибирск Год: 1978. 319 с.

13. Гладкий Ю. Н. Гуманитарная география. Научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.

14. Шарыгин М. Д. Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. №1 (28). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-geografiya-kontury-buduschey-nauki (дата обращения: 19.05.2016).

15. Бочарников В. Н. Ценности в дикой природе современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // Астраханский вестник экологического образования, 2012. № 4. С. 56–68.

16. Калинина Г. Н. Концепт «границы науки» в современной философии науки // Наука. Искусство. Культура . 2014. № 3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-granitsy-nauki-v-sovremennoy-filosofii-nauki (дата обращения: 04.05.2015).

УДК 911.373

С. В. Панков[1]
S. V. Pankov

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РУБЕЖЕЙ КОНТРАСТНОСТИ

RURAL SETTLEMENT IN THE STRUCTURE OF BORDERS OF CONTRAST

Пространственная характеристика сельского поселения, как единого географического образования, сводится к характеристикам его величины, конфигурации, планировки, функционального потенциала и, конечно же, выделению его границ. Поселение имеет свои географические границы, и как географический объект – имеет две определенности: ландшафтную и социально-экономическую. Соответственно, и границы могут быть ландшафтные, т.е. воплощенные в природе, и социально-экономические – воплощенные в планы, проекты, в сознание людей.

Spatial characteristics of rural settlement, as a single geographical education is reduced to the characteristics of its size, configuration, layout, functional capacity and, of course, the allocation of its boundaries. The settlement has its geographical boundaries and as a geographical feature has two certainties: landscape and socio-economic. Accordingly, the boundaries can be landscape, i.e., embodied in nature, and socio-economic − embodied in plans, projects, in the minds of people.

Ключевые слова: сельское поселение, рубежи контрастности, граничные структуры, принцип контрастности, контактная функция границ.

Keywords: rural settlement, the boundaries of contrast, the boundary of the structure, the principle of contrast, the contact function of borders.

В исследованиях сельских поселений одним из актуальных вопросов является, в какой степени границы различных территориальных структур (физико-географических районов, провинций, зон, речных бассейнов, административных районов и т.д.) обусловливают положение сельских поселений, их концентрацию и численность.

Говоря о границах, в т.ч. об административных, физико- и экономико-географических, следует отметить, что их изучение чаще всего уходит на второй план, приоритетной же становится территория в рамках этих границ. Тем не менее, исследования в данном направлении ведутся; так в работе Л. И. Попковой [1] выявляются особенности географии населения российско-украинского приграничья, где государственная граница характеризуется как этногеографическое пространство в его территориальных различиях и динамике.

[1] **Панков Сергей Викторович**, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры природопользования и землеустройства, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.

Остановимся на физико-географических границах, точнее на ландшафтных рубежах контрастности. Ещё на заре ландшафтоведения Л. С. Берг говорил, что ландшафты разделяются естественными границами. Интенсивная аккумуляция вещества, энергии, информации в пределах пограничных полос ПТК предопределяет проявление контактной функции границы. В результате пограничные полосы ПТК отличаются повышенным, разнообразным ресурсным потенциалом. Природные рубежи в ходе освоения регионов приобретают роль «экономических швов», в которых «наибольшее развитие получают процессы территориально-хозяйственной интеграции» [2, с. 63].

Принцип контрастности в физической географии был предложен и сформулирован Ф. Н. Мильковым [3]. Он отмечает: «К настоящему времени не подлежат сомнению большие успехи физико-географов в области физико-географического районирования и ландшафтно-типологического картирования... Но эти же работы по физико-географическому районированию и ландшафтному картированию показали и ограниченность принципа однородности, на которые они опираются. Вне поля зрения оказались ландшафтные системы, в основе выделения которых лежит принцип контрастности. Изучались ландшафтные комплексы; отличающиеся относительной однородностью, и не исследовались такие комплексы, главное свойство которых – разнородность» [4, с.93].

Ф. Н. Мильков [5] рассматривает ландшафтную контрастность через ландшафтные границы – рубежи. Он выделяет вертикальную и горизонтальную контрастности в географической оболочке, считая контрастность сред обязательным условием динамики ландшафтных комплексов, что имеет характер повсеместной закономерности, проявляющейся в различных формах.

Все без исключения смежные ландшафтные комплексы – от урочища до страны и материка, выступают по отношению друг к другу как контрастные среды, взаимодействующие путем обмена веществом и энергией [3, с. 94].

Социально-экономический эффект ландшафтных рубежей контрастности рассматривался, хотя порой косвенно, целым рядом ученых, среди них выделяются работы В. А. Анучина, Н. Н. Баранского, В. С. Бондаренко, Л. Н. Гумилева, В. А. Дергачева, Л. И. Мухиной, Ю. Г. Саушкина, А. Е. Ферсмана.

Ю. Г. Саушкин [6, с. 137], рассматривая взаимодействие географической среды и общественного производства, отмечает: «Разнообразие географической среды (пестрота ее территориальных различий) служит естественной базой возникновения и углубления территориального (географического) разделения труда и, тем самым, стимулирует обмен материальными ценностями, произведенными в разных местностях, является предпосылкой для умножения видов производства и потребностей людей, приводит при определенных исторических условиях к ускорению развития общественного производства».

И. М. Маергойз также писал о необходимости учета разнообразия природных ресурсов при изучении хозяйства страны. При этом он особенно выделял степень контрастности физико-географических структурных единиц. «Прежде чем перейти к изучению и оценке отдельных компонентов природы страны, – писал он, – надо изучить общую физико-географическую структуру страны, которая оказывает влияние на отдельные компоненты. Обратный путь от частного к общему - в страноведческих исследованиях не приведет ни к чему. Надо выяснить степень контрастности ландшафтообразующих факторов. Если страна контрастна в природном отношении, то при прочих условиях может быть глубже географическое разделение труда. Таким образом, начало хозяйственной оценки природных ресурсов – это изучение физико-географических структурных единиц и степени их контрастности» [7, с. 53].

Рассматривая особенности экономико-географической оценки природных ресурсов в страноведении, И. М. Маергойз [7, с. 65] указывает: «Географу важно представить себе территориальную структуру природных ресурсов. При этом важны такие критерии, как степень дифференциации в обеспеченности ими, их разнообразие, территориальная концентрация, территориальные сочетания ресурсов, их доступность, их ЭГП».

В. А. Анучин, рассуждая о том, каким же свойством географической среды объясняется ее воздействие на общество, останавливается на ее территориальном разнообразии, горизонтальном и вертикальном. Он приходит к интересному и чрезвычайно важному выводу о том, что сопоставлять географическое разнообразие территорий имеет смысл только с позиции общества, при внесении в это сопоставление общественного аспекта [8, с. 25].

Ландшафт, как первичный территориальный комплекс географической среды, воздействует на жизнь общества не какой-либо отдельной своей стороной, а всеми компонентами в их взаимной связи и во всей их взаимодействующей сложности» (там же, с. 44). Вопреки распространенному мнению об относительном однообразии Центра Европейской части России он считает: «Волго-Окское междуречье лежит в пограничной полосе между черноземами южной Руси и лесными подзолами северной... Пестрота почвенного покрова дополнялась не меньшим разнообразием смешанных лесов и по составу древостоя, и по составу их животного мира».

Говоря о наличии границ, логично возникает вопрос, насколько чётко они локализованы в пространстве?

Д. Л. Арманд [9] констатирует, что почти нигде не встречается резких переходов. Повсеместно имеются точки, которые с равным правом можно отнести и к тому, и к другому региону. В более поздних работах он отмечает: «У физико-географов часто создается неверное представление о резкости границ только лишь потому, что они, как правило, имеют дело с ландшафтом, изменённым деятельностью человека, которому свойственно делить землю на резко различающиеся угодья» [10, с. 27].

В. С. Преображенский [11] также приходит к выводу, «что постепенных переходов гораздо больше, чем резких…, что даже резкие границы резки только в применяемых обычно масштабах картографирования…».

Приведенные выше доводы и высказывания о существовании контрастных сред и рубежах, их разделяющих, необходимы нам для обоснования наличия связей между рубежами контрастности и предполагаемой концентрацией вдоль них сельских селитебных комплексов.

Есть мнение [12], что «здесь (ландшафтные рубежи – прим. наше) создаются особенно благоприятные возможности для функционирования населенных пунктов. Границы ПТК становятся зонами притяжения поселений и формирования лент-агломераций селитьбы…, полифункциональных населенных пунктов. Такие поселения обладают повышенным потенциалом развития, а следовательно, выраженными системообразующими функциями». Так, развивающиеся в пограничных полосах физико-географических районов и областей, города и поселки городского типа с полифункциональной специализацией выполняют функции районных и внутрирайонных центров расселения.

Для проверки этого утверждения мы попытались провести анализ существующего положения сельских поселений относительно ландшафтных рубежей контрастности, в качестве которых были определены:

1) граница лесостепной провинции Окско-Донской равнины и лесостепной провинции Среднерусской возвышенности, в двух вариантах – а) на стыке лесо-полевых плоских дренированных равнин со средневрезанной балочной сетью и лесо-полевых волнистых равнин с глубоковрезанной в меловые породы овражно-балочной сетью (на участке от административной границы Воронежской и Липецкой областей до впадения р. Хворостань в Дон); б) на стыке лесо-полевых плоских дренированных равнин со средневрезанной балочной сетью и лесо-полево-степных волнистых равнин с глубоковрезанной в меловые породы овражно-балочной сетью (на участке от административной границы Воронежской и Волгоградской областей южнее Хопра до р. Битюг);

2) граница лесостепной провинции Среднерусской возвышенности и степной Среднерусской провинции (на участке от истока р. Овчинная до д. Тихий Дон в 14 км юго-восточнее с. Верхний Мамон);

3) контрольный участок без наличия азональных факторов рубежей контрастности – на участке границы (Воронежская область) между Центральным плоскоместным районом типичной лесостепи и Южным Битюго-Хоперским районом типичной лесостепи.

Протяженность всех участков около 100 км. Учитывая, что ландшафтные границы есть, по сути, переходные зоны, априорно установим их ширину в 10 км (по В.Б. Сочаве (1978) – вертикальная мощность ландшафтной провинции – 3-5 км), т.о. площадь каждой из переходных зон ~ 1000 км^2.

Отметим, что в варианте «1а» к зональным признакам добавляются азональные – водный рубеж (река Дон) и контакт равнины с возвышенностью. По этому поводу А. Г. Исаченко [13] указывает, что в ряде случаев зональный рубеж накладывается на азональный и в этом случае образуются достаточно чёткие ландшафтные границы. В варианте «1б» азональный фактор отсутствует. В отношении третьего типа рубежа контрастности, выделенного на основе зональных факторов, А. Г. Исаченко отмечает: «На обширных и однообразных по рельефу равнинах они (зональные факторы – прим. наше) создают наиболее расплывчатые ландшафтные переходы». Второй рубеж сочетает участки с чисто зональными и азональными рубежами.

Таблица. Показатели селитебности вдоль переходных зон рубежей контрастности

№ участка	Показатели селитебности		
	Кол-во поселений	Удельный вес поселений от общего числа, %	Степень селитебности, %
1а	39	23,6	4,7
1б	46	27,9	5,5
2	33	20,0	3,9
3	47	28,5	5,6
Всего	165	100	5,1

В результате проведенных исследований установлено (таблица):

1. Распределение поселений в переходных зонах рубежей контрастности по всем четырём участкам не выявило явного доминирования одного из них.

2. В зоне максимальной контрастности сред (на стыке Окско-Донской равнины и Среднерусской возвышенности) показатели селитебности – одни из самых низких среди обследуемых участков; наименьший же показатель – в зоне контакта лесостепных и степных ландшафтов. В обоих случаях селитебный эффект проявился лишь вследствие наличия водных источников (рек Чёрная Калитва и Дон).

3. Максимальные показатели отмечены в зоне с минимальным проявлением контрастности на границе двух физико-географических районов.

Таким образом можно констатировать, что селитебный эффект отмеченных рубежей контрастности на территории Центрального Черноземья не выявлен; зонами притяжения и концентрации сельских селитебных комплексов являются постоянные водотоки, транспортные магистрали и сосредоточение небольших молодых поселений на водоразделах.

Следует добавить, в зонах «повышенного потенциала развития с выраженными системообразующими функциями» всего два районных центра – г. Семилуки и с. Верхний Мамон, а также несколько крупных сел, выполняющих местные функции, при том, что суммарная длина исследуемых участков составляет 400 км.

На наш взгляд, наиболее яркой геоморфологической границей можно считать стык обширных высокогорных систем и крупных по площади низменностей. Естественно, чем ярче выражен геоморфологический рубеж, тем больше при прочих равных условиях, как правило, сосредоточено населенных пунктов. Доминирующая и устойчивая привязанность сельских поселений ЦЧР к речным долинам – основным естественным рубежам, обусловливает характер территориального рисунка сельского расселения и максимального проявления селитебного эффекта.

Социально-экономические рубежи контрастности (административные границы, границы сельскохозяйственных зон, экономических районов, транспортные магистрали и др.) по сравнению с ландшафтными хотя и являются «вторичными», их роль не менее важна в хозяйственной системе региона.

Исследования связи ландшафтных и социально-экономических рубежей, структуры конкретных районов и место в них сельских поселений позволяет вывести некоторые положения: 1) оценку территории любого ранга для задач природно-хозяйственного развития региона необходимо проводить с учетом ландшафтных и социально-экономических рубежей контрастности; 2) ландшафтные и социально-экономические рубежи контрастности согласуются с рисунком селитьбы, конфигурацией хозяйственной структуры и транспортной сети; 3) анализ и изучение ландшафтных и социально-экономических рубежей контрастности позволит комплексно и всеохватывающе подойти к вопросу типологии сельских поселений.

Контактная функция границ различного генезиса проявляется через концентрацию сельских поселений вдоль них, т.е. топологию сельских поселений в отношении граничных структур региона. Термин «топология» (гр. topos место, местность + logos учение) позаимствован из математики и означает наиболее общие свойства геометрических фигур; в географическом преломлении это понятие подразумевает местоположение определенных объектов относительно друг друга при сохранении изначально устойчивых качеств.

Объектами исследований стали граничные структуры двух типов: природно обусловленные: границы физико-географические (подзон и районов), речных бассейнов, геоморфологические, растительных сообществ и социально-экономически обусловленные: административные границы областей, границы административных и экономических районов.

Для более детального анализа связи граничных структур и сельских поселений мы выбрали физико-географические и административные районы Тамбовской области. Такой выбор обусловлен следующими обстоятельствами:

1) рассматриваемые элементы имеют разное происхождение, и было бы интересно сопоставить между ними изучаемое явление;

2) относительно большое число районов (7 и 23) позволяет получить более точную картину, в т.ч. и для получения средних показателей;

3) в местах наложения границ и концентрации вдоль них сельских поселений выявить, имеет ли данное положение какую-либо обусловленность или носит случайный характер;

4) определить особенности положения поселений вдоль административных и физико-географических границ;

5) ещё раз проверить гипотезу о «притягательности» границ для формирования и развития сельских поселений.

Анализируя размещение сельских поселений по территории семи физико-географических районов (рис. 1), установлено, что почти каждый десятый населенный пункт расположен на границе районов, и это может предполагать наличие определенной притягательной силы граничных структур. Но рассмотрим каждый район в отдельности. Для характеристики используем два показателя: 1) соотношение внутренних и периферийных поселений; 2) доля периферийных поселений от общей численности.

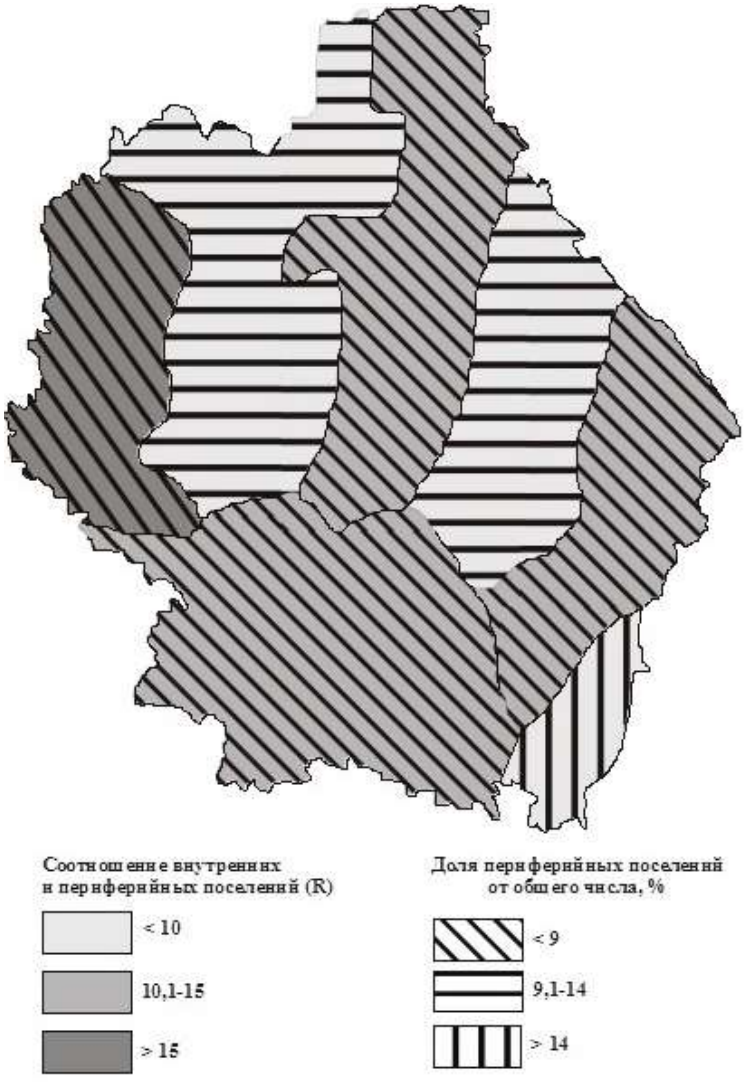


Рис. 1. Соотношение сельских селитебных комплексов в физико-географических районах

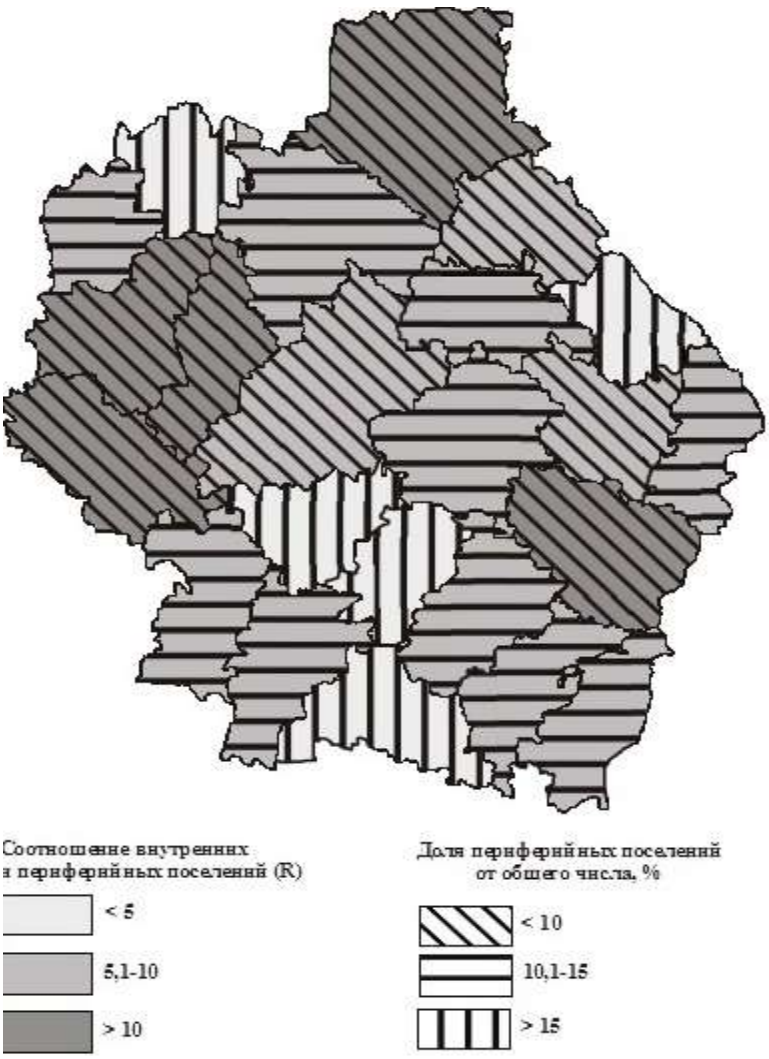


Рис. 2. Соотношение сельских поселений в административных районах

При расчете первого показателя используем следующую формулу:

$$R = \frac{N_i}{N_e}$$, где

R – коэффициент соотношения,
N_i – число внутренних поселений,
N_e – число периферийных поселений.

Чем R больше, тем слабее выражено граничное положение сельских поселений. Таким образом, установлено, что минимальным значением граничности поселений характеризуется Воронежский район (R=15,7), при удельном весе периферийных поселений – 6%. Это обстоятельство объясняется тем, что западные, восточные и южные рубежи района проходят по водоразделам, исторически редко заселённым, особенно в северной и северо-западной частях области. Напротив, внутри района находятся «центры

притяжения» – речные долины Воронежа, Лесного Воронежа, Иловая и Алешны, которые аккумулируют большинство сельских поселений.

Несколько иная ситуация в соседнем Цнинско-Воронежском районе (R=10). Здесь западная граница на значительном протяжении проходит по водоразделу Лесного и Польного Воронежа, где поселения практически отсутствуют, тогда как восточная и южная границы накладываются на речные долины Цны, Челновой и их притоков, традиционно густо заселённым, что повышает удельный вес приграничных поселений до 9,1%.

Следующий, Цнинский, район по своим показателям сходен с предыдущим (R=10,1) с той лишь разницей, что здесь концентрация поселений отмечается на западных, а не на восточных рубежах. Доля периферийных поселений – 9%.

В Вороно-Цнинском районе доля приграничных поселений повышается до 10,5%, при R=8,5. Большая приуроченность поселений к границам района обусловлена выходом долин малых рек за пределы района; таких «выходов» насчитывается около двух десятков, именно здесь сосредоточены все периферийные поселения.

Битюгский и Воронинский районы близки по своим показателям (R=13,9 и 12,4 соответственно), однако в каждом имеются специфические особенности. Так, в Битюгском районе гидрографическая сеть носит ярко выраженный центробежный характер: все реки (Цна, Кариан, Сява, Плоскуша, Битюг, Малый и Большой Эртиль, Токай, Савала, Мокрый Карачан, Большая Алабушка и другие) устремлены к границам района, где доля периферийных поселений невелика (6,7%), но в абсолютном выражении составляет 26 сельских населенных пунктов (второй показатель по области после Цнинско-Воронежского района).

В Воронинском районе ситуация несколько иная; вдоль района с северо-востока на юго-запад, практически деля его пополам, проходит долина реки Вороны, формирующая центростремительный характер территории. С её окрестностей, где сосредоточено 7,4% поселений, в направлении главной реки обращены правые и левые притоки, на которых расположен данный тип поселений.

И наконец, Вороно-Хоперский район с максимальной долей периферийных селитебных комплексов (27,6%) и коэффициентом соотношения R=2,6. Здесь долина Вороны «смещена» к юго-западной окраине, где находится почти треть поселений, остальная часть района – приводораздельная – заселена менее плотно и более равномерно с незначительной привязкой к границам.

В среднем по физико-географическим районам соотношение внутренних и периферийных сельских поселений равняется 10:1. По всей видимости, говорить о какой-либо притягательной силе ландшафтных рубежей не приходится.

Рассмотрим теперь те же показатели, но применительно к граничным структурам административных районов. В области чётко выделяются три

группы районов с различной долей и соотношением периферийных и внутренних поселений (рис. 2). Первая группа характеризуется повышенной долей приграничных поселений (> 15%), она включает Жердевский (R=3,6), Староюрьевский (R=3,1), Гавриловский (R=3,9), Сампурский (R=4,4) и Знаменский (R=2,3); в последнем удельный вес периферийных поселений составляет 30% – самый высокий показатель.

Вторая группа наиболее многочисленная – 13 административных районов, здесь доля «внешних» поселений варьирует от 10 до 15%, с показателями R= 5–10.

Распространенность районов данной группы не имеет точной локализации, они рассредоточены относительно равномерно по всей территории области.

Третья группа – с наименьшей долей приграничных сел и деревень (< 10%), где выделяется Инжавинский район (4,8%). Эту группу отличает наиболее разветвленная речная сеть с преобладанием поселений придолинного типа при том, что долины Цны (Моршанский), Воронежа (Мичуринский), Матыры (Петровский), Польного Воронежа (Никифоровский) и Вороны (Инжавинский) занимают центральные внутренние пространства районов.

Сопоставляя средние показатели по административным и физико-географическим районам, мы можем наблюдать следующую картину: коэффициент соотношения (R) в административных районах равен 7,9%, в физико-географических – 10,4%; удельный вес периферийных поселений в административных районах – 13,3%, в физико-географических – 10,9%. Как видно, показатели и в первом, и во втором случае очень близки, что говорит о сходных тенденциях в размещении поселений и релевантности наших исследований.

Итак, можно с уверенностью сказать, что ни природно обусловленные, ни социально-экономически обусловленные типы граничных структур не обладают повышенной притягательностью в отношении размещения сельских поселений (по крайней мере, в условиях равнинного рельефа), а имеющаяся концентрация вызвана иными факторами.

Литература

1. Попкова Л. И. География населения Российско-Украинского приграничья: Автореф. дис. докт. геогр. наук: 25.00.24 / отд. экономической и социальной географии Института географии РАН. Москва., 2007. 48 с.

2. Берг Л. С. Предмет и задачи географии // Известия Русского геогр. об-ва. 1915. Т. 51. Вып. 6. С. 471.

3. Мильков Ф. Н. Принцип контрастности в ландшафтной географии // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1977. № 6. С. 93–101.

4. Мильков Ф. Н. Ландшафтная география и вопросы практики. М.: Мысль, 1966. 255 с.

5. Мильков Ф. Н. Физическая география: современное состояние, закономерности, проблемы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 400 с.

6. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика М., 1973. 559 с.

7. Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М., 1981. 139 с.

8. Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.

9. Арманд Д. Л. Происхождение и типы природных границ // Изв. ВГО. 1955. №3.

10. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте (Основы теории и логико-математические методы). М.: Мысль, 1975. 287 с.

11. Преображенский В. С. Беседы о современной физической географии. М.: Мысль, 1972. 169 с.

12. Куница М. Н. Природно-территориальные комплексы и расселение населения: (Анализ пространственных и временных взаимосвязей): (На прим. Черновиц. обл.): Дис. канд.геогр. наук: 11.00.01 / отд. географии ин-та геофизики им. С. И. Субботина АН УССР. Киев., 1986. 252 с.

13. Исаченко А. Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. М.: Высшая школа, 1991. 341 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.3

В. Н. Калуцков[1]
V. Kalutskov

РУССКИЙ СЕВЕР И СИБИРЬ: ИСТОРИКО- И КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

RUSSIAN NORTH AND SIBERIA: HISTOTICAL AND CULTURAL AND GEOGRAPHICAL ASPECTS OF INTERACTION

Русский Север – регион, сыгравший огромную роль в становлении русской национальной идентичности. Вместе с тем недооценена его роль в первичном освоении Сибири. Среди землепроходцев зауральских пространств преобладали уроженцы Русского Севера – поморы, выросшие в сходных таежных условиях, обладавшие навыками строительства судов, кораблевождения и ведения промыслового хозяйства.

Russian North is a region which played a huge role in the development of Russian national identity. However it underestimated his role in the primary development of Siberia. Among the explorers trans-Ural spaces dominated by natives of Russian North - Pomors, who grew up in similar circumstances taiga, with the skills of ship construction, ship navigation and management of the marine industry.

Ключевые слова: Русский Север, Сибирь, Ближняя Сибирь, Дальняя Сибирь, геоконцепт, промысловое хозяйство, поморы.

Keywords: Russian North, Siberia, Near Siberia, Far Siberia, geoconcept, marine industry, Pomors.

На ранних этапах русской истории сначала Русский Север, а затем и Сибирь играли роль регионов, которые можно охарактеризовать как «культурные убежища». Именно сюда из центральных районов страны устремлялся русский человек, избегая идеологического и экономического давления государства, преодолевая житейские опасности и невзгоды или просто стремясь «к воле». Возможно, этот типично русский способ решения проблем стал одним из движущих факторов формирования большого государства.

[1] **Калуцков Владимир Николаевич,** доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Русский Север, как историко- и культурно-географический регион, охватывает Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, Республики Карелия, Коми и Ненецкий автономный округ [1].

Русский Север – первая русская Сибирь. Россия не сразу стала самой большой в мире державой; в определенные исторические периоды размеры ее территории были соразмерны другим крупным европейским государствам. Однако, уже с конца XV века, за счет выхода к Белому и Баренцеву морям, Россия становится огромной северной страной. Как происходило освоение Севера? С какими трудностями столкнулись первопоселенцы, выходцы из Центральной России? Какую роль Русский Север, поморы сыграли в освоении Сибири?

Рассмотрим геополитическое положение Руси в XI–XII веках. Оно напоминает сосуд с открытой крышкой. Юг, вся степная и притягивающая внимание земледельца лесостепная полосы были заняты активными степными народами. На Востоке, в среднем течении Волги расположено Булгарское государство; его геополитическим приемником становится Золотая орда, а затем Казанское и Астраханское ханства. Запад представлен сильными государствами – Венгрией, Польшей, Литвой, а также Тевтонским орденом, Орденом меченосцев, Ливонским орденом, отличающимися агрессивной внешней политикой. Зажатая с трех сторон южными, западными и восточными соседями, Русь, воюя, торгуя и договариваясь, решает свои внешнеполитические задачи.

Наиболее безопасным и экономически привлекательным направлением («открытой крышкой сосуда») остается Север. На его территории отсутствовали государственные образования, плотность населения (преобладали финно-угорские племена) была невысока, а леса были богаты пушным зверем, особенно ценным считался мех соболя.

Первым это обстоятельство оценил ближе расположенный к Северу Великий Новгород. Пользуясь выгодами своего географического положения, предприимчивые новгородцы уже в XI–XII веках доходят до Белого моря, налаживая торговлю, строя в бассейнах Северной Двины и Онеги погосты, совмещающие функции поселения, торговой базы и торгового центра. История умалчивает о каких-то крупных военных конфликтах, хотя локальные стычки, вероятно, имели место, о чем свидетельствует севернорусская топонимия (на Русском Севере изредка встречаются поля или луга с названием Побоище).

Многочисленные реки служили новгородцам транспортными магистралями. По течению Волхова они сплавлялись в Ладожское озеро, затем, используя Свирь, попадали в бурное Онежское озеро. Потом по Водле или Свиди они поднимались к важному водоразделу, водоразделу между бассейном Северного Ледовитого и Атлантического океанов, где предстояло самое трудное дело – перетащить или перекатить суда по волокам.

Хорошо знавшие территорию Севера новгородцы потому и назвали земли, лежащие за волоками (будущий Русский Север) – Заволочьем. Это важный

новгородоцентричный топоним, топоним-память былой активности новгородцев, соответствует бассейну Северной Двины. Самые известные среди новгородских волоков – Славенский, Красный, Кенский. Славенский волок приводил в бассейн Северной Двины, Красный и Кенский – в бассейн Онеги.

Почти одновременно с новгородским, формируется другой важный центр освоения Севера – ростово-суздальский. Пробираясь на Север, ростовцы поднимались по Волге и по ее притоку Шексне до Белого озера и, затем, также через Славенский волок спускались в бассейн Северной Двины.

Уже в XII веке основываются расположенные в ближней, южной части Севера города Вологда, Тотьма, Вельск, в XIII веке – Великий Устюг, Шенкурск, Кола, в XIV веке – в устье Вычегды Сольвычегодск, а в дельте Северной Двины – Холмогоры. Представители каждого из колонизационных потоков основывали «свои» города, создавали свои торговые базы. В результате возникала территориальная чересполосица владений. Самыми крупными ареалами ростово-суздальского влияния были город Белозеро с окрестностями, Великий Устюг с частью бассейна Северной Двины, бассейн реки Ваги. Опорными базами Новгорода выступали Вологда, Тотьма, бассейн среднего и нижнего течения Северной Двины. Конкуренция за ресурсы Севера часто приводила ростово-суздальцев и новгородцев к военным столкновениям. При этом конфликты возникали и на уровне метрополий, и на уровне «колоний». Особенно часто новгородские дружины воевали с жителями Великого Устюга, который нельзя было миновать на пути в Заволочье.

Крестьянская колонизация Севера усиливалась в трудные времена, в период ордынского нашествия, в Смутное время.

С чем сталкивались переселенцы? С качественно другими – таежными – природными условиями (короткое дождливое лето, затяжная суровая зима). Характерно, что в севернорусском народном календаре существует только два сезона – зима и лето. Такие трудные природные условия не обеспечивали устойчивого развития земледелия: собранного зерна нередко хватало всего на несколько месяцев в году. Для выживания, помимо восприятия навыков местного населения, нужно было сформировать совсем другой тип хозяйства. Для традиционного таежного хозяйства характерно преобладание скотоводства при подчиненной роли земледелия; при этом важную роль играет охота, рыболовство, ягодно-грибное собирательство.

Часть переселенцев, осевших по берегам Белого моря, создала новый тип хозяйства, существенно отличающийся от хозяйства своих предков, живших в новгородской или ростовской метрополии, – морское промысловое хозяйство, в основе которого лежит морское рыболовство и охота на морского зверя. Участники морского промысла, соорганизованные в артели, на небольших судах уходили от дома за сотни километров, к берегам Норвегии. При отсутствии

хозяина (промысел мог длиться до полугода), всю мужскую работу в доме выполняла жена.

Особые природные условия, промысловый тип хозяйства, своеобразный диалект – все это уже в начале XVI века привело к формированию нового севернорусского субэтноса, который получил название поморы.

Северность Руси в целом усиливается не только под влиянием освоения северной половины Русской равнины, но также в результате двух важных геополитических событий.

Первое из них связано с потерей Русью политической самостоятельности в результате ордынского нашествия и вхождением к XIV веку земель южнорусских княжеств в состав Литовского княжества.

Второе заключалось в переносе политической и культурной столицы Руси из Киева в Северо-Восточную Русь, сначала во Владимир, а затем – и в Москву. Киевские князья понимали геополитические, военные и экономические преимущества освоения Севера. Словно предугадывая будущую столицу Руси, Владимир Мономах в 1108 году в далекой северной глуши основывает Владимир; спустя полвека Андрей Боголюбский переносит в город столицу княжества, а его приемник Всеволод Большое Гнездо уже получает титул великого князя. Статус Владимира как общерусской столицы еще более укрепляется после переноса сюда резиденции русских митрополитов в 1299 году. Владимир становится политическим и культурным восприемником Киева. Только одно название в Залесье – Переславль-Залесский – хранит память о том, что именно Киев был когда-то культурным и топонимическим центром древнерусского мира.

Благодаря усилиям Ивана Калиты столичные функции перехватывает Москва, которая превращается в главного конкурента Великого Новгорода. В этой борьбе в конце XV века Новгород терпит поражение и, как результат, Русское (Московское) государство существенно расширяет свои владения: его площадь увеличивается в несколько раз, охватывая всю северную половину Русской равнины. К 1500 году территория России составляет 2,4 млн. кв. км (в 8 раз больше современной Польши), а население – 5,6 млн. человек [2, с. 63].

Москва получает безопасный выход к Белому и Баренцеву морям. Данным обстоятельством уже с середины XVI века для налаживания торговли с Россией пользуются англичане. И вплоть до основания Санкт-Петербурга – Архангельск является главным портом России, осуществляющим торговлю с Европой (первое русское «окно в Европу»).

К началу XVI века Русское (Московское) государство становится северным (это пространственное свойство характерно и для современной России). Его северность связана не только с расширением территории страны к северу и отпадением южнорусских земель, но и с северными политическими и экономическими интересами.

Интересно, что Русский Север – единственный из крупных культурно-географических регионов, который (в результате изменения макрогеографического положения и своего статуса) в течение столетий трижды меняет свой топоним-геоконцепт [3]. Новгородоцентричное *Заволочье* с начала XVI века «превращается» в рамках московской картины мира в *Поморье*, а на рубеже XIX и XX веков появляется и активно продвигается новый топоним-геоконцепт *Русский Север*.

Роль Русского Севера в освоении Сибири. Пассионарный скачок русских землепроходцев на восток, «встреч солнца», не имеет полноценного рационального объяснения. Английский историко-географ Дж. Бейкер пишет: «Продвижение русских в Сибирь шло с ошеломляющей быстротой. Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобных путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии (которые, правда, по полгода скованы льдом и текут на север, а не восток – В. К.)… на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ» [4].

Так же оценивает этот феномен известный русский писатель Валентин Распутин: «После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и важного, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз» [5].

В самом деле, между походом Ермака на берега Оби и выходом отряда Ивана Москвитина (вот уж действительно «рука Москвы»!) на берег Охотского моря в 1639 году прошло всего несколько десятков лет.

С другой стороны, такое движение было подготовлено всем предшествующим ходом развития страны, включая освоение Русского Севера, который без преувеличения можно назвать первой русской Сибирью.

Во-первых, и на Русском Севере, и в Сибири близки природные условия и сходны природные ресурсы. Основной экономический интерес тот же – пушнина, но к началу XVII века соболь на Русском Севере был истреблен, что подвигает к поиску новых промысловых угодий.

Во-вторых, потомки поморов приобрели неоценимые навыки выживания и хозяйственного освоения северных территорий. Не удивительно, что плацдармом и ресурсной базой продвижения в Сибирь явился Русский Север. Но самыми важными при освоении новых земель ресурсами выступали ресурсы человеческого опыта и знания. Поэтому поморы и составили костяк сибирских землепроходцев.

Геополитическая ситуация России в первой половине XVII века напоминает аналогичную ситуацию Киевской Руси XII века. По-прежнему сильные государства-соседи удерживают западные, южные и восточные рубежи. В результате политики Ивана Грозного в состав государства входят территории

Казанского и Астраханского ханств, а поход Ермака, приглашенного промышленниками Строгановыми в 1581 году, нейтрализует единственное в Зауралье государственное образование – Сибирское ханство. Тем самым устраняются все военно-политические препятствия в движении на Восток.

Первым русским государем, получившим «сибирский титул» (великого князя Югорского, князя Кондинского и Обдорского) стал Иван III, войско которого продвинулось до низовья Оби. Но это была разовая акция. Систематические предпринимательские походы в Западную Сибирь поморы осуществляют, начиная уже с XIV века.

Самым старым торговым путем поморов в Сибирь был *Чрезкаменный путь* (русское народное название Урала – Камень). Чрезкаменный, или Печорский, путь имел несколько маршрутов. Один из них начинался на Печоре, продолжался по ее притоку Усе, затем шел через Полярный Урал и выходил к низовью Оби; другой маршрут Чрезкаменного пути начинался с верховий Печоры, шел по волокам перевалов Северного Урала и по Северной Сосьве, также доходя до Оби.

Чрезкаменный путь был очень трудным, но относительно безопасным. Чтобы добраться от Великого Устюга (среднее течение Северной Двины) до Березова, расположенного на Оби, нужно было 3,5 месяца [6]. Путем активно пользовались вплоть до XVII века включительно, называя его «большая сибирская дорога». Для движения по нему поморы применяли небольшие суда, включая малые кочи (суда длиной 7-8 метров и грузоподъемностью свыше 1 тонны).

С начала XVI века Чрезкаменный путь дополняется *Мангазейским морским ходом,* хотя «златокипящая» Мангазея была основана стрельцами и казаками по указу царя Бориса Годунова только в 1601 году. Первый сибирский заполярный город Мангазея называли пушной столицей Сибири, потому что черный мангазейский соболь ценился особенно высоко [6].

Мангазейский морской ход проходил вдоль берегов Белого, Баренцева и Карского морей, затем, пересекая полуостров Ямал, выводил в Обскую губу и далее шел вверх по реке Таз. Для этого пути поморы использовали морские кочи, имевшие до 20 метров в длину и способные перевозить до 4 тонн груза; яйцеобразная форма коча позволяла ему быть неуязвимым к сдавливанию морскими льдами. При благоприятных природных условиях (ветры, течения, ледовая обстановка) расстояние от Архангельска до Мангазеи в 2500 км можно было преодолеть всего за полтора месяца. Однако в 1620 году правительство из-за невозможности таможенного контроля запрещает морской путь в Мангазею.

Третьим, исторически самым молодым, путем в Сибирь была знаменитая *Бабиновская (Верхотурская) дорога*, первая сухопутная дорогая в Сибирь. Начиналась она от столицы пермской империи известных предпринимателей Строга-

новых, города Соли Камской (ныне Соликамск) и, переваливая через невысокие горы Среднего Урала, заканчивалась в Верхотурье (Тура – приток Тобола).

Дорога строилась с 1595 по 1597 гг. под руководством сольвычегодского посадского Артемия Бабинова (отсюда и название – Бабиновская) и на протяжении 300 км представляла сложное инженерное сооружение, включающее десятки мостов. В 1598 году Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом. На протяжении двух столетий она являлась главной дорогой в Сибирь, а основанный Строгановыми город Верхотурье, в котором была устроена государственная таможня, – «главными воротами в Сибирь». Вся пушнина, добытая на огромной территории, проходила через Верхотурье. Чтобы понимать масштабы «промышленного производства» приведем некоторые цифры: во второй половине XVII века казна ежегодно получала десятки тысяч шкурок соболя, при этом в отдельные годы сибирская пушнина давала до трети государственных доходов [6].

Только после открытия в 1735 году *Сибирско-Московского тракта*, проходящего еще южнее, через Екатеринбург, Бабиновская дорога постепенно утрачивает свое значение.

Таким образом, пути из европейской России в Сибирь из полярных широт постепенно перемещаются в умеренные широты. На этот факт обратил внимание еще В. В. Покшишевский; он также убедительно показал, что Россия в Сибирь «зашла» с Севера [7].

Ближняя к Европейской России Западная Сибирь, особенно примыкающий к Уралу бассейн Иртыша и Оби, осваивается в первую очередь. Закладываются города-крепости, важные опорные пункты освоения территории: на Туре – Тюмень (1586) и Верхотурье (1598), на Иртыше – Тобольск (1587), на Оби – Сургут (1594), Обдорск, современный Салехард (1595) и Томск (1604), на Тазе – Мангазея (1601)...

К 1600 г. Россия становится огромной евразийской страной, раскинувшейся от Финляндии на западе и до Западной Сибири – на востоке. Территория России в 1600 г. составляла 5,7 млн кв км, а население – 7,0 млн чел [2, с. 69].

Продвижение и освоение Восточной (Дальней) Сибири проходило по другому сценарию.

Во-первых, наряду с поморами в нем уже участвовали сибиряки, например, мангазейские торговые люди, тобольские и енисейские казаки. Во-вторых, в районе Енисейска уже в первой половине XVII века была создана сельскохозяйственная база, которая обеспечивала снабжение зерном сибирских городов, ранее завозившимся из европейской России [6, 7].

В Восточную Сибирь существовало два основных пути. Первый из них, менее популярный, продолжал Мангазейский морской путь и шел от Мангазеи по волоку к расположенному на Енисее Туруханску, а далее поднимался по Нижней Тунгуске, через волок попадая в Вилюй, приток Лены.

Второй – основной – начинался от Енисейска, поднимался по Ангаре до Усть-Кутского волока и оказывался в верховьях Лены.

Среди первых городов-крепостей Восточной, или Дальней, Сибири – Туруханск (1607), Енисейск (1619) Красноярск (1628), Якутск (1632), Верхоянск (1638), Анадырский острог (1649), Охотск (1647), Иркутск (1661), Чита (1675).

Землепроходцы выполняли и географические обследования новых земель, отмечая реки, горы, заливы и проливы, обращая внимание на природные ресурсы, занимаясь описанием народов и их обычаев. Нередко «попутно» осуществлялись важные географические открытия. К таким, например, относится открытие пролива между Евразией и Америкой в 1648 году, честь которого принадлежит помору С. И. Дежнёву. Среди других наиболее известных землеоткрывателей – товарищ С. И. Дежнёва помор (холмогорец) Федот Алексеев, основатель Якутска казак Павел Бекетов, помор (устюжанин) Ерофей Хабаров.

С выходом к Северному Ледовитому и Тихому океанам Россия становится еще более северной – гигантской – страной с площадью в 15,2 млн. кв. км. Осмыслив новую геополитическую ситуацию страны, гениальный Ломоносов отразил ее в емкой словесной формуле: «Могущество России будет прирастать Сибирью и Северным океаном». Он же предложил проект Северного морского пути, проект, который реализуется вот уже более 300 лет...

Важны и геокультурные результаты движения на восток: продвигаясь в Сибирь, Россия и сама становится... Сибирью. Это проявляется и в формировании нового русского субэтноса «сибиряки», и во включении Сибири в русское культурное пространство (священный Байкал, Амур-батюшка).

Вместе с тем не будем забывать, что вековой опыт освоения Русского Севера и хозяйственно-культурные навыки поморов сыграли решающую роль в продвижении России в Сибирь.

Литература

1. Калуцков В. Н. Прикладное культурно-географическое районирование России / Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 6. С. 30–39.

2. Национальный атлас России в 4-х томах. Т. 4. История. Культура. М.: Роскартография, 2008.

3. Калуцков В. Н. Русский Север как культурно-географический регион / Поморские чтения по семиотике культуры: вып. 4 / под редакцией Н. М. Теребихина. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 27–38.

4. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 648 с.

5. Распутин В. В. Сибирь, Сибирь... Иркутск: ООО «Артиздат», 2000. 226 с.

6. Булатов В. Н. Русский Север. Книга третья: Поморье (XVI – начало XVIII в.). Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1999. 336 с.

7. Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географичекские очерки). Иркутск: Иркутское областное гос. изд-во, 1951. 210 с.

УДК 332.1

В. А. Столбов, М. Д. Шарыгин[1]
V. A. Stolbov, M. D. Sharygin

СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ – ОСНОВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НОВОЙ РОССИИ

THE STRATEGY OF REGIONAL CAPITALIZATION – THE PROSPERITY OF NEW RUSSIA

Раскрыта стратегия региональной капитализации как императив современного социально-экономического развития России. Капитализация предполагает актуализацию потенциала субъектов федерации путем активизации процессов регионального общественного воспроизводства в виде энергопроизводственных циклов. Это позволяет территориям эффективно использовать резервы социоэкономики, сбалансированно и пропорционально наращивать региональный капитал, а следовательно - и национальное богатство.

Reveals the strategy of regional capitalization as an imperative of modern socio-economic development of Russia. Capitalization involves the actualization of potential of subjects of the Federation by enhancing the process of regional social reproduction in the form of energoproizvoditelej cycles. This allows territories to effectively use the reserves of socioeconomic, balanced and in proportion to increase of the regional capital, and hence national wealth.

Ключевые слова. Региональный капитал, региональный потенциал, социоэкономика, капитализация региона, национальное богатство.

Key words. The regional capital, regional potential, socio-economics, the market capitalization of the region, a national treasure.

Современная российская действительность нуждается в глубоком осмыслении и конструктивном анализе. Долгое время поиск «национальной идеи», выработка продуктивной стратегии, создание идеологической платформы и формирование «духовных скреп» нации носили скорее сакральный, преимущественно умозрительный характер. Спектр подобных идей варьировал от крайне левых – коммунистических, до крайне правых – монархических, включая такие промежуточные варианты как «суверенная демократия», «военная», диверсификации, «догоняющая», инновационная, конкурентоспособности, модернизации, православная, создания высокопроизводительных рабочих мест, социальная, сырьевая, технологическая, устойчивого развития, финансовая и т. д.

[1] **Столбов Вячеслав Алексеевич**, кандидат географических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь. **Шарыгин Михаил Дмитриевич**, доктор географических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь.

Вместе с тем, специалистами давно поднимается вопрос о нахождении консолидирующего пути и выработке общего критерия, определяющего успешность каждой из подобных стратегий. В качестве одного из возможных вариантов подобного пути и такого критерия может рассматриваться понятие капитализации. Капитализация, как процесс приращения капитала, наиболее полно проявляет себя в рыночной экономике с разными формами собственности и типами хозяйствования.

Предпосылкой формирования разных форм собственности в Российской Федерации послужили процессы разгосударствления и приватизации. Разгосударствление осуществлялось путем трансформации государственной собственности в разные формы собственности – частно-индивидуальную, частно-групповую, акционерную, арендную, муниципальную, совместных предприятий и т.д. Разгосударствление, как первоначальная стадия возникновения разнообразных форм собственности, в нашем случае необоснованно резко перешла в стадию приватизации. Приватизация включила в себя две части: первая – передача (ваучеризация) хозяйственных объектов в частную собственность, вторая (продолжающаяся до настоящего времени) – продажа принадлежащих государству активов (хозяйственных и инфраструктурных объектов, материальных и нематериальных ценностей) в собственность граждан или созданных ими юридических лиц. Важнейшими целями разгосударствления и приватизации провозглашалось повышение темпов роста национальной экономики и увеличение национального богатства.

Разгосударствление, на фоне демократизации общества, преследовало далеко идущие цели улучшения экономического положения страны и стимулирование накопления капитала. Оно было призвано создать условия для активизации внешнеэкономической деятельности, укрепления российского и региональных рынков, расширения экономической свободы, увеличения объемов выпуска конкурентоспособной продукции, повышения уровня и совершенствования образа жизни населения. Одним из действенных механизмов разгосударствления стала приватизация. В роли другого механизма выступила децентрализация и регионализация общественной жизни. Взаимосвязанное их действие должно было способствовать формированию свободной экономики, развитию среднего и малого бизнеса, оживлению хозяйственной деятельности и, в конечном счете, общей капитализации страны.

Под «капитализацией» страны, в самом широком, государственном смысле этого слова, понимается наращивание «весомости» всех компонентов ее национального богатства. Рост «массы» национальной экономики служит залогом ее «веса» в решении международных вопросов, гарантом внутренней стабильности и устойчивости к внешним воздействиям, а также предполагает простор для внутренних маневров в форме расширения экономических, политических и гражданских свобод, обеспечивает разнообразие социально-экономических отношений.

Косвенно с проблемой низкой капитализации всех элементов российского общества сталкивается каждый его гражданин, особенно – во время глобальных экономических кризисов. Очевидным проявлением проблемы является феномен рыночной недооцененности российских активов. Причем катастрофически низкая оценка национального богатства присутствует во всех секторах российской экономики. Несколько лучше обстоит дело в добывающих видах экономической деятельности, значительно хуже – в обрабатывающих, совсем плохо – в третичном и четвертичном секторах хозяйствования. Крайне низко ценится человеческий капитал, особенно его инновационная, творческая значимость. Показательна ситуация, сложившаяся на мировом арт-рынке: на торгах ведущих мировых аукционных домов произведения русского искусства оцениваются существенно ниже работ зарубежных художников.

Относительно благополучное положение в сырьевом секторе объясняется высокой стоимостью и общепризнанной мировой ценностью «природных активов», заложенных в их рыночную стоимость. Но и в этом случае капитализация любой «ресурсной» российской компании в разы меньше зарубежных корпораций, сходных по масштабам деятельности. Даже «Газпром» – мировой лидер по добыче газа и крупнейшая российская компания – на пике своей капитализации занимал в мировой «табели о рангах» только 37-ю позицию и оценивался (в пересчете на добычу углеводородов) в 5–6 раз меньше, чем аналогичные западные компании. В электроэнергетике капитализация российских компаний, соотнесенная к единице мощности, на порядок меньше зарубежных. Например, соответствующая удельная стоимость активов российских электростанций в 15 раз меньше, чем в Италии. По оценкам специалистов капитализация мурманской компании «Колэнерго», в расчете на единицу мощности, в 41 раз меньше, чем у соседней финской компании «Fortum».

Из всех обрабатывающих производств хуже всего складываются дела в машиностроении. Машиностроительные предприятия страны при приватизации часто уходят за бесценок. На глобальном рынке сервисной деятельности российский вклад почти не заметен. Российский финансовый рынок, по сведениям ФСФР, занимает по капитализации только 12-е место в мире. Слой конкурентоспособных компаний в несырьевых отраслях складывается слишком медленно.

Низкая стоимость российских национальных активов отражает неэффективность всех общественных институтов: собственности, управления, регулирования, власти и т. д. Капитализация компании – объективный критерий качества и эффективности всей системы ее общественных отношений, включая взаимодействие с: поставщиками и потребителями; рекламными, рейтинговыми и кадровыми агентствами; инжинирингом, аудитом и консалтингом, гражданскими и государственными регуляторами. Низкая капитализация предполагает недооцененность потенциала и, соответственно, недополучение добав-

ленной стоимости – национального, регионального продукта, корпоративной прибыли.

Недооцененность российской экономики делает страну заложником мировых политических игр, подрывает стабильность государства, препятствует осуществлению долговременной внешней и внутренней национальной политики. Незначительная «масса» национального хозяйства не порождает необходимую инерционность экономики и гораздо больше подвержена негативным внешним воздействиям, не говоря уже о флуктуациях внутреннего порядка. Например, в результате воздействия глобального кризиса 2015 года фондовый рынок страны сократился вдвое и совокупная капитализация отечественных компаний стала сопоставима со стоимостью одной «Apple». При этом нельзя забывать, что цены, складывающиеся на рынке, служат ориентиром хозяйственной деятельности и определяют не только инвестиционную привлекательность объекта, но и позволяют решать «...что производить, как производить и для кого производить.»[1, С. 491].

Запуск процесса капитализации предполагает деятельность сразу по нескольким направлениям. Во-первых, это государственный уровень, когда над имеющимся природным, производственным и человеческим потенциалом создается такая институциональная надстройка, которая обеспечит сознательное и эффективное управление стоимостью активов. Государство в качестве мега-регулятора должно эффективно распоряжаться национальным богатством, неуклонно заботясь о его расширенном качественном и количественном воспроизводстве. Результаты этой деятельности имеют стратегическую направленность, весьма отдаленные перспективы и непосредственно не затрагивают интересы каждого гражданина.

Важнейшей сферой государственного регулирования остается процесс социального развития, понимаемый как непрерывное развертывание во времени и пространстве социальной структуры общества и усложнение социальных отношений. Основой социального прогресса является не только всестороннее и гармоничное развитие каждого индивидуума, но и прогрессивные изменения всех региональных социумов – пространственных форм организации общества, осуществление ими продуктивных миссий в системе общественного разделения труда. Социальное развитие невозможно без соответствующих институциональных преобразований, обеспечивающих центростремительное движение всех общественных структур, активное их вовлечение в процесс принятия решений, касающихся вопросов собственной жизнедеятельности. Немаловажная задача социального развития кроется в гармонизации отношений социумов с окружающей средой.

Второе направление реализуется на корпоративном уровне. Здесь ситуация более благоприятна, поскольку собственник напрямую заинтересован в росте стоимости активов, повышении инвестиционной привлекательности компании, соблюдении интересов акционеров. К сожалению, и в этой сфере про-

цветает психология «временщика», стремление в кратчайшие сроки получить максимальную прибыль путем хищнической эксплуатации природно-ресурсной базы, износа производственных фондов, некомпенсируемого истощения человеческого капитала. В силу общей неопределенности предпринимательской среды, бизнес вынужденно ограничивает временные рамки принимаемых решений, скрывает истинные мотивы действий, реализует кратковременные и сиюминутные интересы. Классическим примером являются суммы вознаграждений топ-менеджерам крупных корпораций. Значительно отставая от своих зарубежных конкурентов по эффективности деятельности (в частности, по уровню капитализации компаний) российский топ-менеджмент получает ежегодные выплаты (в том числе и «золотые парашюты») в размерах не только не уступающих, но и порой превосходящих оплату труда их западных коллег.

Весомость этого сектора российской экономики (около 70% производимого ВВП) делает его заложником государственной политики, недальновидность и непредсказуемость которой рассматривается большинством представителей бизнес-сообщества как главное препятствие для роста. Закрытость и непрозрачность российского бизнеса, его неоднозначная репутация формируют негативное отношение к нему у российского общества, порождает ответную реакцию бизнесменов в диалоге с народом (акционерами), не способствует пробуждению интереса со стороны зарубежных инвесторов.

И третье, на наш взгляд наиболее важное поле деятельности, складывается на региональном уровне. Оно касается той части национального богатства, которое отдано в распоряжение территории, находится в ее ведении, принадлежит ей или размещается в ее социо-экономическом пространстве. Именно на региональном уровне складываются и функционируют территориальные общности людей (ТОС), в границах которых обеспечиваются наиболее важные жизненные потребности населения. В пределах региона замыкаются основные процессы общественного воспроизводства, прослеживается четкая взаимосвязь между приложенными усилиями и полученным эффектом, осознаются и удовлетворяются территориальные интересы, формируется заинтересованность не только в результатах собственного труда, но и в хозяйственной деятельности всего социума. Фактор местоположения, принадлежности к конкретной территории закладывает основы корпоративной социальной ответственности, стимулирует благотворительную предпринимательскую деятельность, обеспечивая дополнительную прибыль в виде культурно-исторической ренты. Корпоративная социальная ответственность – это мощный инструмент укрепления авторитета бизнеса в обществе, который затем успешно конвертируется в стоимость активов.

Чрезмерно высокие темпы приватизации привели к неоправданно низкой роли государства в экономике. В итоге осуществления приватизационных мероприятий государство непосредственно управляет всего 2,3 % от общего числа предприятий, на которых работает 18,4 % занятых в экономике [2]. Это

объекты, связанные преимущественно с оборонным комплексом, естественными монополиями, космонавтикой, производственной инфраструктурой, вино-водочной и фармацевтической промышленностью. Еще красноречивей обстановка в промышленно развитых регионах, где удельный вес государственного сектора экономики еще меньше. Так, в Пермском крае доля государственных предприятий сократилась до 1,7 %, на них занято только 13,3 % работающих. Подобная ситуация может рассматриваться как нормальная для стран со сложившейся рыночной экономикой и устойчивым ростом производства. Для переходного этапа эволюции экономики России резкое падение влияния государства оказалось трагичным. Наиболее драматично это выглядит в период экономических кризисов и находит свое отражение как в дестабилизации и деградации экономики, так и в восприятии людей, резком снижении потребительской уверенности.

Повышение роли государства в управлении экономикой может способствовать накоплению капитала в том числе и за счет формирования совместных государственно-частных акционерных предприятий. Во многих акционерных обществах государство имеет контрольный (или блокирующий) пакет акций, а также «золотую акцию». В последние годы государство активизировало свои действия по решению вопросов банкротства предприятий, введения внешнего управления и приобретения крупных пакетов акций.

Замкнутость и взаимосвязь общественных процессов формирует региональную систему энерговещественных циклов, где функционирование каждого сказывается на процессах, протекающих в других. Так, инновационный цикл не только генерирует инновации, но и находит для них благодарного потребителя; культура и искусство облагораживают и развивают весь социум, нейтрализуя развитие социальных патологий; здравоохранение, наряду со своей главной задачей – оздоровления людей, способствует росту эффективности производства, повышает социальную активность, расширяет пространство жизнедеятельности и т. п.

Экономические, социальные, экологические, ментальные, психологические и прочие закономерности, имеющие на уровне государства скрытый, закамуфлированный, отложенный и неявный характер, в регионе становятся очевидны, прозрачны и понятны, обретая, к тому же, внятный и весомый экономический эквивалент – валовой региональный продукт (ВРП). Как общепризнанный экономический показатель, отражающий эффективность использования капитала, ВРП доступен для понимания членов территориальной общности (социума), непосредственно определяет уровень жизни населения, позволяет реализовать интересы территории и закладывает основы формирования гражданского общества.

Все члены территориальной общности хорошо знают региональный потенциал и представляют возможности его использования. Капитал территории – вовлеченные в общественное воспроизводство компоненты

потенциала, – также знаком населению. Процесс эксплуатации, потребления и репродукции регионального капитала проходит на глазах жителей из поколения в поколения. Складывается определенное чувство собственника, ощущение причастности к происходящему, ответственности перед будущими поколениями и заинтересованности в результатах труда. Территория воспринимается жителями как своего рода корпорация, региональный капитал приобретает свойства акционерного, а население (имеющее долю в этой корпоративной собственности) становится де-факто акционерами территории со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Таким образом происходит осознание территориальных интересов.

Капитализация территории происходит в процессе реализации всех форм жизнедеятельности населения. Люди взаимодействуют с окружающей природной средой, контактируют с другими регионами, общаются между собой, работают, отдыхают, осуществляют бытовую деятельность. При этом изучаются и осваиваются природные ресурсы, накапливается производственный потенциал, обогащаются качества социума – все большая часть потенциала приобретает конкретную ценность – потребительную стоимость. Современное общество, эволюционируя в постиндустриальную фазу, капитализирует, вводя в экономический оборот, информационные, культурные, исторические, экологические, эстетические и прочие активы [3].

Часть потенциала территории, которая проходит процедуру экономической оценки и имеет реальный стоимостной эквивалент (пусть пока предварительно, экспертно оцененный) становится капиталом. Успешность процесса региональной капитализации воспринимается жителями очень остро – она хорошо верифицируется как на интуитивном, так и на обыденном (бытовом) уровне. Интуитивно это проявляется в чувстве дискомфорта, а на бытовом уровне – в осознанной неудовлетворенности теми или иными условиям жизни. Реальными индикаторами сокращения регионального капитала являются:

– его количественное «сжатие» – коллапс (сокращение запасов природных ресурсов, депопуляция, банкротство предприятий и т. д.);

– снижение ценности отдельных компонентов капитала (природных ресурсов, недвижимости, людей, основных фондов, деградация земель и т. д.);

– отток капитала за пределы территории (отток инвестиций, вывод финансов, отрицательное сальдо миграции, вывод производств и т. д.).

Перенос центра тяжести проблемы капитализации страны на уровень регионов объясняется спецификой социоэкономики России, ее преимущественно ресурсной специализацией. Большая часть доходов национального бюджета формируется ресурсодобывающими компаниями. В этом есть определенная логика: природные ресурсы – это национальное достояние и налоговые поступления от их добычи должны использоваться в интересах всего общества. С другой стороны, природные ресурсы – неотъемлемый атрибут данной конкретной территории, их свойства и качества детерминированы условиями

(генезисом, климатом, гидрографией и пр.) именно этой территории и четко увязаны в сознании людей с образом конкретного региона. Образ «малой родины», чувство землячества, патриотизма формируется всей системой образования и воспитания и происходит на всем протяжении процесса социализации. «Разрыв» этого образа в реальности (территория «моя», а ресурсы «не мои») действует на психику самым деструктивным образом. Он противоречит всем предшествующим нравственным установкам.

Результатом подобных психологических «надрывов» становится неадекватная поведенческая реакция. В ряде случаев она выражается в апатии и безразличии к происходящему, что начисто перечеркивает идею патриотизма и любви к «малой родине». В других случаях – это активная борьба с деятельностью «иностранных» компаний в своем регионе, либо хищническое и противозаконное пользование этими ресурсами (вырубка леса, выпас скота, распашка и захват земель и т. д.). Любой вариант противоречит идее региональной капитализации.

«Пришлые» корпорации, эксплуатирующие национальное природное достояние и присваивающие природную ренту, связанную с конкретной территорией деятельности, не заинтересованы в капитализации региона. Их инвестиционные интересы ограничиваются непосредственными производственными затратами, да незначительными благотворительными проектами, призванными смягчить экологические последствия своего «хозяйствования». Даже используя другие ресурсы региона (дорожную инфраструктуру, кадровый потенциал, ремонтную базу, научные подразделения и т. д.), собственники предпочитают ограничиваться минимумом инвестиций в самые необходимые вещи.

До недавнего времени часть налога на добычу полезных ископаемых поступала в бюджет субъектов федерации; в настоящий момент заинтересованность регионов в рациональном использовании своих ресурсов практически утеряна. Складывается парадоксальная ситуация, когда в стране нет ни одного региона, который не получал бы деньги из федерального бюджета. В ряде регионов эти перечисления жизненно необходимы, поскольку достигают 90 % бюджета, для других носят скорее символический характер – Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Например, для ЯНАО перечисления из центра составляют всего порядка 2% собственных бюджетных доходов. Ежегодно распределяемая между регионами величина межбюджетных трансфертов превышает 1/5 всех доходов консолидированных бюджетов субъектов федерации. Дефицит консолидированных бюджетов субъектов РФ достигал в 2014 году 1% ВВП., а госдолг региональных бюджетов (кредитным организациям и бюджетам более высокого уровня) – 2,5 % ВВП.

Еще менее зависимы от результатов использования регионального потенциала органы местного самоуправления. Российские муниципальные об-

разования должны были тем или иным субъектам в 2013 году 277,5 млрд руб. Местные бюджеты 85 субъектов федерации дефицитны или сведены с нулевой суммой [2]. Исключения составляют только Воронежская область и Чукотский АО, территории, которые вряд ли можно заподозрить в чрезвычайной эффективности органов местного самоуправления. В настоящее время дотационными в стране являются 98 % муниципальных образований. Профицит бюджетов 2 % МО РФ обеспечивается либо «пропиской» в городских поселениях крупных промышленных предприятий (например, в муниципальных районах Краснодарского края, Липецкой и Тверской областях, городских округах Астраханской, Вологодской областей, городских поселениях Республики Бурятия, Оренбургской и др.), либо результатами выполнения специальных региональных программ (сельские поселения Курганской, Мурманской и Свердловской областей). Парадокс заключается в том, что чем более эффективно работает предприятие, тем меньше результаты его деятельности сказываются на местном бюджете. Например, глава города Коврова Владимирской области Виктор Кауров, отмечал: «Главный ковровский налогоплательщик, завод имени Дегтярева, в городской бюджет в 2013 году перечислил 120 миллионов, а в бюджеты других уровней – 2,4 миллиарда рублей. В двадцать раз больше!» Практически все деньги, собираемые в муниципальных образованиях, уходят в федеральный или региональный бюджет. Аналогичные противоречия складываются между субъектами федерации и их столицами. В 2013 году, к примеру, город Саратов собрал 80,2 млрд налогов и сборов, из которых бюджет города получил только 8,6% (6,37 млрд руб.) [4]. Мэр Екатеринбурга Евгений Ройзман также отмечает несправедливость в распределении средств между регионом и столицей Среднего Урала: «Региональная столица формирует 70% доходов региональной казны, а взамен получает очень мало. В Екатеринбург возвращается наименьшая доля НДФЛ среди всех городов-миллионников – 18%» [5].

Не имея достаточного количества инструментов для создания благоприятного инвестиционного климата и привлечения средств, муниципалитеты вынуждены исполнять свои обязательства перед жителями.

Большую сумятицу в деятельность муниципальных образований вносит волюнтаризм и т н. «ручное управление» национальной экономикой. Исключительно от решений верхних эшелонов государственной власти зависит «прописка» и, соответственно, адресат платежей крупных налогоплательщиков. Например, до последнего времени НПК «Уралвагонзавод» (УВЗ, Нижний Тагил, 100% акций принадлежит государству) была зарегистрирована в налоговой инспекции Санкт-Петербурга. УВЗ был «прикреплен» к Санкт-Петербургу во время губернаторства в северной столице Валентины Матвиенко для укрепления налоговой базы региона. По итогам встречи президента России Владимира Путина и главы Свердловской области Куйвашева в ноябре 2015 года корпорацию «пропишут» в Свердловской области. Перерегистрация УВЗ принесет в бюджет Среднего Урала дополнительно 5 млрд рублей налогов [6].

Рентоориентированная экономика современной России чревата рядом других негативных для регионов последствий. Стремление к максимальному изъятию природной ренты толкает владельцев добывающих компаний на использование хищнических технологий, идеология временщиков не требует высокой квалификации и профессиональной подготовки, а стремление к быстрому получению прибыли толкает на противозаконные действия (в том числе и в природоохранной сфере) и способствует выстраиванию коррупционных схем. В рентоориентированных хозяйственных системах экономическая преступность становится «нормой», профильным видом экономической деятельности и обязательным элементом экономического механизма. В результате заинтересованность регионов в рациональном использовании своих ресурсов практически теряется. Подобная деятельность становится масштабным вариантом воровства:

– у природы (с разрушением сложившихся природно-экологических систем, исчерпанием невозобновимых ресурсов и др.);

– у предшествующих и последующих поколений населения (износ производственного капитала и эксплуатация персонала без адекватного его восстановления);

– у регионального сообщества (когда природная и историко-культурная рента региона выводится за его пределы);

– у всего социума в целом (когда весомая доля изымаемой в стране ренты перекачивается за рубеж) [7].

Хищническая и неэффективная эксплуатация природного капитала подрывает сами основы региональной экономики и ставит под сомнение устойчивое существование всей территориальной общности. Изъятие и вывод природной ренты нарушает «механизм» капитализации территории, когда природная рента переходит в ренту культурно-историческую, воплощаясь в производственных фондах, инфраструктурных объектах, природных и исторических памятниках, культурном наследии, богатстве общественных отношений и качественно новом человеческом капитале. Такой механизм создает неповторимый культурный облик территории, наделяет уникальными качествами территориальную общность людей, определяет место и роль региона в общественном разделении труда, делает его необходимым элементом национального и глобального сообщества, определяет дальнейшие перспективы эволюции.

Капитализация каждого региона становится залогом роста капитализации всей страны, а успехи в этой сфере служат значимым индикатором эффективности деятельности региональной элиты и территориального менеджмента. Перераспределение территориальной ренты в пользу центра не только устраняет региональные власти от действенных механизмов управления, но и лишает их самостоятельности в принятии судьбоносных для территории решений, дистанцируя, таким образом, от поддержки широких слоев местной общественности.

Перераспределение рентных потоков, осуществляемое федеральным центром, происходит на весьма зыбких принципах. Согласно Бюджетному кодексу РФ, межбюджетные трансферты предоставляются в виде дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (расходуются по усмотрению получателя), субвенций (обеспечивают выполнение полномочий, делегированных центром в регионы), субсидий (выделяются на конкретные цели на условиях софинансирования из бюджета региона) и «иных внебюджетных трансфертов». И если условия распределения дотаций ясны и доступны, то большинство субсидий носят узко целевой характер (а их более 180) и практически не поддаются контролю. Предоставление «иных трансфертов» происходит в «ручном» закрытом режиме, дезориентирует региональные власти и не нацеливает региональную элиту на консолидацию усилий – эффективное управление территорией.

Региональная политика в стране должна носить внятный и долговременный характер, стимулируя территории к созданию благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, позволяя получать дополнительные доходы, рассматриваемые как «приятная добавка к бюджету» и служащие механизмом региональной капитализации. Богатство российское должно прирастать богатством российских регионов и их территориальных сообществ. Последние перестановки в региональных структурах власти позволяют надеяться на соответствующую смену векторов в региональной политике – переориентацию от преимущественно отраслевой направленности к территориальной.

Литература

1. Политическая энциклопедия. Т. 1. М., «Мысль», 1999. 752 с.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016, М., 2016. http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm. Дата обращения: 21.02.2017.

3. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с.

4. Лалетин И. Власть, 17.11.2014. http://www.kommersant.ru/doc/2608292. Дата обращения: 28.03.2016.

5. Ермак С., Коваленко А., Перечнева И., Пыжьянова В., Белоусов А., Жога Г., Колбина Л. Эксперт-Урал №1-3, 22.12.2014-18.01.2015.

6. Эксперт-Урал №50, 7-13.12.2015. http://www.acexpert.ru/archive/nomer-50-670/korotko-57.html. Дата обращения: 14.03.2016.

7. Дружинин А. Г., Давыденко Е. И. Рентоориентированная региональная экономика: приоритеты декриминализации. Ростов-на-Дону: Инфо Сервис. 2003. 104 с.

УДК 911.375.635

Н. В. Чугунова, Н. В. Лихневская [1]
N. V. Chugunova, N. V. Likhnevskaya

ЗАНЯТОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДОМИНИРОВАНИЯ АГРОХОЛДИНГОВ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ[2]

EMPLOYMENT OF RURAL POPULATION IN CONDITIONS OF THE DOMINANCE OF AGROHOLDINGS IN THE BELGOROD REGION

Раскрыты роль агрохолдингов в регионе, структура производства сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств, монопольное положение конкретных агрохолдингов в производстве продукции животноводства Белгородской области; показано сокращение рабочих мест в сельской местности области, дано обоснование низкой занятости сельского населения в экономике в условиях доминирования агрохолдингов в сельскохозяйственном производстве; отражены методами картографирования с использованием ГИС-технологий изучаемые в работе процессы.

The article presents the results of research on the value of agricultural holdings in the economy of the Belgorod region, the impacts of large agricultural enterprises in rural space of the region and the livelihoods of the rural population. The results of expeditionary learning of transformation of functions of the village, revealed a radical change in the structure of production of livestock products by types of farms, revealed the reasons for the reduction and leaching of jobs in agriculture of Belgorod region, the substantiation of low rural population employment in social production, marked by the destruction of the traditional agrarian lifestyle.

Ключевые слова: агрохолдинги, сельское хозяйство, производство, сельское население, жизнедеятельность, занятость

Key words: agricultural holdings, agriculture, manufacturing, rural population, livelihoods, employment.

Введение. Роль Белгородской области в производстве сельскохозяйственной продукции в России традиционно существенна: располагая 1,1% населения страны и таким же количеством пахотных земель, область производит 4,3% общероссийского объема продукции сельского хозяйства, в структуре которого доминирует (68 %) высокотехнологичное животноводство [1]. Еже-

[1] **Чугунова Надежда Васильевна**, доцент, кандидат географических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород; **Лихневская Надежда Владимировна**, аспирант кафедры природопользования и земельного кадастра Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород.

[2] **Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №17-03-00092.**

годно область производит 800 тыс. тонн мяса птицы и свыше 700 тыс. тонн свинины (в живом весе). В 2015 году по объему реализации свинины и птицы область занимала первые места среди регионов Российской Федерации, по производству молока – третье место среди областей Центрального федерального округа. На долю белгородских сельхозпредприятий приходится 12% мясного рынка страны и четверть всего объема отечественного индустриального производства свинины и мяса птицы (с учетом переработки) [2]. Доля сельского хозяйства (с охотой и рыболовством) в региональной экономике составляет 20,4% [3]. Созданное за последнее десятилетие динамично развивающееся конкурентоспособное сельскохозяйственное производство обязано своими результатами агрохолдингам и крупным сельскохозяйственным предприятиям. Основными факторами развития агрохолдингов послужили несбалансированность институциональных реформ, недостаточная государственная поддержка сельского хозяйства, необходимость концентрации капитала для уменьшения рисков, потребность улучшения организации производства и совершенствования капитала [4].

Вертикально интегрированные агрохолдинги и крупные сельскохозяйственные предприятия, используя достижения НТР, «экономию от масштаба», применяя индустриальные организацию и производительность труда, способствовали высвобождению занятых и сокращению численности работающих в сельском хозяйстве, вызывая напряженность на рынке труда сельских населенных пунктов. В результате, не замещенная другими видами, сельскохозяйственная занятость привела к возникновению и росту ряда проблем: системной безработице, развитию разных форм отходничества, нестандартной занятости («сельскому фрилансу»), усилению миграций молодежи из села, увеличению числа «мертвых» деревень в староосвоенных районах страны, усугублению проблем социального развития села.

Основными целями нашего исследования стали оценка роли агрохолдингов в структуре производимой продукции животноводства и занятости населения, выявление особенностей жизнедеятельности сельского населения Белгородской области последнего десятилетия.

В работе использованы *методы:* статистические, системно-структурный, пространственно-временного анализа, картографический и ГИС-технологий, учтены работы российских ученых, авторов статьи по исследованию населения и экистики Белгородской области, результаты экспедиционных обследований в её районах, официальные статистические данные по области и ее муниципальным образованиям.

Основные результаты исследования.

Агрохолдинги в Белгородской области. Агрохолдинги, представленные крупными вертикально интегрированными аграрно-промышленными группами, контролирующие сотни тысяч гектаров земли, включающие десятки различных предприятий по производству, переработке, хранению и продвиже-

нию на рынок продуктов питания, т.е. финансирующие и контролирующие всю цепочку создания и реализации продуктов питания от поля или фермы до городского потребителя [5], работают на территории почти всех муниципальных районов Белгородской области. Они оказывают значительное влияние на развитие аграрно-промышленного комплекса и сельское пространство региона – экономику муниципальных образований (МО), рынок труда и мобильность населения, степень устойчивости населенных пунктов. От них зависят многие возможности и ограничения развития сельских территорий, но для их деятельности важны региональные и локальные институциональные факторы [6]. Региональные органы государственной власти Белгородской области, проводя политику стимулирования развития крупных частных корпораций (преимущественно региональных агрохолдингов) и закрепления за ними определенных социальных и экологических обязательств [7], создали оптимальные условия для значительного роста продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте, о чем свидетельствуют данные таблицы распределения производства по категориям хозяйств (таблица).

Таблица. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств (в фактически действовавших ценах)*

Категории хозяйств	2000 г.		2005 г.		2010 г.		2015 г.	
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%
Хозяйства всех категорий	15109	100	32690	100	98100	100	218072	100
Сельскохозяйственные организации	7370	48,8	21939	67,1	81308	82,9	189701	87,0
Хозяйства населения	7319	48,4	9675	29,6	14673	14,9	22141	10,2
Крестьянские (фермерские) хозяйства**	420	2,8	1076	3,3	2119	2,2	6230	2,9

* Таблица составлена по [8, С. 136].

**Включая индивидуальных предпринимателей.

Т. Г. Нефедова отмечает, что современная статистика сельского хозяйства не отражает пространственную экспансию агропромышленных компаний [9], Росстат не ведет учет их численности и результатов производственно-коммерческой деятельности, а оперирует показателями по категориям хозяйств (сельскохозяйственные организации, хозяйства населения, крестьянские (фермерские) хозяйства) без привязки к компаниям. Наши исследования показывают, что доминирующее положение в структуре сельскохозяйственных предприятий Белгородской области занимают вертикально интегрированные крупнейшие сельскохозяйственные организации, которые для целей данной статьи мы будем именовать агрохолдингами, понимая под ними совокупность компаний,

занимающихся производством и реализацией сельскохозяйственной продукции, одна из которых является управляющей, а остальные контролируемые дочерние. Отметим, что в регионе они стали ведущей сельскохозяйственной конструкцией.

В Белгородской области значительные преобразования в сельском хозяйстве начались с 2004 г. [10] – со скупки земельных паев, образования агрохолдингов, интенсификации сельскохозяйственного производства. 2007–2009 гг. отличались интенсивным строительством крупнейших свинокомплексов (каждый мощностью более 10 тыс. т. свинины в год), птицефабрик, комплексов КРС. Строительство новых, расширение действующих предприятий и комплексов осуществлялось все последующие годы и продолжится по планам инвесторов в 2017–2018 гг. [11].

По нашему мнению, региональная политика поддержки крупных предприятий проводилась в ущерб интересам хозяйств населения и фермерства: сокращения пастбищных угодий и кормовой базы для домашних животных, запрета работающим в агрохолдингах жителям держать домашнюю птицу и свиней в своих хозяйствах. В результате, по итогам 2015 г., в хозяйствах населения и фермеров свинина не производилась, производство же птицы на убой составило 0,02% от ее объема в области [12, с. 137–138]). Кроме того, жесткий режим работы (рабочий график) в агрохолдингах не оставлял возможности младшему звену работников заниматься личным подсобным хозяйством. Преобразования в аграрном секторе привели к его радикальному изменению: с 2000 по 2005 гг. производство скота и птицы на убой в крупных сельскохозяйственных предприятиях выросло в 3,5 раза, хозяйствах населения сократилось в 1,5 раза, фермерских хозяйствах упало в 2,2 раза (рассчитано по [12, с. 137–138]). Формирование крупных сельскохозяйственных организаций (агрохолдингов) продолжалось в последующие годы и продукция сельского хозяйства с 2000 по 2015 гг. в стоимостном выражении выросла в 14,4 раза со значительной дифференциацией по типам хозяйств: в категории «сельскохозяйственные организации» – 30 раз, хозяйствах населения – три раза, фермерских – 15 раз. В 2015 г. сельскохозяйственные предприятия производили 87% продукции сельского хозяйства [12, с. 136].

О структуре производства сельскохозяйственной продукции Белгородской области по категориям хозяйств, его концентрации в крупных предприятиях дает представление рисунок (рис. 1).

Но самые радикальные изменения в сельском хозяйстве Белгородской области произошли *в производстве продукции животноводства,* на котором мы остановимся детальнее. В 2015 году всеми категориями хозяйств произведено свыше 1,6 млн. тонн мяса на убой в живом весе (при численности населения в 1,5 млн. чел.), что в восемь раз выше показателя 2005 г. [12, с. 137].

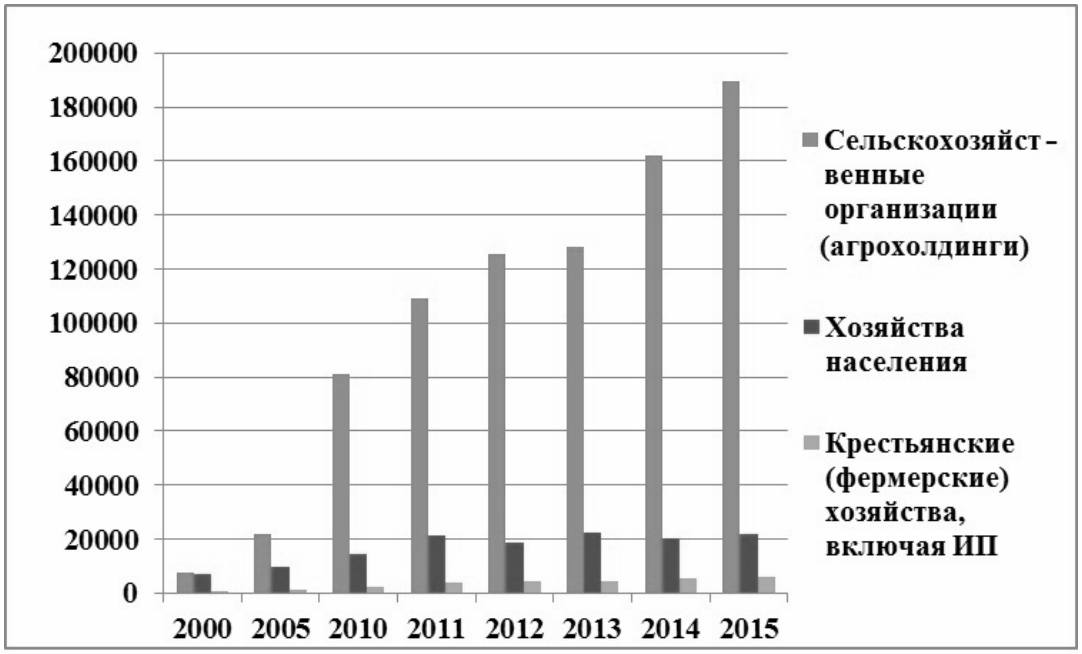


Рис. 1. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств (млн. руб.) (составлено по [12, С. 136–137])

В отраслях животноводства концентрация производства агрохолдингами (сельскохозяйственными предприятиями, по Белгородстату) достигла 98,7% от общего объема [12, с. 139]. Они производят 100% свинины, 100% мяса птицы, 94,5% крупного рогатого скота. И лишь в производстве молока доля сельскохозяйственных организаций составила 70,8%.

Согласно Реестру основных производителей продукции животноводства и птицеводства департамента агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области, на территории области расположено 86 свиноводческих комплексов и 30 птицефабрик. В составе свиноводческих комплексов 33 предприятия производят по 10 и более тыс. тонн свинины в год (рис. 2).

В области работают агрохолдинги двух уровней: федерального (межрегионального), действующие во многих регионах страны, управляющие компании которых зарегистрированы в Москве (АПХ «Мираторг», «ГК «Русагро») и «областного подчинения» с «белгородской пропиской» [13], но географией распространения за ее пределами (ООО ГК «Агро-Белогорье», ЗАО «Приосколье», АПХ «БЭЗРК-Белгранкорм» и др.).

Проводимая Государственная программа по созданию условий для устойчивого развития агропромышленного комплекса Белгородской области, поддерживается из федерального и регионального бюджетов [14]. По данным Т. Г. Нефедовой, в Белгородской области на АПК расходовалось до 18% консолидированного бюджета области, 8% объема общероссийской помощи АПК [15, с. 73].

Аграрно-промышленный холдинг группы компаний «Мираторг» (федеральный уровень) в Белгородской области имеет 19 свиноводческих комплексов, производит 300,6 тыс. т. *свинины на убой* – 41% из произведенных всеми сельскохозяйственными организациями. Основной региональный холдинг области – ООО ГК «Агро-Белогорье», имеющий 16 свиноводческих комплексов с общим поголовьем 834 тыс. свиней и 116 тыс. га сельскохозяйственных угодий, производит 22,6% свинины области (на убой). Доля ОАО «Белгородский бекон» (дочернее предприятие Группы компаний «Русагро») составляет 11,2 %. Три указанных компании в 2014 г. производили 74,8% свинины (на убой) сельскохозяйственными предприятиями.

Производством *мяса птицы* в области занимаются восемь крупнейших сельскохозяйственных организаций.

Лидер по производству мяса птицы в области (и России) – мощное белгородское предприятие – ЗАО «Приосколье» (холдинг) в Новооскольском районе – 55,2% птицы на убой (из восьми организаций) Белгородской области; ООО «БЭЗРК-Белгранкорм» действует в пяти районах на западе области и поставляет 26,7 % птицы на убой. В числе лидеров также ЗАО «Белая птица» – 17,9 % птицы (на убой). Таким образом, три инвестора – ЗАО «Приосколье», ООО «БЭЗРК-Белгранкорм», ЗАО «Белая птица» – концентрируют 99,8 % мяса птицы сельскохозяйственных организаций области (вопросы монопольного положения агрохолдингов-латифундий в Белгородской области в данной статье не обсуждаются).

В производстве *молока* крупных производителей больше, в число которых входят и выше названные предприятия. Иерархический ряд представляют: ГК «Авида», ООО ГК «Зеленая долина», ЗАО «Томмолоко», ООО ГК «Агро-Белогорье», ООО «Белгранкорм», доля которых в валовом производстве молока крупными сельскохозяйственными организациями (инвесторами) достигла 92,9 %.

По данным Реестра основных производителей продукции животноводства и птицеводства департамента агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области (на 02.04. 2015 г.), проекта «Консервация естественных кормовых угодий на территории Белгородской области», а также официального статистического сборника [16, сс. 203, 215], были рассчитаны показатели и построена картосхема пространственного размещения крупнейших животноводческих сельскохозяйственных предприятий (рис. 2).

Есть основания утверждать, что «лицо» (по Н. Н. Баранскому) АПК Белгородской области определяют несколько агрохолдингов разного иерархического уровня.

Агрохолдинги и занятость сельского населения. Роль агрохолдингов в аграрно-промышленном комплексе области, их решающее значение в сельскохозяйственном производстве, продовольственной безопасности – бесспор-

ны, но последствия для пространственной организации сельской местности, жизнедеятельности сельских жителей не столь однозначны.

Рис. 2. Размещение животноводческих комплексов
и птицефабрик Белгородской области
(составлено по: [16, С. 203, 215])

Доминирующее положение крупных агрохолдингов Белгородской области в производстве продукции сельского хозяйства, «использование населением мелких приусадебных участков, нацеленное на простое выживание с небольшой товарной составляющей» [17, с. 7], незначительная роль фермерских (крестьянских) хозяйств – привели к радикальным изменениям в сфере занятости, потере рабочих мест, смене образа жизни сельскими жителями.

Аграрная занятость стала не основной сферой для сельского населения области. По данным Росстата в сельском хозяйстве РФ трудятся 8,0% мужчин и 5,1% женщин [18]. Число всех граждан, связанных с аграрным сектором, российская статистика оценить не позволяет [19]. Данные о числе занятых по агрохолдингам Белгородской области, как мы уже отмечали, статистикой не отражаются.

В Белгородской области значительная часть из 33% (свыше 500 тыс. человек) населения, проживающего в сельской местности, по типу занятости в экономике, образу жизни стало далеким от сельскохозяйственного труда по объективным причинам: закрытия многих сельхозпредприятий, сокращения

объемов их производственной деятельности и, главное – создания гигантов-агрохолдингов и массового сокращения работавших в сельском хозяйстве, перехода на новые технологии – от советской трудозатратной модели к постсоветской трудоэкономной. Сельское хозяйство «расслоилось» (по Т. Г. Нефедовой) на гиганты-агрохолдинги и мелкие семейные фермы и оказалось не замещенным иными видами труда в жизнедеятельности населения сельской местности.

Используя данные Федеральной службы государственной статистики [20], мы рассчитали объем производства продукции сельского хозяйства по МО, классифицировали МО по полученным результатам; на основе паспортов муниципальных образований Белгородской области [21] определили структуру производства животноводства по категориям хозяйств и, на основе полученных данных, построили соответствующую картосхему (рис. 3).

Рис. 3. Производство продукции сельского хозяйства (в хозяйствах всех категорий), млрд. руб., 2015 г. (составлено по [20, сс. 198, 199; 21]).

Полученный рисунок позволяет наглядно отобразить высокую концентрацию производства сельскохозяйственной продукции (68% которой составляет продукция животноводства) в центральных районах области, локализацию в них животноводческих комплексов и птицефабрик агрохолдингов (рис. 2), крайне низкую долю личного подсобного и фермерского хозяйств (соответственно, с низкой долей занятости в них). Наличие на территории центральных районов субмеридиональных железных и автомобильных дорог,

субширотных автомобильных трасс предоставляет агрохолдингам возможности экономить на транспортных расходах вывозимой продукции. Напротив, роль хозяйств населения и фермеров повышена в восточных и юго-восточных районах, где роль агрохолдингов в производстве продукции менее значительна, давление (конкуренция) на иных производителей меньше: в Ровеньском районе 18,2% продукции производят в ЛПХ и 14,7% в КФХ, в Вейделевском – 14,7% и 8,2% соответственно, в то время как в Новооскольском (центральном) – 5,7% и 1,5% [20, с. 199]. Конечно, повышенная доля занятых в подсобных и фермерских хозяйствах на юго-востоке области вызвана и периферийным положением, удаленностью больших городов, сложностью найти работу.

Сокращение числа занятых (работающих) в агрохолдингах явилось закономерным следствием достижений научно-технического прогресса, внедрения новой техники и ресурсо- и трудосберегающих технологий в производство, иной организации труда, высвобождающей избыток рабочих рук в условиях рыночных отношений в России. Определенную роль в сокращении численности занятых в сельской местности сыграли процессы глобализации (мы писали об этом ранее [22]), информационная проницаемость пространства, социально-экономическая неразвитость сельских муниципальных образований, усугубляющих отток населения.

С 2000 г. по 2015 гг., по данным Белгородстата, число занятых в сельском хозяйстве (включая охоту и лесное хозяйство, роль которых в занятости населения мала) уменьшилось на одну пятую часть – с 24,1% до 18,5% (на 32 тыс. чел.) [23, с. 50], но, что примечательно, сокращение работающих в сельском хозяйстве произошло в интервале 2000-2005 гг. – периода возникновения основного числа крупнейших производителей и, безусловно, сократится в перспективе. Число работающих (по данным департамента АПК) на свиноводческих комплексах в 2015 году составляло 9781 чел., на птицефабриках – 16198 чел., т.е. около 26 тыс. человек (данными о занятости на предприятиях КРС не располагаем). Отметим лишь, что по официальным статистическим данным, в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве занято 43, 7 тыс. человек [23, с. 114].

Реальная безработица на селе – значительна; низкие показатели зарегистрированной безработицы слабо отражают существующее положение – наличие скрытой и открытой безработицы в сельской местности, снижающее относительные и абсолютные показатели уровня жизни на селе, привлекательность сельского образа жизни. Сокращение и вымывание рабочих мест в сельском хозяйстве становится устойчивым трендом в большинстве муниципальных районов области и редким исключением становится увеличение занятости в аграрном секторе (например, в свиноводческих комплексах АПХ «Мираторг» в Прохоровском районе, предприятиях АПХ «БЭЗРК-Белгранкорм» в Ивнянском районе). Численность занятых в сельском хозяйстве с 2006 г. уменьшилась в Валуйском районе в пять раз, Старооскольском – 2,6 раза, Губкинском – два раза.

Система управления сельским хозяйством, доминирование крупных сельскохозяйственных организаций в производстве и переработке продукции сельского хозяйства без активного участия в них малых и средних предприятий – привели к разрушению аграрного образа жизни, не смогли обеспечить гарантий занятости экономически активного сельского населения. Производители продукции вне агрохолдингов не выдерживают конкуренции, а новые формы и сферы занятости пока еще малочисленны, что увеличивает безработицу в сельской местности, особенно на территориях удаленных от больших городов.

Наши экспедиционные исследования в муниципальных районах, а также рассчитанная по методологии международной организации труда (МОТ) доля занятых в экономике от общей численности населения (по официальным статданным) – подтверждают выводы о крайне низком уровне занятости и высоком уровне скрытой безработицы на селе. Бюджетная сфера – предпочтительная работа в сельской местности, гарантия занятости работающего в ней населения. К аналогичным выводам приходят исследователи по Тамбовской и Курской областям [24]. Сельскохозяйственное производство, несмотря на проникновение в село элементов третичного сектора, слабую диверсификацию рынков труда – продолжает оставаться центральной сферой занятости сельского населения области (рис. 4).

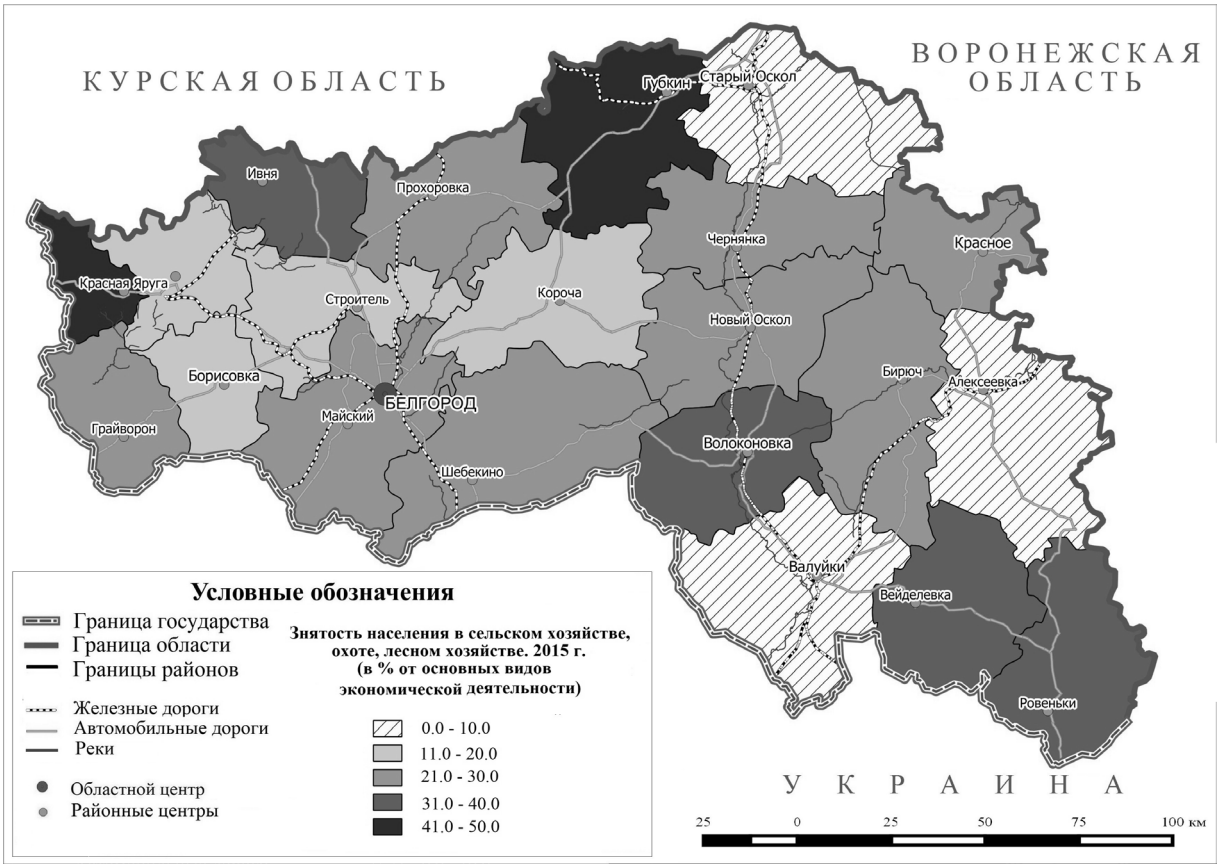


Рис. 4. Дифференциация районов Белгородской области по занятости населения в сельском хозяйстве (охоте, лесном хозяйстве) (рассчитано по [20, сс. 113–114]).

Доля перерабатывающих предприятий на селе мала и не отражается на структуре занятости, аграрная монопрофильность, инфраструктурные и социальные изъяны усиливают отток населения в города, что может привести к тому, что в перспективе вместо избытка мы получим дефицит трудовых ресурсов [25].

В сложившейся ситуации пригородные районы городов (городских округов) Белгорода, Старого Оскола при низкой доле занятых в сельском хозяйстве (от 20 до 8% от числа всех занятых) оказались в лучшей ситуации в результате развития маятниковой миграции, возможностей работать в данных городах. В восточной периферии области проблемы с занятостью сельских жителей значительны, позволяющие говорить о недопустимо низком ее уровне: расчеты по методологии МОТ показали, что численность работающих (без малого предпринимательства) составляет от 18% в Волоконовском до 25% в Валуйском (рассчитано по [20]).

В селах области развиваются маятниковые миграции и разные формы отходничества (на сезон строительных работ, «вахтовый» метод) без смены постоянного места жительства. Наши предыдущие исследования [22] показали, что доля работающих за пределами своего населенного пункта доходит до двух третьих от числа занятых. Население вынуждено переходить на полунатуральное личное хозяйство или принять активное участие в миграционных процессах, становиться вынужденными трудовыми и маятниковыми мигрантами в поисках работы, источников средств к существованию, прибегнуть к отходничеству, как особому виду трудовой миграции.

Отходничество в малых городах и селах (преимущественно глубинных районов) становится массовой моделью жизнеобеспечения людей, аналогичной старому отходничеству, исчезнувшему в нашей стране в 30-е гг. XX в. Отходники – современные российские внутренние возвратные трудовые мигранты из малых городов и сельской местности в промышленно развитые регионы, региональные столицы, Москву, «севера» [26] с временным или сезонным характером миграции, возвратностью к постоянному месту жительства. Но появились важные причины и мотивы отхода и отхожей трудовой деятельности: первоначально – это необходимость денежного дохода при отсутствии его источников на месте; позже, потребность в повышении благосостояния семьи, стремлении дать детям образование. Но важнейший признак – это инициативный и самодеятельный характер такой трудовой миграции. Демографические, социальные, экономические и политические следствия отходничества могут стать темами специальных научных исследований.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости формирования иной модели аграрной политики России: обеспечение населения продуктами питания выполнимо монополистами–агрохолдингами, но для сохранения каркаса сельского расселения, повышения занятости и качества жизни нужен иной вариант развития территорий – создание новых рабочих мест, дивер-

сификация сельской экономики (включая строительство дорог, сохранение малокомплектных школ, детсадов, роддомов). Но в России активно развивают только мегаагрохолдинги и субсидии, кредиты предоставляются крупным сельхозпредприятиям [27].

Должны отметить, что в области, наряду с поддержкой индустриального сельскохозяйственного производства, действует серия региональных программ, наиболее значительной из которых стала Программа (с 2007 г.) «Семейные фермы Белогорья», позволяющая получить гранты на развитие семейного бизнеса, частично компенсировавшая рабочие места в аграрном секторе, но не снявшая остроты проблемы.

Выводы. Крупные сельскохозяйственные предприятия, ядро которых представлено агрохолдингами, являются основными производителями сельскохозяйственной продукции в Белгородской области. Роль фермерских (крестьянских) хозяйств в общем объеме основных видов продукции сельского хозяйства незначительна, хозяйств населения мала.

В стране отсутствует системный подход к развитию села, сельской местности, а агрохолдинги в значительной степени определяют возможности и ограничения развития сельских территорий, жизнедеятельность сельского населения, потенциал уровня и качества жизни, перспективы развития многих населенных пунктов.

Основа жизнедеятельности сельского населения – сельское хозяйство как центральная функция села – теряет свое значение и эта тенденция сохранится в будущем. Меняется образ жизни населения, уходит в прошлое традиционное подсобное хозяйство в качестве источника средств к существованию.

По нашему мнению, Белгородской области необходимы: снижение монопольного положения ряда агрохолдингов в производстве и переработке сельскохозяйственной продукции; расширение многоукладности и разнообразия форм собственности на сельских территориях; комбинация крупного производства с малыми и мелкими типами производства; содействие развитию третичного сектора как оснований расширения сфер занятости населения; предвидение следствий факторов и результатов отходничества для общественной жизни.

Литература

1. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2011–2015 гг.). Стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2016. 284 с.

2. В **7** раз увеличилось производство мяса в Белгородской области за десятилетие [Электронный ресурс]. Режим доступа http://belgorod.meatinfo.ru/news/v-7-raz-uvelichilos-proizvodstvo-myasa-362347. (дата обращения: 12.12.2016 г.).

3. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости Белгородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belg.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/belg/ru/statistics/grp. (дата обращения: 13.01.2017 г.).

4. Нефедова Т. Г. Отходничество из сельской местности и дачное расселение горожан в условиях кризиса и модернизации сельского хозяйства России / Факторы и стратегии регионального развития в меняющемся геополитическом и геоэкономическом контексте // Материалы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Грозный 20–25 сентября 2016 г. Ростов-на Дону-Грозный. 2016. С. 389–395.

5. Юшин И. В. Роль агрохолдингов в обеспечении продовольственной безопасности Московского мегаполиса [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://thsp.ru/issues/issue0107/010706.htm. (дата обращения: 20.10.2016 г.).

6. Нефедова Т. Г. Агропромышленная концентрация в российских регионах // Эко. 2014. № 4. С. 64–82.

7. Фадеева О. П. Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области). // Регион: экономика и социология. 2012. № 4 (76). С. 139–160.

8. Белгородская область в цифрах. Краткий стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2015. 278 с.

9. Нефедова Т. Г. Агропромышленная концентрация в российских регионах // Эко. 2014. № 4. С. 64–82.

10. В **7** раз увеличилось производство мяса в Белгородской области за десятилетие [Электронный ресурс]. Режим доступа http://belgorod.meatinfo.ru/news/v-7-raz-uvelichilos-proizvodstvo-myasa-362347. (дата обращения: 12.10.2016 г.).

11. Паспорт Белгородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-bel/- /asset_publisher/Ez0NRjkfNHsl/content/id/60218.

12. Белгородская область в цифрах. 2015. Крат. стат. сб. Белгород: Белгородстат. 278 с.

13. Фадеева О. П. Социально-экономический потенциал сельской многоукладности (на примере Белгородской области) // Регион: экономика и социология. 2012 . № 4 (76). С. 139–160.

14. Экономика и финансы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belapk.ru/ekonomika_i_finansy. (дата обращения: 04.11.2016 г.).

15. Нефедова Т. Г. Агропромышленная концентрация в российских регионах // Эко. 2014. № 4. С. 64–82.

16. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2011–2015 гг.). Белгород: Белгородстат. 2016. 284 с.

17. Нефедова Т. Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 3. С. 7–23.

18. Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. Росстат. Т. 78. М., 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf.

19. Аверкиева К. В., Землянский Д. Ю. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 75–81.

20. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2011–2015 гг.). Белгород: Белгородстат, 2016. 284 с.

21. Федеральная служба государственной статистики. Паспорта муниципальных образований [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst14/DBInet.cgi. (дата обращения: 14.02.2017 г.).

22. Чугунова Н. В., Игнатенко С. А., Комкова А. И., Романов И. В. Социальные трансформации сельской местности в условиях глобализации // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов-на-Дону. 2016. № 5. С. 120–130.

23. Белгородская область в цифрах. Краткий стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2015. 278 с.

24. Аверкиева К. В., Землянский Д. Ю. Структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. № 2. С. 75–81.

25. Лисецкий Ф. Н., Чугунова Н. В. Расселение населения муниципальных образований Белгородской области как основной фактор в реализации концепции «Район-Парк» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 1 (172). Выпуск 29/1. С. 46–55.

26. Плюснин Ю. М., Позаненко А. А., Жидкевич Н. Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2015/0641/analit01.php. (дата обращения: 10.02.2017 г.).

27. Бабкин К. Интервью информационно-аналитическому агентству НаканунеRU. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nakanune.ru/articles/111387/ (дата обращения: 08.02.2017 г.).

УДК 504.03

К. Ш. Шагжиев, С. Б. Жигмитова[1]
K. Sh. Shagzhiev, S. B. Zhigmitova

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИМПЕРАТИВА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

THE NATURE USE OF LOCAL COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE IMPERATIVE OF SUSTAINABLE HUMAN DEVELOPMENT

Акцентирована необходимость адаптивного природопользования, учитывающего природно-хозяйственный контекст и интересы локальных (в том числе этнических) сообществ.

They stressed the need for adaptive environmental management, taking into account the natural-economic context and local interests (including ethnic) communities.

Ключевые слова: природопользование, устойчивое развитие, жизнеобеспечение.

Key words: environmental management, sustainable development, live-support.

Линейный рост производительных сил, основанный на интенсивном наращивании их массы, при растущей численности населения и его урбанизации, породил угрозу необратимого разрушения потенциала биосферы [1, 2, 3]. Принцип обеспечения растущих материальных и духовных потребностей населения за счет наращивания массы изымаемых из природной среды ресурсов

[1] **Шагжиев Карл Шагжиевич**, доктор географических наук, профессор, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ; **Жигмитова Сэсэг Батуевна**, Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ.

и усиления интенсивности преобразования природной среды – изжил себя; назрела необходимость научного поиска выхода из глобального кризиса. Ответом на этот вызов должны стать ноосферные положения природопользования, на которые столь упорно и неоднократно обращал внимание Б. М. Ишмуратов [4]. Первым и обязательным положением, общей задачей всего человечества, становится не только сохранение биосферы Земли в работоспособном (т.е. животворящем) состоянии, но и искусственное, целенаправленное поддержание ее функционально-компонентной структуры. Примерно так рассматривалась эта проблема на Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. [5]. Основой устойчивого развития человечества в эпоху обострения глобальной экологической ситуации может служить стабилизация совокупной массы производительных сил и повышение эффективности использования потребляемых ресурсов.

Стабилизация массы производительных сил предполагает снижение объемов изымаемых у природы предметов труда и потребления, снижение массы орудий производства при одновременном повышении их производительности и регулярной перемены, обновление их состава и назначения в зависимости от потребностей общества, постепенное сокращение массы живого труда. Общая эффективность составляющих элементов производительных сил по мере расширения информатизации, реализации достижений НТП и устранения многочисленных, имеющих место в различных регионах препятствий для социально-экономического прогресса, способна возрастать беспредельно.

Реализация этого положения будет способствовать:

– прекращению лавинообразного нарастания разрушения биосферы и образующих её экологических систем;

– расширению возможностей самовосстановления природных систем;

– снижению разрушительных воздействий производств;

– переходу к многократному (повторному) использованию первичного и вторичного сырья.

Принципиальным является положение, определяющее политику ресурсосбережения, соответствия специализации и состава природопользования ландшафтно-зональной организованности. По существу, этот принцип является методологической основой сохранения устойчивости, спонтанного обеспечения фундаментальных функций биосферы как окружающей среды человека. Он исходит из понимания того, что ландшафтно-зональная самоорганизация природы земной поверхности – суть высшая, наиболее оптимальная форма устойчивого, взаимообусловленного функционирования всех компонентов географической оболочки. Направляемое и организуемое человеком существование этих компонентов должно планомерно стремиться к ландшафтно-зональным соотношениям и соответствиям элементов биосферы, к лучшему из возможных образцов их взаимодействия, как наиболее устойчивой форме объединения и интеграции разнообразных изменений и превращений,

вносимых производством и бытом людей в окружающую природу. Планомерное формирование и восстановление ландшафтно-зональных параметров и структуры биосферы облегчит и сократит путь возрождения природных комплексов в ходе спонтанной организации природы.

Это принципиальное положение основывается на естественном единстве и взаимодействии большей части природных резервуаров и потоков («природа не знает департаментов»), на учете ландшафтно-экологической целостности территории как ресурсного бассейна, а также на правиле интегрального ресурса. Многие нарушения в природопользовании обусловлены тем, что освоение того или иного ресурса на данной территории не учитывает его взаимосвязей с другими элементами природного комплекса [6]. Отсюда исходит потребность в комплексном территориальном подходе к программированию природопользования, учитывающему экологическую емкость той или иной территории, экологическую техноемкость, т.е. максимальную техногенную нагрузку (в виде изъятия ресурсов и загрязнения среды), которую может переносить длительное время совокупность реципиентов и природных систем территории без нарушения их структурных и функциональных свойств. Это отвечает концепции сбалансированного природопользования [7]. В функциональной структуре управления природными ресурсами это должно найти отражение в виде подразделения, ведающего оптимальным размещением структуры пользования природными ресурсами. Реализация указанных принципиальных положений в глобальных, региональных и местных стратегиях природопользования обеспечит ослабление нагрузки на биосферу и сохранение ее экологических структур, достаточность природных ресурсов, гарантированность устойчивого развития социально-экономических систем определенных территорий. Эта актуальная мироцивилизационная задача, решение которой невозможно без единого информационного устройства новых поколений технологий, равной их доступности, без возможности концентрации интеллектуальных, технических, материальных и финансовых ресурсов на ключевых звеньях управления и мелиорации экосистем.

Обеспечение устойчивого развития предполагает, по мнению Г. А. Приваловской и И. Н. Волковой [8], стабилизацию ресурсообеспеченности в расчете на душу населения, создание заменителей невозобновимых и исчерпаемых ресурсов и перераспределение доходов общества в пользу депрессивных районов. Тем самым устойчивость развития общества ставится в зависимость от устойчивости природопользования, а сама проблема приобретает черты экологической. Отсюда становится ясной и проблема противоречивости природопользования: биосфера считается регулятором состояния окружающей среды, а экономика дестабилизирует среду при росте или в период кризисов; это противоречие, по мнению указанных авторов, характеризует взаимодействие природы и общества на всех территориальных уровнях.

Антитезой устойчивому развитию признается неминуемая социально-экологическая катастрофа, ведущая к ослаблению жизнеобеспеченности и даже снижению общей численности населения на Земле. Так, С. М. Мягков [9] основными причинами грозящей экологической катастрофы считает истощение природных ресурсов и соответствующие сокращения объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, вырождение населения вследствие недоедания, распространение болезней, вызываемых плохим качеством воды и загрязнением среды, а также потерей регенеративной способности биосферы. Выходом из такой ситуации считается ограничение численности населения «золотым миллиардом» и расширение доли «спонтанной» природы в площади ойкумены до 70%. Решающим условием достижения устойчивости развития С. М. Мягков считает отказ от принципов и установок либерально-рыночной экономики (с ее концепцией «экономического роста») с постепенным переходом на этноэкологические модели природопользования доиндустриального типа (острова спасения).

Развертывание глобализации производства, информатики, культуры человечества – несомненный факт; этот процесс протекает сложно, противоречиво, далеко не без ошибок и изъянов. При всей объективности, ориентации на лучшие формы организации хозяйства, культуры и социальной практики, этот процесс, к сожалению, не исключает пренебрежения традициями, местными различиями, не всегда учитывает различия скорости «врастания» нового в обыденное, то есть отрывается от медленно идущей смены культурно-духовных, этнопсихологических и даже хозяйственно-технологических «инфраструктур» различных народов. Разумеется, этими противоречиями глобализации можно и нужно управлять, искать компромиссы, но пренебрегать необходимостью обеспечения социальной и культурной устойчивости локальных (региональных) обществ или геосоциальных систем – нельзя. А эта сторона устойчивости развития человечества пока еще совершенно не прорабатывается.

В ходе этой работы совершенно недопустимы крайности в оценке современной ситуации. Только вред приносит начавшийся некоторое время тому назад настоящий шантаж человечества угрозой неминуемой исчерпаемости природных ресурсов. Этот довод представляется слишком однобоким и прямолинейным: если ежегодно растет потребление металлов, топлива, руд, леса, значит скоро наступит истощение их запасов. Иные и космическую эру связывают лишь с подготовкой к началу использования ресурсов окружающих небесных тел. Ан нет! Алармисты не видят, что на единицу полезного эффекта с каждым шагом прогресса тратится меньше исходного сырья, а потому их запасов становится не меньше, а больше! Этот парадокс им не по силам, но без учета таких парадоксов нет никакого будущего. Да и сама концепция экономического роста вовсе не вечно будет опираться на экстенсивный рост ресурсопотребления. Совершенствование органического строения производительных сил и другие принципы ноосферного природопользования позволяют рас-

тянуть период обеспеченного или устойчивого развития (при стабилизации численности населения естественным образом) на неопределенно большой ряд веков.

В глобальной проблеме выживания человечества важное место занимают проблемы жизнеобеспечения населения. Жизнеобеспечение – ключевое понятие программ устойчивого развитая, основное методологическое средство исследования важных сторон природопользования, сложившегося в том или ином регионе.

Жизнеобеспечение – совокупность хозяйственных и иных материально-технических действий, направленных на достижение стабильного производства данной территориальной общности людей. Основными факторами жизнеобеспечения выступают производство и сбор необходимых продуктов питания, сырья для приготовления одежды; топлива, жилищ в рамках существующих, ставших традиционными алгоритмов или стереотипов использования доступных природных предметов труда и естественных урочищ с их спонтанной ресурсной базой в максимально необходимой степени. Разумеется, вести речь о возможности полной автаркии, независимости от предметов личного, бытового или даже производственного потребления промышленного происхождения, покупаемых за счет доходов от своего труда и обмениваемых на продукты местного изготовления, в настоящее время было бы утопией, – по крайней мере, на территории Российской Федерации столь отсталых и замкнутых общин нет.

Структура территориального (регионального и тем более локального) хозяйственно-экономического комплекса не может не изменяться в зависимости от уровня развития производительных сил общества и интенсивности участия данной общности в национальной и даже мировой системе потоков информации и в системе общественного разделения труда через общее и профессиональное образование, выполнение конституционных обязанностей, торговлю, близость или удаленность городов и других факторов. Влияние иных из них на данной стадии исследования закономерностей воспроизводства и функционирования территориальных общностей людей (общин) или трудно определимо, или заведомо незначительно (универсально). Однако введение их в круг внимания научных работников разного профиля – не только право, но и долг географов.

Для выполнения таких исследований мы считаем необходимым ограничиться выделением главного звена этой системы факторов, к которому приспосабливаются все остальные, – природопользование в его исконном, изначальном понимании как кормление землей, заимствование у кормящего ландшафта земли всего необходимого для жизни, содействие сохранению и восстановлению ее живородной силы. Именно такое природопользование, на наш взгляд, в наибольшей мере соответствует представлению о рациональном рачительном освоении богатств природы; именно оно в наибольшей мере

обеспечивает плодотворное сочетание природопользовательных и приспособительных к ней форм пользования ее богатствами.

Трактовка природопользования остается, к сожалению, слишком абстрактной, незначительной модификацией традиционного понимания «взаимодействия природы и общества». Суть же природопользования состоит в формировании специфического стереотипа или, лучше сказать, алгоритма общественного коллективного поведения в специфическом ландшафте, а это требует углубления понимания местного природно-ресурсного потенциала, режимов и ритмов воспроизводства его компонентов, отбора и накопления приемов оценки и оптимального деления его на хозяйственные угодья, совершенствования технологии использования этих угодий, включая распределение имеющегося трудового потенциала по видам работ и сезонам года, приемов сбора, переработки продукции, в совокупности обеспечивающих сохранение жизнеспособности соответствующей общины, ее воспроизводство и устойчивое развитие. Продукт, итог реализации и функционирования алгоритма указанного оптимального поведения в данной окружающей среде, или, проще говоря, хозяйствование в ней, образует геосоциальную систему низшего уровня, а на высших социальных уровнях возможно формирование или «вызревание» этносов и национально политических объединений разного типа. В первую очередь это относится к такому вымирающему этносу как буряты, в наибольшей степени испытывающему на себе влияние Востока и Запада в силу своего географического положения.

Формирование такого рода стереотипов или алгоритмов есть сложный социально-географический процесс, основное содержание так называемого регионального (географического) природопользования. Понятийно-терминологические средства исследования региональных алгоритмов, изменяясь вместе с научно-техническим прогрессом, в каких-то чертах должны оставаться стабильными, разрешая «сквозные» подходы и сравнения. Определение же необходимости изменения самих алгоритмов и темпов необходимых изменений и составляет содержание так называемых региональных проблем. Крупными самостоятельными гранями проблемы рационализации природопользования следует признать необходимость углубления теоретико-познавательных основ природопользования как интегральной формы общественно-исторической практики, цивилизационно- культурологическую интерпретацию его содержания и его результатов, связь с формами самоорганизации общества, воздействие схем природопользования на смену форм управления, его связь с хозяйственно-экономическим механизмом, влияние на структуру и содержание планирования и т.д. Очень важна проблема “пределов” преобразования природы (а не ее тел!), включая соотношение антропогенного пресса с зонально-ландшафтными комплексами как образцом, с одной стороны, и итогом природопользования, – с другой.

Противостояние человека с природой, ее ограниченность эпической связи – стабильностью (она всегда остается равной себе) – вечны, а возможность абсолютной или вечной абстрактной гармонии с нею – иллюзия, утопия. Задача состоит в ликвидации ставших одиозно-неэффективными или опасными с точки зрения «науки» методов и технологий производства, в вечном обновлении, перетряхивании, регионализации этих методов и технологий, в формировании больших геотехноценотических систем на определенный, совпадающий с прогнозом развития экосистем, срок.

Природопользование в последние десятилетия стало важным социометрическим критерием, мощным социообразующим, социоорганизующим глобальным фактором. Как Великие географические открытия прошлых веков привели к формированию современных транспортно-коммуникационных сетей и системы общественного разделения труда, так и современное природопользование во все большей мере становится полигоном ускорения научно-технического прогресса, средством модернизации общественных структур и даже идеалов человечества.

Опыт развития ойкумены (постепенного расселения и освоения остававшихся “до того” необжитыми территорий) со всей определенностью свидетельствует о переходе из лучших, наиболее благоприятных районов – в менее, а в конечном итоге – и в районы с экстремальными природными условиями. Такие места еще сохраняются во всех географических зонах суши. Разумеется, освоение все более худших земель – необходимость, порождаемая демографической перегруженностью лучших территорий, нехваткой продовольствия, питьевой воды, энергетических ресурсов и экологических благ в «старых районах», которые, кстати говоря, приобретают шансы на получение повышенного дохода дифференциальной ренты, которая должна отчасти использоваться для освоения новых регионов.

Отмечая существование противоречий между глобальными интересами человечества в сохранении наиболее важных для функционирования биосферы территорий в их естественном состоянии (тайга, влажные тропические леса Амазонии – в первую очередь) и более узкими и конъюнктурными интересами отдельных стран, обладающих такими территориями, Д. Б. Пришкольник [10] приводит в пример латиноамериканские страны, считающие освоение новых земель исключительно своей прерогативой, а возражения против уничтожения в своих районах влажно-тропической растительности расценивают как вмешательство во внутренние дела. Нарастание противоречий между международным сообществом, начинающим искать общие подходы к сохранению биосферы, и национальной юрисдикцией над территориями – к концу 20 века становится характерной чертой политики.

В рамках оценки социологизирующей роли природопользования, особо необходимо подчеркнуть важную гуманитарную функции так называемого этнического природопользования. В самом деле, воспроизводство многих

этносов обеспечивается совокупностью специфических приемов приспособления к окружающей среде (тропические леса, тайга, тундра, острова, степь и некоторые другие ландшафты). Однако этническая, как и в целом адаптивные формы природопользования, обеспечивает только физическое воспроизводство этносов и не может заменить позитив научно-технического прогресса в производстве необходимых продуктов. Пополнение этнического алгоритма природопользования приемами промышленно-преобразовательного характера разрушает его, ставит под угрозу выживание и сохранение самого этноса, хотя и расширяет возможности развития этноса уже в общецивилизационных, общекультурных условиях с помощью передачи языка, обычаев, навыков хозяйственной деятельности и преданий чисто информационным путем, а не практикой повседневности совместной жизни в природе старших и младших членов общины. На этой стадии этнос какое-то время сохраняется в качестве национального меньшинства, практически оказываясь обреченным на ассимиляцию и вырождение. Сохранение этнических приемов хозяйствования и опыта адаптации к среде, языка, культуры, фольклора и прочего – становится одной из важных задач макрокультуры, в пределах определенной цивилизации, а затем –даже культурной истории человечества. Преувеличение достоинств этнических форм природопользования, характерное, например, для С.М.Мягкова и др.[9], связано с идеализацией адаптивной стадии формирования этноса, неизбежно преодолеваемой им по мере накопления преобразовательно-промышленных технологий и участия в общественном разделении труда. В то же время, нельзя игнорировать объективные факты становления и в условиях индустриальной эпохи – системы стереотипов оптимального поведения в среде в рамках территориально- производственных комплексов на полиэтнической, в виде общего правила, основе, хотя процесс выработки такого комплекса поведений взглядов и опыта в эту эпоху просто не успевает привести к формированию нового этноса: динамизм истории общества опирается уже на другие факторы (помимо биогеографического процесса этногенеза). Теперь темпы развития общества зависят больше от применения достижений фундаментальных наук и техники.

Потеря соответствия между этносом и ландшафтом признается Л.Н. Гумилевым одной из заключительных фаз существования (истории) этноса. Таких потерь, по мере ускорения неконтролируемого, неуправляемого техногенеза, становится все больше и больше; при этом все большее число этносов (как развитых, так и еще продолжающих вести "традиционный образ жизни") испытывает их не в качестве результата естественной фазы собственного развития, а в качестве объекта (жертвы) ряда глобальных технических процессов, в результате действия которых они доводятся до состояния субстрата для какой-то новой, еще неведомой стадии глобализации этногенеза.

Подытоживая изложенный материал, следует констатировать:

– обеспечение устойчивого развития человечества на основе новейших принципов природопользования не терпит промедления; их внедрение способно обеспечить удовлетворение материально-энергетических потребностей человечества с одновременным сохранением фундаментальной структуры природных зон и ландшафтов на земле; методологической основой формулировки новых принципов природопользования должна стать концепция ноосферы В. И. Вернадского; адаптация этой концепции к современной промышленно-технической и экологической ситуации – первоочередная проблема науки;

– проблематика взаимного согласования экономического роста, сохранения биосферы, биологического многообразия экосистем и природопользования в неявной форме уже включена в повестку XXI века, а в науке еще до сих пор нет какой-либо систематизированной программы необходимых исследований;

– для осуществления социально-экономических программ обновления технологических парадигм, также более сложных процессов социо-культурного, социально-политического характера – наиболее привлекательным полигоном представляется регион озера Байкал; он может служить идеальным объектом исследования столкновения последствий противоположно направленных процессов экономического роста на основе расширения масштабов природопользования, с одной стороны, и резких, порой непредсказуемых изменений экологической ситуации в пределах его территории, с другой.

Литература

1. Горшков С. П. Неустойчивая биосфера и устойчивое развитие [Текст] / С. П. Горшков // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 5, Геогр. 1998. № 1. С. 3–9.

2. Менеджмент туризма: Туризм и отраслевые системы[Текст] : учебник / И. В. Зорин [и др.]. М.: Финансы и статистика, 2002. 272 с.

3. Мей-Ван-Хо Естественное бытие и гармоническое общество [Текст] / Мей-Ван-Хо // Природа. 1993. № 3. С. 76–82.

4. Ишмуратов Б. М. Основные географические принципы и меры действий по рационализации регионального природопользования [Текст] / Б. М. Ишмуратов // Стратегия устойчивого развития Байкальского региона. Улан-Удэ, 1998. С. 20–32.

5. Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию [Текст] :Информ. обзор (Рио-де-Жанейро, июнь 1992). / В. А. Коптюг. Новосибирск, 1992. 62 с.

6. Акимова Т. А. Основы экоразвития[Текст] / Т. А. Акимова, С. М. Коновалов, В. В. Хаскин. М., 1994. 312 с.

7. Моисеенкова (Акимова) Т. А. О структуре государственных органов управления природоохранной деятельности [Текст] / Т. А. Моисеенкова (Акимова) // Эколог. вестн. Подмосковья. 1993. Вып. 1. С. 19–25.

8. Приваловская Г. А. Эколого-географические противоречия природопользования [Текст] / Г. А. Приваловская, И. Н. Волкова // Изв. Рос. акад. наук. Сер. Геогр. 1997. № 1. С. 19–28.

9. Мягков С. М. Социально-экономическая устойчивость территориальных хозяйственных комплексов[Текст] / С. М. Мягков // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 5, Геогр. 1996. № 2. С. 3–11.

10. Пришкольник Д. Б. Освоение территорий с экстремальными природными условиями [Текст] / Д. Б. Пришкольник // Изв. АН. Сер. Геогр. 1998. № 1. С. 78–89.

УДК 911.3:332

Н. В. Яковенко[1]
N. V. Yakovenko

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЕПРЕССИВНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

ASSESSMENT OF THE LEVEL OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF DEPRESSED REGION MUNICIPALITIES (ON THE EXAMPLE OF IVANOVO REGION)

Определены базисные параметры и классификационные признаки территориального районирования и типологии муниципальных районов Ивановской области. Проведена интегральная оценка и ранжирование важнейших факторов социально-экономического развития муниципальных районов.

The system of basic characteristics and classification criteria of territorial zoning and grouping of municipal districts of the Ivanovo region is allocated. The author carried out the integral assessment and ranking of the most important factors of socio-economic development of the municipal districts.

Ключевые слова: депрессивный регион, социально-экономическое развитие, диагностика, Ивановская область, кластер.

Key words: depressed region, socio-economic development, diagnostics, Ivanovo region, cluster.

Введение. В экономической, регионоведческой и экономико-географической литературе всё более возрастает интерес к исследованию развития и диагностики социально-экономического развития депрессивных региональных социально-экономических систем в современной России. Это обусловлено попыткой преодоления регионами последствий кризисной социально-экономической ситуации, выход из которой в депрессивных регионах наиболее затруднен. Достаточно обоснованным является тот факт, что для исследования территориальных социально-экономических систем необходимо совершенствование и дополнительная разработка индикаторов для диагностики социально-экономического развития депрессивного региона.

[1] **Яковенко Наталия Владимировна**, доктор географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета, г. Воронеж.

Теория. Теоретическую и методическую базу предлагаемого исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области концепций и теорий трансформируемой экономики, типологических моделей структурирования государственного пространства, а также разработки авторов, в которых рассматриваются вопросы пространственного развития депрессивных территорий: процессы формирования и развития региона (М. К. Бандман, В. Е. Шувалов, В. И. Клисторин, В. В. Кулешов, А. С. Новоселов, Ю. В. Поросенков, В. Е. Селиверстов, С. А. Суспицин, М. Д, Шарыгин и мн. др.); территориальные социально-экономические системы и территориальные структуры (А. И. Алексеев, Н. Н. Баранский, П. Я. Бакланов, П. А. Минакир, Ю. Г. Саушкин, А. А. Ткаченко, Ю. Д. Шмидт и мн. др.); системные аспекты асимметрологии (Ю. Н. Гладкий, Н. А. Ермакова, А. Т. Калоева, А. И. Чистобаев, Е. В. Горшенина, А. И. Зырянов и мн. др.); современная концепция устойчивого регионального развития (Е. Н. Бабина, А. Г. Гранберг, А. О. Скопин, Э. Б. Теуважуков и мн. др.); понятие депрессии, депрессивной территории (В. Н. Лексин, Б. Д. Бабаев, А. Г. Гранберг, И. Д. Тургель, А. И. Трейвиш и др.); динамика социально-экономических систем (И. К. Киселев, М. А. Кнеферов, Е. А. Куклина, В. П. Самарина, Н. А. Санковец, А. А. Широв, А. А. Янтовский и мн. др.); региональные исследования Ивановской области (А. В. Перов, О. В. Гонова, В. К. Ивенин, М. Б. Ермолаев, А. А. Миролюбова и др., а также собственные исследования автора) [1]; кроме того, прикладные исследования широкого спектра проблем социально-экономического развития зарубежных регионов, особенности межрегиональных отношений, развития проблемных и депрессивных регионов (Gouzee N., Mazijn B., Billharz S., Freemann E. [2], Perez C. [3], Gregory P. P., Stuart R. S. [4], Hitchas D. M., Wagner K. [5], Krugman P. [6], Krumme G. [7], Malmber A., Maskell P. [8], Mankiw G. W., Romer D., Weil D. N. [9], Parker, Randall E.[10], Sobocki P., Jonsson B., Angst J., Rehnberg C. [11]).

Регионы Российской Федерации отличаются своеобразием природно-географических, производственно-экономических, социально-демографических условий, имеют исторически сложившуюся систему расселения, занимают определенное место в национальном хозяйственном комплексе и, поэтому, могут быть типизированы по уровню социально-экономического развития. На основе системно-критического анализа научных трактовок базовой в социально-экономической географии категории «регион», а затем путем синтеза ключевых подходов было дано его обобщённое определение, в соответствии с которым – это обособленная в административно-территориальном отношении территория, обладающая определённым набором природных, социально-экономических, экологических, инфраструктурных и культурно-исторических характеристик. Анализ научных подходов в отношении категории «депрессивный регион» выявил, что в современной социально-экономической географии до сих пор не существует единого унифицированного определения.

Для оценки социально-экономической ситуации в депрессивных регионах используются и различные интервалы времени, и достаточно широкий набор индикаторов. В связи с этим научные результаты исследователей различаются в определении группы депрессивных регионов, хотя и имеются некоторые совпадения.

На современном этапе развития экономики России наблюдаются колоссальные территориальные диспропорции в социально-экономическом развитии регионов, которые приводят к проявлению кризисного и стагнационного их состояния. Таким образом, депрессивные регионы можно представить как типологическую группу (которая может периодически численно увеличиваться, а периодически быть небольшой), имеющую наиболее характерные признаки: острый кризис в отраслях экономики, наблюдается рост социально-экономической неустойчивости, запаздывание для вхождения в фазу роста. Именно эти черты способствуют тому, что депрессивный регион находится в длительном по времени социально-экономическом отставании от наиболее развитых регионов и центров хозяйственной активизации государства[1].

Учитывая специфику социально-экономических условий России в пореформенный период, предполагаем, что выделение депрессивных регионов должно осуществляться с учетом важнейших универсальных признаков депрессивности, которые были бы безотносительны и к объекту проводимого исследования, и к его временному аспекту (рис. 1).

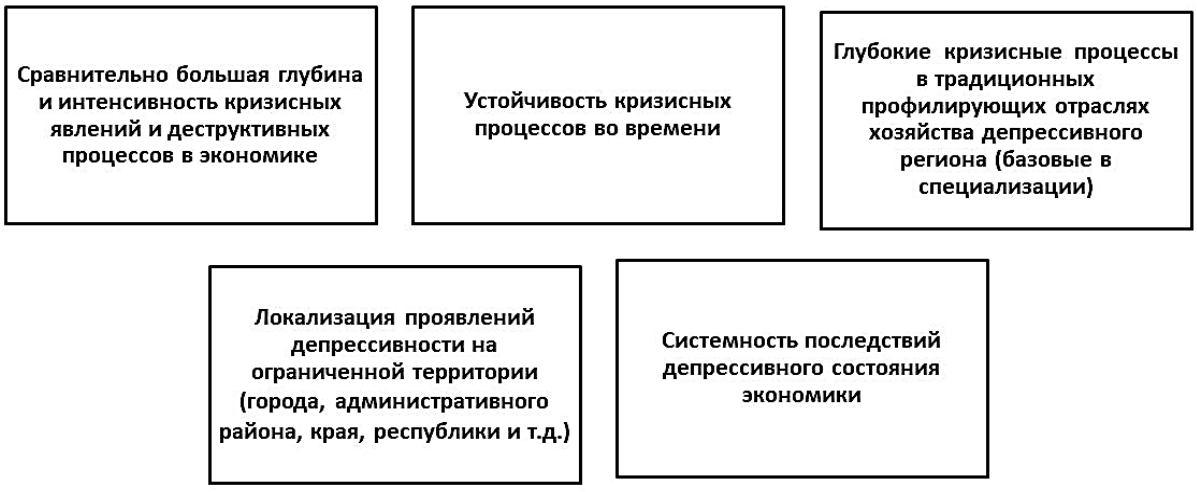


Рис. 1 Универсальные (типичные) признаки депрессивных регионов

Депрессивные территории России в большей мере пострадали от разрыва прежних социально-экономических связей, из-за отказа государства от централизованного финансирования, значительного увеличения импор-

та, который вытесняет собственного производителя. Наиболее характерными чертами депрессивности регионов является глубокий спад производства, крайне замедленные темпы обновления основного капитала, низкий уровень качества жизни населения, высокий уровень безработицы трудоспособного населения [12].

Появление депрессивных территорий может быть обусловлено определёнными группами факторов (рис. 2).

Рис.2 Группы факторов появления депрессивных территорий [13, 14]

Данные и методы. В процессе исследования были использованы исторический, сравнительный, экономико-статистический, картографический методы исследования, а также Quantum GIS (QGIS), ArcGIS 10.1.

Информационной базой исследования явились официальные, открытого доступа, источники информации Территориального органа Федеральной

службы государственной статистики РФ и Ивановской области, а также собственные наработки автора.

Модель. В работе представлена авторская методика, одна из многочисленно возможных и, по нашему мнению, наиболее оптимальная для диагностики и типологии муниципальных образований депрессивного региона. Данная методика является синтезом многочисленных предложенных методических подходов и обладает рядом конкретных особенностей:

– комплексность (предполагает анализ по отдельным параметрам социально-экономического развития), так и интегральный подход, что дает возможность для общего анализа степени неоднородности и пространственной неравномерности рассматриваемого депрессивного региона;

– возможность для исследования в статике (в данный момент времени) и в динамике (за определенный промежуток времени);

– применяются показатели вариационного анализа на основе ГИС-технологий;

– используются разработанные индексы при экономико-математических расчётах, которые дают возможность значительный массив данных привести к нескольким показателям с «прозрачной» трактовкой;

– создается графическая модель, отражающая структуру, характер и динамические процессы внутрирегиональной дифференциации депрессивного региона в наглядной форме;

– определение наличия динамических процессов позволяет использовать данную методику для расчета прогноза процессов внутрирегиональной дифференциации депрессивного региона.

Реализация предложенной методики предполагала несколько этапов; они представлены в работах автора [1, 12]. Был отобран наиболее приемлемый ряд показателей, которые подразделены на две группы: показатели экономического развития (например, объем продукции промышленного производства и т.п.) и показатели социального развития (например, коэффициент рождаемости и т.п.). Показатели подразделяются на группы условно, так как они первоначально могут носить комплексный характер. Среди показателей можно выделить *показатели-стимуляторы*, рост значения которых говорит о положительном явлении, и *показатели-дестимуляторы*, рост значения которых указывает на отрицательное явление и показывает снижение уровня социально-экономического развития. Для того, чтобы учесть такое разграничение, были использованы формулы разного рода преобразования.

Интегральные показатели дают четкое представление о статическом состоянии уровня развития территории на данный момент времени и иллюстрируют динамику между проводимыми измерениями. Были использованы, также, коэффициенты размаха вариации и дифференциации. Однако в силу того, что они не могут отобразить существующий характер неравномерности распределения муниципальных образований по уровню социально-экономи-

ческого развития, введены дополнительные параметры: асимметрии и эксцесса, которые показывают наличие или отсутствии симметрии их значений относительно среднего уровня по территории.

Разные социально-экономические показатели измеряются в различных единицах, поэтому они трансформированы и приведены к единообразию. Дальнейшие вычисления проведены на основе матрицы преобразованных значений показателей, в результате чего были определены уровень развития по определённому показателю, абсолютный прирост и коэффициент динамики.

Комплексная оценка интегрального уровня депрессивности региона проведена при помощи кластерного анализа с учетом значений интегральных коэффициентов социально-экономического развития муниципальных территориальных образований. В качестве критериев выступили интегральные показатели социально-экономического развития – LED, LSD, DED, DSD. Для этого сформирована матрица подобия размерностью NxN, где N – число муниципальных территориальных единиц. Объектом исследования явились муниципальные образования в составе Ивановской области, в качестве переменных выступили интегральные коэффициенты социально-экономического развития. Для определения оптимального количества кластеров использован ряд значений коэффициента близости в очередности образования новых кластеров.

Алгоритм предложенной методики оценки уровня региональной депрессивности дает возможность учесть местную специфику развития региона, способствует выявлению наиболее кризисных и проблемных муниципальных образований.

Полученные результаты. Предлагаемая методика опробована на примере депрессивного региона – Ивановской области. В результате проведенных расчетов – муниципальные районы региона были ранжированы; выделены проблемные территории, имеющие низкие значения интегральных показателей, что требует определенных управленческих решений со стороны муниципальных органов власти. Построена матрица с учетом двух оснований: «уровень» и «динамика социально-экономического развития». В таблице представлены расчетные данные по кластерам. Интегральные коэффициенты дают возможность показать системную картину уровня депрессивности в Ивановской области. Следует отметить резкие отличия коэффициентов, которые характеризуют экономическую и социальную сферы, а также коэффициенты общего уровня развития и динамики изменений.

Следует отметить резкую дифференциацию среди муниципальных районов по разным коэффициентам. Так, например, дифференциация по уровню экономического развития намного выше, чем по уровню социального развития, что выражается в более высоком значении стандартного отклонения. Ти-

пологию муниципальных районов Ивановской области по уровню депрессивности можно представить следующим образом (рис. 3).

Таблица. Динамика и уровень социально-экономического развития кластеров

№ п/п	LED	LSD	DED	DSD
1	1,257	1,245	1,036	1,088
2	1,055	1,050	1,011	1,058
3	0,973	1,007	0,968	1,027
4	0,899	0,964	0,981	0,959
5	0,918	0,842	0,993	0,874

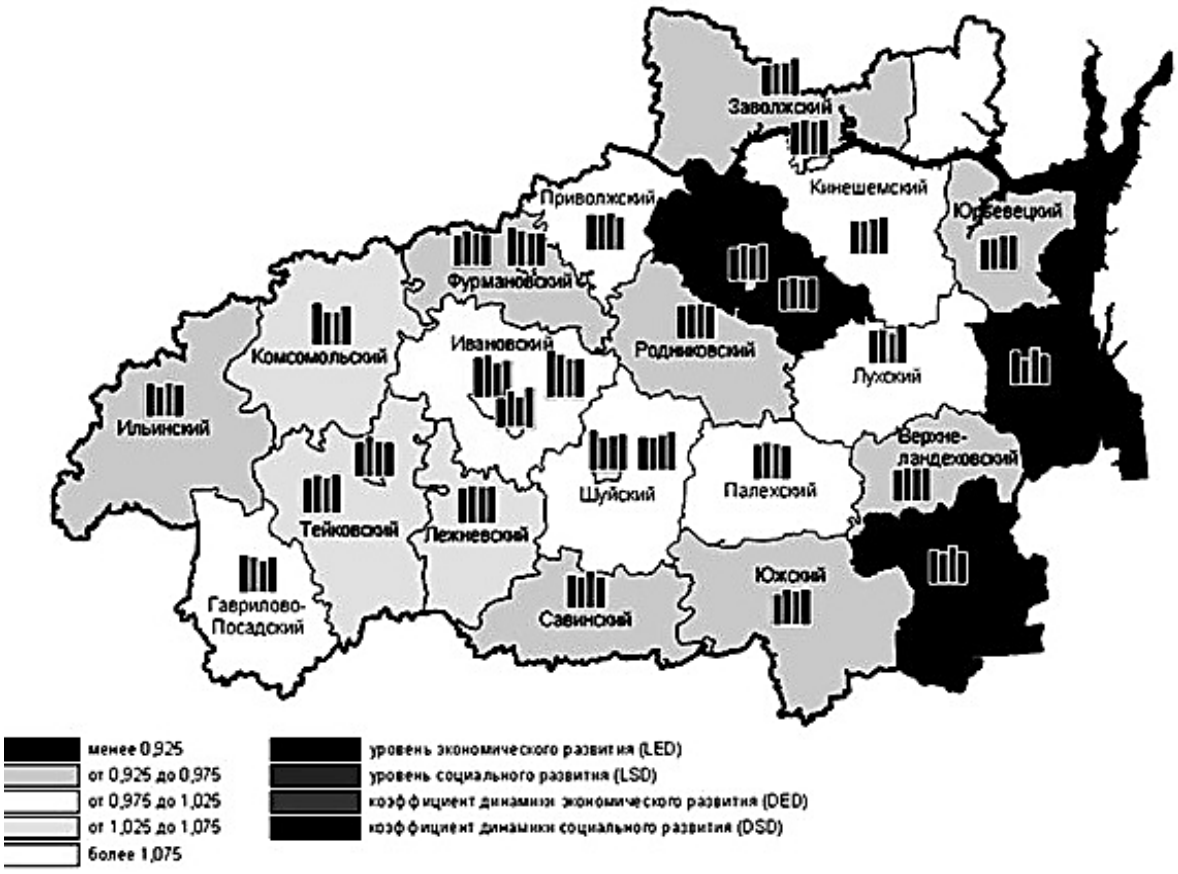


Рис. 3. Кластеризация муниципальных районов Ивановской области по уровню депрессивности

Кластер 1 – территории с разбалансированными параметрами развития (Ивановский МР и г. Иваново). Это наиболее развитые территории региона, где интегральный уровень социально-экономического развития значительно выше, чем в остальных кластерах. Динамика экономического развития (1,036), также как и динамика социального развития (1,088), – незначительны.

Кластер 2 – слабодепрессивные территории (Комсомольский, Лежневский, Тейковский районы, г. Шуя, г. Тейково). Здесь наблюдается положительная динамика как экономического (1,011), так и социального развития (1,058).

Кластер 3 – среднедепрессивные территории (Шуйский, Приволжский, Лухский, Палехский, Кинешемский, Гаврилово-Посадский, районы, г. Кинешма, г. Кохма, г. Фурманов). Наблюдается незначительная динамика в социальном развитии (1,027), тогда как экономические показатели(0,968) ниже среднеобластного уровня.

Кластер 4 – сильнодепрессивные территории (Родниковский, Южский, Фурмановский, Верхнеландеховский, Юрьевецкий, Заволжский, Савинский, Ильинский районы, г. Вичуга). Наблюдается отрицательная динамика как экономического (0,981), так и социального развития (0,959).

Кластер 5 – критически депрессивные территории (Пестяковский, Вичугский, Пучежский районы). Наблюдается крайне низкий уровень динамики экономического развития (0,993) и самая низкая динамика социального развития (0,874).

Проведённый анализ интегрального уровня депрессивности показывает неравномерность пространственного социально-экономического развития Ивановской области; её основой выступает неравенство природно-ресурсной базы, различия в уровне развития экономики и социальной сферы муниципальных образований, стартовые условия развития административных образований, которые обусловливают неравенство возможностей, темпов и качества социально-экономического роста (рис. 4).

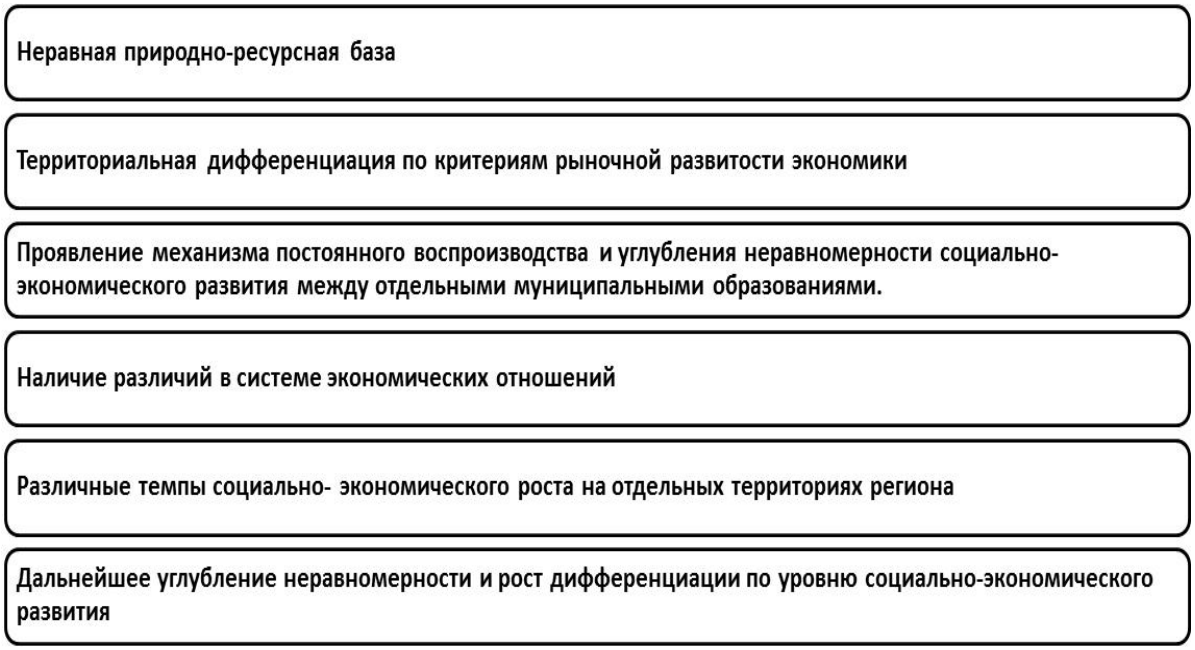


Рис. 4. Признаки неравномерного социально-экономического развития муниципальных районов Ивановской области

Основным центром социально-экономического развития является Ивановский муниципальный район, где наблюдается наибольшая концентрация трудовых, капитальных и земельных ресурсов, а также критическая масса человеческого потенциала. В районе расположены наиболее крупные производственные объекты. Большую роль играет близкое расположение по отношению к г. Иваново (областному центру), что дает дополнительные преимущества и возможности для развития.

Таким образом, можно четко выявить: а) территории-лидеры, которые могут относительно самостоятельно развиваться – Ивановский, Комсомольский, Приволжский, Лежневский, Пучежский, и Тейковский районы; б) территории-аутсайдеры (Пестяковский, Лухский, Южский и Вичугский), у которых нет ресурсов в достаточном количестве и соответствующего качества для развития.

Разработка направлений управленческого воздействия (в соответствии с каждым из выявленных кластеров) требует возможного «направления движения» внутри матрицы. Муниципальные и региональные органы власти должны разработать конкретный сценарий для вывода депрессивного региона на проекцию устойчивого развития, который подразумевает согласованность управляющих действий и разработку программных документов. Эти действия дадут возможность сформировать систему организационно-экономических и социальных механизмов, направленных на преодоление депрессивного состояния региона.

Заключение. Предоставленная авторская методика продемонстрировала возможность своего применения для мониторинга ситуации в депрессивном регионе. Исследования такого плана позволяют выявить уровень социально-экономического развития муниципальных образований депрессивного региона, выявить изменения в динамике его развития (как позитивные, так и негативные), определить «точки» и «полюса» роста. Полученная информация о социально-экономическом состоянии конкретного региона может выступить информационной базой для разработки государственной региональной стратегии в целом.

Литература

1. Яковенко Н. В. Депрессивные регионы России: методология, теория, практика. Иваново: ГУП ИО «Ивановский издательский дом», 2013. 200 с.

2. Gouzee, N., Mazijn, B, Billharz, S. E (2005). Environmental Indicators, A discussion Paper by the Project on Indicators of Sustainable Development of the SCOPE. Indicators of Sustainable Development for decision-making, Report of the Workshop of Ghent. Belgium, 195–206.

3. Freemann, C., Perez, C. (1988). Structural crises of adjustment, business cycles and investment behaviour in Freemann, C., Nelson, R., Silverberg, G. (Eds).Technical change and economic theory, London: Frances Pinter.38–66.

4. Gregory, P. P. Stuart, R. S. (2006).Comparative Economic Systems. Boston, 289.

5. Hitchas, D. M, Biancc, J. E., Wagner, K. (2002). Competitiveness and regional development: The case of Northern Ireland. Oxford etc. 26. 1. 100–111.

6. Krugman, P. (1991). Geography and Trade. Leuven: Leuven University Press and Cambridge: MIT Press. 142.

7. Krumme, G. (1970). The inter-regional corporation and the region. Tijdschrift voor Economicsche en Sociale Geografie. 61. 318–333.

8. Malmberg, A., Maskell, P. (2002). The elusive concept of localization economies: towards a knowledge-based theory of spatial clustering. Environment and Planning A. 33.1213–1235.

9. Mankiw, G.W., Romer, D., Weil, D.N. (1999).A contribution to emperics of economic growth .The Quarterly Journal of Economics. 107.2. 407–437.

10. Parker, Randall E. (2007).The Economics of the Great Depression: A Twenty-first Century Look Back at the Economics of the Interwar Era. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar.

11. Sobocki, P., Jonsson, B., Angst, J., Rehnberg, C. (2006). The Cost of Depression in Europe. Journal of Mental Health Policy Economics. 9.2.87–98.

12. Яковенко, Н. В. Депрессивные регионы России: методология, теория, прикладные аспекты (на примере Ивановской области): автореф. дис.. д.г.н.- Воронеж, 2013. - 40 с.

13. Косова Е. Г., Элиханова З. В., Гаева М. А. Депрессивные регионы: проблемы развития // Новые технологии. 2013. Вып. 1. С. 109–112.

14. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: УРСС, 2007. 372 с.

РЕКРЕАЦИОННАЯ ГЕОГРАФИЯ

УДК 911.9; 796.5

А. И. Зырянов, С. Э. Мышлявцева, И. О. Щепеткова[1]
A. I. Zyrianov, S. E. Myshlyavtseva, I. O. Shchepetkova

ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ СВЯЗИ ГОРОДА И ПРИГОРОДНОГО РАЙОНА (на примере Пермской агломерации)

TOURIST AND RECREATIONAL COMMUNICATIONS OF THE CITY AND THE SUBURBAN AREA: THE CASE OF PERM AGGLOMERATION

В статье поднимаются вопросы развития туристско-рекреационной сферы в агломерации. Рассмотрено многообразие видов и направлений туристско-рекреационных связей в Пермской агломерации. Показана территориальная структура туристско-рекреационной сферы. Определены проблемы и перспективы взаимодействия между городом и муниципальным районом как участниками агломерационных процессов.

The article raises the issues of development of the tourist-recreational sphere in agglomeration. It is dealt with variety of types and directions of tourist and recreational connections in the Perm agglomeration. The territorial structure of the tourist and recreational sphere is shown. The problems and prospects of interaction between the city and the municipal district as participants in agglomeration processes are determined.

Ключевые слова: агломерация, муниципальный район, территориальная структура, пространственная организация, туристско-рекреационные связи, туристские потоки.

Key words: agglomeration, municipality, territorial structure, spatial organization, tourist and recreational communications, tourist flows.

Агломерация – распространенная форма современного расселения. Агломерационные процессы усиливают связи главного города (ядра) с окружением. Растущий город активно «выходит» за свои границы на территорию прилегающих районов, используя все виды ресурсов: земельные, рекреационные, минерально-сырьевые, трудовые и др. Туристско-рекреационные связи становятся

[1] **Зырянов Александр Иванович**, доктор географических наук, заведующий кафедрой туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; **Мышлявцева Светлана Эдуардовна**, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; **Щепеткова Ирина Олеговна**, старший преподаватель кафедры туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь.

одними из определяющих, на которых выстраиваются взаимоотношения территорий в пределах агломераций.

Важность изучения пространственной организации туристско-рекреационных взаимодействий в агломерации обусловлена многими причинами. Туризм и рекреация развиваются по мере роста благосостояния, возрастающей мобильности и увеличения свободного времени, с развитием транспорта и инфраструктуры и благодаря многим другим факторам. Туристско-рекреационная деятельность нуждается в значительном территориальном ресурсе, предъявляет повышенные требования к качеству среды, к природным и социально-экономическим условиям. Важными компонентами являются эстетика ландшафта, уникальность памятников материальной культуры и др. Вопросы пространственной организации туристско-рекреационной сферы должны обязательно учитываться при разработке концепций и стратегий развития агломераций в интересах человека, повышения уровня и качества его жизни, удовлетворения его разнообразных потребностей.

Пермская агломерация моноцентрическая, с ядром в Перми. Изучением вопросов делимитации Пермской агломерации занимались в разные годы пермские географы П. Н. Чепкасов (1967), А. П. Бурьян, А. М. Коробейников (1996), В. Я. Волин (1973), С. А. Меркушев (2005) и др.

А. П. Бурьян и А. М. Коробейников [1] на основе анализа материалов по расселению населения, его динамике, занятости, транспортной мобильности, частоте и скоростям движения разных транспортных средств, планировочной структуре и др. сделали вывод, что границей Пермской агломерации можно считать изохрону 2,5 ч (по времени «брутто») с поправками по некоторым направлениям. Пермская агломерация имеет звездообразную форму, лучи которой образованы транспортными магистралями. К агломерации принадлежит территория, имеющая непосредственные тесные связи с центром агломерации – Пермью. Авторы выделяют агломерацию в узком и в широком понимании. В широком смысле включают в ее состав полностью административные единицы, окружающие центральный город. Это такие районы как Пермский, Нытвенский, Оханский, Добрянский, Ильинский и г. Краснокамск с подчиненной территорией.

В последние несколько лет интерес к исследованию Пермской агломерации активизировался в связи с рядом управленческих решений, в частности с подписанием соглашения между краевым правительством, мэрией г. Перми и руководством Пермского района о создании Пермской городской агломерации. Спустя 20 лет в работе Блуся П. И, Ганина О. Б. и др. [2] Пермская агломерация рассматривается в тех же границах со следующими параметрами. Территория агломерации составляет 15 426,73 км², охватывает городской округ Пермь, ЗАТО, 10 городских поселений и 696 сельских населенных пунктов. По данным Пермьстата на 1 января 2015 г. здесь проживает 1 324 657 чел., или 50% населения Пермского края. Центральный город агломерации – Пермь –

на 1 января 2015 г. имел численность населения 1036476 чел. Транспортная доступность от центра до границ ядра агломерации – 30 мин., до границ эколого-компенсационного пояса агломерации – 60 мин., до границ внешнего пояса агломерации – 90 мин.

Обоснование необходимости и методика проведения внешнего контура агломерации, с учетом туристско-рекреационных связей, предлагается в работе Зырянова А. И. и др.[3].

Географические особенности Пермской агломерации вытекают из своеобразия Пермского региона и расположения города Перми практически в центре. Центральность Перми на территории края должна приводить к органичности пространственных взаимоотношений региона и его главного города. Однако, особенности расселения, транспортной сети задают широтный вектор развития. Отмечается диспропорциональность территориальной структуры агломерации за счет неоправданной концентрации экономического и социального потенциала в центре агломерации и в наиболее близких к нему поселениях [1].

Бассейновость региона и центростремительность речной сети выводят фактор гидрографии в основной при формировании секторов Пермской агломерации. Эту особенность следует учитывать в моделировании ее пространственной структуры. К первому из выделенных секторов относится территория между реками Чусовой, Сылвой и Камой (ниже по течению от Перми – Воткинским водохранилищем) к югу от центра. Эта территория полностью занята Пермским районом, непосредственно примыкающим к Перми.

Второй сектор включает территорию между Воткинским и Камским водохранилищами к западу и северо-западу от краевого центра. Здесь расположен полностью Краснокамский район, правобережная часть Добрянского района и эксклав Пермского – Хохловское сельское поселение, а также муниципалитеты второго порядка – Ильинский, Нытвенский Оханский.

Третий сектор расположен между Камским водохранилищем и р. Чусовой, включает территории севернее и северо-восточнее Перми (юг Добрянского и запад Чусовского районов).

Между реками Чусовой и Сылвой расположен четвертый сектор Пермской агломерации (часть Пермского района, юго-западная Чусовского и северная часть Кунгурского муниципалитетов).

Наиболее крупные секторы, первый и второй, в свою очередь делятся на несколько частей или подсекторов.

Так, в первом секторе отчетливо выделяются территории, прилегающие к:

– автодорожному коридору, состоящему из региональных дорог Пермь – Болгары – Усть-Качка и Болгары – Юго-Камский – Крылово (юго-камское направление);

– транспортному «жгуту», образованному железной дорогой Пермь – Екатеринбург – Владивосток и федеральной автомобильной дорогой

Пермь – Екатеринбург с ответвлением от Кукуштана в виде региональной дороги до Чайковского (кунгурское направление);

– Горнозаводской железной дороге Пермь – Чусовская – Екатеринбург и региональным автодорогам, идущим до берега реки Сылвы (до Троицы и Жебреев, сылвенское направление).

Между этими территориями вклиниваются относительно «недоступные» площади с разреженной транспортной сетью и низкой плотностью сельских населенных пунктов [4].

Туристско-рекреационный спрос формируется в центре агломерации и удовлетворяется как внутри ядра, так и на ее периферии. В отличие от трудовых миграций, вектор которых направлен с периферии агломерации в ее центр, рекреационные потоки направлены из центра агломерации к периферии.

Туристско-рекреационные связи имеют характер маятниковых миграций с особенным режимом проявления. Как правило, пик активности приходится на выходные дни в конце рабочей недели. Пятница – направление из центра агломерации, в воскресенье – обратно. А также носят ярко выраженный сезонный характер.

Туристско-рекреационные потоки по цели можно разделить на следующие виды:

– прогулки и занятия физкультурой на специализированных территориях (спортивных (лыжных) базах, садах, парках, лесопарках и др.), городских и непосредственно примыкающих к центру агломерации;

– дачную рекреацию; посещение вторых жилищ (загородных домов);

– экскурсионные потоки (на объекты историко-культурного наследия, природного наследия, фермерские хозяйства и др.);

– туристские потоки с целью отдыха, лечения, оздоровления в специализированных учреждениях (курортах, санаториях, базах отдыха, детских лагерях, гостевых домах и др.);

– потоки на событийные мероприятия.

Согласно схеме территориального планирования Пермского края, территориям, выполняющим туристские и рекреационные функции, отводится место в пределах эколого-компенсационной зоны, окружающей ядро на расстоянии в среднем 20–25 км и далее. Основная роль – средозащитные и средоформирующие функции (леса зеленой зоны, особо охраняемые природные территории), пригородная рекреация, резервирование территории для новых районов преимущественно малоэтажного строительства, обслуживающих функций, пригородного сельского хозяйства. Ближе к внешней границе влияния Пермской агломерации эта зона плавно перетекает в зону активного хозяйственного развития [5]. Однако в реальности, территории, выполняющие туристские и рекреационные функции, распространяются далеко за пределы 25 км зоны вокруг Перми. Применительно к рекреации можно говорить о 100–120 киломе-

тровой зоне доступности ядра агломерации. Если рассматривать туризм, то эта зона охватывает всю территорию Пермского края. Рекреационные территории формируются в основном вдоль транспортных осей региона, а также вдоль рек Сылвы, Чусовой и Камского и Воткинского водохранилищ [3].

Туристско-рекреационная деятельность в пределах агломерации носит массовый характер. Каждый второй житель Перми вовлечен в процесс использования территории, окружающей город, в рекреационных целях. Объемы продаж земельных участков в муниципальных районах Пермской агломерации увеличились в 30 раз. При этом динамика роста продаж земельных участков обусловлена, среди прочего, увеличением продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения [2].

Рассмотрим пространственную организацию туристско-рекреационной сферы на примере первого, самого крупного сектора агломерации. В административном плане на этой территории расположен Пермский муниципальный район. При ее изучении воспользуемся классическим географическим подходом – территориально-структурным [6].

Для построения туристско-рекреационного каркаса необходимо определить его основные структурные элементы. В качестве узловых структурных элементов выделяются инфраструктурные объекты рекреационного назначения (дачные поселки, санатории, базы отдыха, гостиничные предприятия, сельские дома и др.). Линейные объекты каркаса – транспортные магистрали. Их связность образуется за счет существования устойчивых связей прямых и опосредованных. Под прямыми связями понимаем наличие устойчивых маршрутов туристско-рекреационных миграций между центром агломерации, где формируется спрос, и периферийными районами, в которых расположены рекреационные объекты, его удовлетворяющие. Опосредованный вид связности обусловлен ресурсно-экологической основой.

Итак, первый сектор Пермской агломерации, расположенный в междуречье Чусовой, Сылвы и Камы, примыкает к центру с южной и юго-восточной стороны. На этой территории расположен Пермский муниципальный район.

Район относится к аграрно-индустриальным районам. Выгодность экономико-географического положения района обусловлена прохождением через его территорию большинства основных транспортных магистралей, связывающих город Пермь с другими районами края и регионами России. На значительном протяжении район граничит с судоходной частью реки Кама, входящей в Единую глубоководную систему европейской части России. Флагманами экономики Пермского муниципального района являются градообразующие предприятия: ОАО «Птицефабрика «Пермская», ООО «Производство керамического кирпича на Закаменной», ООО «Русь», ООО «Фирма «Радиус-сервис», ОАО «Международный аэропорт «Пермь», ЗАО «Курорт Усть-Качка», ООО «Юговской комбинат молочных продуктов».

В пределах района имеются условия для реализации туристско-рекреационных потребностей населения агломерации.

Самым массовым видом рекреационной деятельности является дачная рекреация. Дачная рекреация – отдых в летнем или втором жилище и работа на садово-огородном участке – традиционное явление [7]. В окружении Перми под дачные домовладения заняты большие площади.

В дачной рекреации следует выделять разные типы домовладений: земельные участки в садово-огородных товариществах, дома в коттеджных поселках, деревенские дома горожан в сельских населенных пунктах.

По последнему типу домовладений крайне сложно собрать реальную статистику: в администрациях сельских поселений не ведется учет данных о регистрации (прописке) владельцев деревенских домов, а также часто дом в деревне продается без документов. Поэтому отследить «деревенских дачников» в сотнях больших и малых селах и деревнях затруднительно. Но их число в Пермском районе не существенно, по сравнению с садово-дачными объединениями горожан.

Для понимания масштабов организованной дачной рекреации, приведем сведения о числе зарегистрированных дачных кооперативов в Пермском районе. По данным администрации на территории муниципалитета зарегистрировано 656 дачных кооперативов (25 тыс. дачных домов, 57 тыс. садовых участков, принадлежащих жителям г. Перми). Начиная с весны и до осени население района увеличивается в три раза с 106,1 тыс. человек постоянного населения до 250–300 тыс. человек, включая временное население («отпускники» и пенсионеры). В выходные и праздничные дни население достигает 500 тыс. человек, что в 5 раз превышает постоянное население[8]. Пермский район не просто лидирует по числу садово-дачных объединений граждан, созданных до начала 2000-х гг., а почти в два раза превышает сумму подобных объединений в двух других муниципалитетах, также граничащих с краевым центром (в Добрянском районе – 168 садово-дачных кооперативов, в Краснокамском – 193 объединения).

Пространственный анализ дачной рекреации показывает тяготение к основным транспортным коридорам. Большинство дачных кооперативов (158 ед.) сконцентрировано вдоль железнодорожно-автомобильного направления Пермь – Кукуштан (кунгурское направление, расположенное на территориях Лобановского, Бершетского, Кукуштанского, Платошинского, а также западных частей Фроловского и Двуреченского сельских поселений и Пальниковского поселения, главной транспортной артерией которого является отворот от кунгурского направления на юг края, г. Осу). Второй дачный ареал (133 кооператива) расположен вдоль автодорожного коридора Пермь – Юго-Камский (юго-камское направление), который проходит через Савинский, Култаевский и Юго-Камский муниципалитеты. Но садовые товарищества (в последнем районе) в большей степени представляют собой огороды жителей пгт Юго-Кам-

ский без дачных домов на участке. На этих направлениях отмечается высокая концентрация и плотность дачных кооперативов. Небольшие дачные ареалы сложились на территории между указанными направлениями: на востоке Култаевского (10 ед.), в Гамовском (7 ед.) и Юговском (4 ед.) сельских поселений.

Таблица 1. Садово-дачные объединения граждан Пермского муниципального района*

Сельское поселение	Количество садово-дачных объединений граждан, сформированных до 2001 г.
Култаевское	93, из них 10 – в восточной части
Сылвенское	78
Бершетское	50
Фроловское**	42, из них: 17 – в западной части, 24 – в восточной части
Хохловское	30
Лобановское	29
Кукуштанское	29
Двуреченское**	27, из них:10 – в западной части, 17 – в восточной части
Юго-Камское	22
Кондратовское	22
Пальниковское	20
Савинское	18
Усть-Качкинское	10
Гамовское	7
Заболотское	6
Юговское	3
Платошинское	3

*Составлено авторами.

**Муниципальные районы Фроловское и Двуреченское сельские поселения территориально состоят из двух отдельно расположенных частей каждый.

В более разреженном формате ареалы садово-дачных объединений также присутствуют на берегах рек, причем на берегах и прибрежных территориях р. Сылвы их скопление больше (119 кооперативов в пределах Сылвенского, а также восточных частях Фроловского и Двуреченского сельских поселений), чем на р. Каме (38 кооперативов, расположенных в Заболотском, Усть-Качкинском и Кондратовском поселениях, причем большинство садовых поселков в последнем тяготеет больше к Перми, а не к камским просторам). В Хохловском сельском поселении, отделенном от всего Пермского района краевым центром и Камским водохранилищем, также расположено около 30 садово-дачных объ-

единений, но большая часть из них тяготеет к самому северному микрорайону Перми, Заостровке.

Абсолютное большинство садово-дачных объединений, указанных выше, сформировалось в советское время и сейчас находится на разных стадиях развития в зависимости от местоположения, инфраструктуры и инициативы самих дачников (есть как заброшенные кооперативы, так и «живые»).

Параллельно со сложившейся дачной рекреацией протекает процесс выделения земель сельскохозяйственного назначения для ведения гражданами садоводства и огородничества, а также под индивидуальную жилую застройку в пределах земель сельских населенных пунктов. Часто эти территории объединяются в загородные, коттеджные или дачные поселки нового формата. В большинстве случаев их владельцы, жители Перми, используют загородные домовладения не для постоянного проживания, а для круглогодичного отдыха в выходные дни и летнее время. Сегодня, по оценкам авторов, на прилегающих к Перми территориях расположено более 150 проектов такого типа. Абсолютным лидером по объемам ИЖС в 2015 г. стал Пермский муниципальный район, основная застройка в котором ведется в направлении Пермь – Усть-Качка, вблизи поселков Култаево, Башкултаево, Мокино, Нижние Муллы, Протасы [9], а также на берегу р. Кама в районе с. Усть-Качка и на берегу р. Сылва в районе с. Троица.

Процесс развития дачной рекреации носит в настоящее время стихийный характер. Могут быть выделены положительные и отрицательные стороны этого процесса. С позиции отдыхающего горожанина, наличие дачи на территории, близкой к центру агломерации, обладающей высоким туристско-рекреационным потенциалом, позволяет решить проблему с организацией отдыха и досуга целой семьи. Отрицательным моментом является высокая загруженность основных транспортных осей, особенно в выходные, и, как следствие, увеличение времени доступности второго жилища. Особенно сложная ситуация складывается на Кукуштанском автодорожном направлении. Проблема будет снята после завершения реконструкции и строительства участков автодороги Лобаново – Кояново и Янычи – Кукуштан, а дорога Пермь – Кукуштан будет функционировать как автомагистраль.

С позиции управления муниципалитетами, на которых расположены места рекреационного тяготения (скопления), в качестве положительной стороны явления можно говорить об оживлении подведомственных территорий за счет временного населения. Появляется возможность для реализации предпринимательской активности и занятости местного населения в направлении производства и оказания услуг (строительство, сдача жилья внаем, реализация продукции личных подсобных хозяйств (продажа мяса, молока, яиц и др.).

Этот процесс имеет и отрицательные стороны; так, существенно возрастающее временное население пользуется социально-бытовыми услугами (такими, как пожарная охрана, скорая помощь, вывоз бытового мусора) наравне

с местным населением, хотя мощности и финансирование рассчитываются с учетом постоянного населения района. Наличие дачных массивов в непосредственной близости от сельских населенных пунктов ежегодно увеличивает один из показателей криминагенности территории – уровень краж в весенний период. Реконструкция и ремонт автодорог, находящихся на балансе муниципалитета и испытывающих повышенную нагрузку, также происходит за счет бюджета муниципального образования.

Таким образом, появляется целый круг вопросов, решение которых невозможно только на муниципальном уровне и требует принятия управленческих решений более высокого уровня – агломерации. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, 13 сентября 2016 г. подписано соглашение между краевым правительством, мэрией г. Перми и руководством Пермского района о создании Пермской городской агломерации. А в настоящий момент идет процесс разработки концепции стратегии развития Пермской агломерации, что может явиться ключевым шагом к решению существующих проблем.

Следующий вид туристско-рекреационных связей – это потоки с целью отдыха, лечения, оздоровления, развлечения в специализированных учреждениях (курортах, санаториях, базах отдыха, гостевых домах, горнолыжных комплексах и др.).

В настоящее время в районе функционирует 40 хозяйствующих субъектов сферы туризма (без учета храмов и детских оздоровительных лагерей). Из них 26 субъектов имеют средства размещения с общим количеством мест размещения – 3602. По этому показателю Пермский район является лидером среди всех муниципальных образований Пермского края, исключая г. Пермь.

На территории Пермского района расположен известный курорт «Усть-Качка» на 1900 мест (обладающий уникальными бальнеологическими ресурсами и принимающий на отдых, лечение и оздоровление жителей всей страны); здесь 20 оздоровительных детских лагерей, более 20 гостиниц, баз отдыха, туристских деревень, загородных клубов и горнолыжных центров.

Пространственный анализ размещения предприятий отдыха показывает, что они тяготеют к берегам рек Сылвы и Камы и расположены в местах, где дороги подходят максимально близко к водоемам. Расположение гостиниц определяется близостью к городу (на границе города и района) на основных автотрассах.

В таблице приведены показатели сферы туризма муниципального района.

Данные таблицы показывают, что учтенный туристский поток в 2016 г. составил 86,7 тыс. посещений. Сравнение с предыдущими годами показывает, что сокращение прибытий по сравнению с 2013 г. произошло в основном за счет уменьшения посещений баз отдыха и загородных клубов. Эти предприятия работают с очень низким уровнем загрузки (не более 20%). При условии, что туристская деятельность носит ярко выраженный сезонный характер

и зависит от наличия свободного времени, можно констатировать, что загрузка предприятий отдыха происходит в основном летом, в выходные дни. Все остальное время – это эпизодические посещения.

Таблица 2. Показатели развития туризма в Пермском муниципальном районе*

Показатели развития туризма	2012	2013	2014	2015	2016
Количество средств размещения, ед.	23	24	26	26	26
Число мест, ед.	3500	3508	3602	3600	3602
Число туристов, всего, посещений	92669	103306	84732	84250	86654
В том числе с лечебно-оздоровительными целями, чел.	33446	36968	38603	41050	47500

* Составлено авторами на основе выборочных данных отдела развития предпринимательства ФЭУ Пермского муниципального района.

Другая ситуация складывается в лечебно-оздоровительном туризме. Посещаемость курорта «Усть-Качка» и расположенного рядом с ним санатория «Орленок» имеет положительную динамику с 2012 г. Этот поток составляет более половины общего туристского потока, направленного в район.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие туризма на территории района не однозначно. Нельзя полностью согласиться с некоторыми положениями Стратегии развития Пермского муниципального района, в которой основными проблемами, тормозящими развитие туризма, определено низкое качество турпродукта, однообразный досуг и недостаток комфортабельных средств размещения.

Близость к ядру агломерации позволяет пользоваться услугами предприятий туристской сферы без совершения ночевки. Многие предприятия, например горнолыжные базы «Иван-Гора», парк отдыха «Юго-Камские горки», горнолыжный центр «Жебреи», страусиная ферма «Страус парк» (п. Красный Восход), фермерское хозяйство «Уральский страус» (д. Заосиново), «Спортивный клуб «Ока» (д. Ясыри), и др., посещаются однодневно. Туристские услуги должны развиваться, на наш взгляд, в направлении организации краткосрочных программ на выходные дни (без услуги проживания).

Следующий вид связей формируют экскурсионные потоки. Главным экскурсионным объектом района является архитектурно-этнографический музей «Хохловка», принявший в 2015 г. 61966 чел., за 2016 – 70148 чел. Существенно менее посещаемыми музеями являются мемориальный дом-музей В.В. Каменского в с. Троица (около 6 тыс. чел. ежегодно), муниципальный народный музей истории Пермского муниципального района (около 11 тыс. чел. ежегодно). Экскурсионные маршруты разработаны на Пермский племенной конный завод № 9 (п. Ферма); в пос. Култаево и пос. Кольцово организуются экскурсии с посещением православных храмов.

Таблица 3. Посещаемость музеев Пермского района за период с 2012 по 2016 гг.*

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016
Число экскурсантов, обслуженных музеями, чел.	63083	71679	67909	80346	87589

* Составлено авторами на основе опроса музеев Пермского района.

Данные, представленные в таблице, показывают постепенный рост объема экскурсионного потока за рассматриваемый период. Учтенный экскурсионный поток составил в 2016 году 87,6 тыс. экскурсантов. Без учета остаются потоки экскурсантов, посещающие горнолыжные базы, фермерские хозяйства и др., которые, можно предположить, вносят существенный вклад в развитие туристско-рекреационной сферы района. Согласно экспертным оценкам, реальная величина экскурсионного потока в 2,5-3 раза превышает официальные данные.

Выводы. На территории агломерации есть все условия для удовлетворения многообразного туристско-рекреационного спроса жителей Перми и агломерации: оздоровления и лечения, организации досуга, экскурсионного обслуживания, что находит отражение в принимаемых стратегиях и программах социально-экономического развития, где сфера туризма и рекреации видится одной из приоритетных.

Пространственный анализ туристско-рекреационных связей в пределах агломерации свидетельствует о важности фактора транспортной доступности. Предприятия туристско-рекреационной сферы концентрируются вдоль основных транспортных коридоров агломерации и тяготеют к местам с высоким природно-рекреационным потенциалом.

В агломерации наиболее массовые потоки формирует дачная рекреация. Садово-дачные объединения образуют компактные ареалы. Они сконцентрированы вдоль железнодорожно-автомобильного направления Пермь – Кукуштан (кунгурское направление) и автодорожного коридора Пермь – Юго-Камский (юго-камское направление).

Следующие по массовости потоки формируются экскурсантами, посещающими музеи, горнолыжные базы, конные фермы и дворы, фермерские хозяйства и др. Учтенный экскурсионный поток составил в 2016 году 87,6 тыс. чел. Реальная величина экскурсионного потока (согласно экспертным оценкам) в 2,5–3 раза превышает официально учтенную.

Собственно туристский поток составил 86,6 тыс. чел в 2016 г. Основной туристский поток обслуживается курортом «Усть-Качка»; небольшие предприятия работают с угрожающе низкой загрузкой. Положение района в составе агломерации и хорошая транспортная доступность способствует привлекательности мест для проведения отдыха в виде коротких поездок или экскурсий без ночевки.

В качестве рекомендаций, администрации района необходимо уделить внимание реализации таких туристских проектов, основная цель которых состоит в организации досуга и отдыха (анимационные клубы, тематические парки, интерактивные музеи и др.), а также решать вопросы с увеличением загрузки существующих туристско-рекреационных предприятий. Строительство новых мест для размещения туристов видится нецелесообразным.

Тесное туристско-рекреационное взаимодействие внутри агломерации позволяет решить проблему с организацией досуга и отдыха горожан, но, одновременно, рождает целый ряд проблем, решение которых невозможно на уровне муниципалитета и требует принятия управленческих решений на более высоком уровне, на уровне агломерации.

Литература

1. Бурьян А. П., Коробейников А. М. Территориальная организация, основные тенденции и перспективы развития Пермской агломерации // Территория и общество: Межвед. сб. науч. тр. / Перм. ун-т. Пермь, 1996. С. 90–105.

2. Блусь П. И., Ганин О. Б., Ганин И. О., Сибиряков А. П. Пространственные аспекты стратегического планирования муниципалитетов (на примере Пермского муниципального района) // ARS Administrandi (Искусство управления) 2016. № 2. С. 69–103.

3. Зырянов А. И., Зырянова И. С., Королев А. Ю., Мышлявцева С. Э., Щепеткова И. О. Рекреационное поле пермской агломерации // Географический вестник = Geographical bulletin. 2017. № 1 (40). С. 116–123.

4. Меркушев С. А., Погодин А. В., Пьянкова А. В. Пассажирские перевозки в Пермской агломерации: современное состояние, проблемы, перспективы // Географический вестник. 2005. № 1–2. С. 44–51.

5. Схема территориального планирования Пермского края, постановление правительства Пермского края от 27 октября 2009 года N 780-п [Электронный ресурс] URL: http://docs.cntd.ru/document/911524762 (дата обращения 04.03.2017).

6. Бакланов П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. Тихоокеан. ин-т географии ДВО РАН. М. Наука, 2007. С. 15.

7. Щепеткова И. О. Рекреационные традиции горожан и туризм / Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 428–431.

8. Стратегия социально-экономического развития Пермского муниципального района на 2016 - 2030 гг. Приложение к решению Земского собрания от 28.04.2015 № 60 [Электронный ресурс] URL: http://permraion.ru/_res/fs/file29745.pdf (дата обращения 01.03.2017).

9. Ивановская А. Пермь малоэтажная: угрозы и возможности для рынка // Метражи. 2016. № 03 (март). С. 26–31.

УДК 332

Т. А. Адашова Т. Ф. Крейденко[1]
T. A. Adashova, T. F. Kreidenko

ИНДУСТРИЯ ТУРИЗМА В РОССИИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE TOURISM INDUSTRY IN RUSSIA: THE GEOPOLITICAL ASPECT

Проанализирована трансформация, происходящая в индустрии российского туризма. Рассмотрена значимость туризма в укреплении международных отношений, формировании позитивного имиджа страны на политической арене.

Analyzes the transformation occurring in the Russian tourism industry. Examines the importance of tourism in strengthening the international relations, formation of positive image of the country in the political arena.

Ключевые слова: индустрия туризма, международные отношения, сфера политических интересов.

Key words: tourism industry, international relations, political interests.

Введение. Индустрия туризма, как сфера экономической деятельности, многогранна. Она затрагивает интересы развития транспорта, гостиничного бизнеса и санаторно-курортного комплекса, охраны окружающей среды, занятости населения, поддержания безопасности, укрепления международных отношений и многое другое. По оценке Всемирной туристической организации (UNWTO), туризм занимает ведущие позиции в международном бизнесе (7% мирового экспорта, третье место после топливной и химической промышленности) и, вопреки кризисным явлениям, не только сохраняет, но и наращивает темпы своего развития. На протяжении последних десятилетий динамика его роста уверенно опережает прочие отрасли мировой экономики (в среднем в 2,8% в 2015 г.), сохраняется спрос на международные турпоездки [1]. С другой стороны, как показывает практика, туризм становится все более активным участником политических процессов, чутко реагирующим на изменения мировой геополитической ситуации. Особенно остро это ощущается в тех странах, экономика которых находится в прямой зависимости от его развития. Важным представляется рассмотрение процессов трансформации деятельности туризма, усиления его значимости в укреплении добрососедских международных отношений на примере РФ – страны, обладающей колоссальными туристски-

[1] **Адашова Татьяна Алексеевна**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва; **Крейденко Татьяна Федоровна**, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва.

ми ресурсами и возможностями и меняющей свое отношение к роли туризма в условиях современного геополитического положения.

Туризм в геополитике СССР. В Советском Союзе туризм на международной арене зачастую использовался в качестве такого же средства внешней политики, как дипломатия или внешняя торговля [2]. Среди граждан, выезжающих за рубеж, были лучшие представители общества: видные политические деятели, ученые, рабочие, колхозники, деятели искусств, студенты. Они способствовали формированию образа сильной страны, по ним судили о великой и могучей России. В развитии внутреннего и въездного туризма особое внимание уделялось спортивным видам, многочисленные достижения в которых также демонстрировали мощь советского государства. Так, к примеру, в конце 20-х гг. прошлого века при активном содействии «Общества пролетарского туризма и экскурсий» государственное значение придавалось пропаганде альпиниад – идее вовлечения в занятия альпинизмом широких масс трудящихся и учащейся молодежи. Армейский туризм и альпинизм (как виды активного отдыха) способствовали подготовке воинских частей и подразделений для боевых действий в горной местности. Принято считать, что начало массовому туризму было положено Рабоче-крестьянской Красной армией (РККА) в 1933 г. Тогда был установлен рекорд восхождения на высочайшую вершину страны (Эльбрус) 58 членов РККА, а в 1934 г. – 276 армейских командиров и 638 рядовых колхозников Кабардино-Балкарии [3]. Официально пропагандировались лозунги: «Пролетарский турист служит интересам обороны», «Кто не растеряется в снежных горах, тот не струсит и в бою» [4]. В 1935 г. на Кавказе провели Первую альпиниаду профсоюзов страны. На Казбек и Эльбрус поднялось 2300 человек. А всего в альпиниадах к 1940 г. приняло участие уже свыше 20 тыс. чел. К началу Великой Отечественной войны действовало более 50 различных альплагерей, а спортивный уровень лучших отечественных команд не уступал мировому. Многим альпинистам в дальнейшем пришлось противостоять немецким частям дивизии «Эдельвейс» и выполнять специальные боевые задания в горах.

Начиная с 50-х гг. в СССР укреплялись международные связи; упор, при этом, делался на проведение массовых мероприятий с участием иностранных гостей. К примеру, прошедший в Москве в 1957 году VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов стал самым массовым за всю историю фестивального движения. Было принято 34 тысячи человек из 131 страны мира, что в то время стало рекордом. На XII Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в 1985 г. прибыли 26 тысяч участников из 157 стран [5]. При проведении XXII Летних Олимпийских Игр в Москве важнейшим направлением работы с иностранными туристами было осуждение расизма и апартеида в спорте (так, Оргкомитет добился от МОК решения о запрете на въезд представителей из ЮАР). О том, что Олимпиада, равно как и международный туризм в целом, рассматривался в СССР в идеологическом ракурсе, свидетельствует беспрецедентное финан-

сирование за счет Оргкомитета Олимпиады-80 иностранных делегаций и некоторых спортсменов из слаборазвитых государств [5, 6].

Туризм как сфера экономических и политических интересов. После распада СССР политическое руководство страны долгое время ограничивалось приспособлением правовой базы туризма к рыночным условиям, не рассматривая его в качестве перспективного направления с точки зрения экономики и политики. Результатом структурной перестройки туристской отрасли с начала 2000-х гг. стали рекордно высокие показатели выездного туризма (более 40 млн. поездок в год к 2012–14 гг.) [7]. В сложившейся ситуации существенную роль тогда сыграла некоторая стабилизация экономического положения в стране. Это дало повод воспринимать РФ (в том числе в формате ЮНВТО) как донора для развития иностранного туризма, осуществляющего вывоз туристов и валютных ресурсов, что, безусловно, противоречило российским национальным интересам. Постепенно сформировалась установка федеральной власти на диверсификацию экономики и превращение туристического бизнеса в более эффективного ее участника. Возникла необходимость внести коррективы в законы и нормативные акты, касающиеся туризма.

В настоящее время туризм как социально-экономическая деятельность все активнее проявляет себя в качестве реального инструмента геополитического влияния. Массовые туристские потоки оказывают влияние на открытие границ, решения о таможенных льготах и т.п. В частности, в силу большого количества российских туристов разных странах (особенно в Египте и Турции), одобрением местного населения пользуются предпринимаемые правительствами стран шаги, направленные на углубление и улучшение отношений с РФ [8]. С другой стороны, туризм становится «заложником» политических решений. В таких случаях дальнейшие перспективы туристического обмена напрямую связывают с вопросами дипломатического характера. Так, британские власти заявили о рассмотрении вопросов об облегчении визового режима с Россией только после признания россиянина А. Лугового виновным в убийстве экс-офицера ФСБ РФ А. Литвиненко в Лондоне в 2006 году [9]. В качестве альтернативы резкой отмены авиасообщения с Египтом (вызванной крупнейшей в истории Египта авиакатастрофой в октябре 2015 г., унесшей жизни 224 российских граждан) были предложены курорты Турции. Однако после инцидента со сбитым ВВС Турции российским военным самолетом – последовал ряд санкционных мер; так, с декабря 2015 г. были приостановлены полеты и продажа туров. Турция, которая в 2014 г. привлекла рекордные 37 млн. иностранных туристов, стала стремительно терять свои позиции на мировом туристическом рынке. Wall Street Journal оценил потери турецкого туристического бизнеса из-за конфликта с Россией и роста числа террористических атак – в $12 млрд. (2015 г.) [1].

Санкции по отношению к России, вызванные несогласием вхождения Республики Крым в состав РФ, и последовавшее за ними общее охлаждение

отношений с Западом, привели к значительному сокращению показателей выездного туризма (31%, 2016 г.); увеличились риски реализации совместных инвестиционных проектов в индустрии гостеприимства. Пропагандируемая во многих странах информация о России как об агрессивной, небезопасной и неблагоприятной для въездного туризма стране сказалась на некотором снижении интереса к российскому турпродукту. К примеру, по экспертным данным, в пиковый период (с мая по сентябрь) на паромах St.PeterLine по маршруту Хельсинки-Санкт-Петербург в 2013 году путешествовали 45 тысяч финнов, а в 2014 – только 17,5 тысячи [10]. Однако, ситуация постепенно меняется и в 2015 г. инкаминг показал 8% прирост, что на полтора миллиона туристов больше, чем в 2014 г. Одновременно отмечается позитивная динамика во внутреннем туризме. По данным Федерального агентства по туризму, в РФ он вырос на 20% [7].

В условиях трансформирующейся геополитической ситуации, в стране отчетливо прослеживается возрастающая роль туризма в процессе укрепления внешнеполитического престижа и туристической привлекательности России. В целях продвижения позитивного образа страны (как благоприятной для туризма), для повышения инвестиционной привлекательности и рейтинга российского туризма на международном туристическом рынке – позитивные результаты приносит проведение ярких событий: фестивалей и ярмарок, перекрестных годов туризма, туристских форумов и многое другое. Россия не только знакомит страны мира с главными культурно-историческими достопримечательностями страны, но и информирует о проведении наиболее интересных массовых мероприятий. С этой целью за рубежом создается сеть туристских информационных центров (ТИЦ). Формированию положительного образа страны на международной арене как открытого и гостеприимного государства – способствует проведение масштабных событийных мероприятий, таких как XXVII Всемирная летняя универсиада 2013 года в г. Казани, XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в г. Сочи. Возможности созданной инфраструктуры (спортивных, туристских и гостиничных объектов и сооружений) – популяризируют спорт и активно привлекают новые туристские потоки. Так, после проведения Зимних олимпийских игр, г. Сочи стал одной из популярных дестинаций не только для отечественных, но и для иностранных туристов. В феврале 2017 г. там проводились III зимние Всемирные военные игры, в которых приняли участие более 400 военнослужащих-спортсменов из 26 стран. В октябре 2017 в Сочи пройдет XIX фестиваль молодежи и студентов, на который, как ожидается, приедет около 30 тыс. делегатов из более чем 140 стран мира.

Не менее значимы ожидаемые массовые мероприятия – Кубок конфедераций FIFA (июнь-июль 2017 г.), чемпионат мира по футболу FIFA (июнь-июль 2018 г.), проведение которых запланировано в 11 городах России, что, несомненно, позволит привлечь к ним внимание. В марте 2019 впервые в

истории России в г. Красноярске будут проходить зимние международные студенческо-молодежные соревнования – XXIX Всемирная зимняя универсиада. Ранее дважды проводились летние универсиады: в Москве (1973 г.) и в Казани (2013 г.).

Особое значение придается реализации мер по упрощению визового режима [7]; рассматривается вопрос о введении в России многолетних, многократных и электронных туристических виз. Возлагая надежды на то, что в ближайшем будущем мировое сообщество признает законность правового статуса Крыма, Правительством РФ было принято решение о придании международного статуса всем портам, в том числе и «закрытому» в прошлом военно-морскому порту города Севастополь. Ныне он включен в перечень портов, через которые допускается въезд в Россию иностранных граждан, прибывающих в туристических целях. Гости могут там находиться в течение 72 часов без виз в случае проживания в местах, определённых в групповой туристической программе [11].

Туризм как инструмент укрепления международных отношений. Индустрия российского туризма становится одним из важных факторов укрепления политического и экономического вектора взаимодействия со странами динамично развивающегося АТР. Соседское положение многих из них, заинтересованность в реализации совместных туристских проектов усиливает востребованность российского турпотенциала, способствует развитию въездного туризма. К примеру, туристская деятельность стала важным аспектом в выстраивании добрососедских российско-китайских отношений. За последние годы существенно увеличилось общее число посещений России гражданами Китая. Ныне на них приходится около 1 млн. человек. Отчасти этому способствовало Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР (от 29 февраля 2000 г. и дополненное от 17 ноября 2006 г.) о безвизовых групповых туристических поездках для граждан обоих стран, в которых туристы от 5 до 50 человек совершают путешествия в течение 15 календарных дней. В целях большей активизации туристических поездок, на совместное рассмотрение вынесен вопрос о продлении времени путешествия до 21 дня и возможности формирования групп от трех человек [12]. С 2014 г. РФ, в лице Туристической ассоциации «Мир без границ», присоединилась к масштабному международному проекту Chinese Friendly International**.** Он предусматривает создание условий, максимально адаптированных к требованиям китайских туристов **(**предоставление туристской информации на китайском языке, доступ к китайским СМИ и Интернету, наличие блюд, приготовленные в соответствии с китайскими кулинарными традициями и др.). В отелях China Friendly действуют карты национальной платежной системы Китая Union Pay.

Отрадно, что несмотря на то, что почти половина всех посещений иностранными туристами приходится на Москву и Санкт-Петербург, уверенные позиции популярных направлений занимают российские приграничные рай-

оны. К примеру, в период с январь по ноябрь 2015 г. в Приморском крае побывало почти 120 тыс. гостей из КНР, что на 75% больше чем в 2014 г. Отечественные туроператоры расширяют географию и ассортимент туристических предложений [12]. Важным свидетельством роста заинтересованности российскими турресурсами служит тот факт, что на сайте Qyer.com. (посещаемость которого в 2014 г. составила 60 млн. чел) – крупнейшем туристическом интернет-ресурсе – рассказывается, в частности, о туристских возможностях РФ. Популяризируя свои туристские дестинации, Китай развивает программу Russian Friendly China, обеспечивая комфорт для российских туристов (информация в гостиницах и некоторых аэропортах на русском языке). Используя положительный опыт работы по привлечению китайских туристов, разработана программа India Friendly.

Позитивным решением можно считать подписанный в 2016 г. трехсторонний Меморандум о сотрудничестве в сфере туризма между РФ, КНР и Монголией, а также – создание международного туристического объединения «Великий чайный путь». Это позволит задействовать туристские ресурсы Республики Бурятии, Забайкальского края, Иркутской области, китайских провинций (Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Хэбэй, Шаньси, автономного района Внутренней Монголии) и столичного региона Монголии. Разработанные железнодорожные турмаршруты по Транссибирской магистрали на поездах «Золотой орел» (Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск – Иркутск – озеро Байкал – Улан-Удэ – Улан-Батор – Владивосток) и «Императорская Россия» (Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск – Иркутск – Озеро Байкал – Улан-Удэ – Улан-Батор – Эрлянь – Пекин) призваны привлечь внимание к разнообразным достопримечательностям соседних государств.

Выводы. Индустрия туризма в современном мире занимает все более важное место в решении важных политических вопросов международного уровня. Ее роль не ограничивается значимостью в экономике стран, развивающих туристское направление как приоритетное. Безусловно, туристская привлекательность позитивно сказывается на динамике внутреннего и въездного туризма, влияет на формирование инвестиционных потоков, направляемых, в том числе, и в смежные отрасли: для модернизации и строительства новых транспортных коммуникаций, в жилищное строительство, пищевую промышленность и многое другое. Это находит отражение в повышении уровня жизни жителей принимающих стран и, что важно, усиливает положительное восприятие страны, аттрактивность для дальнейших посещений. Грамотная политика продвижения туристических возможностей ненавязчиво транслирует культурные и политические ценности.

Сфера развития российского туризма, наряду с решением традиционных задач, направленных на решение проблем социо-культурного характера, становится сферой приоритетных государственных интересов. Ныне это не только участник экономических процессов, но и важный политический ресурс. В

условиях санкций, применяемых к России, руководство страны рассматривает дальнейшее развитие туристской деятельности в качестве инструмента укрепления внешнеполитического имиджа на международной арене. Проводится масштабная работа по формированию образа не только сильной державы, но и гостеприимной, открытой к международному сотрудничеству.

Литература

1. Дергачев В. А. Мировая туристическая индустрия [Электронный ресурс] http://dergachev.ru/geop_events/010516-05.html#.WLatYfJmwSg (Дата доступа - 25.02.2017).

2. Тарасова И. Ю. Динамика политической роли туризма в истории России // Мир и политика. 2011. № 5. С. 104–109.

3. Вперед и выше. Сборник о походе на Эльбрус 638 колхозников орденоносной Кабардино-Балкарии. Под редакцией П. И. Мокрушенко, М. И. Звонцова, Н. Якименко. Северо-Кавказское краевое государственное издательство. Пятигорск, 1936.

4. Начальная подготовка альпинистов. Часть I. Введение/ под общей ред. П. П. Захарова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: СпортАкадемПресс, 2003. 296 с.

5. Багдасарян В. Э. Олимпиада – 80 и олимпийский туризм через призму «холодной войны» //Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 10–27.

6. Джанджугазова Е. А. Москва-1980: Олимпийская мозаика// Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 88–93.

7. Официальный сайт Ростуризм [Электронный ресурс]: http://www.russiatourism.ru/ (Дата доступа - 25.02.2017).

8. Игнатьева И. Ф. Динамика мировых туристских потоков в геополитическом аспекте // Вестник Национальной академии туризма. 2011. No 2 (18). С. 12–15.

9. Официальный сайт News.Ru.com [Электронный ресурс]: http://www.newsru.com/(Дата доступа - 25.02.2017).

10. Кривошеева Т. М. Российский турпродукт: потребительские ожидания иностранных туристов// Сервис в России и за рубежом. 2014. № 7 (54). С. 19–32.

11. Адашова Т. А. Транспортный потенциал Крыма в контексте развития сферы туризма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. География. Геология. №1. Том 2 (68). Симферополь, 2016. С. 3–12.

12. Адашова Т. А. Взаимодействие в странах БРИКС: российско-китайские отношения в сфере развития туризма Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник – 2016: сборник статей/под ред. Л. В. Шкваря. Москва: РУДН, 2016. С. 239–252.

ДИСКУССИИ

УДК 911.3:39 740

А. В. Любичанковский[1]
A. Lubychankovskii

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЕОГРАФИИ МЕНТАЛЬНОСТИ

EPISTEMOLOGICAL FUNDAMENTALS OF A GEOGRAPHY OF MENTALITY

Автор, опираясь на философские основы географии (геософию), предпринимает попытку выявления эпистемологических оснований географии ментальности. В статье проанализированы соотношение понятий ментальность / менталитет и генезис понятия «этноменталитет» в контексте географии ментальности, а также обозначены концептуальные задачи в выявлении «пространственнизации» ментальности.

This article contains attempt of identification and a formulation of the epistemological bases of a geography of mentality. The analysis is made on the basis of the philosophical bases of geography – a geosofiya. The ratio of concepts mentality and mentality is analyzed, a genesis of the concept "ethnomentality" in the context of a geography of mentality is considered, and also the conceptual tasks in the development of this direction are set.

Ключевые слова: геософия, география ментальности, этноменталитет.

Key words: geosofiya, mentality geography, ethnic mentality.

Что такое геософия?

В. П. Семенов-Тян-Шанский определил геософию как философские выводы из географии, «поскольку география не охватывает в сущности всего круга, обнимая только его внешнюю, описательную сторону и не касаясь философской» [1, с. 28–29]. Несколько раньше Э. Банзе писал, что «география представляет собою монистическую философию земной поверхности (геософию), исследующую по единообразному методу всё вещественное содержание этой, под углом зрения пространственного распределения, взаимной связи и взаимоотношения составляющих ее объектов» [2].

Обратим внимание на данную в этом определении характеристику монистического, как суживающего содержание философских оснований географии. Монисты объясняют весь мир только одним способом, который они манифестируют как истинный способ (например, весь исторический про-

[1] **Любичанковский Алексей Валентинович**, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета.

цесс интерпретируется через борьбу классов у К. Маркса или вся психика человека – через либидо у З. Фрейда). География предлагает множество интерпретаций через пространственный фокус именно как фокус, а не интерпретацию.

Интересно появление геософии как понятия в литературных текстах. Н.С. Гумилев в своей образно-символической геопоэтике открыл геософию как науку об «умной сущности земли» – «землемудрие». Исследованием геософских тем, мотивов и образов в русской литературе XX века занимаются Р. Д. Тименчик, Н. М. Теребихин, Н. А. Богомолов, Д. В. Громов, Ю. В. Зобнин и др. Н. М. Теребихин даже определяет истоки «этнософской» концепции этногенеза Л. Н. Гумилева как генетическое усвоение и воспроизведение образно-символической геопоэтики своего отца [3, с. 81].

Думаю, что В. П. Семенова-Тян-Шанского, великого ратователя за неразрывность географии с искусством, утверждающего, что и художник, и географ мыслят географическими образами и занимаются, в сущности, творческой генерализацией ландшафтов, выявлением в них типического и уникального, характерного и случайного [4, с. 337], и писавшего, что география… способна захватить нас до самозабвения и подвигнуть на величайшие создания в области поэтического творчества [4], не смущало открытие геософии поэтом – Н. С. Гумилевым. Е. Ю. Раскина даже приводит год открытия геософии – 1909, когда он решает основать «Геософское общество»; таким образом, его «геософия» предшествовала геософским теориям "евразийцев" – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина, П. П. Сувчинского, а также работам "последнего евразийца" – Л. Н. Гумилева» [5, с. 3]. Родоначальник евразийства П. Н. Савицкий понимал геософию как синтез географических и исторических начал» [6, с. 227].

На современном этапе геософия рассматривается у Г. Д. Гачева [7, с. 33], а также у Ж. Делеза и Ф. Гваттари как «геофилософия».

Взаимосвязь науки, раскрывающей многообразие мировых процессов и охватывающая их в целокупном проявлении по всей Земле, с философией неизбежна в силу ориентированности последней на обобщение накопленного и рефлексией над способом накопления. Однако, философия, выходит за рамки науки и, в принципе, может быть не направлена на получение нового знания, скажем, заниматься проблемами созерцания.

«Философ» – может философствовать о чем угодно в принципе. Философия не имеет своего конкретного специфического предмета и может мыслить через мышление о любом предмете. Отсюда произвольность содержательного поля философии. Отсюда случайность востребованности философии [8].

Поэтому использованиям философии для географии и географии для философии, с точки зрения автора, добавляет конструктивности предикат «эвристическая», то есть нацеленной на получение нового знания. Впрочем, не отрицая и другие полезные возможности философии в географии, можно

просто ограничиться в данной статье некоторыми возможностями эвристической философии в географии, или просто эвристической геософии. Приставка «гео» также видится необходимой для конкретизации условий философствования, а именно связанного с пространством Земли.

Что, если явление, подпавшее под объект исследования географии, является не только объектом исследования целого междисциплинарного комплекса, но и само по себе выступает как явление наблюдения за реальностью, имеет психологическое содержание? Проанализируем возможность исследования такого явления эвристической геософией.

Соотношение понятий ментальность / менталитет. Начиная со школы «Анналов» в специальных научных разработках наблюдается попытка дифференцировать понятия «ментальность – менталитет». Проанализируем соотношение этих понятий в традициях конкретных предметных отраслей, научных школ и ряда персональных исследователей (таблица).

Таблица. Соотношение понятий «ментальность / менталитет»

Традиция предметного поля, научной школы или индивидуальный взгляд исследователя	Менталитет	Ментальность	Анализ
Последователи школы «Анналов» (М. Блок [9], Л. Февр, Ф. Бродель и др. [10]).	Очерчивает принадлежность к различным социальным слоям в рамках одной культуры.	Описывает общие характеристики индивидов, живущих в одной культуре.	Разводит понятия по персонально-коллективисткой соотнесенности.
Традиция современной исторической науки [11, 12].	Всеобщее, общечеловеческое явление.	Относится к различным социальным стратам и историческим временам.	Соотносится как универсально-человеческое свойство и продуцирование этого свойства на конкретные эпохи, социальные группы, классы и т.д. В исторической науке закрепилась традиция употреблять термин «ментальность», а не термин «менталитет».

Психология [13, с. 3-7].	Универсальная способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определенному социуму и времени.	Свое конкретно-историческое воплощение ментальность находит во множестве менталитетов различных эпох и народов.	Представляет ментальность всеобщим, а менталитет – конкретным воплощением.
Культурология [14, 15].	Специфическое явление, характерное для человека вообще.	Форма конкретного проявления менталитета.	Тождественно с исторической отраслью знания.
Социология [16, с. 18; 17].	Следствие процесса социализации – усвоения норм поведения, традиций и обычаев. В связи с этим концепция менталитета совпадает во многом с основными положениями национальной идеи. Вместе с тем, представители разных народов являются носителями своей особенной культурно-исторической традиции, обычаев.	У того или иного народа или страны имеется более чем один менталитет и поэтому вводится понятие полиментальности – множественности менталитетов.	Ментальность относится к менталитету как общее к частному
Политология [18].	«Обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, означающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений».	Ментальность специально не выделяется.	Менталитет привязывается к национальному или региональному уровням.

Философский уровень [19].	Сформированная система элементов духовной жизни и мировосприятие, которое предопределяет соответствующие стереотипы поведения, деятельности, образа жизни разнообразных социальных общностей (групп) индивидов, а также включает совокупность ценностных, символических, сознательных или подсознательных ощущений, представлений, настроений, взглядов, мировоззрений.	Полисемантическое понятие для обозначения глубинного уровня человеческого мышления, которое не ограничивается сферой осознанного, а проникает в подсознательное.	Анализирует генезис этого феномена, отражающийся в движении понятий и категорий. Формируется за счет присвоения неотрефлексированных представлений людей. Диалектическая взаимосвязь указанных явлений следует понимать как частичное, аспектное проявление менталитета не столько в умонастроении субъекта, сколько в его деятельности, связанной или вытекающей из менталитета.
Когнитивная география [20, 21, 22, 23, 24, 25]	Изучение особенностей и закономерностей пространственного восприятия.	Различения не делает.	География ментальности видится прежде всего как позиция. Интерпретация ментальности как «пространства содержания», как «суммы» всех ментальностей – делает ментальность ненаблюдаемой по определению (ведь нельзя наблюдать все). Однако ментальность может мыслиться как позиция, с точки зрения которой наблюдатель интерпретирует конкретный наблюдаемый случай.

Анализ соотношения понятий «ментальность/менталитет» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, сложившаяся практика апеллирования в современной литературе этих понятий значительно шире чисто научно-исследовательских рамок

и сопровождается большим количеством вариаций и индивидуальных смысловых насыщений.

Во-вторых, понятийная связка «ментальность-менталитет», связанная с имплицитностью мироощущений, схем мышления, осознанными и неосознанными установками, ценностными ориентациями, верованиями, стабильными общечеловеческими культурными архетипами и символами бессознательного [26], выступает в диалектической взаимосвязи причинно-следственной обусловленности и потому часто ее невозможно разграничить.

В-третьих, недостаточность философско-методологической проработанности проблемы разграничения понятий «ментальность / менталитет» препятствует установлению спецификации их содержания.

Категорию «ментальность» можно определить как сформированную под влиянием географических, этнических и социокультурных, иррациональных и рациональных факторов систему стереотипов поведения, являющихся выражением приоритетных ценностей. Ментальность – это проявление менталитета. Менталитет можно определить как особый культурно-исторический феномен, отражающий психологическую специфику человека в определенных условиях социально-исторического бытия [19, с. 51–63].

Таким образом, современный этап анализа проблематики менталитета фиксирует нерешенность вопроса сущности этого явления. Менталитет называют «самым загадочным из вновь возникших слов», чей «гносеологический статус остаётся весьма неопределённым» [27, с. 23].

Как видим, ментальность – крайне сложное синтетическое понятие, употребление которого совсем не обязательно в связи с географией ментальности. При этом ментальность обладает особым качеством, отличающим его от других содержаний психологии человека. Это такое содержание сознания, которое не редуцируется ни к какому другому содержанию сознания.

Генезис понятия «этноменталитет» в контексте географии ментальности. Ретроспективный анализ изучения особенностей менталитета в различных геокультурных пространствах показывает, что его можно проследить практически за всю историю научной мысли.

Один из основоположников страноведческого направления в географии Геродот [28] в своих трудах описывал стереотипы поведения разных народов. Этнопсихологические наблюдения есть в трудах Ксенофонта [29], Тацита [30], Плиния [31], Страбона [32] и других античных ученых.

Национальный характер рассматривался в отечественной исследовательской традиции: В. О. Ключевским, П. Я. Чаадаевым, Н. А. Бердяевым, В. С. Соловьевым, Ф. М. Достоевским, Н. О. Лосским, Г. П. Федотовым и др.

«Должно быть, каждому народу от природы положено воспринимать из окружающего мира, как и из переживаемых судеб, и претворять в свой характер не всякие, а только известные впечатления, и отсюда происходит разнообразие национальных складов, или типов, подобно тому, как неодинаковая световая

восприимчивость производит разнообразие цветов. Сообразно с этим и народ смотрит на окружающее и переживаемое под известным углом, отражает то и другое в своем сознании с известным преломлением. Природа страны, наверное, не без участия в степени и направлении этого преломления» [33].

Интересны взгляды В. О. Ключевского в русле географического детерминизма на русский национальный характер. «В условиях суровой и своенравной природы... невозможность рассчитать наперед, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразилась на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с нежданными метелями и оттепелями, непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы... Природа и судьба вели великоросса так, что приучили его выходить на прямую дорогу окольными путями. Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» [33, с. 312].

Резюмируя взгляды В. О. Ключевского на явление, которое современные исследователи обычно подводят под дефиницию «ментальность», отметим выделенные историком факторы специфической манеры мышления: человеческая личность, людское общество и природа страны.

Отечественная социальная философия активно разрабатывает вопросы по определению сущности и структуры этнического менталитета, начиная с конца 1990-х годов. Первые определения этого понятия принадлежат С. В. Гриневой, А. И. Грищук, А. И. Пальцеву, Н. А. Прокопишиной, В. К. Трофимову и др.

В. К. Трофимов определяет национальный менталитет как совокупность иррациональных и рациональных особенностей коллективных представлений о мире, специфический склад мышления, чувств, верований, установок, которые опредмечиваются в материальной и духовной культуре, а также в особенностях функционирования и организации социальных институтов внутри этнической общности [34]. Внутренние, глубинные, нередко потаенные коллективные представления находят свое проявление в особенностях поведенческих реакций, специфике организации социальной и политической жизни и т. п. В контексте такого понимания этнический менталитет дает духовно-психологическое объяснение социальных процессов. В. К. Трофимов сближает понятие «национальный характер» и «этноменталитет» и рассматривает национальный менталитет как ядро национальной психологии.

Н. А. Прокопишина определяет этнический менталитет как систему значимых для самоидентификации общества социально-психологических установок и ориентаций, включающих культурные паттерны когнитивных процессов (восприятия, переработки и передачи информации) и социального поведения индивидов во всех сферах жизнедеятельности социума [35, с. 8.]. Такое понимание охватывает три важные сферы человеческой деятельности – поведение, коммуникация и познание.

И. Г. Дубов [36, с. 20–29] отмечает проблему выделения системообразующего признака национального менталитета. Психологический анализ этого феномена показывает укорененность этого явления в коллективном бессознательном. В когнитивной сфере ментальность выражается в перцептивных и когнитивных эталонах, а также социальных нормах – регуляторах поведения. Менталитет обусловливает модальность смысловой системы отношений к миру.

Итак, этноменталитет – особая национальная манера мышления, проявляющаяся во всех феноменах культурной жизни народа – и материальных, и духовных.

Важной и глубокой представляется идея О. Шпенглера, что при исследовании истории и культуры народа нельзя ограничиваться изучением каких-либо фактов, необходимо погружение в глубочайшие научные, художественные, философские, религиозные, социальные идеи арабов, греков, римлян, индусов и т. д. Каждая культура имеет свое лицо, за которым скрывается ее сущность [26].

Каждому самостоятельному этносу соответствует свой тип ментальности. Менталитет представляет собой наиболее устойчивую, атрибутивную характеристику культуры народа. Специфические черты национальных менталитетов складываются и проявляются в соотнесенности трансцендентального и имманентного в истории и культуре каждого конкретного народа. Менталитет как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций и идеологии. Общественные настроения зыбки, менталитет менее подвержен изменениям. Ценности осознаваемы, менталитет восходит к бессознательным глубинам психики. Этнический менталитет не всегда артикулируется его носителями, поэтому в разрезе разных эпох его реконструируют на основе сравнения ментальностей различных народов [26].

Отметим также важность в представлении о ментальности этноса, выраженной двумя выдающимися персоналиями отечественной научной мысли – Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем, оставившим во многом конфронтационное друг другу этнологическое наследие, но в аспекте понимания сущности менталитета – дополняющих друг друга.

Ю. В. Бромлей определял национальный характер как присущие данной этнической общности специфические социально-психологические черты [37]. Его особенности не затрагивают основ психики людей, гносеологическо-

го аспекта восприятия внешнего мира, основных форм логического мышления, одаренности. Они определяются не биологически, расово, генетически, а социальными факторами. Психический склад нации проявляет себя в специфических привычках, обычаях, традициях, вкусах. Понятие национального характера намного уже понятия национального менталитета. Со сложившимися чертами этнического характера индивид не рождается, он приобретает их в процессе воспитания, они – продукт внешних условий. Этого нельзя сказать об этническом менталитете: предпосылка определенной манеры мышления, особого склада ума в человеке имеется изначально [26].

Л. Н. Гумилев не использовал термин «ментальность/менталитет», но активно пользовался представлением о стереотипе поведения, который в контексте концепции этногенеза семантически близок к ментальности.

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего. Структура этнического стереотипа поведения – это строго определенная норма отношений: a) между коллективом и индивидом; b) индивидов между собой; c) внутриэтнических групп между собой; d) между этносом и внутриэтническими группами. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Соприкасаясь же с другой нормой поведения в другом этносе, каждый член данного этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачестве другого народа. Собственно говоря, такие рассказы и составляют этнографию, науку столь же древнюю, как и межэтнические связи. Разница между ее первичным состоянием и научным обобщением лишь в широте охвата и систематизации сведений, да еще в том, что этнографа не шокируют обычаи и обряды иного этноса [38, с. 117–118].

Таким образом, для людей разных этнических культур поведение и мышление друг друга может рассматриваться как алогическое или мистическое, при этом другое этническое мышление для человека, принадлежащего данной культуре, вполне нормально и естественно.

Таким образом, точки зрения Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея могут быть разведены следующим образом. Менталитет не затрагивает основ психики людей, гносеологического аспекта восприятия внешнего мира, основных форм логического мышления, одаренности (Ю. В. Бромлей) и ментальность, выражающаяся в стереотипе поведения – это строго определенная норма отношений: внутриэтнических групп между собой; между этносом и внутриэтническими группами; этноса с вмещающим ландшафтом, которые, в каждом

случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития (Л. Н. Гумилев).

В разных этнических культурах можно найти специфические только для этих культур ментальные особенности. В качестве проявления у индивидов эти особенности универсальны в разных этносах, но рефлексия в качестве своей ментальной характерности, представление как о некой своеобразной черте национального характера – связывается только с конкретным этносом.

Типовое поведение, характерное для представителей конкретной общности, позволяет описать черты национального характера, складывающиеся в национальный тип, который в схематизированном виде предстает как этнический стереотип [26].

В целом, по итогам представленной выше ретроспективы, можно утверждать многообразие формулировок для обозначения психических феноменов, связанных с этносом: «формы общественного сознания» (Карл Маркс), «психология народов» (Хейман Штейнталь, Мориц Лацарус, Георг Вайц, Вильгельм Вундт, Альфред Фуйе), «психология масс» и «психология толп» (Жан-Габриель де Тард, Сципион Сигеле, Густав Ле Бон), «коллективные представления» (Эмиль Дюркгейм, Марсель Мосс, Анри Юбер), «общественное мнение» (Уолтер Липпман, Фердинанд Тённис), «коллективное бессознательное» (Карл Юнг) и т. д. Только в первой трети XX века появляется термин «ментальность», введенный Люсьеном Леви-Брюлем. Многие из этих понятий несут отпечаток надындивидуальных психических феноменах, близких по сути к этноменталитету.

«Пространственнизация» ментальности. В силу соединенности пространства-времени в реалиях научной географии, пространство проявленной ментальности обязательно должно коррелироваться с его временем, а следовательно, возникает необходимость выявления динамики ментального пространства, которая, в свою очередь, вскрывается через обилие интерпретационных схем: от отнесения ментальности к ядру человеческой психики, не меняющейся во времени, а только по-разному проявляющейся в различных геокультурных, технологических и прочих контекстах, до отнесения ментальности к более подвижному типу сознательной организации личности, различающейся в разных эпохах по различным параметрам. Оценка всего дискурса, связанного с понятийной связкой «ментальность-менталитет», в гуманитарном научном дискурсе является темой специального исследования. В данной статье остановимся на конкретизации уже имеющихся схем оценки структуры ментальности для их выстраивания в пространстве.

Феноменологически различие между содержанием ментальности и объектом географии ментальности можно объяснить на примере их предикации. Когда мы говорим: «что-то является чьей-либо ментальностью» и «что-то про-

является в ментальном пространстве», то в первом случае под *является* понимаем содержание (то, *что* осознается), а во втором случае – проявление (*как, когда* осуществляется или не осуществляется в географическом пространстве). Это «что» находится в пространственной конфигурации, а не во временной последовательности. Занимаясь географией ментальности, мы можем обращаться и к психологическим характеристикам процесса ментальной перцепции, но только в том случае, если это будет входить в задачу наблюдения. Однако в отношении структуры ментальности у нас такой возможности не будет, поскольку ее «психичность» может мыслиться только как одна из вторичных (третичных и так далее) интерпретаций состояний сознания, но не как содержание проявлений этих состояний.

Используя время в отношении пространства ментальности, можно исходить из внутреннего и внешнего времени в менталитете. Ментальность предполагает как внешнее ему время, когда оно происходит, так и «внутреннее», собственное время его протекания. Уникальность в отношении внутреннего времени в ментальности – это то, что трудно или невозможно сообщить. Уникальное – несообщаемо уже в силу того, что сообщение или сигнал о нем придет во время, отделенное от времени, когда оно случилось, другим временем, будь то время сообщения, или время его восприятия, или какое угодно другое время. Однако в практическом наблюдении ментальности нам стоит исходить из общего предположения о том, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, содержания пространства ментальности всегда будут «старше» и «долговременнее» тех актов мышления, объектами которых они являются. Тогда в нашем «пространстве ментальности» эти содержания или структуры ментальности никак не будут соотноситься друг с другом во времени – у ментальности нет своего времени (время здесь может оказаться лишь одним из содержаний ментальности).

Проанализировав результаты многообразных инструментально-методических приемов, используемых в науке и имеющих потенциал для применения в рамках географии ментальности, кодифицируем их в следующие три подхода – социологические опросы, ментальные зарисовки и литературно-географический подход [39, 40, 41, 42]. В порядке гипотезы (возможно, необоснованно сильной!) автор, рассматривая ментальность в контексте этноменталитета, видит центро-периферийную «перевернутость» стратификации этноментальных проявлений в пространстве. Наиболее аутентичные, «корневые» свойства, с точки зрения принадлежности к ментальности определенного этнокультурного пространства, проявляются наибольшим образом в глубинке. И эти же свойства наиболее размыты, и в целом не регионализированы, в социально-экономических центрах («узлах» и «узелках» глобальной урбанистической структуры, оказавшихся при этом «центрами-иностранцами» (по А. И. Трейвишу [43, с. 9–22]), очагами культурных псевдоморфоз [44, с. 85].

А. Г. Дружинин отмечает, что в современном (все более взаимозависимом и контрастном) мире центро-периферийная стратификация (идентифицированная и концептуализированная в трудах И. Валлерстайна, Ф. Броделя, Дж. Фридмана, П. Кругмана и др.), устойчиво воспроизводясь, углубляется и усложняется, являя новые аспекты и уровни, детерминанты и тренды. Универсальность процесса корреспондирует с вариативностью (и множественностью) фактических моделей центро-периферийной организации, функционирующих и видоизменяющихся в сложной общественно-географической динамике конца XX – начала XXI в. Один из базовых трендов при этом – рост влияния на территориальную организацию общества информационно-ментальных и, в целом, геокультурных факторов [44, с. 83].

Конкретизируя такой подход к геософской концептуализации ментальности на более частных примерах, можно обозначить в географии ментальности несколько пространственных ее (ментальности) проявлений:

1) в геокультурной лимологии (на границе и в переходных зонах регионализованных геокультурных пространств);

2) в центро-периферийной перевернутости стратификации этноментальных проявлений в пространстве (аутентичные свойства проявляются наибольшим образом в глубинке и максимально размыты в социально-экономических центрах);

3) в глобализационно переплетающейся и топологически потенциально повсеместной контактности (межэтнической и межцивилизационной).

Оценивая ментальность, как динамическую систему (наподобие меняющегося стереотипа поведения от эпохи к эпохе у Л. Н. Гумилева) в геополях, инновации в ментальности проявляются как предтеча этнокультурных трансформаций во взаимонапластованных, вытягивающихся и оттягивающихся пространствах тяготения к тому или иному цивилизационному массиву, или участках реализации социального творческого потенциала (равно и регрессии человеческого капитала) и других социально-экономических проявлений не экономически детерминированных форм территориальной организации общества.

Автор чисто интуитивно, то есть без сформулированного правила-вывода, исходит из принципиальной недостоверности своего знания о своей ментальности. Формулировка какого-то содержания ментальности не может быть произведена изнутри этой ментальности – она может прийти только извне. В этом видится эпистемологически эвристическое обоснование географии ментальности. Поэтому важным условием выявления ментальности в пространстве является необходимость манифестации отсутствия привилегированной позиции «исследователя». В географии ментальности исследователь – становится наблюдателем.

В частности, с чисто научной точки зрения, следует быть осторожным в оценке собственной ментальности в ее отношении к текущим этнокультурным трансформациям, сегодняшней политической ситуации и т.д.

Объективность ментальных проявлений может быть выявлена только в инструментальном смысле. Это не объективность в смысле элементарного эпистемологического противопоставления объективности и субъективности, где объективность рассматривается как беспристрастие, чистая наблюдательность, а субъективность – как то, что подвержено модальностям и модификациям психики, эмоциям, желаниям, нежеланиям. Здесь объективный – значит видящийся с точки зрения географии ментальности, для которой ментальность есть объект.

Проведенное рассуждение можно отнести к метатеории географии, к которой относятся и все наши рассуждения об условиях подхода к рассмотрению географии ментальности, но не рассуждения о самом объекте – ментальности, хотя то, что уже говорилось выше о проявлении ментальности в пространстве, уже как бы «граничит» с еще несформулированным географическим подходом к анализу ментальности.

Литература

1. Семенов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. 1928. 311 с.
2. Неуструев «География как наука о ландшафте». Речь, читанная на торжественном открытии высшей вольной школы в г. Оренбурге 20 октября 1918 года // Газета «Оренбургский край» от 20 октября 1918 г.
3. Теребихин Н. М. Геософия и сакральная география как проектно-ориентированные направления исследования в области этнокультурологии народов Северной Евразии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1.
4. Каганский В. Л., Полян П. М., Родоман Б. Б. «Район и страна» В. П. Семенова-Тян-Шанского / Родоман Б. Б. География, районирование, картоиды: Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
5. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н.С. Гумилева: автореф. … д-ра филол. наук. Архангельск, 2009.
6. Савицкий П. Н. Географический обзор России – Евразии // Мир России – Евразия: антология. М., 1995.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1998.
8. Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций / Александр Пятигорский. М.: Издательство «Европа», «КДУ», 2017. 146 с.
9. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с фр. Таллин: Ээстираамат, 1983. 184 с.
10. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах (1996) М.: Изд-во РГГУ.
11. Гуревич А. Я. Проблемы ментальности в современной историографии // Всеобщая история: дискуссия, новые подходы. Вып. 1. М., 1989.
12. Пушкарев Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158–166.
13. Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Русская история: проблемы менталитета. Тезисы докл. науч. конф. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994.
14. Культурология: курс лекций. Ч. 1 / под ред. Гороховской Л. Г. Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2007. 226 с.

15. Кравченко А. И. Культурология: Словарь. М., 2000. С. 343.

16. Бурдье П. Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.

17. Юм Д. О национальных характерах. СПб., 1992.

18. Ануфриев Е. А., Лесная А. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44.

19. Шпилькин Ю. И. Евразийский менталитет. М., 2013. 242 с.

20. Замятина Н. Ю. Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин; авт. Андреева Е., Белоусов С., Галкина Т. и др. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 339–340.

21. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии / Авт. предисл. С. В. Федулов. М.: Прогресс, 1990.

22. Mark D. M., Freksa C., Hirtle S. C. Cognitive models of geographical space. Int. J. Geographical Information Science. 1999. Vol. 13. No. 8. P. 747–774.

23. Kitchin R. M. Increasing the integrity of cognitive mapping researh: appraising conseptual schemata of environment-behavior interaction // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20. No. 1. P. 56–84.

24. Лавренова О. А. Перцепционная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география. Вып. 5. М.: Институт Наследия, 2008. С. 260–264.

25. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

26. Никитина Э. В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур (электронная база данных). Под редакцией проф. А. В. Павловской и канд. полит.наук Г. Ю. Канарша. Сайт создан при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №13-03-12003в).

27. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. (2013) Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. № 2.

28. Геродот. История. М.: Директ-Медиа, 2008. 1262 с.

29. Ксенофонт. Греческая история. 2-е изд. Под ред. Р. В. Светлова. (Серия «Античная библиотека». Раздел Античная литература»). СПб.: Алетейя. 1993. 448 с.

30. Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. (Серия «Литературные памятники»). Л., Наука. 1969. Т. 1. Анналы. Малые произведения. 444 стр. Т. 2. История. 370 с.

31. Плиний Старший о германцах. // Древние германцы: Сборник текстов. М., 1937. С. 47–54.

32. Страбон География / пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского / Под ред. О. О. Крюгера, общ.ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994.

33. Ключевский В. О. (1987) Сочинения: в 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. / под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль. Лекция XVII «Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса» из курса русской истории, 1987. С. 316.

34. Трофимов В. К. (2001) Истоки и сущность русского национального менталитета (социально-философский аспект): автореф. дис. … д-ра филос. наук. Екатеринбург.

35. Прокопишина Н. А. (2003) Факторы формирования национального менталитета России и США: компаративный анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук. Новочеркасск.

36. Дубов И. Г. (1993) Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. № 5.

37. Цитата по: Кочетков В. В. (2002) Психология межкультурных различий. М.: ПЕР СЭ.

38. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2008. 736 с.

39. Любичанковский А. В. Литературно-географический подход в культурной географии / Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты: коллективная монография / Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2014. 536 с. С. 157–165.

40. Любичанковский А. В. Социальное конструирование динамики цивилизационных процессов по формам освоения человеком действительности // Вызовы современности: философские и психологические проблемы. Международная научная конференция, посвященная 50-летию философского факультета Ереванского государственного университета. Ереван: ЕГУ, 2014. С. 107–109.

41. Любичанковский А. В. Анализ предметно-объектной сферы географии ментальности. Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 270–275.

42. Любичанковский А. В. Современная цивилизационная картина мира в контексте концепции этногенеза Л. Н. Гумилева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 6. С. 128–132. ISSN 1814-6457.

43. Трейвиш А. И. Экономические сдвиги и связи в постсоветском пространстве: проблемы дезинтеграции и реинтеграции // Известия Академии Наук. Сер. геогр., 2000. № 3.

44. Дружинин А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.

УДК 908

Н. В. Гонтарь[1]
N. Gontar

АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ «ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР – СЕЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ»

THE INFLUENCE OF THE FACTOR OF ADMINISTRATIVE REGULATION ON TRANSFORMATION OF THE "THE CITY CENTER – THE RURAL PERIPHERY" SYSTEM

Административное регулирование оказывает многообразное воздействие на пространственные процессы. Статья посвящена рассмотрению косвенного (непланируемого) воздействия решений в рамках административно-бюрократической системы на трансформацию пространственного баланса в системе городских центров и их (преимущественно сельской) периферии.

[1] **Гонтарь Николай Владимирович**, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

Administrative regulation makes diversiform impact on spatial processes. Article is devoted to reviewing of influence of decisions within administrative and bureaucratic system which make indirect (not schedulable) impact on transformation of spatial balance in system of city centers and their (preferentially rural) periphery.

Ключевые слова: город, система «центр-периферия», урбанизация, дезурбанизация, бюрократия, пространственная организация.

Key words: city, system of center and periphery, urbanization, bureaucracy, spatial organization.

Введение. Пространственные структуры общества формируются в ходе социального и экономического взаимодействия различных акторов, наиболее значимым из которых является государство как современная эволюционная форма правления. Оценки как потребности в такой форме, так и результатов её функционирования резко разнятся. Так, распространенным в постсоветской научной мысли является подход, озвученный Г. Б. Клейнером [1, с. 81], согласно которому «если доминирует экономика (над государством и социумом) – это экономика физических лиц, где каждый против каждого, вследствие чего государство должно выступать с миссией защиты, обеспечивать не ограниченное во времени продолжение функционирования экономики и общества на данной территории». Государство – гарант, удерживающий от краха как общество, так и территорию, оно «ведет нас из прошлого в будущее».

Фактически согласуются с приведенной точкой зрения современная западная «либеральная» мысль и практика управления: все процессы в экономиках развитых стран, от денежного регулирования, до инфраструктурного строительства, политики цен, социальной динамики подчинены решениям властей. Отождествление этатизма и «либерализма» коренится в исторической трансформации терминов: в 1820-х гг. представители среднего класса в испанских кортесах (парламенте) именовали себя либералами (от libres – свободные); они боролись с сервилистами (от serviles – рабы), представлявшими знать и абсолютную монархию. Но около 1900 г. смысл термина «либерал» изменился: называть себя либералами стали те, кто поддерживал «большое правительство» и желал поставить под контроль рынок [2].

Противоположен изложенному выше взгляд на государство, например, М. Ротбарда, согласно которому, «государство представляет собой антиобщественный инструмент». Аргументом в пользу такой оценки (помимо анализа экономических процессов) является, например, тот факт, что доводы, выдвигаемые в защиту государства, применимы к обществу, а не к государству. В качестве примера: подчеркивание значения права как аргумент «за государство» игнорирует факт разного происхождения закона и государства; значительная часть англосаксонского права возникла из норм, установленных не государством, а самими людьми – обычное право, торговое право и прочее [3]. При этом, речь идет не только об исторической ретроспективе: 14 марта 2017 г. в

Ростове-на-Дону открылось первое в России отделение Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате. Теперь любые коммерческие споры, возникающие на Юге России, можно будет оперативно и квалифицированно решать в таком (негосударственном) суде [4].

Тем не менее, роль современного государства как института – сложно переоценить: современные экономики, как «развитые», так и «переходные», пронизаны регулирующими мерами государства. Иногда регулирование понимается как элемент рыночного процесса, обеспечивающий соблюдение прав собственности и условий договоров. Однако большая часть современных регулирующих норм не относится к этой категории. Напротив, регулирование оказывается источником «помех» в экономике и социальной сфере, причем не в последнюю очередь – в силу реализации административно-бюрократическим аппаратом своих персональных интересов («частная целевая функция» бюрократии), не связанных с достижением номинальных целей управления.

Среди многообразных форм административного воздействия на пространственные процессы, меры, условно объединяемые в категорию «региональная политика», имеют «коррекцию» пространственных пропорций своей непосредственной целью. Однако значительная часть административно-бюрократического регулирования, не имея целью трансформацию пространственных пропорций, тем не менее, также оказывает на них мощное косвенное (непланируемое) воздействие.

Такое косвенное регулирование пространственных процессов (за пределами «региональной политики») весьма масштабно, превосходя по объему и спектру совокупность различных форм региональной политики; оно может значимо искажать результаты последней, формировать неоптимальные пространственные тенденции, однако, в силу доминирования в исследовательском дискурсе проблематики целевых пространственных решений, остается вне повестки исследований пространственных процессов (таблица).

Таблица. Дифференциация рыночного сектора и административного регулирования по критерию целеполагания в сфере пространственной политики

Сектор	Тип политики	Наличие номинальной цели трансформации пространственной организации	Фактическое косвенное влияние на пространственную организацию
Рыночный сектор	-	-	+
Административное регулирование	Региональная политика (в широком смысле)	+	+
	Непространственное регулирование	-	+
	Соискание бюрократической ренты	-	+

Косвенное влияние на пространственные структуры формирует и рынок, в рамках которого трансформация пространственных пропорций также не значится как независимая цель: пространственный элемент стратегий корпораций служит «техническим» средством решения рыночных задач (оптимизация издержек, расширение доли рынка, выход на новые рынки и т.п.)

Многообразное косвенное воздействие административное регулирование оказывает на пространственные отношения в системе городских центров (различного ранга) и их (преимущественно сельской) периферии. Несмотря на косвенный характер, сама трансформация пространственной организации (по линии «пространственная концентрация – пространственная деконцентрация», или, в контексте обозначенного объекта, – «урбанизация-дезурбанизация») является вполне осязаемой: это – искусственно генерируемая непрогнозируемая деформация естественных самоорганизующихся процессов. Элементы подобного рода регулирования исследуются в статье в разрезе векторов, в рамках которых формируется их косвенное воздействие на пространственные процессы (рисунок).

Административно-бюрократическое воздействие на концентрацию-деконцентрацию в системе «город-сельская периферия».

Соискание бюрократической ренты является отражением закономерностей функционирования бюрократии, в целом вне зависимости от государственного устройства и экономической системы; он создает условия, а также сам формирует косвенные эффекты трансформации пространственных структур. Так, в рамках развитых экономик примером последнего является извлечение доходов из политического влияния и инсайдерской информации: например, члены Конгресса США, по сравнению с другими американцами, накапливали богатства примерно на 50 % быстрее в 2000-е гг., увеличив в 2004-2006 гг. свои капиталы в среднем на 84%; состояния законодателей росли даже во время рецессии [5].

Проявление элементов косвенного регулирования принимает различные формы в разных национальных социально-экономических условиях. В целом, однако, распространенной формой рентного использования государства является «приватизация» его законодательной функции, что способно вести, в том числе, к трансформации пространственной организации на микроуровне. Так, конгрессмен Д. Хастерт, прослуживший в конгрессе США 20 лет, приобрел более сотни акров сельскохозяйственных угодий и добился принятия закона, который предусматривал строительство в районе его владений шоссе за 220 млн долл., что увеличило стоимость его земли вдвое, так что её продажа дала прибыль около 2 млн. долл. [6]. Схожий пример – дело гольф-клуба Deepdale (северный берег Лонг-Айленда). В 2006 г. клуб успешно отразил попытку конфискации его земли городком Норт-Хиллс: сторонники клуба добились принятия законодательным собранием штата особого закона, который запре-

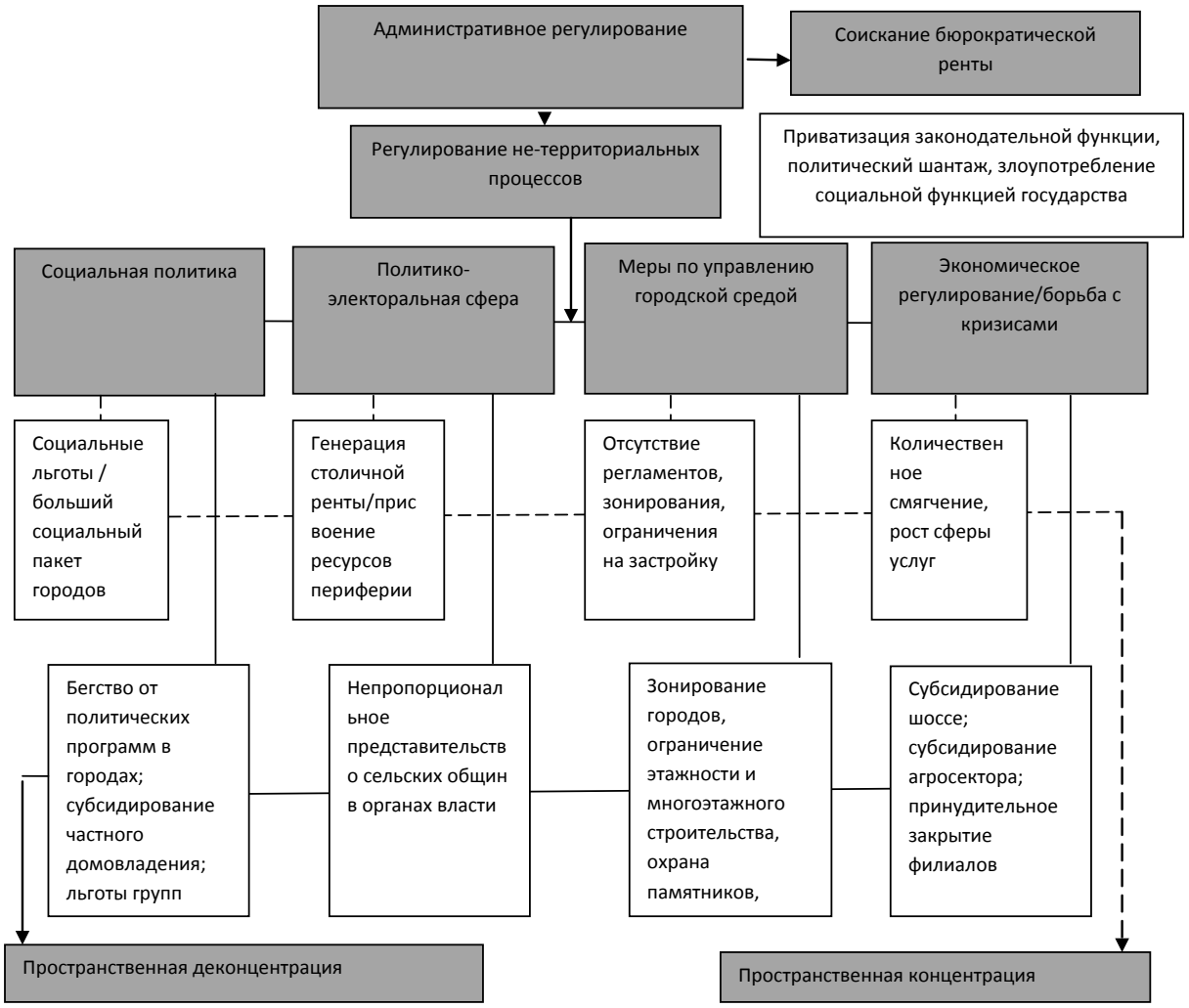


Рис. Элементы косвенного административно-бюрократического воздействия на концентрацию-деконцентрацию в системе «город-сельская периферия» (за пределами «региональной политики»)

щал городу Норт-Хиллс отчуждать землю клуба (членами клуба в этот момент состояли крупные финансовые и медийные фигуры) [7].

Административно-бюрократический аппарат не только присваивает административную ренту, но и формирует условия её генерации. Среди механизмов подобного рода – создание неисполнимых (в силу колоссальной трудоемкости) норм отчетности, что создает повод для проверок и санкций и служит отправной точкой «переговоров». Бывший член Комиссии по охране окружающей среды штата Нью-Йорк Т. Йорлинг охарактеризовал такой подход как «разновидность вымогательства» (угроза привлечения к уголовной ответственности гарантирует неукоснительную оплату штрафов).

Ф. Макчесней обосновывает тезис о том, что шантаж и вымогательство являются неотъемлемыми признаками современного процесса государственного регулирования. Политические «предприниматели» угрожают правовыми и нормативными актами, которые либо позволят ввести регулирование цен, либо вызовут увеличение затрат (что «обеспечит» снижение прибыли), если

«намеченные» компании и отрасли не рассчитаются с политиками посредством отчислений в фонд избирательных кампаний, выплат гонораров за лекции, вакансий для родственников, финансирования поездок [8].

Как образец политического вымогательства рассматривается «табачное соглашение» между властями США и компаниями отрасли. В обмен на разрешение вести бизнес, табачные компании вынуждены выплатить почти 250 млн. долл. адвокатам, а также федеральному правительству, правительствам штатов и местным органам власти. По данным СМИ, взносы расходуются властями на что угодно, кроме «нужд здравоохранения», как было обещано.

Частный бизнес также прибегает к возможности манипулирования законодательством посредством использования в своих интересах законодательного процесса. Так, компания Fannie Mae добилась ослабления правил кредитования (ипотека), что позволило выдавать кредиты американцам при величине первоначального взноса в размере лишь 5 % от суммы кредита (и сформировало, в числе прочих мер государственного регулирования, спираль роста цен, вызвавшую последующий кризис на ипотечном рынке США) [9].

В целом, государственное регулирование рассматривается как разновидность политики «кормушек», когда бюрократия раздает привилегии приближенным группам. Не случайно одной из первых мер администрации Д. Трампа стало решение о запрете сотрудникам администрации по окончании работы на государство в течение 5 лет предлагать американским компаниям и организациям свои услуги в качестве лоббистов. Указ также вводит для сотрудников Белого дома пожизненное ограничение на работу в этом качестве на иностранные правительства и компании [10]. Эти меры можно расценить как оправданные, так как потери США ввиду стремления присваивать политическую ренту могут превышать 12% внутреннего потребления [11].

С «частным доступом» смыкается и практика соискания бюрократической ренты социальными группами, цель которых – перераспределение в свою пользу финансовых ресурсов под предлогом решения той или иной «общественно значимой» проблемы. В демократических обществах данная практика может являться видом шантажа, поскольку невыполнение требований (часто абсурдных) таких групп может повлечь обвинения в недостатке внимания властей к той или иной «проблеме». Пример такого рода – принятие в США в 1978 г. Закона о реинвестировании общественных групп (ЗРОГ) под предлогом того, что банки выдают меньше займов жителям менее зажиточных (периферийных) районов не потому, что в них проживает меньше кредитоспособных заемщиков, а по причине «дискриминации» (преимущественно чернокожих) жителей таких районов. Как следствие, возникла целая индустрия «общественных групп», которые, по сути, вымогают деньги у банков: всякий раз, когда банк намерен осуществить слияние, расширение или создать новое отделение, эти мероприятия подлежат одобрению со стороны ряда федеральных органов. Если *кто-нибудь* подаст жалобу, обвиняя банк в предоставлении слишком

незначительного числа займов по ЗРОГ, слияние или расширение будет остановлено. Так называемые общественные группы довольно часто предъявляют подобные жалобы и не отзывают их до тех пор, пока банки не передадут *им* (или их аффилированным группам) суммы, подчас измеряемые десятками миллионов долларов [8].

Регулирование не территориальных процессов, отчасти опираясь на изложенные выше механизмы, оказывает значимое непланируемое влияние на пространственные процессы и реализуется по ряду направлений.

Решение социальных проблем. Наиболее масштабный процесс «вымывания» населения из городов (который имеет результат, куда более прочный, чем «региональная политика») связан с автомобилизацией в XX в. общества развитых стран и, в том числе, – с развитием системы автотрасс. Автомобили привели к строительству новых жилых пространств с низкой плотностью, которые иногда находятся на границе старых городов, а иногда – независимо от них. Даже изменения конца XIX в., когда появились небоскребы и пригородные трамваи, не столь значимы, как создание пространств, ориентированных на автомобиль. Так, к 1920-м гг. правительство США начало организовывать и финансировать строительство дорог с покрытием на территории всей страны. Сегодня система федеральных автотрасс охватывает 46 тыс. миль [12], построенных и обслуживаемых благодаря инвестициям бюджета США и бюджетов штатов. Согласно докладу Европейского агентства по вопросам окружающей среды (The European Environment Agency), после 1950-х гг. более 90% новой застройки в таких городах как Вена, Марсель, Брюссель, Копенгаген приходится на места пригородного типа с низкой плотностью населения. Также и Милан потерял сотни тысяч жителей, многие из которых переехали в ориентированные на автомобили пригороды [9].

Государственные расходы в сфере строительства автотрасс стимулируют деконцентрацию населения, в США усиленную ориентацией на транспортное обеспечение периферии: за 20 лет в конце XX в. транспортное душевое финансирование десяти наиболее населенных штатов было вдвое меньше, чем финансирование десяти наименее населенных штатов. В стимулирующем пакете, где используется аналогичная формула, соотношение аналогично [9].

Федеральная программа автотрасс значительно упростила бегство из городов; субсидирование областей с низкой плотностью населения «выманивает» людей из городов. При этом характерно, что действующий подобным образом механизм зачастую вовсе лишен цели: как указывало Административно-бюджетное управление Белого дома, имея в виду федеральную программу автотрасс, «финансирование не основано на потребности или эффективности, средства на программу были заранее зарезервированы» [9].

Однако если бы компании оставались привязанными к городским центрам, развитие пригородов было бы ограничено длительными поездками на работу. Но автотрассы Америки позволили уйти в пригороды и самим ком-

паниям, а не только семьям. Так, 56% рабочих мест Хьюстона находятся на расстоянии более 10 миль от центра города [13]. Как следствие движения компаний из городов при одновременном росте привлекательности городов как места отдыха и развлечения, в США сменилось направление маятниковой миграции: все больше людей живут в Нью-Йорке, работая за его пределами. В целом в США доля населения, которое перемещается из центральных районов города на работу в пригороды, выросла с 2,4% в 1960 г. до 8,6% к 2010 г. [14].

Тесно связано с автомобилизацией регулирование акцизов на топливо: исследование 70 городов мира выяснило, что когда страны переходят от низких налогов на бензин к высоким, плотность застройки увеличивается более чем на 40% [15]. Таким образом, государственные инвестиции в автотрассы и (в целом произвольные) решения относительно ставок акцизов на топливо способны привести к ощутимому «отклику» в виде концентрации или деконцентрации в системе «урбанистический центр» – «периферия».

Этот же вектор (перекрестное субсидирование «в пользу» сельских районов) можно наблюдать в сфере почтовых услуг. Обычной практикой доставки писем является применение почтовой службой единого тарифа, но ввиду небольших расстояний, издержки, связанные с обслуживанием городских потребителей, малы, тогда как обслуживание удаленных сельских районов обходится гораздо дороже, так что государство, субсидируя почтовую доставку, поддерживает сельские районы.

Задача социального выравнивания побудила правительство Новой Зеландии создать государственный банк – Kiwibank (в противоположность предыдущей широкой политике разгосударствления), что было объяснено тем, что банки заставляют клиентов, особенно мелких, платить слишком высокие комиссии за обслуживание, не оказывают надлежащих услуг в сельских районах, реже выдают ипотечные кредиты, назначая слишком высокую ставку [16].

В обществе с высокой расовой неоднородностью социальные проекты реализуют также задачу преодоления расовых барьеров. В США это вылилось в идею искусственно смешивать школьников различной расовой принадлежности в государственных школах, привозя в школы учеников в рамках школьных округов (политика, названная «басинг», bussing). Сторонники басинга видели в нем возможность сломить интеллектуальную изоляцию гетто и повысить шансы афроамериканцев; враги басинга, к которым относилось более 90% американцев, усмотрели в нем агрессивное вторжение, которое разрушает районные школы и вынуждает детей совершать длинные поездки [17, 18].

Решение Верховного суда по делу «Милликен против Брэдли» ограничивало басинг пределами школьных округов и, по существу, означало, что люди, жившие в городской черте, вынуждены заниматься расовой интеграцией, но дети из пригородов были от нее освобождены. Как следствие, жители белых районов стали в массовом порядке уезжать из таких городов как Бостон в пригороды сразу за границей школьного округа. Э. Глезер [9] оценивал школьную

программу США как наиболее важную государственную программу, склоняющую к переезду в пригороды: большие города привлекают бедных людей, однако обучение детей бедных родителей ложится грузом на систему городских школ, которые демонстрируют обычно более низкую успеваемость, хотя не уступают пригородным в тратах на ученика. Бедность в больших городах заставляет состоятельные семьи уезжать и формировать собственные анклавы сразу за границей города, где состоятельные люди могут жить близко к городу, но не платить его налоги и не учиться в его школах.

Политико-электоральная сфера. Концентрация политической власти обусловливает зависимую пространственную концентрацию. Основой этого процесса является слабый или отсутствующий (например, в диктатурах) контроль общества над распределением ресурсов, что позволяет бюрократическому аппарату и аффилированным с ним структурам концентрировать значимую долю доходов экономики. П. Грегори из Института Гувера отмечает, что олигархи в обществах с господством государства – неизмеримо более могущественны, чем 1 % самых богатых людей в странах с рыночной экономикой. Создатели богатства, предприниматели, такие как Б. Гейтс, У. Баффет и Л. Эллисон, контролируют меньшую долю ВВП США, чем российские миллиардеры. В США, странах Евросоюза, Ю. Корее, где владельцы самых крупных состояний играют преимущественно роли предпринимателей, их доля в ВВП колеблется в интервале 1–2%. Учитывая вклад, который эти люди вносят в экономику, их материальное вознаграждение представляется довольно скромным. На Украине и в России доля ВВП, контролируемая десятью самыми богатыми людьми, составляет 4–6% [19].

Фактор дизайна политической системы является, при этом, одним из существенных, в частности, для концентрации населения страны в её крупнейшем городе. Согласно предположению П. Кругмана [20], страны с высокой долей торговли в ВВП и низкими торговыми барьерами редко имеют население, сконцентрированное в одном городе. Городская концентрация связана с неразвитостью транспортной сети и низкой долей занятых в агросфере. Однако политические силы, даже более чем экономические факторы, обусловливают городскую концентрацию в крупнейшем городе. Суть процесса состоит в том, что нестабильные режимы побуждают к концентрации возле центра власти; кроме того, диктатуры более свободны в эксплуатации богатств периферии (хинтерданда). В частности, Дж. Хендерсон [21] отметил, что концентрация государственных расходов и нефедеральное управление равно ведут к концентрации в ключевом городском центре. Политика обусловливает городскую концентрацию, поскольку пространственная близость к центру силы повышает политическое влияние. Политическая значимость населения крупнейшего города побуждает правительство к трансферу ресурсов в центр, что, в свою очередь, привлекает мигрантов. Соискатели ренты стекаются в такой город в

поисках возможности присвоения повышенного дохода в столице (крупнейшем городе) [22].

Сравнительно б*о*льшая концентрация населения в ведущем урбанистическом центре страны в диктатурах обусловлена большей силой таких режимов и их возможностью игнорировать потребности периферии. Диктатуры могут облагать периферию более высокими налогами, поскольку игнорируют мнение среднего избирателя, проживающего на периферии. Однако налогообложение периферии сдерживается, в частности, возможностью населения мигрировать в центр. В исследовании [22], где была предпринята попытка оценить факторы концентрации населения в единственном крупнейшем центре и где политические факторы (режим диктатуры и политическая нестабильность) оценивались на данных 85 стран (за 1970, 1975, 1980, 1985 гг.), выявлена зависимость, согласно которой диктатуры имеют центральный город, больший на 45%, чем центральный город в недиктаторских режимах. Страны, где в недавнем прошлом идентифицируются диктатуры, имеют центральный город на 40% больший по размерам, чем таковой в странах, никогда не имевших диктатуры. Соответствующий пример – современная Мексика: в 1970 г. в Мехико проживало 8,5 млн. чел.; сегодня же население агломерации – свыше 21 млн. чел. Политический фактор мексиканской концентрации при этом весьма весом: Мексика – номинально федеративное государство, однако вся реальная политическая власть сконцентрирована в столице, а большинство губернаторов проводят в столице много времени, чтобы не утратить своего политического влияния. Здесь же следует упомянуть и приток в столицу населения периферии, ориентированного на соискание «столичной ренты».

Важный элемент политического процесса, влияющий на пространственную концентрацию-деконцентрацию в системе «город-сельская периферия», – выборный процесс, включая характер территориальной организации избирательных округов. Политики, будучи заинтересованы в краткосрочных целях (переизбрание), склонны, в ущерб стратегическим приоритетам, заботиться о поддержке групп интересов (включая отраслевые лобби), перераспределяя в их пользу бюджетные ресурсы под предлогом «поддержки» или «защиты» той или иной отрасли. Одним из популярных объектов такого субсидирования является сельское хозяйство.[1] В Японии политический голос агропромышленного лобби усилен избирательной системой, которая, в связи с тем что во внимание так и не было принято послевоенное перемещение значительного числа населения в городские районы, придает больший вес голосам сельских округов, нежели голосованию в городских районах. Это привело к принятию огромного количества квот на сельскохозяйственный импорт и

[1] Аграрное лобби, как правило, успешно мобилизует ресурсы для влияния на власть. Согласно ОЭСР, около 80% субсидий достается самым зажиточным 20% фермеров ЕС (то есть почти 40% бюджета Евросоюза расходуется на поддержку менее 1% его населения). В США в 1999 г. 45% соответствующих выплат досталось самым крупным фермерским хозяйствам (7% от общего их числа) [23].

программ поддержания цен, что является прямым стимулом для дальнейшего сохранения сельской периферии.

В США стимулирующие выплаты в расчете на душу населения с марта по декабрь 2009 г. были в 2 раза больше в пяти наименее густонаселенных штатах Америки, чем в остальной стране. Как об этом говорит Э. Глейзер [9], возможно, это не должно удивлять, раз эти пять штатов контролируют 10% Сената, хотя в них проживает, согласно Бюро цензов США, лишь 1,2% населения. Такое перераспределение средств в слабо населенные районы не находит оправдания даже в виде средства против рецессии, поскольку 5 наименее населенных штатов имели в рецессию более низкий, чем в стране, средний уровень безработицы (6,4 % в декабре 2009 г. [24]).

В Индии власть часто сосредоточена на уровне штата, а не города (который подчинен штату), а в штатах обычно власть принадлежит сельским избирателям, у которых больше представителей на душу населения, так что решения на уровне штатов часто направлены «в пользу» сельской периферии.

Меры по управлению городской средой не преследуют целью трансформацию баланса в системе «город-сельская периферия», однако провоцируют соответствующие сдвиги. Отчасти это происходит «на стыке» с социальной политикой: так, «солдатский билль» 1944 г. предлагал для американских ветеранов жилищные кредиты без первого взноса; Федеральное управление жилищного строительства (FHA) обеспечивало до 95% ипотек для покупателей со средними доходами [9]. Благодаря кредитам с государственной поддержкой покупателям того времени было нужно лишь 400 долл., чтобы купить дом, укомплектованный современной техникой и окруженный зелеными насаждениями [25]. Кредиты FHA поступали в непропорционально большом количестве в анклавы среднего класса, образовавшиеся в пригородах. «Ни федеральные жилищные программы, ни субсидирование автотрасс, соединивших штаты не были направлены против городов, хотя они, несомненно, и повредили им» [9]. Однако, ныне существенное косвенное влияние на исследуемые сдвиги оказывает регулирование возможности и характера застройки городов. Так, в начале 1920-х гг. в Нью-Йорке жилье оставалось доступным, но в послевоенные годы здесь вводились новые ограничения на застройку, а образовавшийся вследствие этого недостаток частного предложения пытались (безуспешно) возместить регулированием аренды. Напротив, в Хьюстоне руководители города гарантировали, что ничто не будет мешать новому строительству. Город отличается от всех американских городов тем, что у него нет кодекса зонирования.

Органы власти, также, ограничивают саму возможность строительства путем исключения земли из оборота. Так, техасские строители могут предложить много новых недорогих домов, поскольку себестоимость строительства стандартного дома в Хьюстоне составляет лишь 75 долл./кв. фут. Но на большей части территории побережий Америки цены намного выше себестоимости строительства (в Лос-Анджелесе – на 350%). В округе Санта-Клара,

как и в целом на побережьях США, имеет место нехватка земли, однако эта нехватка – искусственный продукт правил и норм, а не природы [9].

Высокие цены в Калифорнии удерживаются благодаря драконовским ограничениям на новое строительство, что обусловлено, в частности, нормированием минимального размера участка под строительство (в округе Мартин – это 60 акров). Эти правила подкрепляются политикой выведения все больших территорий из рыночного обращения за счет наделения их статусом охраняемых парков или заповедников. К 2000 г. четверть земли в области залива Сан-Франциско была признана постоянно охраняемой, то есть не подлежала застройке.

Оценка норм землепользования в Большом Бостоне показала, что в большинстве из 187 городов и городских поселков минимальный размер земельного участка был больше трети акра. В большинстве этих мест лишь 10% и менее земли могло использоваться для постройки многоквартирных домов [9] (что априори затрудняло создание городских пространств).

Эффект влияния административного регулирования строительства на дисбаланс цен крайне весом: в округе Санта-Клара (Калифорния) в 2001-2008 гг. было выдано разрешение на строительство лишь 16 тыс. новых односемейных домов, то есть по одному новому дому на каждые 50 акров территории. Несмотря на крайне высокий спрос, фонд односемейных домов в округе увеличился менее чем на треть от среднего по США за этот период [9]. Если бы в Кремниевой долине было построено за эти восемь лет на 200 тыс. домов больше, тогда, в соответствии со стандартными данными жилищной статистики, цены были бы примерно на 40% ниже.

Дополнительными формами искусственного сдерживания роста городов служат охрана исторических памятников и ограничение строительства из «экологических соображений». Данные политики могут быть оправданными, однако могут использоваться и как инструмент экспансии бюрократии. Пример последнего – создание в 1962 г. в Нью-Йорке Комиссии по сохранению исторического наследия (12 человек). В 1965 г., несмотря на активное сопротивление строительной индустрии, комиссия стала постоянной, хотя число зданий, признанных ценными, было достаточно скромным (700), и полномочия комиссии уравновешивались мэром, который мог (как и сегодня) налагать вето на её решения. Однако, со временем небольшая и почти незаметная группа получила власть над обширными территориями города: к 2008 г. Комиссия распоряжалась более чем 25 тыс. отобранных зданий и 92 историческими районами; 15% территории Манхэттена за пределами Центрального парка к югу от 96-й улицы – сегодня исторические районы, где даже поверхностные изменения должны согласовываться с Комиссией [9].

В городах Массачусетса на протяжении последних 30 лет вводились все более строгие правила, мешающие новому строительству и разделу земли, в частности, в целях защиты имеющихся водоемов. Однако доведенный до край-

ности экологизм превращается в простой принцип «только не в моем дворе», в сознательное противодействие любому новому строительству.

В целом, помимо искусственного ограничения притока населения в города, меры по запрету и ограничению в сфере застройки «обеспечивают» для жителей городов потерю богатства, причем сразу несколькими способами. Так, ограничение создает дефицит земли и рост цен домов, что обесценивает доходы населения «в пересчете» на квадратные метры. Кроме того, искусственный дефицит провоцирует взлет цен на жилье, что в кризис оборачивается крушением цен, обесценивая вложенные в жилье инвестиции.

Экономическое регулирование. Современное государство контролирует все основные территориальные ресурсы, включая транспортные каналы, обеспечивая себе полный контроль над территорией. Власть правительства покоится на неявном предположении, что оно является также собственником всей территории, на которую его власть распространяется. Неявное право государства на территорию страны реализуется в практике изъятия земель, которая эволюционирует и расширяется, одновременно косвенно трансформируя пространство.

Реализация такого рода мер при этом часто обосновывается задачами экономического развития территорий. Так, в США государство до 1940-х гг. при конфискации земли (находящейся в частной собственности) взывало к необходимости осуществления общественных работ, вроде прокладки дорог. Однако после войны, в рамках движения за обновление городов, государство предложило провести крупномасштабную конфискацию собственности жителей с намерением передать её частным застройщикам. В 1981 г. мэр Детройта и General Motors объединились ради проекта, для реализации которого было использовано право государства принудительно отчуждать частную собственность (были разрушены более 1000 домов в этническом районе Полтаун и построена обширная высокотехнологичная фабрика в границах города)[5].

В период кризиса 2008-2009 гг. попытки администрации США провести реструктуризацию автостроительных компаний и «спасти рабочие места» привели к закрытию более чем 2600 дилерских центров GM и Chrysler, где работало до 100 тысяч чел.: фактически имело место принудительное закрытие федеральным правительством множества частных предприятий в самых различных точках (некоторые владельцы таких центров были потомственными дилерами и известными в своих городах людьми) [9].

Заключение. Имеющиеся примеры указывают на наличие многообразного и, в целом, непрогнозируемого воздействия регулирования в сферах, не связанных напрямую с управлением пространственными процессами, на организацию населения и бизнеса в системе «городской центр»-«сельская периферия». Следствиями этого являются как сдерживание рыночно обоснованных процессов, так и прямой экономический и социальный ущерб (потеря стоимости инвестиций, вынужденные переезды, потери рабочих мест). Следует указать, что коренной причиной ущерба, наносимого такого рода политикой,

является её проведение под влиянием групп интересов (как самой бюрократии, так и компаний и лиц, использующих её в частных интересах). Общественная поддержка соответствующих решений основана на игнорировании простой экономической дилеммы: регулирование часто отражает интересы лишь одной (той или иной) группы, но упускает из вида интересы других групп. Кроме того, во внимание принимается краткосрочный эффект соответствующих мер, но упускаются долгосрочные негативные последствия [26]. Характерно, что эта проблема осознана и решается в рамках, например, политики дебюрократизации в Германии, где изменения политики оцениваются с точки зрения их последствий: рассчитываются издержки для всех адресатов нормы (ex ante) и что произойдет после внедрения нормы (ex post); прогнозируется степень достижения политической цели, плюсы и минусы для тех или иных адресатов нормы [27]. Тщательный анализ косвенных следствий принимаемых решений, в том числе для пространственной организации, способен сократить потребность в последующей политике выравнивания, так и ущерб от неплановых последствий реализации мер регулирования.

Литература

1. Вихорева У.И. Карловская С.Б. Государство и «провалы рынка»: зарубежные страны и Россия. Научная жизнь//Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. - 2006. - № 1. с. 75-84.

2. Боуз Д. Либертарианство. Пер. с англ. Под. Ред. А.В, Куряева. – Челябинск: Социум, Cato Institute. 2004. 392 с.

3. Ротбард М. Власть и рынок. Челябинск: Социум, 2010. - 418 с., с. 353.

4. Артемова О. В Ростове начал работу первый в России коммерческий арбитражный суд// Комсомольская правда 14 марта 2017 г.

5. Форбс С., Эймс Э. Манифест свободы. М.: Азбука-бизнес, Азбука-Аттикус, 2014 – 352 с.

6. Schweizer P. Throw Them All Out (Orlando, FL: Houghton Mifflin Harcourt, 2011, p. xvii.

7. Feinstein J. Hostile Takeover: How a Club with Deep Pockets Fought Off a Claim of Eminent Domain// Golf Digest, November 2006

8. Дилоренцо Т. Внезапные нападения регулирующих ведомств// Маэстро бума. Уроки Японии/ Сб. статей. Пер. с англ. А.В. Фильчука. – Челябинск: Социум. 2003. – 273 с.

9. Глейзер Э. Триумф города. - М.: Изд-во Ин-та Гайдара.2014.- 432 с.

10. Татарута М. Куда плывет пароход «Америка»? 50 первых дней президентства Трампа// http://echo.msk.ru/blog/taratuta/1943018-echo.

11. Tollison R. Rent Seeking. Perspectives on Public Choice. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. P. 506 - 524.

12. U.S.General Accounting Office, Report to the Chairman, Committee on Transportation and Infrastructure, House of Representatives, GAO-02-571, Status of the Interstate Highway System, Highway Infrastructure: Interstate Physical Conditions Have Improved, but Congestion and Other Pressures Continue, May 2002, p. 8.

13. Kneebone E. «Job Sprawl Revisited: The Changing Geography of Metropolitan Employment». Metropolitan Policy Program at the Brookings Institute, Apr. 2009.

14. Baum-Snow N. «Changes in Transportation Infrastructure and Commuting Patterns in U. S. Metropolitan Areas, 1960-2000». American Economic Review, 100, no. 2 (May 2010): 378-82.

15. Glaeser, E., Matthew E. «Sprawl and Urban Growth». In Handbook of Regional and Urban Economics, ed. J. Vernon Henderson and Jacques-Franjois Thisse, vol. 4, ch. 56, pp. 2481-2527. Amsterdam: Elsevier, 2004.

16. Андерсон А. Просто не стой на пути. Как государство может помочь бизнесу в бедных странах. М.: ИРИСЭН – Мысль, 2012. 379 с.

17. Pride R. «Public Opinion and the End of Busing: (Mis) Perceptions of Policy Failure». Sociological Quarterly 41, no. 2 (Spring 2000): 207-25.

18. Orfield G., Must We Bus? Segregated Schools and National Policy (Washington, DC: Brookings Institution, 1978), 117.

19. Gregory P. «Kleptocrats, Oligarchs, and Billionaire Entrepreneurs», What Paul Gregory Is Writing About blog, March 1, 2012.

20. Krugman, P., Livas R. Trade Policy and the Third World Metropolis. NBER working paper №. 4238,1992.

21. Henderson, J. V. A Framework for International Comparisons of Systems of Cities// Urban and Regional Report №. 80-3 (Washington, DC: World Bank, 1980).

22. Alberto F., Glaeser E. Trade and Circuses: Explaining Urban Giants Ades// The Quarterly Journal of Economics, Volume 110, Issue 1 (Feb., 1995), 195-227.

23. Норберг Ю. В защиту глобального капитализма. М.: Новое издательство. 2007. 272 с.

24. Bureau of Labor Statistics, Regional and State Employment and Unemployment. December 2009.

25. Hayden D. «Building the American Way: Public Subsidy, Private Space». In The Suburb Reader, ed. Becky M. Nicolaides and Andrew Wiese. New York: Rout- ledge, 2006.

26. Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования экономики. М.: Серебряные нити, 2000. – 158 с.

27. Капогузов Е.А. 2009. Сокращение бюрократии: методологические аспекты и немецкий опыт. - Вестник Омского университета. Серия «Экономика». № 4. - С. 48–51.

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЁНЫМ

УДК:911.6

А. А. Васильев[1]
A. A. Vasiliev

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ИДЕАЛЬНОГО УЗЛОВОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАЙОНА

BUILDING A MODEL OF THE IDEAL GEOGRAPHICAL REGION

Изложена методика построения идеального географического района. Рассмотрены структурные части на примере района первого ранга. Выявлены преимущества и недостатки полученной модели.

The technique of building an ideal geographical region. The structural part of the example of the area of the first rank is considered. The advantages and disadvantages of the resulting modelare revealed.

Ключевые слова: узловое районирование, модель идеального географического района, структурные элементы района, район первого и второго ранга.

Key words: nodal regionalization, model of ideal geographical region, the structural elements of region, region of the first and second rank.

Введение и постановка проблемы. Составление схемы идеального географического района является важной задачей не только теоретической географии, но и практического районирования, помогающей исследователю при построении конкретных сеток районов, исходя из различных целевых установок.

Наиболее известными авторами идеальных моделей районов являются Иоган Тюнен, Иоган Коль, Вальтер Кристаллер, Август Леш, Б.Б.Родоман. Эти модели, прежде всего, направлены на поиск закономерностей территориальной организации общества, но все они относительно автономны и разрабатывались для разных сфер человеческой деятельности. Например, модель И. Тюнена направлена на оптимизацию территориальной организации преимущественно аграрного сектора экономики, И. Коля – транспортных сетей и поселений, В. Кристаллера – систем расселения и обслуживания, А. Леша – хозяйства в целом, Б. Б. Родомана – культурного ландшафта. Все эти модели имеют свои достоинства и недостатки, но они выдержали проверку

[1] **Васильев Андрей Александрович**, аспирант географического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

временем и являются классическими не только в социально-экономической географии, но и в региональных науках.

В нашем случае главной целью являлась попытка создания идеальной модели географического района, отражающей основные особенности территориального каркаса и в которой взаимоувязанные между собой транспортные сети и системы расселения были бы сочленены с функциональными и другими обобщенными составными частям узлового района.

Методика построения идеального географического района. В основу модели географического района автором были положены ключевые элементы моделей В. Кристаллера и А. Леша, а также Б. Б. Родомана, И. Тюнена.

Основными условиями и ограничениями при построении модели являлись следующие:

- рассматривается гомогенная территория – однородная равнина, на которой отсутствуют барьеры для контактов между поселениями (реки, горы и пр.);

- на территории расположены города разного иерархического уровня, которых в принципе может быть бесконечное множество. Автор в качестве примера взял 3 уровня, для которых характерны свои особенности: города 1-го ранга более развиты, чем другие, имеют максимальную людность и распространены по равнине равномерно; города последующих рангов имеют людность и экономический потенциал в два раза меньший, чем города предыдущего ранга, и равномерно отдалены от них;

- применялись принципы узлового районирования: считалось, что города низшего ранга испытывают тяготение к городам высшего ранга, в результате чего формируются центро-периферийные отношения;

- проводилось районирование «сверху», т.е. сначала выделялись более крупные районы, затем из них выделяются районы низкого ранга;

- применялся административный принцип, в рамках которого считалось, что города испытывают тяготение не сразу к нескольким городам, а конкретно к определенному центру;

- считалось, что все города связаны с соседними – дорогами, преимущественно автомобильными; выделялись дороги 3-х рангов, которые соединяют соседние города соответствующих рангов;

- принималось, что транспортная сеть районов образует радиально-кольцевую структуру; радиусами являются дороги соответствующего ранга (n), а кольцом – дороги последующего ранга (n+1).

В итоге данные условия и ограничения позволили сформировать социально-экономическое пространство, в котором города формируют вокруг себя зоны влияния в виде окружностей; границы района проводятся там, где связи между соседними центрами становятся одинаковыми, то есть по центру взаимных зон перекрытий; в результате проведения границ образуются правильные шестиугольники, которые заполняют всё пространство.

В модели процедура разграничения осложнялась наличием транспортной сети: районообразующие признаки вдоль транспортных коридоров угасают меньше, чем в местах, где транспорта не существует. Следовательно, кольца угасания связей трансформируются в звездчатую структуру.

Районы 1-го ранга представляют собой правильный шестиугольник. Все районы 2-го ранга, возглавляемые центрами 2-го ранга, или примыкающие районы, соседствуют с районом, центром которого является город 1-го ранга или центральным районом, который тоже имеет все предпосылки образовывать район 2-го ранга. Поскольку центром этого района является город 1-го ранга, то поле влияния этого района будет существенно больше, чем у города 2-го ранга.

В результате у центрального района на гранях образуются «наросты», которые отсекаются у примыкающих районов. Следовательно, центральный район 2-го ранга обретает форму звездчатого шестиугольника, а примыкающие районы являются шестиугольниками без одного сектора.

Полученная модель идеального района состоит из структурных элементов: ядра, полупериферии и периферии (рис.1).

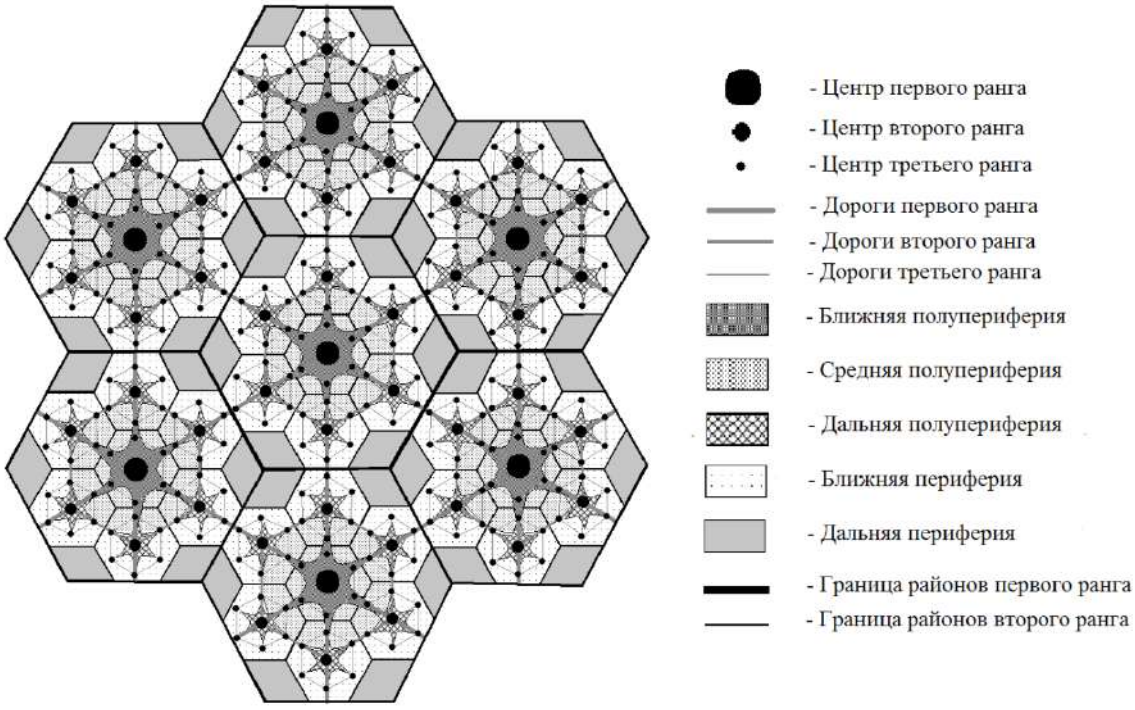


Рис. 1. Модель идеальных географических районов

Рассмотрим расположение структурных элементов на примере района 1-го ранга. Ядром района является город 1-го ранга. Он наиболее развит по сравнению со всем районом, так как имеет более широкий спектр предоставляемых услуг, наибольший человеческий и экономический потенциал. В нем зарождаются инновации, которые со временем распространяются на весь район.

Полупериферия района разделяется на три части: ближнюю, среднюю и дальнюю. Ближняя полупериферия расположена в непосредственной близости от ядра и тесно контактирует с ним. Она быстрей всех получает инновации от центра и является континуальной. Опоясывая ядро района, ближняя полупериферия образует округлую форму, но поскольку данная модель учитывает дороги, по которым проходят различные потоки, то вдоль них она вытягивается и преобразуется в звездчатую форму.

Дальняя полупериферия состоит из городов 2-го ранга и их непосредственных зон влияния. Она относительно развита и быстро получает нововведения за счет непосредственного контакта с ближней полупериферией по дорогам. Она дискретна и образует «островки развитости» на территории.

Средняя полупериферия расположена между ближней и дальней полупериферией. Она значительно отстает от них в развитии, поскольку нововведения проникают сюда очень слабо. Главной причиной является отсутствие развитой инфраструктуры.

Периферия района разделяется на 2 части: ближнюю и дальнюю. Ближняя периферия характеризуется тем, что она слабо освоена человеком. Дальняя периферия является неосвоенной территорией, то есть не имеет городов и дорог. По назначению – это заповедная территория, на которой развиты такие виды деятельности как охота, собирательство, туризм и др.

Апробация модели. Мы попытались апробировать полученную модель для территории Европейской равнины, в центре которой расположен г. Москва. В реальной действительности районы не имеют форму правильного шестиугольника. Поэтому, применяя модель на конкретной территории, мы будем абстрагироваться от реально существующего расстояния.

В качестве городов 1-го ранга мы выбрали города, которые выполняют роль межрегиональных центров. Помимо Москвы, в эту группу вошли Киев, Минск, Санкт-Петербург, Архангельск, Казань и Воронеж.

В качестве центров районов 2-го ранга были взяты города, которые являются центрами своих регионов и граничат с Московской областью. Московская область выступала в качестве центрального района, остальные – примыкающих. Стоит отметить, что Калуга и Тула, Владимир и Иваново, Ярославль и Кострома расположены в непосредственной близости и тесно связаны друг с другом, тем самым их можно считать едиными центрами (рис.2).

К Центральному Московскому району 2-го ранга тяготеет часть территорий прилегающих районов. Так, например, в Тверской области к Московской области тяготеет г. Конаково. К тому же большая часть городов Тверской области имеет периферийное положение, территория которых является слабоосвоенной. Часть городов относится к средней полупериферии, и лишь несколько городов, находящихся в непосредственной зоне влияния Твери, расположены на дальней полупериферии, которая является относительно развитой.

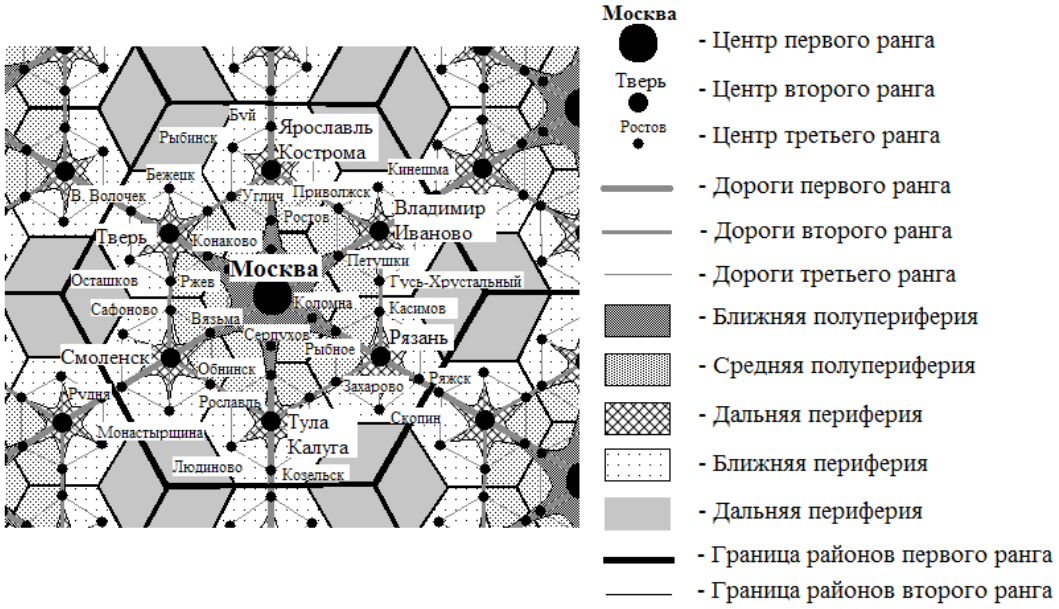


Рис. 2. Районы 2-го ранга на примере Московского и Подмосковных регионов

Обсуждение результатов. Разработанная модель имеет свои преимущества и недостатки. К основным преимуществам можно отнести возможность построения оптимальной транспортной сети, минимизирующей транспортные издержки. Далее, она потенциально способна оптимизировать систему расселения по административному принципу, то есть построить четкую иерархию населенных пунктов, тяготеющих к определенному городу. Данная модель состоит из структурных элементов, которые могут дать более содержательное представление об уровне и типе освоения территории.

Конечно, модель идеального географического района имеет недостатки. Во-первых, эта модель является абстрактной; она в полной мере способна «работать» только в однородном пространстве. Во-вторых, модель не учитывает динамику развития населенных пунктов, она не отражает исторических и этнических особенностей территории. Также модель ограничивает людей в выборе места, так как в основе построения модели лежит административный принцип.

Вывод. Схема идеального географического района дает наглядное представление о территориальной структуре узловых районов, помогает улучшить методику выделения районов, формируемых в результате человеческой деятельности. Применение этих моделей на практике может дать положительный эффект в рамках оптимизации территориальной организации общества в целом и отдельных его элементов.

Литература

1. Леш А. Пространственная организация хозяйства. Пер. В. Н. Стрелецкий под ред. А. Г. Гранберга М.: Наука, 2007. 664 с.

2. Родоман Б. Б. География. Районирование. Картоиды. Смоленск: Ойкумена, 2007. 316 с.

3. Тюнен И. Изолированное государство. Пер. Е. А. Торнеус под ред. А. А. Рыбникова. М.: Экономическая жизнь, 1926. 329 с.

4. Christaller W. Central Places in Southern Germany/ translated by C.W. Baskin. NY: Englewood Cliffs, 1967. 107 p.

УДК 32.019.51

В. Н. Егошин[1]
V. N. Egoshin

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ЛИВИИ И СИРИИ КАК ОБЪЕКТ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ СМИ

CIVIL WAR IN LIBYA AND SYRIA AS OBJECT OF GEOPOLITICAL INFORMATIONAL CONFRONTATION OF RUSSIAN AND AMERICAN MASS MEDIA

Рассмотрены проблемы освещения событий гражданской войны в Ливии и Сирии российскими и американскими СМИ. Проведен контент-анализ публикаций в качестве отображения геополитической информационной борьбы между Россией и США.

The article focused on the problems in the coverage of the Libyan and Syrian Civil War by Russian and American mass media. The research involved a content analysis of publications and its further research as reflection of geopolitical information struggle between Russia and the USA.

Ключевые слова: информационная борьба, СМИ, геополитика, политическая лингвистика, политический контент-анализ, вооруженный конфликт, гражданская война, Ливия, Сирия, Россия, США.

Key words: information warfare, mass media, geopolitics, political linguistics, political content analysis, armed conflict, civil war, Libya, Syria, Russia, the USA.

В XXI веке наблюдаются активные процессы вмешательства широких масс населения в общемировые политические процессы. К этому привело развитие информационных технологий и средств массовой информации. СМИ действительно играют очень важную роль, так как имеют способность формировать общественное сознание читателей. Именно поэтому масс-медиа иногда называют «Четвертой властью».

Кроме этого, сегодня все больше и больше исследователей отмечают рост влияния информационной парадигмы геополитики. По словам И. А. Василенко, она заключается в том, что «в XXI в. судьба пространственных отношений между государствами определяется прежде всего информационным превос-

[1] **Егошин Владислав Николаевич**, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

ходством в виртуальном пространстве. И в этом смысле разработка геополитической стратегии предполагает создание оперативной концепции, базирующейся на информационном превосходстве и позволяющей достичь роста боевой мощи государства с помощью информационных технологий» [1]. Информационные технологии и информация на самом деле уже давно являются одними из ключевых факторов современных международных отношений. Кроме того, информационное поле серьезно влияет на характер и направленность политических процессов во всем мире. Поэтому для успешной внешнеполитической борьбы появляется необходимость управления информационными потоками. Это позволяет не только оказывать влияние на людей, но и трактовать определенную политическую стратегию. В итоге оказывается, что чаще всего масс-медиа отображают аспекты внутренней и внешней политики государства и формируют его позицию на международной арене. И.Н. Панарин считает, что «именно постоянный мониторинг социальной информации в глобальном информационном пространстве позволил США добиться в конце XX века геополитического мирового лидерства» [2].

В данной работе средства массовой информации исследуются как объект информационного геополитического противостояния российских и американских СМИ. Оказывается, что в большинстве случаев именно масс-медиа оказываются единственным источником информации и окном в страны Ближнего Востока, который имеет каждый житель страны в неограниченном доступе.

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что существует проблема различий в оценке происходящего в Исламском мире и, в частности, событий Арабской весны, которые включили в себя гражданскую войну в Ливии и Сирии. Различие в оценке происходящего может легко привести к росту конфликтогенности между участниками данного конфликта. Гражданская война в Ливии, начавшись в 2011 году, втянула в себя многие стороны, в том числе и сильнейших игроков геополитической арены. То же самое можно сказать и про Сирийский конфликт. Оба продолжаются по сей день и именно поэтому особый интерес для исследования представляет то, как отображаются события, происходящие в Ливии и Сирии с точки зрения двух сильнейших государств современного мира, которые уделяют большое внимание конфликту и имеют различные геополитические интересы.

По этой причине для исследования нами были выбраны Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки. Публикации масс-медиа данных игроков геополитической арены формируют определенное представление о конфликте. Проблематика исследования заключается в том, что в большинстве случаев данное представление имеет некоторые различия и, порой, даже вступает в определенную идеологическую конфронтацию. Все это вызвано как сложным характером протекания политических процессов в исследуемых

арабских странах, так и геополитической напряженностью между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки.

Публикации не просто сообщают читателю о том, что происходит в Ливии или Сирии и какая сторона более успешна в ходе военного противостояния. Они играют и идеологическую роль, цель которой в глубинном воздействии на формирование представления читателей о внутреннем конфликте в арабской стране. Информационное поле несет в себе определенную идеологическую борьбу между Россией и США, суть которой кроется не в противостоянии двух систем – капиталистической и социалистической, как это было во времена Холодной войны. В данном случае это столкновение интересов двух геополитических акторов, которые имеют свои стратегические интересы в Ливии и Сирии.

Исследование включило в себя два этапа. Вначале был произведен подсчет количества упоминаний и определение их оценочных характеристик. Затем был проведен анализ полученной информации.

Количество упоминаний страны в средствах массовой информации несет в себе силу конфликтного потенциала, который показывает значимость страны на геополитической карте мира глазами масс-медиа России и США. Упоминания о стране также могут различаться по своей оценочной характеристике, которая может быть положительной, нейтральной или отрицательной.

В научной работе особое внимание было уделено выбору источника. Во-первых, необходимо было найти российское и американское средство массовой информации, которые были бы сопоставимы и по контенту, и по своему типу. Источник должен был быть строго новостного и аналитического характера, что дало бы возможность максимально подробно изучить материал и сделать определенные выводы. Во-вторых, необходимо было определиться с форматом СМИ. При выборе из печатной прессы, аудиовизуальных средств массовой информации и информационных интернет-изданий предпочтение было отдано последним. Наличие электронного доступа к новостному ресурсу и удобство для научного исследования играло решающую роль. В-третьих, наличие архива интернет-издания и свободный доступ к нему было одним из необходимых условий для проведения исследования. К сожалению, далеко не все новостные ресурсы имеют в свободном доступе архив. Некоторые могут иметь архив, но научную работу в нем по некоторым причинам проводить не представлялось возможным. У прочих доступ к архиву был строго платный. В-четвертых, одним из критериев выбора ресурса была его высокая посещаемость. Данный критерий важен, так как высокая посещаемость говорит не только о популярности интернет-издания, но и о широком охвате населения и, как следствие, более высоком влиянии, которое оно может оказывать на граждан страны, по сравнению с другими, менее популярными источниками информации.

В итоге для анализа были взяты два интернет-ресурса: новостное интернет-издание «Лента.ру» как олицетворение российских масс-медиа [3] и новостное интернет-издание «The Huffington Post» в качестве олицетворения американских СМИ [4]. Оба источника соответствовали всем вышеперечисленным критериям. Более того, нами была отмечена высокая посещаемость данных ресурсов – «Лента.ру» имеет в среднем 13 млн. посетителей в месяц [5]; «The Huffington Post» еще больше – 80 млн. посетителей в месяц [6].

Для научного исследования была разработана специальная методика. Она основывалась на контент-анализе публикаций российских и американских СМИ. Был применен метод контент-мониторинга текстовой информации, так как анализу подвергся «массив упорядоченных во времени текстов, поступивших из одного источника» [7].

Одной из задач составления методики исследования стала возможность осуществления подсчета упоминаний Ливии и Сирии любым другим исследователем. Исследование происходило следующим образом:

1) Было выбрано два периода публикаций – с 19 по 21 марта 2011 года для Ливии и с 1 по 10 октября 2016 года для Сирии. Данные периоды были выбраны потому, что 19 марта началась военная операция США «Odyssey Dawn» и ее союзников в рамках интервенции в Ливии. ВВС и ВМС США, а также некоторые европейские страны приняли в ней активное участие. Октябрь 2016 года был выбран, так как именно в это время шла важнейшая операция за все время конфликта – наступление на город Алеппо в Сирии. ВКС России приняли в ней активное участие. Соединенные Штаты Америки также активно вовлечены в конфликт в Сирии и, поэтому, данная операция также оказала влияние на характер публикаций. Наступление на Аллепо нашло свое отражение в средствах массовой информации в качестве ключевого события не только в Сирийской Арабской Республике, но и в Исламском мире в целом. Данные временные периоды существенно расширили место Исламского мира в масс-медиа и подчеркнули значимость геополитических проблем и для СМИ России, и для СМИ США.

2) Проводился контент-анализ публикаций, в котором производился подсчет как прямых, так и косвенных упоминаний страны. К прямым упоминаниям было отнесено название страны в любом падеже (*Ливия*, *Сирии*, *Ливию* и т.д.*)*. К косвенным – упоминания страны либо через название города, особенно столицы, либо через форму прилагательного, образованного от названия страны (*Дамаск сообщил*, *ливийские повстанцы*, *правительство Арабской Республики*, *сирийская армия* и т.д.).

3) Каждое упоминание было отнесено к одной из трех категорий – к положительной, нейтральной или к отрицательной категории. Положительным упоминанием называлось то, которое имело позитивную оценочную характеристику. Такие упоминания могли освещать, например, туристические достопримечательности страны, праздничные мероприятия или же вопросы

позитивного сотрудничества и взаимодействия между государствами. Например, как ни странно, в ходе исследования была обнаружена публикация, в которой современный Алеппо был представлен местом отдыха и туризма [8]. Само собой, все слова, связанные с Сирией, в данной статье были отнесены к позитивным упоминаниям. Под отрицательными понимались упоминания, которые несли в себе негативную информацию. К ним в большинстве случаев отнеслись упоминания о войне, ее жертвах, террористических актах. Если установить оценочную характеристику было невозможно, упоминание относилось к категории «нейтральное» и не влияло на категорию публикации, формируя только общее количество упоминаний о стране.

4) По ходу исследования методом экспертной оценки выявлялись наиболее конфликтогенные и противоречивые темы, которые находили свое отражение в публикациях.

В итоге было проанализировано: 1971 публикация в российских масс-медиа и 3853 публикации, представляющие американские средства массовой информации. В результате исследования были выявлены темы, которые стали объектом информационной борьбы, развернувшейся вокруг гражданской войны в Ливии и Сирии.

В первую очередь был отмечен разный подход к формированию образа Муаммара Каддафи. В США образ ливийского лидера строго отрицательный. Муаммар Каддафи представлен жестоким и кровожадным тираном, который уничтожает повстанцев, бросает дерзкие вызовы своим противникам и не идет ни на какие компромиссы. Часто встречаются сравнения с другим диктатором Исламского мира – Саддамом Хусейном. В российских масс-медиа Муаммар Каддафи представлен нейтрально. В исследуемом периоде не было встречено ни одного выражения, которое характеризовало бы правителя либо с отрицательной, либо с положительной стороны. Данное различие наглядно отображает политику, которая велась по отношению к Ливии в 2011 году. США начинали военную кампанию и, естественно, для получения поддержки населения им необходимо было создать ощущение борьбы с мировым злом, под гнетом которого страдают мирные жители. Этот процесс начался заблаговременно, еще до начала операции. Его целью было заручиться общественной поддержкой в преддверии дорогостоящей военной операции. Россия же заняла позицию наблюдателя, что сформировало нейтральное отношение СМИ к главе Ливии.

Поэтому было неожиданностью обнаружить, что несмотря на свое нейтральное политическое отношение, оценочная характеристика российских публикаций была преимущественно негативная – 92,7% публикаций, в то время как в американском издании негативные новости о Ливийском конфликте составили лишь 82,3% всех публикаций. Причина заключается в том, что российские СМИ не стремились найти положительные моменты в происходящем конфликте. Писали о жестком противоборстве конфликтующих сторон, гибе-

ли людей как среди повстанцев, так и среди правительственных сил. Регулярно прослеживались призывы к прекращению огня всех сторон. Российские масс-медиа показывали, что в Североафриканской стране идет гражданская война, которая усугубилась вмешательством сил коалиции. Американское издательство также много писало о негативных сторонах войны – ее жертвах и гибели людей. Однако, с началом операции стали появляться и позитивные публикации. В них шла речь об успехах американских ВВС и ВМС, а также их союзников. Жителям США сообщалось о том, что возглавляемая США коалиция успешно уничтожает войска Каддафи и всеми силами стремится не допустить гибели среди мирного населения. Все это должно показать, что данная операция не просто стратегическая необходимость, но и благородное дело.

Разный подход прослеживался и со вступлением бомбардировок в активную фазу. Российские СМИ сообщают о том, что не только Россия, но и такие страны как Китай и Индия призывают к прекращению воздушных ударов. Было отмечено, что большинство жертв бомбардировок – старики, женщины и дети. Данные публикации заставляют читателя не только проникнуться трагедией происходящего конфликта, но и выделяют наших союзников – Китай и Индию. Становится очевидно, что Россия, Китай и Индия вместе отстаивают единую точку зрения и недовольны тем, что удары возглавляемой США коалицией приводят к гибели среди мирного населения. В американских масс-медиа, наоборот, говорится о том, что бомбардировки нацелены только на правительственные войска. Ракетные удары помогают повстанцам, чья борьба ведет к демократии и эмансипации народа. В итоге ливийцы получат свободу после диктатуры Каддафи.

Не стоит, тем не менее, полагать, что американские масс-медиа без всяких сомнений сообщали о позитивных сторонах начавшейся операции. В ходе исследования были обнаружены публикации, в которых указывалось, что данная кампания будет одним из важнейших политических решений в администрации Обамы. Под сомнение ставилась необходимость вовлечения войск США в данный конфликт. Начавшаяся операция «Odyssey Dawn» сравнивалась с затянувшимися кампаниями в Ираке и Афганистане. Ставился вопрос о рациональности траты миллионов долларов на проведение воздушной операции. Кроме всего этого, интернет-издание удивлялось, почему аналогичные ливийским протесты в Бахрейне и Йемене остаются без какого-либо внимания США. Все это говорит о том, что американское общество не готово поддерживать любую начавшуюся военную операцию, даже если она против тирана. Тем более такую операцию как «Odyssey Dawn», которая как ящик Пандоры открыла для всеобщего обозрения накопившиеся геополитические проблемы и амбиции США в регионе.

В результате работы были выявлены определенные геополитические цели, которые формируются идеологическими механизмами СМИ. Если говорить о России, то прослеживается нейтральное отношение страны к пробле-

ме и подчеркивается ее роль как наблюдателя. Масс-медиа стараются донести мнения всех сторон конфликта и призывают к прекращению войны. Очевидно, что Россия не была особо заинтересована в том, чтобы Муаммар Каддафи оставался у власти. России, в первую очередь, была необходима стабильность в регионе. Американские СМИ убеждают читателя, что Муаммар Каддафи тиран и убийца. Народ страдает под его режимом и хочет свободы и демократии. США готовы поддержать повстанцев и начинают военную операцию. Тем самым правительство стремиться установить проамериканский режим в новой Ливии, который даст возможность контролировать как минимум ливийскую нефть. Поддержка американского народа для проведения дорогостоящей военной операции им необходима.

Исследование другого конфликта, Сирийского, показало, что одной из самых полярных тем стал образ сирийского президента Башара Асада. В американских СМИ, представленных в научной работе новостным интернет-изданием «The Huffington Post», Башар Асад представлен резко негативно. Он считается тираном, который губит свой народ и единственное, что ему дорого – это его власть. Российские масс-медиа, представленные в работе изданием «Лента.ру», образ Асада формировали как президента, который любит и заботится о своем народе и хочет закончить кровопролитную войну. Естественно, его образ представляет собой образ союзника России, в то время как у американского читателя Башар Асад будет ассоциироваться с такими «тиранами» как Саддам Хусейн и Муаммар Каддафи, которые должны быть свергнуты для того, чтобы народ начал жить свободнее и счастливее. Это подготавливает читателя к восприятию геополитических амбиций США, которые с самого начала конфликта стремятся отстранить Башара Асада от власти.

Освещение действий российских войск в Сирии также очень различается. Российские СМИ регулярно сообщают об успехах нашей армии и о том, как она помогает сирийскому народу бороться с терроризмом. Публикации такого рода необходимы политически, так как они помогают объяснить читателю цель присутствия наших войск в Сирии и, как следствие, многомиллионных расходов из бюджета. У американских СМИ такой цели нет. Правящая элита (на момент исследования – администрация Барака Обамы) была крайне недовольна присутствием российских войск в Сирии. Публикации подтверждают это. Например, пишут о том, что Россия совершает массовые убийства, бомбит мирных жителей и огромное число сирийцев гибнет под безжалостными атаками российских и сирийских ВВС.

Иначе освещались действия американских войск в Сирии. Американские СМИ сообщали, что Америке необходимо активнее помогать сирийскому народу, но США пока сдерживаются. Они не бомбят мирных жителей, а точечно наносят удары по террористам Исламского государства. В «Ленте.ру» действия американских сил в Сирии освещены в разы меньше, по сравнению с российскими. Указывается, что никаких решительных действий США в Сирии

не предпринимают и, вообще, не особо стремятся к уничтожению ИГИЛ, а только наносят удары по сирийской армии и местным жителям.

Противоречиво отношение к террористической организации «Джебхат ан-Нусра», участвующей в сирийском конфликте с 2012 года. Российские масс-медиа демонстрируют позицию государства – данная организация является террористической и необходимо предпринимать решительные меры по пресечению их террористической деятельности. Российские СМИ ставят под сомнение то, насколько активно США борется с данной организацией, так как за последние полгода ударов по ней нанесено не было [9]. В американских средствах массовой информации за период исследования упоминаний террористической организации «Джебхат ан-Нусра» обнаружено не было. В данную тему следует включить вопрос отделения террористов от оппозиции. В СМИ обеих стран стороны винят друг друга в неспособности отделить террористов от оппозиции. Американские масс-медиа цитируют Лаврова и пишут, что он «раскритиковал неудачу Вашингтона в отделении умеренных повстанческих групп от тех, кого русские называют террористами (англ. *Lavrov criticized Washington's failure to separate moderate rebel groups from those the Russians call terrorists*)" [10].

Российско-американские договоренности также являются объектом информационной борьбы между двумя государствами. Обе стороны возлагают вину за провал соглашения о перемирии друг на друга и настроены весьма скептически на возможность любого взаимодействия друг с другом.

Наступление в Алеппо также стало одной из самых противоречивых тем в средствах массовой информации двух стран. В российской «Ленте.ру» данный этап освещается как успех взаимодействия сил сирийской и российской армий. Пишется о том, как совместными усилиями сирийских правительственных войск при активной поддержке ВКС России, районы Алеппо постепенно освобождаются от террористов. В американской «The Huffington Post» события освещаются иначе. Упор делается не на освобождение от террористов, а на то, что и сирийские, и российские войска наносят удары по местным жителям, бомбят гуманитарные конвои и ничего позитивного в таких действиях быть не может.

Кроме Ливии и Сирии был выявлен целый ряд стран Исламского мира, которые являются объектом идеологической борьбы между Россией и США. Данная борьба четко прослеживается на примере определенных тем, которые несут в себе конфликтогенный заряд. К таким странам были отнесены: Азербайджан (проблема Нагорного Карабаха), Ирак (необходимость вторжения США в 2003 году; последствия войны 2003-2011 годов; действия США по борьбе с ИГИЛ), Иран (отношения с Сирией; ядерная программа; роль Ирана в Исламском мире; отношения с Россией и США), Йемен (отношение к повстанцам у России и США), Марокко (терроризм), Палестина (палестино-израильские отношения) и Турция (проблема «демократии» Реджепа Эрдогана; активное сотрудничество Турции с Россией).

В результате исследования становится очевидно, что Сирийский конфликт несет огромное количество нерешенных проблем, которые являются отображением не только проблем, существующих в данной стране, но и в Исламском мире в целом. Был выявлен целый ряд стран Исламского мира, которые являются объектом идеологической борьбы между Россией и США. Особенно информационная борьба четко прослеживается на примере конфликта в Сирии. Они проявляются в виде определенных тем, которые несут в себе конфликтогенный заряд и показывают отношение правительства к этой проблеме.

Данное исследование показывает, что гражданская война в Ливии и Сирии – это не просто внутриполитические конфликты. Это зона столкновения многих геополитических интересов. Это проявлялось в настойчивых призывах к прекращению войны со стороны России, Индии и Китая, активном участии США и их европейских союзников в Ливийском конфликте, а также в заинтересованности смены власти у некоторых арабских стран, например у ОАЭ и Катара. Если говорить о гражданской войне в Сирии, то необходимо отметить роль присутствия российских сил в Сирии. Российские СМИ всеми силами пытаются обозначить необходимость поддержки сирийского народа и их легитимного правителя – Башара Асада. Россия нуждается в надежном партнере на Ближнем Востоке, а Сирия является как раз таким. Пока у власти находится Башар Асад, а не террористы, можно не бояться за южные рубежи страны, которые находятся не так уж и далеко от границ Арабской Республики. Американские СМИ убеждают читателя, что Башар Асад тиран и убийца. Народ, якобы, страдает под его режимом и хочет свободы и демократии. США не выгодно нахождение Асада у власти и поддержка американского народа для свержения его власти им необходима. Таким образом, темы публикаций, которые являются полярными для российских и американских СМИ, несут в себе конфликтогенный заряд и, в большинстве случаев, показывают отношение правительств к данной проблеме.

Литература

1. Василенко И. А. Геополитика в информационном обществе: новые виртуальные стратегии в борьбе за пространство [Текст] / И.А. Василенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 2005. № 6. С. 49–55.

2. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. М.: Издательство «Поколение», 2006. 560 с.

3. Архив электронного периодического издания «Лента.ру» URL: https://lenta.ru/2011/03/19/ (дата обращения 15.01.2017).

4. Архив интернет-издания, агрегатора и блога «The Huffington Post» URL: http://www.huffingtonpost.com/archive/2011-03 (дата обращения 09.01.2017).

5. Российское агентство международной информации «РИА Новости» URL: https://ria.ru/news_company/20130625/945627540.html (дата обращения 18.02.2017).

6. Электронное периодическое издание «Лента.ру» URL: https://lenta.ru/articles/2014/01/21/huffpo/ (дата обращения 18.02.2017).

7. Шалак В. И. Контент-анализ. Приложения в области политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы / Российская акад. наук; ин-т философии; В. И. Шалак. М.: Омега-Л, 2004. 272 с.

8. Электронное периодическое издание «Лента.ру» [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2016/10/04/syria_video/ (дата обращения: 07.02.2017).

9. Электронное периодическое издание «Лента.ру» [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2016/10/01/toner_mo_djebhatannusra/ (дата обращения: 07.02.2017).

10. Интернет-издание, агрегатора и блога «The Huffington Post» [Электронный ресурс]. URL: http://www.huffingtonpost.com/entry/aleppo-russain-jets-pound_us_57efb4d8e4b024a52d2f4045 (дата обращения: 07.02.2017).

НОВЫЕ КНИГИ

В. Л. Мартынов, А. В. Мошков, В. А. Снытко[1]
V. L. Martynov, A. V. Moshkov, V. A. Snytko

Тренды эволюции евразийского пространства (рецензия на книгу А. Г. Дружинина «Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 228 с.»)

Evolution trends of the Eurasian space (book review of A. G. Druzhinin "Russia in a multipolar Eurasia: a view of the geographer-scientist. – Rostov n/D: Publishing house of southern Federal University, 2016. – 228 p.")

Дана рецензия на монографию А.Г. Дружинина «Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2016. – 228 с.».

Given a review of the monograph of A. G. Druzhinin "Russia in a multipolar Eurasia: a view of the geographer-scientist. – Rostov n/D: Publishing house of southern Federal University, 2016. – 228 p."

Ключевые слова: рецензия, евразийское пространство, Россия
Key words: review, Eurasian space, Russia.

Концепция «евразийства», понимаемого как «особый путь» России, сформировалась в среде русской эмиграции «первой волны» в 20-е годы XX века. В трактовке основоположников этой концепции, «Россия» и «Евразия» были синонимами. По мере сокращения численности эмигрантов «первой волны» евразийские концепции теряли свою популярность. «Ренессанс» евразийства произошёл в 90-е годы XX в., когда после распада СССР шли общественные и научные дискуссии о месте России в современном мире. В первые годы XXI в. научный интерес к евразийству пошёл на спад.

Монография А. Г. Дружинина состоит из трёх глав – «Русский регионализм в евразийском контексте», «Россия в многополюсной Евразии» и «Интеграционно-дезинтеграционные процессы в современной Евразии сквозь при-

[1] **Мартынов Василий Львович**, доктор географических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург; **Мошков Анатолий Владимирович**, доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток; **Снытко Валериан Афанасьевич**, доктор географических наук, профессор, Член-корреспондент РАН, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва.

зму российско-турецких взаимодействий». Основные теоретические подходы и взгляды автора находят отражение в первых двух главах.

Подробно разбирая в первой главе монографии взгляды идеологов и творцов концепции «евразийства», А. Г. Дружинин приходит к интересным выводам, которые могут найти своё применение в общественно-географических исследованиях. Первое весьма существенное положение, утверждаемое автором – «Советское семидесятилетие в целом подчиняется общей логике русского этно- и культурогенеза» (с. 20). Это действительно так. Если использовать географические подходы к исследованию проблем общественного развития, то к другим выводам и прийти невозможно. Советское общество и советская экономика в пространственном отношении опирались на то, что было создано до революции. Нынешняя Россия унаследовала те же пространственные структуры. Вследствие этого, российское этнокультурное пространство далеко выходит за пределы нынешней Российской Федерации. Однако пространство это после распада «исторической России» постоянно и устойчиво сокращается: «При всём консерватизме и инерционности геоэтнокультурных явлений, русская культура всё заметнее теряет свои позиции в граничащих с Россией новых независимых государствах» (с. 23–24).

Примеров, подтверждающих это утверждение автора, можно привести множество. Один из самых показательных – могила одного из величайших русских путешественников Н. Н. Пржевальского сейчас находится на территории одного из «новых независимых государств», Киргизии, неподалёку от берега озера Иссык-Куль. Вокруг Иссык-Куля переселенцами из Европейской России на рубеже XIX – XX веков было построено множество сёл и деревень. По типу застройки эти поселения и сейчас неотличимы от таких же сельских населённых пунктов в Центральной России и на Северной Украине. Но славянского населения в сельской местности Прииссыккулья почти не осталось.

И здесь очень важно учитывать высказываемое А.Г. Дружининым утверждение о том, что «этногенез предоставляет великороссам (при благоприятном стечении обстоятельств) ещё примерно 3 – 3,5 столетия» (с. 21). Это утверждение вряд ли получится проверить эмпирическим путём – триста лет всё же немалый срок. Здесь важно скорее то, что в общественно-географических исследованиях крайне редко учитывается фактор «конечности» любых существующих на нашей планете общественных структур. Очевидно, что не в силах человека предотвратить исчезновение народов, городов, государств – бороться можно лишь за то, чтобы это исчезновение происходило как можно медленнее. А.Г. Дружинин подробно разбирает те процессы в общественной и государственной жизни, которые могут проявиться в этнокультурной трансформации, рассматривая возможные сценарии её ускорения или замедления.

По утверждению автора, «можно вести речь о «Сердцевинной Евразии»… В той мере, в какой «Сердцевинная Евразия» центрирована на России, русской культуре, о ней можно говорить как о «Русской Евразии», понимая последнюю

как вмещённую в евразийский контур общественно-географическую проекцию «Русского мира».» (с. 40). Но кроме «Русской Евразии», в общем традиционной для «евразийства», А. Г. Дружинин видит существование «Большой Евразии». По его мнению, «формат Большой Евразии позволяет охватить и объединить как собственно евразийские…, так и иные территории, чьё влияние на евразийские процессы либо чрезвычайно существенно…, либо способно возрасти в перспективе» (с. 42). И далее: «В то время как «Русская Евразия» стягивается к границам Российской Федерации, «Большая Евразия», усложняясь, обретая всё новые и новые кросскультурные и трансграничные «скрепы», – устойчиво расширяется, последовательно приближаясь к контурам Евразии - материка» (с. 43).

Представители «консервативного» направления в России очень любят вспоминать про разнообразные «византийские уроки». Но главный «византийский урок», который почему-то не усваивается – это карты изменения территории Византийской империи с V до XV века. «Византийская Евразия», если можно так выразиться по аналогии с предлагаемыми А.Г. Дружининым понятиями, постоянно «стягивалась» к границам «Империи ромеев», сокращаясь вместе с ней, и, в конце концов, просто исчезла.

Последнее расширение пределов Российской империи приходится на 1895 год, когда к России отошёл Памир. На протяжении всего XX в. территория государства испытывала общую тенденцию к сокращению, хотя и с колебаниями. Византии тоже удавалось на какое-то время возвращать утраченные территории и даже потерянный было Константинополь, но её всё равно поглотила «Большая Евразия» в виде Османской империи. Важнейший ресурс развития любой геопространственной системы – это территория, и утрата даже малых её частей ради получения сиюминутных выгод всегда в конце концов оборачивается очень большими проблемами. Это очень хорошо осознаётся А.Г. Дружининым: «…Долгосрочная и устойчивая пролонгация существования русского этногенеза… немыслима вне реализации последовательной стратегии удержания территории…Возможностей для этого у России… в настоящий момент катастрофически мало.» (с. 104). И ещё резче та же мысль формулируется в завершении второй главы монографии: «…Мы как никогда ранее должны понимать значение для нашей страны её территории – обширной и разнородной, обретая способность по-настоящему ценить (и отстаивать) её целостность» (с. 134).

В качестве одной из таких возможностей автором рассматриваются практические аспекты реализации евразийской идеи. Приводя в качестве примера успешной реализации этой идеи Евразийский экономический союз (ЕАЭС), деятельность которого началась 1 января 2015 года, А.Г. Дружинин пишет: «… Сама евразийская идея (ранее почти маргинальная, зачастую воспринимавшаяся как «мнимость», культивируемая сравнительно немногочисленной группой интеллектуалов, десятилетиями пребывавшая на периферии научного, в том

числе и общественно-географического дискурса) – оказалась востребована, получила государственную поддержку, стала расширять своё присутствие в ментальном пространстве, обретать качество одного из базовых ориентиров геостратегии России» (с. 104). Но автор предостерегает против того, что новую «евразийскую идею» воспринимали и развивали как идею доминирования России на пространстве Евразии: «Ситуация в целом такова, что ныне Россия, к сожалению, уже не способна вернуть былые позиции общеевразийской геополитической, геоэкономической и геокультурной доминанты» (с. 112). Кроме этого, практические последствия реализации евразийских подходов пока что трудно назвать впечатляющими: «Конструкт ЕАЭС… маломощен…, охватывает лишь часть всей «палитры» евразийского пространства и, к тому же, весьма асимметричен и хрупок» (с. 129).

Особое внимание А. Г. Дружинин уделяет российско - турецким отношениям. Это вполне объяснимо с точки зрения социально-экономической (общественной) географии. Научный интерес к современной Турции в России невелик, представители российских общественных наук этой страной, как ни удивительно, почти не интересуются. Посещаемая миллионами граждан России страна, по уровню её изученности российской общественной географией – не то чтобы «терраинкогнита», но очень близкая к этому территория.

Однако общего между Россией и Турцией очень много. Обе страны – части ранее существовавших намного более обширных государственных образований. Обе страны находятся в поисках своего места в мире XXI века, причём в этих поисках буквально «мечутся» между Западом и Востоком, Европой и Азией. Много, естественно, и различий. Одно из главных – это «ментальное» определение места страны в культурно-историческом процессе. Нынешняя Российская Федерация позиционирует себя в качестве продолжения всех русских государств, существовавших с IX в. Для современной Турции более характерно восприятие своего государства как совершенно нового, возникшего на руинах Османской империи в 20-е годы XX века.

По утверждению А.Г. Дружинина, «Учёт … всех былых зон геополитического влияния России и Турции позволяет оценить масштаб их совместной ретроспективной «сферы интересов» в Евразии в 2,5 млн. кв. км» (с. 138). И далее: «Сложившаяся взаимозависимость экономик России и Турции – реальность постсоветской Евразии, один из важнейших её геоэкономических трендов» (с. 141). «Российско-турецкая» часть книги имеет преимущественно прикладной характер, давая очень большое количество полезной информации об особенностях связей между Россией и Турцией, а также восприятия этих связей жителями обеих стран (для России – её южных регионов).

Разбирая в заключительной части монографии различные сценарии позиционирования России в современном мире, А.Г. Дружинин утверждает, что «Порождая стратегическую неопределённость, современный глобальный кон-

текст всё ещё оставляет для России весьма широкий «коридор возможностей»; все они, так или иначе, связаны с «Евразией», с её многополюсной архитектоникой, с евразийским позиционированием нашей страны». И далее: «Высвечивая российскую специфику, очерчивая сферу … интересов Российской Федерации, … евразийская идея продолжает оставаться судьбоносной, магистральной, сверхактуальной для России» (с. 214).

В целом, труд А.Г. Дружинина можно оценить высоко, как очень интересный и весьма полезный и для географов, и для представителей других наук. Книга А. Г. Дружинина – пожалуй, первый крупный географический труд по евразийской проблематике, вышедший с начала XXI в. И в первую очередь следует отметить, что в этой книге коренным образом меняется отношение к изучению «евразийской проблемы» – не «Россия - Евразия», а «Россия в Евразии». Как отмечает автор, «…базирующееся на реалиях и образах прошлого упрощённое и прямолинейное пространственное отождествление Евразии и России оказывается всё менее корректным, рациональным, прагматичным, оправданным» (с. 80). И саму постановку «евразийской проблемы» именно таким образом можно считать главной заслугой А. Г. Дружинина.

ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

А. Г. Дружинин[1]

XVI КОНГРЕСС ГЕОГРАФОВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (26–28 апреля 2017 г., Ла-Пас, Боливия)

Изложены впечатления от участия в XVI конгрессе географов Латинской Америки (EGAL-2017).

Contained impressions from participation in the XVI Congress of Latin American geographers (EGAL-2017).

Ключевые слова: география, научный конгресс, Латинская Америка, Боливия.

Key words: geography, science, Latin America, Bolivia.

«Встречи» (Encuentros) географов Латинской Америки (EGAL) уже три десятилетия (начиная с 1987 г.) проходят регулярно (раз в два года) и являют собой ожидаемые, тщательно подготовленные, масштабные мероприятия, сполна демонстрирующие не только достижения национальных научных сообществ и школ, их исследовательские приоритеты, специфику, но и базирующееся на лингвистических (и шире – культурно-цивилизационных) основаниях единство профессиональной корпорации географов латиноамериканских стран. В этом (2017) году местом очередной «встречи» был избран Ла-Пас, Боливия; проходил «EGAL-2017» с 26 по 29 апреля; его регистрационный лист включал 1402 заявленных участника (из них лишь 6 – из Испании и по 1 – из Германии, Новой Зеландии, Польши, Португалии, России, США, Хорватии, Швейцарии).

Научная программа «Встречи» объединяла 535 докладов, структурированных на 12 тематических разделов: «История, теория и методология географии» (19 докладов); «Географическое образование (86 докладов)»; «Политическая география» (61 доклад); «Землеустройство, кадастр, государственное управление и устойчивое развития» (68 докладов); «Местное развитие, экономическая география, туризм» (55 докладов); «Физическая география, природные ресурсы, регулирование водопользования и охраняемые территории» (43 доклада); «Сельские территории» (48 докладов); «Метрополизация, городские системы и их динамика» (50 докладов); «Население, гендер и идентичность» (31 доклад); «Геоинформационные технологии, картография, ГИС, дистанционное зонирование» (39 докладов); «Устойчивость, управление рисками, вопросы окружа-

[1] **Дружинин Александр Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

ющей среды и климатических изменений» (63 доклада); «Латиноамериканская критическая география» (22 доклада).

Судя по обсуждаемой тематике, EGAL-2017 вновь продемонстрировал структурные приоритеты латиноамериканской географии: выраженное (практически двукратное) превалирование в ней обществоведческой составляющей, а также заметный интерес к вопросам географического образования, рационального природопользования, землеустройства, кадастра, современным технологиям ГИС-анализа и картографирования.

Структурно EGAL-2017 объединил традиционное для подобного рода мероприятий Торжественное открытие (с непременным выступлением должностных лиц, последующим концертом и коктейлем), пленарные заседания (Conferencias Magistrales), трёхдневную продолжительную работу тематических секций, Заключительное заседание, плавно перешедшее в Латиноамериканский праздник (Fiesta Latinoamericana). Предусмотрели организаторы и разнообразные экскурсии, позволившие участникам продолжить общение вне строгой канвы научных заседаний, познакомиться с Ла-Пасом, другими уголками Боливии, с очарованием ландшафтов и своеобразием социально-экономической повседневности этой далёкой от нас, россиян, «сердцевинной» для Латинской Америки, страны.

***

Для жителя России «боливийские впечатления» начинаются, прежде всего, с весьма продолжительных (в моей ситуации – 42 часа) авиаперелётов; при приближении к воздушной гавани Ла-Паса, аэродрому El Alto (находящемуся на высоте 4100 метров над у.м), высокогорье в полной мере проявило свой норов; как результат – наш борт почти 40 минут совершал многочисленные круги в ожидании завершения внезапно обрушившегося на взлётно-посадочную полосу сверхплотного микса снега с дождём.

Сам Ла-Пас (с его «спутником» – городом-миллионером El Alto, распластавшимся к западу по суровому, выровненному природой пространству Альтиплано) прибывшего сюда впервые «иноземца» – завораживает (несколько шокируя), приводит в восторг и, даже, требует существенного напряжения физических сил. Центральные (деловые, туристические, правительственные) микрорайоны этого крупнейшего «сгустка» населения Боливии (около 2,5 млн. человек, т.е. около четверти всех жителей страны) сконцентрированы непосредственно в «низине» кратера потухшего вулкана, однако – это тоже немалая высота (3600 м), а привыкание к ней усугубляется повсеместными крутыми уклонами проспектов. Отсюда, от сохранившихся (и, кстати, поддерживаемых в сравнительно хорошем состоянии) улочек с испанской колониальной архитектурой (рис. 1), от геометрически выверенных прямоугольников центральных площадей (рис. 2), от переполненных потоком автотранспорта (прежде всего т.н. «micros», вездесущих маршруток – основного «народного» средства перемещения) сверхзагазованных осевых магистралей (рис. 3, 4), от взметнув-

шихся (в бездонное, лишённое озона тёмно-синее небо) массивных соборов и плотно прижавшихся друг к другу современных «многоэтажек» (прибежища немногочисленного «среднего» класса) – дом за домом, квартал за кварталом «ползёт» вверх застройка («растекаясь» далее на многие километры по гребню кратера), сверхплотная (в целом – без зелёных зон, тротуаров), в первом приближении напоминающая небрежно сооружённые из дешёвого красного кирпича и взгромождённые друг на друга (до 5 этажей) сарайчики-гаражи (кстати, это доминирующий в агломерации тип строений – жильё для трудящихся, где, впрочем, имеется вода, электричество, канализация, а сами междомовые пространства, даже периферийные, – ночами хорошо освещены). Состоятельные горожане предпочитают селиться на меньших высотах, формируя социальные «оазисы» в районе Сопокачи (именно здесь проходили основные мероприятия «встречи географов» и в отелях размещалась большая часть её участников – рис. 5), а также в ещё более престижном, тёплом макрорайоне «Юг», где обрамлённые зеленью частные двух- трёхэтажные виллы соседствуют с тщательно огороженными от постороннего взгляда территориями посольств, включая и российское (кстати, удалось его посетить и услышать много интересного о стране, о современных российско-боливийских отношениях, за что я очень признателен нашему Консулу).

Рис. 1. Улица Хаэн (Calle Jaen)

Рис. 2. Площадь Мурильо (Plaza Murillo)

Рис. 3. Проспект Арсе – важнейшая транспортная «ось» Ла-Паса

Рис. 4. Большая площадь (Plaza Mayor)

Рис. 5. Респектабельный район Сопокачи (Sopocachi)

Яркие впечатления от боливийской столицы отлично дополнили две запоминающиеся поездки в места манящие, воистину уникальные. Первая, автобусная, организованная одной из местных турфирм специально для участников конгресса, была посвящена знакомству с самым большим по объёму пресной воды в Южной Америке озером Титикака (высота над уровнем моря – 3821 м, площадь – 8300 км^2), его многочисленными островами, прибрежными поселениями, живописнейшими окрестностями. Помимо соприкосновения с неповторимым природным объектом – обширнейшим массивом водной глади, переливающейся под плотными солнечными лучами, окаймлённой желтовато-зеленоватыми холмами, кажущейся предельно «приближенной» к небесной синеве и являющейся её частью, продолжением (рис. 6), – удалось воочию удостовериться в стремительном развитии «приозёрной» рекреации (в особой мере – в городке Копакабана, являющемся, к тому же, одним из наиболее значительных сакральных центров Латинской Америки, благодаря хранимой в течение четырёх столетий в местном соборе статуи Вирхен-де-ла-Канделария, покровительницы Боливии), активном дорожном (пока до 90 % всех автомагистралей страны – «грунтовки») и жилищном строительстве.

Рис. 6. У озера Титикака

Оказавшись в Боливии, посчитал невозможным не посетить и расположенный примерно в 500 км к югу от Ла-Паса (45 минут перелёта) всемирно знаменитый солончак Уюни (раскинувшийся на высоте 3650 м над уровнем

моря, занимающий площадь в 10,5 тыс. км^2, концентрирующий, по оценкам специалистов, до 10 млрд. тонн соли – рис. 7).

Рис. 7. На солончаке Уюни

Самое замечательное – неиссякаемый поток туристов практически со всех уголков мира, некий формируемый (на несколько часов) тщательно организуемый местными турагентствами «туристический интернационал» (в частности, в «джипе» вместе со мной оказались две пары из Бразилии и молодой человек из Ирландии); ну и, конечно же, неповторимое, навсегда остающееся в памяти ощущение счастья, высочайшего эмоционального и физического напряжения и понимания «мимолётности» происходящего…

Правила для авторов:

Статьи, направляемые для публикации, должны содержать наиболее существенные, завершённые и ранее не опубликованные результаты научных исследований.

Материалы предоставляются в редакционную коллегию в электронном виде. Объём статьи не должен превышать 35 тысяч знаков, включая пробелы (или 20 страниц текста, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5). К тексту прилагается информация об авторе (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, почтовый и электронный адрес). В статьях перед текстом помещается (на русском и английском языках): инициалы и фамилия автора(ов), название статьи, аннотация (не более 500 знаков с пробелами), а также ключевые слова. Статьи должны быть снабжены индексом УДК. Использованная литература размещается в конце статьи в виде пронумерованного списка; нумерация – в порядке её упоминания в тексте; номера источников в тексте – в квадратных скобках. Сокращения (кроме общепринятых) не допускаются. Иллюстрации предоставляются как в основном тексте, так и в дополнительных файлах (картосхемы и картограммы – в черно-белом изображении в формате JPG, графики и диаграммы – Excel). Материалы просьба высылать по адресу vestnikargo@yandex.ru